

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРЬБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УВОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Александр ВОЛКОВИЧ
Житная Баба.
Повесть 22
- Андрей ФЕДАРЕНКО
Алеся. Рассказ 80
- Ольга ЕРЫШЕВА
Чужая жизнь.
Рассказы 93
- Сергей ТРАХИМЁНОК
Игла в квадрате. Рассказы 105
- Георгий МАРЧУК
Письма к любимой. 119
- Леонид ЛЕВАНОВИЧ
Век. Рассказ 130

Поэзия

- Геннадий ПАШКОВ
Для тех, кто сердцем
ощущает сердце 76
- Анатолий АВРУТИН
Ни судьбы, ни грядущего
больше не жаль 89
- Михаил ПОЗДНЯКОВ
Сын синеокой Беларуси 102
- Микола МЕТЛИЦКИЙ
Грустный бродяга 116
- Поэтическая мозаика 125
- Наталья ИЛЬЮШИНА
Розы из снега 134
- Владимир АНДРЕЕВ
Вкус моего времени 142

Парнас смеётся

- Владимир ЛИПСКИЙ
Автюковские потешки 137

Память

- Сергей КУНЯЕВ
"Ты, жгучий
отпрыск Аввакума..." 147

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Обзоры и публицистика

Григорий РАПОТА
Дорогие читатели журнала 21

Чеслав КИРВЕЛЬ
Прорыв к духовно-экологической
цивилизации 187

Олег ПРОЛЕСКОВСКИЙ,
Лев КРИШТАПОВИЧ
Союзное государство —
гарант независимости 211

Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО
На земле Лукашенко 216

Яков АЛЕКСЕЙЧИК
Ошибка императора 223

Вячеслав ШТЫРОВ
Как нам обустроить
Дальний Восток 247

Георгий ЦАГОЛОВ
Возможна ли “зелёная”
революция в России? 259

Михаил ЛЕМЕШЕВ
Выигранная патриотами
битва 268

Критика

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ
От Бреста — до Барановичей:
адреса русской литературы
в Беларуси 273

Эхо юбилея

Поздравления Ст. КУНЯЕВА
с 80-летием 3

Над миром
и временем власть 18

Содержание за 2012 год 282

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 04.12.12. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 5685. Тираж 9000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru
e-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ЭТО ЮБИЛЕЯ

В редакцию приходят многочисленные поздравления с 80-летним юбилеем главного редактора журнала Станислава Юрьевича КУНЯЕВА. Пишут со всех концов России, из братской Беларуси, из Абхазии — политики, пастыри Церкви, литераторы, читатели. Публикуем часть поздравлений.

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Примите искренние поздравления с 80-летием.

Ваше творчество стало неотъемлемой частью отечественной литературы. Благодаря Вашим переводам русскоязычный читатель получил возможность ближе познакомиться с поэзией народов нашей страны.

Возглавляемый Вами журнал в течение двух десятилетий остаётся знакомым явлением нашей культуры. Вы всегда живо откликнулись на все социальные изменения, происходившие в России.

Отрадно, что в своём служении слову Вы неизменно поддерживали Русскую Православную Церковь, стремились хранить верность евангельской правде, утверждать в сознании Ваших многочисленных читателей высокие христианские идеалы.

Желаю Вам крепкого здоровья, новых творческих свершений, радости и помощи Божией в трудах.

С уважением,

Кирилл,
Патриарх Московский и Всея Руси

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Примите мои поздравления с 80-летием со дня рождения.

Посвятив свою жизнь служению Слову, Вы внесли неоценимый вклад в развитие великой русской литературы, воспитание многих поколений читателей в духе любви к Отечеству и приверженности высоким нравственным принципам. Ваше творчество и общественная деятельность — пример того, что в наше время настоящий поэт должен быть прежде всего гражданином, готовым отстаивать свои убеждения, бороться за идеалы патриотизма, чести и добра.

На белорусской земле Вас знают и любят как прекрасного мастера пера, давнего, искреннего и верного друга, немало сделавшего для укрепления братства Беларуси и России, развития творческих связей между писателями наших стран.

Желаю Вам крепкого здоровья, долгих и плодотворных лет жизни, неиссякаемого вдохновения, успехов, счастья и благополучия.

Президент Республики Беларусь
Александр Лукашенко

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Примите поздравления с 80-летним юбилеем.

Вас знают как яркого, талантливого писателя, признанного мастера. Все Ваши произведения проникнуты искренней любовью к людям, к родной земле, её истории и традициям. Эти книги, по праву ставшие классикой отечественной литературы, отражают Вашу жизненную, гражданскую, патриотическую позицию и высоко оценены читателями. Самого глубокого уважения заслуживает и значимая общественная деятельность, которой Вы уделяете неустанное внимание, забота о сохранении и популяризации богатейшего культурного, духовного наследия нашей страны.

Желаю Вам здоровья, благополучия и всего самого доброго.

Руководитель Администрации
Президента Российской Федерации
С. Иванов

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

“И вечный бой! Покой нам только снится!” – мне кажется, к Вам, как ни к кому другому, имеют прямое отношение эти строчки Александра Блока. И я пользуюсь случаем, чтобы в день Вашего замечательного юбилея выразить своё глубочайшее уважение Вашему яркому таланту, боевому характеру, огромной гражданской ответственности и рыцарской преданности отечественной литературе и истории.

Истинный русский интеллигент, потомок земских врачей и сын солдата Великой Отечественной войны, погибшего в блокадном Ленинграде, выдающийся поэт, публицист и критик, лауреат Государственной премии РСФСР, Вы не отреклись ни от одной страницы нашей общей истории, а в самые трудные годы новой российской смуты встали на защиту чести и достоинства советской культуры, истории страны, её армии и нашей Победы.

Есть имена в культуре, которые освещают, как маяки, целые эпохи. Вы – один из ярких представителей выдающейся плеяды писателей-патриотов, которые ещё в период либеральной оттепели прошлого века возвысили свой голос в защиту русской классики и самого понятия – русский.

Вы талантливо и с любовью переводили поэзию народов советских республик, на деле воплощая высокую идею всемирной отзывчивости.

В условиях, практически невыносимых для жизни и деятельности русских изданий, Вы возглавили, без преувеличения, главный литературный журнал “Наш современник”, собрав в нём и вокруг него круг талантливых и верных России и литературному делу авторов. Вы сделали его на рубеже тревожных веков настоящим окном в Русский мир.

С неподражаемым молодым задором и отвагой, с неизменной верой в правое дело Вы, Станислав Юрьевич, вели и продолжаете вести свой самый главный бой – с клеветниками России.

Ваши книги о Сергее Есенине, поэтах есенинского круга, мемуары и убедительные исторические изыскания сразу становились событиями литературной и общественной жизни.

Россия ждёт Вашего слова, читает Вас и верит Вам. Это ли не высшая награда Народному писателю!

Уважаемый Станислав Юрьевич, Вы были и остаётесь нашим верным другом и соратником все годы становления и борьбы Коммунистической партии Российской Федерации, и мы с гордостью называем Вас самым высоким именем – наш товарищ.

Долгих лет жизни, взлётов вдохновения, новых книг и крепкого здоровья Вам, дорогой друг!

С верой в победу!

Председатель ЦК КПРФ
Г. А. Зюганов

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

В каждом времени есть люди, благодаря которым та или иная нация помнит о своём достоинстве, своих корнях и своём предназначении. Эти люди возвышают свою нацию, не унижая другие, обращаются к тому лучшему, что есть в каждом человеке, и оттого становятся опорой материка, имя которого – Народ.

Особенно нужны такие люди в Смутное время, когда рушатся и вековые скрепы, объединяющие нации в народ, и даже сами вечные ценности.

Возглавив 23 года назад журнал “Наш современник”, Вы оказались, как говорят в таких случаях, в нужное время на нужном месте. Уже будучи широко известным поэтом и ярким публицистом, Вы взяли за дело, которое потребовало и больших организаторских способностей, и мастерства литературного воспитателя, и немало личного мужества.

Время показало, что всё это у Вас есть. А ещё есть страстная любовь к нашему Отечеству, к русской литературе и культуре, к Великому нашему народу. Вы не только побили рекорды долгожительства на редакторском посту, ибо никто, начиная с 20-х годов ушедшего века и по нынешний день, не возглавлял столько времени крупный литературный журнал, да ещё в переломную эпоху, но и сумели сделать “Наш современник” идейно-нравственным утёсом, надёжно противостоящим, говоря словами классика, свинцовым мерзостям жизни.

При этом не оставляли и собственного творчества. Написанная Вами вместе с сыном Сергеем книга о Есенине выдержала несколько изданий, трёхтомник “Поэзия. Судьба. Россия” стал публицистическим зеркалом нашего общества на протяжении нескольких десятилетий, сборник с красноречивым названием “Стас уполномочен заявить...” и другие Ваши книги знают сотни тысяч российских читателей.

Литературный прожектор “Нашего современника” высвечивает не только прошлое и настоящее. Он нацелен в будущее. Тем, что открывает и поддерживает молодых литераторов, развенчивает фальшивые духовные ценности нынешней масс-культуры, утверждает идеалы, достойные подражания.

И когда видишь всё это на страницах журнала, трудно поверить, что капитану столь могучего литературного корабля исполнилось 80 лет. А это значит, что годы проходят достойно и есть ещё порох в пороховницах.

С юбилеем Вас, Станислав Юрьевич!

Заместитель Председателя
Совета Федерации
В. А. Штыров

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Примите мои самые искренние поздравления по случаю Вашего восьмидесятилетия!

Для многих поколений россиян Ваше имя стало синонимом настоящей литературы, образцом верности принципам и подлинного патриотизма. Ваш многогранный талант писателя, публициста, поэта, критика уже стал достоянием культурного богатства России, и я очень надеюсь, что все мы ещё станем свидетелями появления Ваших новых ярких работ. От души желаю Вам здоровья, творческих удач и всего самого доброго. Примите мои наилучшие пожелания и всем Вашим близким.

Заместитель Председателя Государственной Думы,
Председатель партии “Справедливая Россия”
Н. В. Левичев

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Примите сердечные поздравления с юбилеем! Белгородцы знают Вас как талантливого писателя и просветителя. Ваш незаурядный дар многогранен, а широта интересов масштабна. Патриотизм является нравственной доминантой Вашего творчества. О судьбе России, её многострадальном народе Вы всегда пишете с теплотой и любовью, заботой и болью.

Ваша биография тесно переплелась с бурной историей Родины, и Вы с честью прошли этот сложный путь, сохранив на всех поворотах судьбы своё лицо, уважение коллег и любовь читателей.

От всей души желаем Вам неиссякаемого творческого вдохновения, смелых новаторских проектов и успехов в их воплощении, крепкого здоровья, благополучия и счастья.

Губернатор Белгородской области
Е. С. Савченко

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

От всей души поздравляю Вас с 80-летним юбилеем!

Талантливый писатель, публицист, творчески одарённый человек, Вы посвятили свою жизнь литературе и внесли большой личный вклад в развитие отечественной культуры.

Организаторские способности, большой журналистский стаж и опыт публициста позволяют вам успешно возглавлять журнал «Наш современник».

Под Вашим чутким руководством коллективу популярного издания удалось найти свой творческий стиль, который отличается интересной подачей информации, знакомит читателей с философией, историей нашей страны, раскрывает широкий спектр взглядов авторов на прошлое, настоящее и будущее России.

В этот праздничный для Вас день примите тёплые пожелания крепкого здоровья, счастья, благополучия, вдохновения, удачи в осуществлении всех планов и замыслов. Всего самого доброго Вам и Вашим близким людям!

С уважением,

Губернатор Кемеровской области
А. Тулеев

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Примите мои искренние поздравления с 80-летием! Вы известны как замечательный поэт, яркий публицист, глубоко и остро переживающий за судьбу родной страны. Ваш талант организатора и литературного деятеля в полной мере реализовался на посту главного редактора журнала «Наш современник», который сегодня является одним из наиболее заметных литературно-художественных периодических изданий России. От души желаю Вам больших успехов в Вашей деятельности, крепкого здоровья, счастья и благополучия.

Губернатор Калужской области
Анатолий Артамонов

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Примите мои самые тёплые и искренние поздравления с 80-летним юбилеем!

Ваш неутомимый творческий труд, незаурядный талант поэта-публициста, огромная энергия, дар руководителя и организатора вызывают глубокое

уважение у всех, кому довелось работать и общаться с Вами. На Ваших стихах выросло не одно поколение наших граждан. Убеждён, что Ваше творчество и в последующие годы будет способствовать созиданию духовно сильных и нравственно здоровых людей – будущего Российского государства.

Возглавляемый Вами журнал – это трибуна виднейших политиков патристического направления, его отличительной особенностью является широчайший охват жизни современной России.

Я искренне ценю тот высокий уровень отношений, который в течение многих лет существует между нами.

Сердечно, от всей души желаю Вам и Вашим близким доброго здоровья, счастья, благополучия, оптимизма на многие годы, дальнейших успехов в Вашей благородной деятельности во имя процветания отечества.

С уважением,

член Совета Федерации
Н. И. Рыжков

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Сердечно поздравляю Вас с юбилеем!

Ваше творчество поэта, публициста и литературного критика, Ваша всегда активная и бесстрашная гражданская позиция оказали на русских людей, в том числе и на меня, глубочайшее влияние. Ваши человеческие качества самой высокой пробы всегда вызывали чувство любви, глубочайшего уважения и восхищения. Как гражданин и человек Вы всегда делали всё возможное и даже невозможное для того, чтобы в мире осталась Россия, остался русский язык, осталась наша сила, остались наши святыни. Благодарен судьбе за то, что могу считать Вас не просто хорошо знакомым мне человеком, но и соратником, товарищем, другом.

Крепкого Вам здоровья, новых творческих находок и всего самого доброго. С уважением,

Депутат Государственной Думы
Анатолий Грешневиков

* * *

Куняев – мессианский человек. Он – весталка, охраняющая священный огонь Победы сорок пятого года, этой грандиозной вспышки, осветившей всё мироздание, озарившей пути человечества на сотни веков вперёд. В этом грандиозном тигле, среди непомерных температур и давлений, возник драгоценный слиток русского и советского. Советское предстало как продолжение неиссякаемого русского. Белые и красные энергии, доселе враждовавшие и сражавшиеся, теперь, окропленные кровью, предстали как нераздельные. Победа сковала разорванную цепь времён. Победа одухотворила небывалую культуру, в которой русское чаяние рая, одоление зла, русское, страстное до безумия, взыскание справедливости получило прямой выход в космос. Православно-религиозное и советско-космическое обнаружили своё глубинное сходство.

В Куняеве, в его любящем, мятежном, ищущем сердце, произошёл этот потрясающий синтез, и он несёт в себе это чудо по сей день, сберегая его среди всех бед и напастей. Он всю жизнь сражался с той могучей и страшной силой, которая напала на Россию в начале века и стремилась превратить её в красную Иудею.

Стасик, ты помнишь, как в Доме литераторов после эпохального вечера “Классика и мы” ты подсел за мой столик, утомлённый и огорчённый, весь утыканный стрелами, с пробитым щитом и помятым шлемом? И я, не участвуя в этой схватке, самонадеянно сказал: “Мы пойдём иным путём”.

Помнишь, как в Риме мы ходили с тобой вокруг Колизея, и ты проповедовал русскую идею, клялся в любви к священным камням Европы? И на этих кругах у римских развалин мы повторяли извечные круги русской исторической мысли. И неясно было, кто из нас Тургенев, а кто — Достоевский, кто — Владимир Соловьёв, а кто — Данилевский.

Когда в девяносто первом выродившиеся потомки красных иудеев восстали во всей своей страшной разрушительной силе и опрокинули государство, ты сражался среди обломков империи, бился за каждую улицу, каждый дом, не уступая врагу этих драгоценных развалин. Сколько прекрасных и благородных воинов сражалось вместе с нами в те дни! Вечера “Нашего современника” и газеты “День” превращались в светоносные ристалища, на которые сходились рыцари русского сопротивления. Какие философы, поэты, мудрецы! Какая прекрасная и гордая мысль!

Наши товарищи исчезали один за другим. Одни умирали в борьбе от разрыва души и сердца, другие утомлялись и гасли, покидая сражение, третьи, и их было немного, перебегали к врагу. Ты шёл упрямо, оставаясь почти в одиночестве, перебрывая чёрное слепое болото, держа над головой простой деревенский фонарь. За тобой шёл народ, шла паства, ступая туда, где в липкое месиво опускалась твоя нога. Ты вёл свой народ через чёрную пустыню девяностых. Ты, русский Моисей, выводил свой народ из жестокого плена, где осквернились русские святые хоругви, забрасывалась грязью рубиновая звезда Победы, где клубились нетопыри и драконы, жалили и язвили тебя.

Ты помнишь, как на Тверской мы пробивали своими головами железные цепи солдат? Помнишь, как в твоей нижегородской фамильной усадьбе, среди вечерних морозных сосен, на камушках Серафима Саровского, мы зажигали тонкую свечку, и она то гасла в ледяном сквозняке, то вновь чудесно разгоралась, окружённая твоими ладонями. Какое величие было в твоём переходе через это “Чёрное море”! Никто не скажет, в какой неопалимой купине являлся тебе Господь.

“Доспех тяжёл, как перед боем. Теперь твой час настал. — Молись”. “Если крикнет рать святая: “Кинь ты Русь, живи в раю!” “В рабском виде Царь небесный Исходил, благословляя”. “Артиллеристы, Сталин, дал приказ!” Так звучали в те годы твои молитвы, за которыми шёл, утопая в грязном болоте, многострадальный народ. Молитвы, от которых в ужасе отлетали прочь болотные “змеи и гады”.

Ты перешёл это чёрное болото и перевёл свой народ, стопа твоя ощутила твердь. Ещё далеко до светлых лугов и благоухающих лесов. Ещё плещется под ногами мутная жижа. Ещё кусают тебя жуки-плавунцы и пиявицы, но мы выбрадем на сушу, и впереди начинает светать. И в этой первой заре брезжат новые русские светочи, звучат молодые голоса, доносятся удалые песни.

Ты выполнил свою миссию, брат Станислав. Ты перенёс через пропасть заветную скрижаль, из кромешного боя вынес на груди знамя полка. Твой простой деревенский фонарь с закопченными стёклами вдруг вспыхнет и превратится в чудесную звезду Русской Победы.

Я когда-то сказал тебе в моём неведении и гордыне, что “мы пойдём иным путём”. Но нет иного пути, кроме пути крестного. И ржавый гвоздь, который вбили в твою ладонь палачи, Станислав, превратится в благоухающую алую розу.

Александр Проханов

* * *

Станислав Куняев стал поэтом двух веков и двух систем, которые, казалось, исключают друг друга. В этом противостоянии Станислав выбрал свою линию, он не приспособлялся, а действовал поверх идеологических схем, как бы поверх партийных пристрастий — словом и делом. Ведь в обществе то были люди, у которых надо было смягчить сердца и души, а заодно и укрепить их.

Прошли годы, поэт вырос, мудрел, и мир уже не казался таким одноцветным и светлым. В мире наступивших воинственных технологий, требующих выбирать между разумом и сердцем, Станислав твердо выбрал сердце. Куняев в свои 80 лет лихо, совершенно по-молодецки ведет себя, как будто ему 20.

Конечно, главное – это стихи, книги. Разве можно, с удовлетворением и радостью читать “Поэзию. Судьбу. Россию”, не чувствовать бьющийся нерв эпохи. А выдержавший много изданий “Сергей Есенин”, написанный с Сергеем Куняевым (сыном), талантливейшим критиком и исследователем эпохи начала XX века. И уже приходится подписываться “Ст. Куняев”, чтобы не спутали с Сергеем Куняевым. Но это, наверное, только вызывает радость у отца.

Ну а разве его “Холокост” не удаляя перчатка, брошенная авторам и творцам мифов и легенд, глубоко презирающим народные жертвы Второй мировой войны. Сегодня ясно, что Станислав в этой книге правдив и объективен, испытывая такую же ненависть к фашизму, как и его безропотные и незащитные жертвы.

Михаил Шолохов, когда я был у него в Вешенской, сказал: “С врагами надо уметь бороться, мы не антисемиты, это они русофобы. Мы свои жертвы из числа мирных жителей (а их не менее 16 миллионов) поставили в разряд героев борьбы с фашизмом, а евреи в разряд жертв. Европа не хочет признавать наших героев, ведь это неслыханный геноцид, и тогда надо сочувствовать (мы не говорим, выплачивать компенсацию), а жертвы она готова признать. А сочувствие 16–17 миллионам русских, украинцев, белорусов – это уже для них слишком”.

Куняеву было не все равно, когда он писал и печатал в журнале книгу о Холокосте, он просто хотел правды и хотел, чтобы ко всем жертвам войны относились хотя бы одинаково – с поклоном и почтением.

И все-таки самой большой заслугой Станислава Куняева перед отечественной и, в первую очередь, русской литературой было служение в журнале “Наш современник”. После ухода А. Никонова из “Молодой гвардии”, М. Алексеева из “Москвы”, С. Викулова из “Нашего современника” казалось, что русское литературное дело обезглавлено. И вот тут-то выдающуюся роль сыграл Станислав Куняев. Он бесстрашно повел журнал по волнам литературного моря.

“Наш современник” при нем предоставил свои полосы лучшим прозаикам и поэтам России. Это В. Белов и В. Распутин, Л. Леонов и В. Карпов, Ю. Бондарев и П. Проскурин, М. Алексеев и В. Потанин, В. Солоухин и В. Костров, Д. Балашов и Н. Матвеева, Г. Горбовский и Г. Иванов, Ю. Ложиц и В. Лихоносов, а наряду с ними более молодые А. Сегень и С. Сырнева, В. Молчанов и В. Смирнов. А рядом – блистательный отряд публицистов, критиков, философов, мастеров любознательности: А. Казинцев и С. Кара-Мурза, А. Фурсов и К. Мяло, И. Дронов и А. Убогий, Сергей Куняев и С. Небольсин, С. Бабурин и Н. Нарочницкая, Н. Рыжков и Г. Зюганов и десятки других, выводящих страну из мыслительного либерального тупика.

Стратегический журнал – так называемый мы его в Союзе писателей, и на мостике стоит Станислав Юрьевич Куняев.

Валерий Ганичев

ПОЭЗИЯ. СУДЬБА. РОССИЯ. МОЛОДОСТЬ

Помню, когда я прочёл первые два тома книги “Поэзия. Судьба. Россия”, Станислав Куняев подействовал столь же оглушительно, как действовали в детстве Киплинг или, скажем, Гиляровский – цепенящая смесь удивления и очарования и безусловное желание переместиться в авторский мир, побыть там и пригодиться...

Дело не только в том, что мы имеем дело с одним из сильнейших поэтов второй половины прошлого века, и с редактором, в 90-е аккумулировавшим в журнале “Наш современник” всю сильнейшую политическую мысль России (в “НС”, между прочим, было описано и предсказано всё то, до чего общество еле-еле добредает только теперь, двадцать лет спустя).

Дело, говорю, не в этом. Сама книга “Поэзия. Судьба. Россия” является уникальным документом, помогающим понять, что являла собой культурная жизнь со всеми её схватками и драками на исходе Советской власти и в постсоветские годы.

Кроме того, это замечательно написано: яростно, с цепляющей откровенностью. Хоть ты двести раз не разделяешь (я-то разделяю) куняевских взглядов – а оценить страсть и силу этого человека стоило бы.

К тому же, в Куняеве очевидно начало вовсе не подпольное, психически нездоровое, с душком – как у многих русских “правых”, – но, напротив, гусарское, лихое, что называется, с открытым забралом.

И потом, давайте начистоту. Мемуаров и свидетельств противоположного толка – тонны, ими заполнены все остальные “толстые” журналы, по этим мемуарам делают бесконечные телепрограммы, спектакли и радиопостановки. Пусть нас не обманывает квазивразийская риторика нынешней власти – мы живём в мире победившего либерализма. Странно, всё-таки, а? – совсем не либеральная страна с утра до вечера смотрит на либералов, слушает либералов и читает либералов.

В этом смысле Куняев хоть как-то уравнивает сложившуюся ситуацию.

Собственно, он сам в предисловии к своему огромному труду пишет, что, в отличие от либеральных деятелей, “почвенники” отчего-то никогда не пишут воспоминаний – мемуарного наследия нет ни у Шукшина, ни у Абрамова, отсутствует всякая надежда, что напишут мемуары Бондарев, Белов или Распутин.

Но кто-то из них должен был рассказать, как всё происходило на самом деле.

О Куняеве умалчивают ещё и потому, что он очень часто бывает беспримерно убедителен. Что хотите со мной делайте, но куняевские портреты Евтушенко и Астафьева очень похожи на правду.

Станислав Юрьевич вообще очень въедливый. То, что он говорит, к примеру, о русско-польских отношениях (глава из мемуаров “Шляхта и мы” выходила потом отдельным, расширенным изданием, очень рекомендую) – ну, это ж хоть и обидный, но диагноз.

Не нравится диагноз – собирайте консилиум и давайте обсуждать.

Однако спорить с Куняевым мало кто хочет. Боятся! Он же прост и нагляден в своих доводах, как таблица умножения.

Ну, тогда история рассудит, раз никто сегодня судиться не желает.

Мне, как книголюбу и книгочёту, так хотелось бы, чтоб “Поэзия. Судьба. Россия” была опубликована в одном – огромном, пышном, душистом – томе!

Это так нужно нынешним молодым – той самой взрослеющей интеллигенции, которая удивительным образом, спустя двадцать чудовищных лет, начала “леветь” и “праветь” – то есть развиваться во все стороны, лишь бы подальше от этого либерального квазицентрализма, от этого морока.

Спросил как-то у Станислава Юрьевича: а давайте сделаем в одном томе ваш труд, издадим с фотографиями, чудо будет, а не книга, он ответил со спокойной и чуть озорной улыбкой: “Только после моей смерти”.

Нет уж, позвольте.

Это, Станислав Юрьевич, натуральное вредительство, вот что я вам скажу.

Давайте вы ещё раз подумаете на эту тему, а пока я продолжу...

Мы встречались с Куняевым дважды или, кажется, трижды.

Всякий раз поражала молодость этого человека.

Такие стремительные движения, такая ловкая реакция, такой лёгкий и молодой юмор.

Сначала показалось странным, что он не пишет больше стихов – как же не писать, если очевидна и почти слышна кипящая, горячая, юная кровь в этом красивом человеке!

Но потом я подумал и понял: оттого и не пишет, что разум молодой – а только здравый и быстрый ум может твёрдо сказать себе: не надо, смолчи, ты всё сказал уже.

На фоне многих и многих, которым стоило бы давно замолчать, а они всё рифмуют – Станислав Куняев в который раз смотрится выигранно, победительно, уверенно.

Может быть, Куняев не знает об этом – но он один из немногих людей, воспитавших меня – словом и делом.

Может, он скажет, что ему даром не нужны такие многочисленные самозванные сыновья — но куда ж нам теперь деться. Стоим, смотрим, слушаем, ждём, что скажет наш молодой учитель.

Недавно мне пришла книга в подарок — от него, от самого Куняева.

Он пишет на форзаце: "...говорю Вам: вот моя рука. Рад, что Вы человек, способный на поступки. Это в наше время дорогого стоит".

Станислав Юрьевич, отвечу. Если и способный на поступки, то могу сказать вам по секрету, кто меня этому научил.

Впрочем, вы и сами знаете.

... вот Вам моя ладонь — и жму вашу мужественную руку.

Захар Прилепин

* * *

Вы можете вспомнить хоть один случай, когда Станислав Куняев произносил слово, а потом от него отказывался, совершал в литературе поступок, а спустя краткий срок от поступка прилюдно отрекался? Я не могу вспомнить. Такого за ним не водилось.

Нет же, он никогда не отмалчивается, если слышит чью-то брань, обвинения или попреки по поводу сказанного им. Какой прекрасный образец поведения для каждого, кто начинает свой путь в литературе!

Образец тем более цельный, незамутнённый временем, что это куняевское "юности честное зеркало" впервые обозначило своё присутствие в поэзии ещё в шестидесятые годы, когда бравые выходки верховодов литературной молодёжи то и дело чередовались с их же письменными "простите, я больше так не буду..."

Но то были ещё цветочки. Пришла пора и для великих обманов, откровенных предательств, соблазнительного переметничества. Ладно бы эти судороги зацепили одну лишь писательскую братию, ещё недавно глядевшуюся бравым монолитом. Не жалко, в конце концов. Нет, вся страна была сбита со своих бытийных опор, перекорёжена вдоль и поперек, услышала о себе грязные хулы, оскорбительные обвинения в извечной несостоятельности.

Как же ободрял и по сей день ободряет всех, кто не поддался искушениям, звонкий, мужественный голос Станислава Куняева! Он у нас не просто один из отважнейших. Он по мощи своего полемического дара единственный в своём роде. Меня неизменно восхищает его верность раз и навсегда принятым юношеским обетам отваги и чести.

Юрий Лощиц

* * *

Выдающийся поэт, смелый мыслитель-историк, редактор, многие годы возглавляющий одно из главных патриотических изданий России, острый и отважный публицист, не страшщийся никаких ударов со стороны недоброжелателей... Всё это — первое, что приходит в голову каждому, кто знает Станислава Юрьевича Куняева, но в моём сознании он прежде всего — джеклендовский персонаж, один из тех, кому всегда нужно доказывать своё право на мужское, а значит — мужественное существование в мире.

Много лет мы работали с ним бок о бок в редакции "Нашего современника", и я видел, как он живёт, горит, дышит журналом, мечтает о том, чтобы всё больше читателей осваивало просторы современниковских страниц, тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч подписчиков всегда мерещились ему. Чтобы Россия воспряла ото сна и на обломках чужеродного самовластья написала наши имена.

Но была всегда при нём и другая мечта — скорее бы подошло время отпуска, чтобы вертолёт запустил его в северную глухомань, на берега реки Мегры, где он чаще всего куковал один, охотился, рыбачил, питался тем, что наловит или подстрелит, где можно было по-настоящему, а не по-дачному остаться наедине с природой. Мы, его сотрудники, от души радовались за не-

го всякий раз, когда эта ежегодная мечта о Мегре сбывалась, говорили: “Куняев мегрировал” или “Отправился в меграцию”. Из “меграции” он возвращался с настоящей сёмгой, вольно и радостно возросшей на русском Севере, в чистой воде, а не выращенной в норвежских рыбных заводах. И мы садились лакомиться этим натурпродуктом, запивая его водочкой и слушая нескончаемые истории о том, что происходило во время “меграции”.

Джеклондоновское стремление быть первым в мужском споре отражено и в его поэзии, мускулистой и кулакастой; хотя так часто за бойцом и добытчиком в его стихах просматривается тонкий и нежный лирик. “Добро должно быть с кулаками”, – эту фразу, брошенную Светловым, Куняев обыграл в своём стихотворении и стал её владельцем. У него самого кулак всегда был готов драться за честь и справедливость.

Но если внимательно перечитать то, что написано им в стихах, то поразишься, насколько больше там грустных, ласковых, ранимых стихов, нежели бойцовских.

То же и в его публицистике, где впереди “буря и натиск”, а на заднем плане – откровенная грусть о том, что враги коварны, что невозможно перевоспитать на русский манер русского дурака с вывихнутыми мозгами, что о поляках и евреях, американцах и европейцах приходится говорить, мягко говоря, не только приятные вещи.

Но что бы там ни было в глубине его доброй души, снаружи и в деле Куняев всегда оставался и остаётся бойцом. Таким его знаем мы и вся Россия.

Однажды, подписывая мне свою книгу, Станислав Юрьевич широким жестом черкнул авторучкой: “Александру Сегеню, моему почти что сыну. . .” Я хочу от всего сердца пожелать своему “почти что отцу”, чтобы, перешагнув восьмидесятилетний юбилей, он оставался таким же стойким!

Александр Сегень

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич! Прими самые душевные поздравления с таким серьёзным юбилеем! Не перечисляя твоих многолетних заслуг и духовных побед – которым несть числа, – я обращаю своё собственное сознание к твоим, ныне редким, достоинствам. Это прямота, честность взглядов, твёрдость убеждений и мужество, очень часто соседствующее с бесстрашием и самоотверженностью. Невольно для самих себя, мы оказались в мире, где надо оглядываться, себя окорачивать, да и глаза порой отворачивать. А ведь это стыдно! Ты не прямолинеен в своём протесте, а глубоко знающ, академически обоснован, прям и правдив. Короче – очень неудобен. Что же касается мира, так сказать, духовного – но именно, “так сказать”, – то ты, отвергая любую липу казуистики, режешь правду-матку, так неудобную для оравы лжецов, многие из которых лгут непросвещённо, веруя, что сойдёт, и им-то поверят! Словом, Станислав, поначалу, может, ты и был лишь занозой для клеветников России. Теперь ты один – серьёзный научный институт, “срубивший” нижний, основной, фундаментальный венец Русской патриотики, на котором можно возводить всё остальное – стены, крышу и всё другое. Но сколько же ещё работы впереди! Храни тебя, Господь, и дай тебе здоровья и сил в благом деле, которому ты служишь всю свою жизнь, являя пример высокий и отважный.

Альберт Лиханов

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Поздравляем Вас с замечательной датой – Вашим восьмидесятилетием!

Вы давно уже стали для всех верных русских образцом героя-подвижника в борьбе за высокие идеалы и цели нашего народа. С неугасающей энергией, бесстрашием и страстным правдоискательством Вы исполняете свой

гражданский и художественный долг. Ваши книги — и особенно одна из недавних “Жрецы и жертвы холокоста” — стали настольными для русских патриотов. Ваш — на удивление — невероятно многообразный и плодотворный творческий труд достоин восхищения. Вашу роль в пробуждении и воспитании национального, исторического и эстетического самосознания народа невозможно переоценить.

Вы смогли реализовать едва ли не все, что дано Вам от Бога, подтвердили и оправдали свое Призвание. Мы гордимся Вами. И желаем здравствовать еще многая и многая лета, все так же оставаться правофланговым в боевом строю Русской Литературной Гвардии. Надеемся и ждем Ваших новых творческих достижений и побед в Святой войне за освобождение нашей России от ее врагов!

Профессор **Марк Любомудров**, профессор **Игорь Фроянов**,
профессор **Юрий Савельев**, профессор, полковник **Олег Каратаев**
г. Санкт-Петербург

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Примите самые искренние поздравления с Вашим замечательным юбилеем — 80-летием со дня рождения! Вся Ваша деятельность отличается духом служения и верности русскому народу, вдохновляет наших современников и потомков на жизнь, наполненную красотой, правдой, созиданием и честью.

Кланяемся низко и за руководимый Вами лучший литературный журнал России “Наш современник”, чьими подписчиками, авторами и добровольными помощниками являемся уже много лет, и со своей стороны заверяем Вас в том, что останемся ими при любых обстоятельствах.

Здоровья, дорогой Станислав Юрьевич, и Божьей помощи во все дни жизни! Пусть расцветает Ваше вдохновение новым небесным свечением! Вдохновения и новых сил в борьбе за русское дело!

Всегда с Вами —

Председатель Общественного благотворительного фонда
“Возрождение Тобольска” **А. Г. Елфимов** (Тобольск);
Главный редактор альманаха “Тобольск и вся Сибирь”,
член Союза писателей России **Ю. П. Перминов** (Омск)

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Воспринимаю твой 80-летний юбилей как одобрение свыше, благодарение за свершённое, надежду на осуществление новых творческих замыслов.

Твоё имя вписано в золотую страницу классической русской публицистики. Большой поэт, талантливый деятельный организатор и душа Всероссийского патриотического журнала “Наш современник”, где печатаются лучшие современные авторы, представители подлинной национальной литературы. Журнал поистине стал глотком живительного свежего воздуха, достойным продолжателем великих традиций пушкинского и некрасовского Начала. Как сказал наш земляк и космист А. Чижевский: “Ты устоял пред бредом бездны чёрной”. Корабль ведёт надёжный капитан. Пусть и впредь вдохновляют тебя и твоих сподвижников благодарность и любовь русского человека и патриота, который по всемирной отзывчивости своей не может жить без окрыляющего Слова.

Низкий поклон тебе, славный калужанин и Почётный гражданин, за твой подвиг и вдохновенный труд на благо отечественной словесности. За Честь, Совесть, Талант и Достоинство!

Верю, что твой олимпийский огонь перейдёт в крепкие и надёжные руки. Тебя награждают за твоё же призвание неизменная любовь и благодарность читателей. Твой ямб, разоблачительный анализ предательского ничтожества, растления и позора в книгах блестящей публицистики – яркий пример истинного гражданина в борьбе за Правду и Справедливость, попранные криминальными временщиками.

Желаю тебе, давний друг, творческого долголетия, неиссякаемой крепости духа, который побеждает везде и всегда. Обнимаю!

Рудольф Панфёров
г. Калуга

* * *

Станислав Юрьевич!

Разрешите и мне сердечно поздравить Вас с высоким юбилеем и, пользуясь случаем, выразить Вам самые искренние слова благодарности.

Во-первых, за Вашу замечательную поэзию. Я открыл её в далёкой молодости, ещё до того, как Вас в составе “могучей кучки” выделил Вадим Кожин. Уезжая в свои журналистские командировки, я обычно брал с собою Ваши книжки, наряду с томиками Есенина, Заболоцкого, Рубцова. Думаю, компания для Вас неплохая... Несколько Ваших сборников и сегодня хранятся в моей библиотеке (“Метель заходит в город”, “Вечная спутница”, “Путь”), и я открываю их “под настроение”. Кроме чисто художественных достоинств, меня в них подкупает зоркий и верный взгляд на жизнь, историю, на нашу доблестную действительность, и я радуюсь тому, что наши точки зрения во многом совпадают. В этом я особенно убедился, когда мне довелось познакомиться с Вами лично и коротко побеседовать на разные темы.

Во-вторых, разрешите поблагодарить Вас за Вашу глубокую, прямую, честную и к тому же высокохудожественную публицистику. С нею я тоже знаком с давних лет, ещё с той книжки (название подзабыл), где Вы, по своему обычаю мужественно противостоя расхожему “общественному мнению”, дали модному барду истинную оценку, с которой я вполне согласился. Как позднее был согласен с каждой строкой, читая книги “Поэзия. Судьба. Россия”, “Мои печальные победы”, “Жрецы и жертвы холокоста”, журнальный вариант оригинального произведения “В борьбе неравной двух сердец”. Последнее (“крайнее”) надеюсь прочитать ещё и в книге “Любовь, исполненная зла”, с выходом которой от Вас спешу поздравить.

А ещё я от всей души благодарен Вам за Ваш неподдельный интерес к провинциальной пишущей братии, за бескорыстную помощь в наших делах и планах. Ну и, конечно же, за столь великодушное участие в моей личной творческой судьбе. Вы даже и представить не можете, как много значило для меня Ваше решение дать целый блок моих рассказов в благословенном “НС” (№ 6, 2003), притом – на открытие журнала, моего любимого, который я выписываю и читаю, наверное, уже полвека и высоко ставлю среди иных изданий. Не меньшей поддержкой были и последующие публикации.

Когда-то я с долей недоверия услышал от Миши Вишнякова и Коли Колмогорова, с которыми был знаком, что они-де переписываются с Вами, тем более что “признания” прозвучали в застолье... Однако когда и мне судьба подарила знакомство с Вами и когда я увидел воочию, насколько Вы, в отличие от многих “мэтров”, действительно просты в обращении со всеми и открыты душой не только в стихах (“И душу настезь отворить...”), но и в жизни, то вполне поверил своим сибирским братьям, отмеченным Вашим вниманием.

И теперь сам могу сказать, что более доброжелательного, близкого, даже “своего” человека, чем Вы, я не знал и не знаю ни среди мастеров слова Вашего ранга, ни среди всего нашего писательского “сообщества”. А это говорит не только о Вашем изрядном литературном, но и о редкостном человеческом таланте, о широте Вашей поистине русской души.

Александр Щербаков
г. Красноярск

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич! Мне передали от Вас привет (спасибо за добрую память) и рассказали, что Вы стали хуже видеть. Очень сочувствую Вам. Жизнь подбрасывает свои каверзы, особенно с возрастом, но надо жить и исполнять свои обязанности, как сказал Фадеев. Вы – символ лучшего русского журнала в Отечестве нашем. “Наш современник” без Вашего имени уже непредставим. Вы воспитали великолепных последователей-единомышленников. Умница Александр Казинцев чего стоит! А Ваш сын Серёжа, блестящий литературовед, талантливый литератор! Пусть редакция читает, а Вы будете осуществлять идейное руководство. Когда Твардовский ушёл из “Нового мира”, журнал практически перестал быть “Новым миром”. Все Ваши враги спят и видят “Наш современник” без Станислава Куняева. Не давайте им возможности для злорадства.

Спаси Вас Бог, Станислав Юрьевич! Держитесь! Ваше стопроцентное дальновзорное духовное зрение стоит всех формально зрячих в нашей несчастной России!

Добрый привет редакции.

Борис Лапузин
г. Владивосток

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

От души поздравляю Вас с 80-летием со дня рождения! Мне приятно писать эту солидную цифру, сознательная часть которой наполнена честным и напряжённым служением отечественной литературе, культуре, совести. Перефразируя известные строки Некрасова, уверенно можно сказать, что “борьба Вам не мешала быть поэтом, стихи не мешали Вам быть борцом”.

Вы и как один из руководителей Союза писателей России, и как главный редактор самого популярного литературного журнала, и как поэт-переводчик, внесли и продолжаете вносить большой вклад в дело поддержки и укрепления дружбы национальных литератур СССР и России. Я благодарен Вам за искреннее внимание и уважение к моей родной татарской литературе, к Тукаю и Джалилю в особенности. Присуждение Вам в Казани Международной Державинской премии за 2012 год было признанием Ваших огромных заслуг именно в области пропаганды литератур народов России.

Станислав Юрьевич! Желаю Вам здоровья и успехов, Вашему острому перу желаю снайперской точности, коллективу журнала “Наш современник” желаю настойчивости в продолжении славных традиций русской и многонациональной российской литературы.

Народный поэт Татарстана,
лауреат Государственной премии России
Ренат Харис

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Примите самые искренние поздравления с Вашим 80-летием! Мы давно знаем Вас как чудесного поэта и прозаика, пронизательного публициста и литературоведа, который исследует современность, исторические события с патриотических, глубоко нравственных позиций. Будучи главным редактором старейшего издания российских литераторов – журнала “Наш современник”, Вы продолжаете традиции, заложенные великими классиками русской литературы.

Отрадно, что на страницах “Нашего современника” регулярно печатаются произведения белорусских писателей. За это огромная благодарность Вам от наших литераторов и читателей.

Здоровья Вам крепкого, дорогой Станислав Юрьевич, молодого творческого вдохновения, новых прекрасных произведений!

От имени Союза писателей Беларуси –
председатель Правления **Чергинец Н. И.**,
секретари Правления **Пашков Г. П.**, **Марчук Г. В.**

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич! От имени редколлегии единственного в Беларуси журнала русской литературы “Новая Немига литературная” позвольте поздравить Вас, одного из самых выдающихся русских поэтов современности, пламенного публициста, замечательного редактора-подвижника, негибаемого борца за справедливость, с замечательным юбилеем!

На Ваших поэтических книгах училось мудрости, умению отстаивать правду не одно поколение русских поэтов. И тот факт, что, несмотря на все попытки либералов от литературы разрушить классическую отечественную словесность, им это не удалось и не удастся, а на смену одним писателям-патриотам приходят их более молодые коллеги, – во многом Ваша, дорогой Станислав Юрьевич, заслуга. Поддерживая истинные таланты, умело вскрывая в своих книгах и публикациях гнилую сущность либеральных “ценностей”, чуждых нашей культуре, Вы являетесь той личностью, на которую равнялись, равняются и еще долго будут равняться те, кому дороги интересы отечественной культуры как феноменального явления и русской литературы в частности.

В эти знаменательные дни желаем Вам, дорогой Мастер, здоровья, вдохновения, такой же неукротимости духа, которой Вы потрясали нас все эти годы!

С глубочайшим уважением,
главный редактор журнала “Новая Немига литературная”
Анатолий Аврутин

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Горячо и сердечно поздравляем Вас с 80-летним юбилеем!

Благодаря Вашей активной творческой жизни, самоотверженному служению родной русской литературе и своему народу, Вы известны как поэт, публицист и литературный критик, автор многих книг. Вашей поэзии свойственно глубокое ощущение Родины. Вы один из самых ярких представителей гражданской лирики своего поколения.

Абхазские поэты и писатели высоко ценят Ваш патриотизм, отстаивание общеписательских интересов, стремление защиты справедливости. Вы переводчик многих стихов абхазских поэтов старшего поколения, всегда дружили и дружите с абхазскими писателями, которые ценят Вас как искреннего творческого человека, которому присуще поддержка друзей по перу.

Вы не только являетесь Главным редактором журнала “Наш современник”, сохраняя литературные традиции, но и возглавляете авторитетную организацию – Международный Литературный фонд, который последовательно следует славным традициям и защите интересов писателей.

Ваше творчество по достоинству оценено критиками, коллегами, любителями поэзии. Вы награждены высокими литературными премиями.

Ваши абхазские друзья, коллеги по перу, почитатели Вашего таланта от всей души поздравляют Вас, Станислав Юрьевич, и желают Вам крепкого здоровья, счастья, вдохновения, претворения в жизнь творческих задумок.

С глубоким уважением,
Председатель Союза писателей Республики Абхазия **Анзор Мукба**,
Директор Литфонда **Вахтанг Абхазоу**,
Член правления **Терентий Чаниа**

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Коллектив преподавателей Архангельского аграрного техникума сердечно поздравляет Вас с 80-летием! Мы счастливы, что имеем возможность сказать Вам слова глубокой человеческой благодарности как истинно русскому писателю. Станислав Юрьевич! Среди жителей нашего Северного края тысячи почитателей Вашего таланта, огромное Вам человеческое спасибо за то, что Вы лично помогаете нам воспитывать подрастающее поколение Вашими очерками, повестями и стихами. Многие сегодня считают, что у нас не читающая молодёжь, это неправда. Ребята читают, и читают запоем, притом 90% – наших писателей и поэтов.

Станислав Юрьевич! Многие, многие лета Вам, новых творческих успехов, уверены, что Вы и дальше будете радовать нас своими трудами. А “Современник” будет процветать, и с каждым годом будет расширяться круг подписчиков и читателей. Ещё раз с юбилеем, добра, крепкого здоровья и долгих лет жизни.

От имени коллектива –
доктор сельскохозяйственных наук,
директор Архангельского аграрного техникума
А. Д. Смирнов

* * *

Глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Ваши книги последних лет, не похожие на всю ранее известную мемуарную литературу, по существу, положили начало совершенно новому жанру – удивительно свежему, свободному, чистому, подобному радуге после июльского дождя, дать название которому я не берусь, потому что это какой-то неповторимый, особый сплав увлекательной исторической прозы, задушевной личной беседы с читателем, тонкого лиризма, музыки слова, доброго юмора, доверчивой искренности, глубоких размышлений и философских обобщений – и всё это на фоне неоглядного поэтического полотна, сотканного из творчества Вашего, множества Ваших друзей и просто русских поэтов. Ваши книги – это своеобразное кино, которое при чтении как будто смотришь воочию, живо представляя всё, о чём идёт речь на их страницах, параллельно сопоставляя с собственной жизнью и заново её осмысливая.

Руководимый и направляемый Вами журнал “Наш современник” – на сегодняшний день, быть может, главная опора русско-славянской духовности, позволяющая с оптимизмом смотреть в грозные всполохи неясного будущего, свидетельство жизненной силы Русского Народа даже в условиях критического безвременья – поистине *луч света в тёмном царстве*.

Поэтому, Станислав Юрьевич, примите искренний поклон благодарного читателя – простого русского человека в этот хороший и при любых погодных условиях – солнечный день Вашего 80-летия!

Владислав Ковалёв,
заслуженный врач России,
полковник внутренней службы в отставке
г. Пермь

НАД МИРОМ И ВРЕМЕНЕМ ВЛАСТЬ

Стихи, посвященные Станиславу Куняеву

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

НА ЮБИЛЕЙ

Станиславу Куняеву

Жизнь прошла, а значит, будь спокоен.
В общей битве с многоликим злом
Ты владел не рукопашным боем —
Ты сражался духом и стихом.

В этот день, когда трясёт державу
Божий гнев, и слышен плач и вой,
Назовут тебя друзья по праву
Ветераном третьей мировой.

Бесам поражения не внимая,
Мы по чарке выпьем горевой,
Потому что третья мировая
Началась до первой мировой.

АНАТОЛИЙ ПЕРЕДРЕЕВ

* * *

Когда устанешь от земли,
Глаза свои протри
На золотые от зари,
Воздушные плоты.

С долин куриной слепоты
И стрекотанья трав
Смотри на белые плоты —
На предвечерний сплав.

Смотри, валяясь на спине,
Не торопись домой,
Дыши в глубокой вышине
Высокой тишиной.

Лежи, считая облака,
Следи, теряя счёт...
Всё впереди ещё пока,
Всё впереди ещё.

НАДЕЖДА МИРОШНИЧЕНКО

МОЕМУ ДРУГУ И УЧИТЕЛЮ СТАНИСЛАВУ КУНЯЕВУ

И всё-таки есть у поэта
Его поднебесная грусть,
Его первозданная мета,
Его неделимая Русь!
Поэзия! Что тебе повод?!
И что тебе окрик: “Не смей!”
Твоё восходящее слово
И жизнь превосходит, и смерть.
Слетает, и снова светает,
Слетает с небес вороньё.
А ты в самом деле святая,
Поэзия — сердце моё!
И кто же не знает об этом:
Рождается, чтобы пропасть.
А всё-таки есть у поэта
Над миром и временем власть.

ЭРНСТ ПОРТНЯГИН

СТАНИСЛАВУ КУНЯЕВУ

Как грохочет и плачет река,
как стенают скалистые кряжи.
Спи, мой милый, палатка легка,
а грехи безрассудные тяжки.

В тихом доме тебе не уснуть,
невозможно прервать напряженье,
и слова, прожигавшие грудь,
по ночам продолжают движенье.

Как забыт и как снова глубок
сон у края глубокой теснины,
где судьбой управляет Ягноб,
безразличный к законам равнины.

Сон обрушенным снегом плывёт,
растворяясь в заоблачных водах.
только изредка землю тряхнёт
от обвала ледового свода.

Слишком жёны от нас далеко,
дорожат слишком мало мужьями.
распустилась коса Ханакко,
вдоль Гиссара взметнулась дождями.

Слишком воздух наполнен грозой,
слишком дороги сны молодые,
слишком рано Архангел трубой
призывает нас в дали иные.

ОЛЕГ КОЧЕТКОВ

* * *

Мой учитель — русский поэт,
С мудрым взором и чистой строкою,
И стоит его дом над Окою,
Источая загадочный свет.
Он сюда приезжает. Всегда,
Каждый год возвращаясь с повинной,
Когда с треском сшибаются льдины
И над снегом горланит вода.
Приезжает обнять свою мать,
Постоять над шуршащим обрывом,
Посмотреть на косматые гривы
Облаков, чтоб острее понять,
Как прочна и горька эта нить,
Что связует нас с отчим порогом.
Видно, ревность, любовь и тревогу
В своём сердце вовек не изжить,
Если снова, их жаждой томим,
Захмелев от калужской землицы,
Мой учитель подраненной птицей
Кровь роняет над ветром крутым!

НИНА КАРТАШЕВА

СТАНИСЛАВУ КУНЯЕВУ

Бог помощь тебе, наш бесстрашный поэт,
Шеломом испивший студёного моря.
По северным звёздам ты шёл на рассвет,
По звёздам, со тьмами кромешными споря.

Спиной прислонясь к корабельной сосне,
О Родине и о душе ты печален.
Не выдаст! На звёзды взгляни в вышине —
Ведь ты от рожденья к созвёздьям причастен.

Врагом ненавидим, но Богом любим.
Удар отразивши, не принявши лести,
Оставшийся верен России и чести,
Ты нужен своим. А враги — яко дым...

Дорогие читатели журнала “Наш современник”!

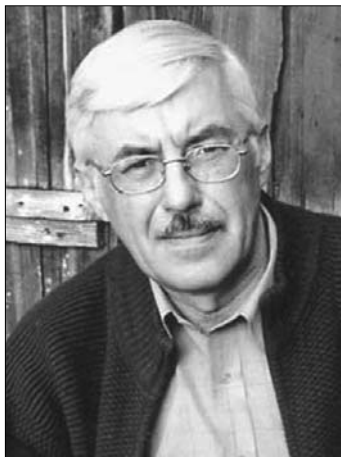
С удовольствием представляю специальный выпуск журнала, посвящённый литературной и общественной жизни Республики Беларусь. Стало доброй традицией, что в конце года “Наш современник” публикует произведения белорусских писателей, историков, политологов, государственных деятелей. Нынешний выпуск – девятый. За это время журнал познакомил российских читателей примерно с семьюдесятью авторами из Беларуси.

Эта просветительская деятельность осуществляется при финансовой поддержке Постоянного комитета Союзного государства. Литература, как и культура в целом, открывает кратчайший и вернейший путь к взаимопониманию народов. Рассказ о повседневных нуждах и надеждах людей, об их печалях и радостях позволяет не просто понять, но и прочувствовать эмоциональный настрой, саму душу народа. Уяснить, как он, образно говоря, дышит и – чем дышит.

Разумеется, в основе Союзного государства лежат мощные политические и экономические процессы. Однако без духовной составляющей подлинно прочная и долговременная интеграция невозможна. Вот почему Постоянный комитет реализует масштабные проекты в сфере информации и культуры: издаются общие газеты, журнал, работает телерадиокомпания. Союзное государство участвует в финансировании популярного фестиваля “Славянский базар”. В сфере нашего постоянного внимания совместные кинопроекты, реставрация памятников истории и культуры, издание литературных произведений. Перспективна идея создания пособия для преподавателей школ и вузов по истории Союзного государства. Общая история так же, как и культура, – это мощная скрепа, объединяющая страны и народы. А литература укрепляет духовное родство между ними.

Государственный секретарь
Союзного государства
Григорий РАПОТА

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВИЧ

ЖИТНАЯ БАБА

ПОВЕСТЬ

Житная Баба — женская богиня-покровительница. Традиционный символ заступницы, изображавшейся в славянской вышивке и ткачестве в виде стилизованного снопа колосьев.

Изготавливали Житную Бабу во время Дожинок или славянского праздника Багача, посвященного окончанию уборки урожая, из последнего снопа, перевязывая его рушником, обливали “громничной” водой и ставили под иконы.

По поверьям древних славян, Житная Баба считалась богиней плодородия, излечивала женские болезни, помогала в родах.

Крест на росстани

Этот клочок ничейной околицы никто никогда не межевал и названия ему специально не придумывал, но испокон веков, из далёких временных повестей считается развилка за деревней прощальным рубежом, росстанью. И вряд ли припомнит старый кособокий крест, вросший намертво в дорожную обочину, чтобы кто-то из мимо проходивших либо проезжавших не удостоил взглядом, поклоном, не отметил мыслью его стойкое, согбенное временем деревянное достоинство.

Отсюда берут начало три главные дороги, ведущие из села, и здесь обозначен их предел.

ВОЛКОВИЧ Александр Михайлович родился в 1950 г. в Бресте. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Автор книг “Зубр беловежский чугунный”, “Береза черная — береза белая”, “Алеся. Беловежские сны”, “Письма войны”. Живет в Бресте.

Кем и когда был поставлен на развилке дубовый крест, что выглядит нынче, будто простуженный старец с шарфом на шее, не знает даже мудрый ворон, прилетавший вечерами на перекладину точить изношенный клюв.

Ворон живет триста лет, а людская память дольше.

Даже дуб в земле истлевает, а росстань не перестает быть собой — прощальным островом поцелуев и слёз.

Росстань существует столько, сколько получится, если взять и сложить возрасты всех когда-либо проживавших в этой деревне, но даже самый древний замшелый дед и самая ветхая обезумевшая старуха, выхваченные наугад из житейского ряда, несказанно удивились бы, услышав, что крест за околицей порушили, а росстань распахана каким-нибудь новым хозяином земли. Такого ещё не бывало. И вряд ли произойдет, пока совсем не зачахнет село и напрочь не вымрут в нём люди.

Каждый деревенский житель хоть единожды переступал сей заветный порог, отправляясь в дальнюю дорогу или возвращаясь издалека, а поравнявшись с крестом, замедлял шаги, дабы упрочить мимолеетной передышкой и живым созерцанием предстоящий путь. Не одному из ныне и присно живущих росстань стала последним путеводным знаком.

Росстань — предтеча и венец в одном лице.

В деревне вспоминают такой случай.

В тридцатых годах, во времена первых пятилеток, из Похмелевки отправилась на поиски лучшей доли семья Охрема Корча — муж с женой и старенькая мать по имени Агафья. Бабушке перевалило за семьдесят, и дети были вынуждены забрать её с собой, ибо оставить было не с кем. По пути на Урал в вагонной теплушке ей занедужилось, и старушку пришлось сесть на небольшой станции и положить в лазарет по подозрению на дизентерию. Так Агафья оказалась в больнице небольшого уральского городка. Однако по выздоровлении вместо того, чтобы дожидаться весточки от сына и снохи, уехавших дальше на какую-то стройку, бабушка надумала вернуться обратно в родную деревню. Женщина к старости немного умом тронулась, плохо соображала, к тому же была безграмотной. Твёрдо помнила лишь имя своё — Гапка — и место, где появилась на свет, — деревня Похмелевка в Белоруссии. Туда горемычная и отправилась за тридевять земель, не зная дороги, без гроша в кармане.

Как она сумела преодолеть несколько тысяч километров, не сбилась с пути на железнодорожных разъездах, не потерялась и уцелела на безлюдных перегонах, в лабиринтах больших и малых городов, остаётся загадкой. Старушка всегда панически боялась поездов, машин, людских скоплений и не признавала никакого транспорта, за исключением привычной телеги. Почти четыре месяца, с середины лета до начала зимы, продолжалось беспримерное паломничество полубезумной, почти слепой, преклонных лет крестьянки. Женщине случалось отклоняться в сторону, забредать в непроходимые дебри, возвращаться к путеводным рельсам и начинать прерванный путь с новой отметки, встречаться с тёмными личностями. Никто старуху не тронул. Ночевала под откосами и открытым небом, находила приют у добрых людей, дорогу спрашивала у случайных встречных, питалась подаянием и чем Бог пошлёт. И добрела.

Оборванная, отоцавшая, обессиленная странница, преодолев невероятный путь, ступила натруженными бесконечной дорогой босыми ногами на землю своих предков, узнала родные места, придорожный крест у деревни и, поняв, что её мытарствам пришёл конец, здесь же, на росстанции, присела отдохнуть. И больше не встала. Или не захотела вставать...

Люди нашли Агафью бездыханной, припорошенной первым снежком. Она покоилась вечным сном, прислонившись спиной к дубовому брусу, а обмороженные, покрытые язвами и струпьями ступни были обмотаны рушником, снятым с придорожного креста.

Невидимая нить — иногда её называют нитью Ариадны — безошибочно вела заблудшую душу к тому единственному заветному месту на земле, что во все века и времена, у всех народов называется Родиной, образ которой всегда светит нам путеводной звездой.

Агафью похоронили там, где она обрела свой последний приют.

Маленький, без надписи крест на могилке давно подгнил и опирается на большой, придорожный.

Ветры, проносясь над росстанью, умиряют свой бродяжий посвист, а птичьи стаи огибают стороной деревянный крест, дабы не спугнуть шелестом крыльев людские печали. Лишь чёрному ворону закон не писан: он считается, как и на погосте, своим, хоть и не домашним. Глухому, как тёмная ночь, крумчачу чужих историй не вызнать, слов приветствий и прощаний не расслышать. Он свидетель.

Росстань никого из уходящих не оправдывает и не корит. Она смягчает горечь разлуки нежным льняным рушником и прячет в его цветастых узорах случайные откровения.

Полинялая тряпка на груди креста — это и есть выцветший рушник, вышитый рукою безымянной мастерицы.

Святая великомученица Параскева Пятница — Заступница, Берегиня — незримо витает над этим местом, упокоившись нитяным рисунком на распахнутом дубовом перекрестии, обвив его жилистую шею полотняной лентой.

Дождь и солнце выбелили ткань домотканого рушника до бумажной серости.

Красная и чёрная нить былого орнамента превратилась в размытые блеклые узоры.

Но абрис Заступницы, бессильно обвиснув на перекладине, проступает на льне нечетким рисунком и сопровождает путника подслеповатым взглядом.

Росстань никогда не спит. Она в вечном ожидании проводов и встреч.

Старинный “екатерининский” тракт на Могилев, грунтовая насыпь на Климовичи, пешеходная широкая тропа-колея на узловую станцию села Осмоловичи — матку выселок и деревушек, которые дворами и людом ещё малочисленнее скромной Похмелевки, — начинаются здесь.

Завсегдатай-ворон, хоть и глуховат, сумел расслышать женское имя, оброненное устами одинокого прохожего, что, не задерживаясь и прихрамывая, проковылял через развилку в сторону железнодорожной станции.

“Мабыць, захварэла бабка Дуня, ніхто не здолее ручнік на крыжы змяніць”, — пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

В руке человек держал гладкую палку — цапок, как называют в этой местности дорожный посох, и на ходу разговаривал сам с собой.

Длиннопольный пиджак-полупальто топорицился на его согбенной спине, будто прелый кожух, вывешенный на кол для просушки. Свободная от опоры рука почти касалась земли.

Звали убогого человека Володомир Муравчик, и представлял он собой ту разновидность ущербных от рождения людей, которых можно встретить в каждом местечке, в любом селе, — горбунов, дурачков, юродивых. Какая же деревня без них?!

Бабка Дуня, всеупомянутая Муравчиком, считалась в округе знатной вышивальщицей, и обновление рушника на придорожном кресте негласно считалось общественной, к тому же добровольно принятой на себя обязанностью старушки. Сама бабушка Евдокия Козлова, а речь-то о ней, расценивала свою необременительную работу почётной ношей и вот, видимо, по уважительной причине не исполнила её.

Почему именно она? Вопрос такой же праздный, как если бы у старенького и не слишком шустрого на ногу Володомира Муравчика спросили: зачем он тащится осенним днём на железнодорожную станцию и какая неотложная надобность гонит его почти ежедневно за семь неблизких верст, ведь никто там его не ждёт...

“Сустрэаць цягнікі!” — ответит деревенский горбун и при этом удивится столь неуместному, на его взгляд, вопросу. Охота пуще неволи — и весь сказ.

Выбор бабушки Евдокии на роль хранительницы росстани — тоже давний. Никто, впрочем, ее не обязывал. Она считалась между людьми лучшей

вышивальщицей — вот и кудесничала на досуге, не зная себе равных в орнаментном ручном письме. Вышивала свадебные, подарочные, жертвенные, поминальные и какие там ещё бывают рушники. Полотенце на придорожном кресте — это особая статья, не каждому по уму, даже если с пальцами и пальцами вышивальщица в ладах.

С годами народные умелицы — вышивальщицы — в окрестностях перевелись. Старшее поколение мастериц постепенно перекочевало на постоянное место жительства, известное сельчанам под названием Брьювица и Грязевец (деревенские кладбища), а молодежь женского пола, и без того не слишком многочисленная, к шитью крестиком и гладью стала неохочая, да и не привычная. Одна надежда на старушку Евдокию, которая в любом общепольном, никем не оплачиваемом деле всегда безотказная.

“Трэба да Дунькі зайсці, можа, што здарылася?” — решил про себя Муравчик, отдаляясь от неухоженного креста.

Между тем распогодилось, и подмёрзшая за ночь колея, согретая робким осенним солнцем, превратилась в осклизлую и блестящую, затрудняя шаг. Трудность относительно дальнего пути не помешала ходуку добраться до цели своевременно. Удивительное дело: часов он не имел, а являлся на станцию всякий раз аккуратно к прибытию-отправлению так называемых послеобеденных составов. Так уж повелось, и все местные давно привыкли к присутствию на станции убогого доброхота. Сойдёт, бывало, на перрон редкий приезжий — отпускник, командированный или позабытый житель, решивший посетить родные края, а тут ему неожиданная встреча уготована в образе Муравчика: а вот и я! Какое ни есть, а всё-таки знакомое лицо, которому приехавший пассажир обычно рад, ибо, как говорится, в родном краю и столб — свояк.

Прибывшая в тот день пассажирским поездом Катька, внучка бабушки Евдокии, тоже не слишком удивилась, столкнувшись на перроне нос к носу с Володомиром. А уж как он обрадовался давнишней своей зазнобе! Большой тяжёлый чемодан из рук её перехватил, в глаза влюблённо заглядывает:

— Навошта цягшком? Мабыць, кавалер твой разам з самаходам збег?

Катьке, оказавшейся по каким-то своим причинам “безлошадной” и без привычного мужского сопровождения, вопрос горбуна — как кость в горле. Не удостоила ответом.

— Впярайся, кавалер! — кивнула на чемодан.

Муравчик услужить красавице рад. В синеглазую Катьку он давно и безнадежно влюблён, как, впрочем, почти в каждую мало-мальски привлекательную особу женского пола, возникавшую на сельском горизонте на протяжении всей его незадачливой жизни. Катерина же на его глазах росла, у бабушки на воспитании. В Похмелевке теперь бывает редко, наездами. Что-то у неё нынче не срослось, иначе прикатила бы с шиком, на блестящем “вольво” с лысоватым водителем за рулём. Говорили: жених, он же — Катькин хозяин. В смысле — владелец торговых киосков, где она работает по найму.

Катька, зараза, зенки синие, бесстыжие, на Володимира таращит, беспардонно добровольного помощника разглядывает. Постарел Муравчик, сдал. А ведь когда-то за детскую ручку её водил, нянчил. Мать её, Татьяна, тоже, считай, вместе с горбуном выросла. Через забор хаты стояли. Только соседка с годами взрослела, в Минск уезжала, Катьку рожала, а Муравчик всё такой же неухоженный бобыль без жизненных перемен, разве ещё больше сгорбился, поседел и в землю врос... А всё на станцию шастает, как пацан. Бедолага.

Так они и пошли вместе, волоча меж собой чемодан на колесиках. Изредка местами и руками менялись.

Катька думу свою думала, помалкивала, грустила. А воодушевлённый встречей Володмир нёс всякую околесицу: про общих деревенских знакомых и разные разности, интересные разве только ему самому.

Спутница оживлялась лишь при упоминании о своей бабушке, навестить которую и приехала.

Странную, необычную картину представляла собой случайная парочка, оказавшаяся в единой “упряжке” на пустынной осенней дороге. Нарядная, одетая по сезону и моде, горожанка с лицом славянской Богородицы, задумчивым и скорбным, — и низкорослый седовласый горбун, облаченный в выцветший, когда-то бывший чёрным пиджак и стоптанные кирзовые сапоги...

Свободной от поклажи рукой горбун оживлённо размахивал посохом, а мадонна беспричинно хмурилась и на ходу курила тоненькую дамскую сигаретку...

Оба месили родимую грязь, не чураясь и не замечая её.

Росстань встретила и проводила пришедших без всяких эмоций. Эти люди всегда считались в деревне своими. А кто ж со своими церемонится?

Красное и чёрное питьё

Ожидался приезд внучки, вызвавший у бабушки Евдокии, которой нынче нездоровилось, череду хозяйственных забот и домашних дел, вроде бы обязательных, требующих безусловного исполнения и в то же время несрочных, выполняемых с единственной целью — лишь бы заполнить полезным делом бесконечное время. Правильно ведь говорят: хуже нет, чем ждать и догонять.

Погода и старые клёны во дворе деревенской хаты были под стать настроению и состоянию старушки. Осенние холода, которым пора уж было наступить после Покрова, по выражению Евдокии, важлились, важлились, да никак не отваживались, а любимые клёны, сопротивляясь дыханию осени, упорно не желали расставаться с резной листвой, а только кочевряжились, не желтея и не краснея.

Со здоровьем хозяйки тоже была неясность: и не болит нигде, а во всем теле *туга*.

До настоящего предвизья ещё далековато, конец октября, — как ранним утром вышедшей на крыльцо Евдокии показалось необычно светло. Так и есть: кленовые листья, угнетённые ночным морозцем, все разом опали, устлав разноцветным ковром землю по обе стороны забора. Двор непривычно оголился.

“Сегодня приедет”, — решила бабушка, имея в виду Катьку, и вернулась в хату растапливать печь: внучка любила тепло, а в доме из-за экономии дров не топили, да и рано было ещё.

Сухие ольховые поленья взялись в грубке споро, жарко, перехватив огонь от вспыхнувшей снизу смолистой лучины; теплом дохнуло бабке в лицо; тяга оказалась сильной: пламя за закрытой дверцей шугануло по дымоходу и загудело в трубе.

Час-другой — и комната наполнится тем особым живым уютом, который всегда возникает, когда в доме впервые протапливают застоявшуюся за лето печь-голландку, или грубку, как называют её в деревне.

“Катька, знамо дело, шалопута, может заявиться в любую минуту, а может и вовсе свою персону не предъявить”, — думала про себя Евдокия, а поэтому решила с готовкой не торопиться. Собственно говоря, потчевать гостью ей было чем: бульбы начистить и кастрюльку на плиту поставить. Традиционную яичницу хозяйка тоже наколотит и изжарит в минуту. Что ещё? Сало солёное, огурцы, хлеб. Всё остальное запасливая внучка привезёт с собой: разные там сервелаты с сосисками в блестящей упаковке, мясные, сырные и рыбные деликатесы и другой всячины, что красиво блестит, а едой по-настоящему не пахнет. *Ешь, дурень, бо то с маком*, — говорят в таких случаях.

Из всех съестных гостинцев, без которых редкие Катькины визиты в деревню не обходятся, Евдокия предпочитает консервированную печень трески. Угощение это как раз по её старческому зубам. Особо обрadowалась баночке с кусочками рыбы сайры, привезённой внучкой в последний свой приезд.

“Любим мы, женщины, чужую печень грызть!” — сопровождала свой удачный подарок острая на язык внучка, а консервы “Сайра натуральная

с добавлением масла” прихватила, наткнувшись в столичном магазине на дефицит, и дабы бабке лишний раз потрафить. Знала: в молодости бабушка работала на рыбокомбинате где-то на Курилах и как раз сайрой-то и занималась. Подробности той давнишней истории Катьку особо не волновали, да и интересны ли вообще воспоминания бабушек и дедушек подросткам наследникам?

Хотя как знать, как знать... Даже Катькино деревенское прозвище — “три напёрстка” (азартная игра), — перешедшее к ней от матери Татьяны Фадеевны, проживавшей ныне в Минске, имеет богатую и непростую предысторию, которую из-за давности большинство односельчан уже не помнит, а люди сведущие либо поумирали, либо предпочитают помалкивать. Как, например, сама бабка Евдокия. И клещами из неё ничего лишнего не вытащишь.

Что касаясь деревенских прозвищ вообще, то понять их природу и мотивацию не только никому не дано, но практически невозможно выяснить из-за бесконечной множественности причинных обстоятельств. Кто, допустим, возьмёт на себя смелость утверждать, по какой такой причине бабку Евдокию по-уличному называют Сорочихой, хотя настоящая ее фамилия по матери Осмоловская, а по отцу — Козлова? Полнейший разброд.

Или почему давнишнюю приятельницу бабушки Алену Сакович из соседней Лозовицы за глаза называют Шабрихой, так же как и её давно покойную мать Ашюту?

С какой стати бывший бригадир Митяй Матохин носит нелестное прозвище Кулячка? И как оно прилипло к колхозному начальнику ещё задолго до того, как он потерял на войне правую руку и бригадирствовал потом с культей, нисколько, впрочем, не мешавшей ему взгреть в хвост и в гриву и коней, и подчинённых?

Когда-то у кого-то с языка сорвалось, из человеческого бытия вывернулось, особенность характера или жизненный случай подметило, да так в умах и на устах осталось — уличное прозвище. Чаще всего оно — даже не меткое словечко, а вроде застарелой случайной занозины. Ни выковырять её, ни ещё как избавиться.

С Катькиным прозвищем несколько иной коленкор: девушка она азартная, рискованная, вот и в торговство в последние годы ударилась. Не замужем. Бабушку Евдокию старается навещать, не в пример своей матери, вечно занятой на работе. Катерина не по годам самостоятельная, шустрая.

По мнению бабушки, внучке не особо везёт в торговых делах: нервная, издёрганная, вечно в долгах. Экономности, прижимистости никакой. Понавезёт подарков дорогих, бесполезных, нет чтобы лишнюю копейку припрятать, с толком использовать.

В Катькиных поклонниках, “амурах”, тоже чёрт ногу сломит. То с одним молодым парнем приезжала, то мужика почти сорокалетнего с собой притащила вроде бы бабушке на смотрины. У того, плешивого, поди, семеро по лавкам и алиментов воз, а все молодится, женихается... Не пара Катьке, сразу видать. Нет, трётся, блудливый! Не иначе как шкурный интерес к внучкиной выручке имеет. Тоже мне — деловой партнёр! Партнёры в постели хороши, а для семейной жизни сознательный мужик нужен, жалостливый к подруге, который не гонял бы её к чёрту на кулички за товаром по разным Китаям и Турциям. За морем телушка — полушка, да рубль перевоз. Не в деньгах, то в здоровье за длинным рублем и дальней дорогой потеряешь. Соображай, коль мужик, хозяин и будущий муж!

Как вызнала Евдокия у внучки, не первой молодости женишок — хозяин торговых ларьков в Минске, а Катька у него наёмная работница. Она за прилавком недолго сживает, главным образом за товаром рыщет. А продаст — снова в дорогу.

Тут Евдокия вспомнила свою заветную работу и полезла за нею в платяной шкаф. За створкой правого, бельевого отсека (левый считался посудным) сняла с полочки плетёную корзинку с вышивальными причиндалами, а из глубины достала рыхлый свёрток тонкого полотна. Стопку журналов

“Крестьянка” и других с выкройками и рисунками фасонов оставила на месте. Журналы ещё советских времён, накопились за много лет, разве что на растопку годятся, но жалко. Иногда попадаются лекала и картинки красивые и с выдумкой. Не грех и перенять. Впрочем, все нужные узоры, крои и стежки мастерица в своей голове держит, рука работу и правила помнит, а в том, что Евдокия вышивальщица знатная, сомневаться не приходится. Вышитые праздничные полотенца на иконах в углах, скатерть узорчатая на столе, оборки в цветах на постельном покрывале — её рук дело. А сколько поделок да вышивок по людям роздано, на заказ и в подарки сработано!

Евдокия развернула на полу широкое полотно, сшитое полосами из нескольких частей. Впервые за свою долгую жизнь на склоне лет мастерица решила на столь большую работу, намеченную пока лишь беглыми стежками.

Еще раз внимательно оглядела начатую вышивку — нет, не то!

“Зря, видать, поспешила, — расстроилась Евдокия. — Пока узор в голове не обозначился, неча лен дырывать и нитки переводить! Вышивка без смысла — худые коромысла, все одно воду не донесёшь...” Интересно, а что бы сказал по случаю покойный муженёк и Катькин дедушка Фаддей Ермолаевич, царство ему небесное? — подумала старуха и тут же произвольнo улыбнулась, предвкусывая смачный ответ.

Без всякого сомнения, её Фаддей, как не раз случалось в прошлом совместном житье-бытье, произнёс бы полушутя-полусерьёзно примерно следующее: мол, вы, мадам, во всем и всегда правы, и даже правее, чем мое правое Фаберже!

Впервые услышав эту коронную фразу от своего шалопутного муженька, бывшего моряка-рыбака, Евдокия (а было ей в ту пору годков, как и Катьке, — двадцать с хвостиком) только прыснула со смеху, когда дошел смысл сказанного: “Фаберже — это же яйцо!”

Фаддей и не такими солёными прибаутками молодую жену смущал и развлекал, рассказывая забавные байки из своей моряцкой жизни. Кое-что она и сама за ним знала и многим мужниным чудачествам была свидетелем, но не о том нынче речь.

Цветная панорама родной деревни, что Евдокия задумала вышить, явно не получалась. Дорогая нитка мулине (подарок внучки), проявляясь во льне, не успевала за мысленным образом, витавшим в голове мастерицы, а сама задумка терялась где-то в заоблачных высотах, и, опустившись на чистое поле полотна, неизменно отвлекалась на дела насущные, бытовые, каждодневные. А то, что получалось, душу и глаза не грело.

“Слаба глазами и головой стала, — кручинилась Евдокия. — Раньше картинки цветные в памяти тасовались, образы разные, живые, а нынче — вата серая, кислая...”

Каждый раз, принимаясь за шитьё, бабушка Евдокия ловила себя на мысли, что думает не об узорах и колерах, а о Катькиной безалаберной судьбе.

Пока случайную нитку бабушка на палец наматывала (“Длинная нитка — глупая девка!”), клубочек воспоминаний стал потихоньку раскручиваться, как осенний погожий денёк, струившийся за окошком бойким веретеном. Но всё серый цвет к голубому в узорах этих подмешивался — беспокойный, с грустинкой. А то чёрное с красным тревожно кричало. С чего бы?

Пообщаться бы с подружкой Алёной из соседних Лозовиц, да недосуг к ней идти. Алёна, как и Евдокия, в мать свою вышивальным талантом пошла, и матери их меж собой дружили. Обои уже нет на свете, а дочери, сами состарившись, наследственному ремеслу остались верны. Кому нынче науку передавать?

Евдокия невзначай уколола палец и ойкнула с досады. Вот уж действительно, плохому танцору... Вроде бы и ниток любых колеров в досталь, и рисунков с лекалами да орнаментами целая кипа, а иглодок, импортных, китайских, с широкими ушками, — не счесть. Внучка целый набор привезла, уважила просьбу. Но не всё то золото, что блестит: гнутся иголки, сталь не та. Нету сравнения со старыми, довоенными... Было время, каждая иголлка швейная на вес золота ценилась, нитки сантиметрами измеряли, берегли. А что уж полотна касалось, то всё рученьками, натруженными сельской ра-

ботой, добывали — лён растили, стебли тербели, полотна на дедовском станке набивали и на росных лугах выбеливали, прежде чем превращались они в мягкую податливую материю, пригодную для хозяйственных нужд, портняжных, швейных и вышивальных.

Где нынче то время? Разве что напомнит оно о себе ночным скрипом калитки во дворе да веткой клёна в окошко постучится... А ведь было, было...

Воспоминания приплыли легким облачком, и чем пристальнее Евдокия в сладкие образы всматривалась, тем глубже в мечтательное месиво погружалась.

“Надо прилечь, что-то сердцу мляво”, — решила старушка и устроилась на кухонном топчане.

“Керосин”, — почему-то забрезжило в мозгу. Ох, неспроста...

Будто наяву, видится старушке та же комната, но вместо яркой электрической лампочки под потолком раздвигает вечерние сумерки копилка — поллитровка керосина с фитилем в горлышке. Синий огонек колеблется от близкого дыхания деревенских баб, обступивших дощатый стол с ворохом чистого тряпья на сухой столешнице.

Тусклый свет выхватывает из полумрака торжественные женские лица. На стенах движутся тени...

Не на праздные посиделки и не на поминки собрались близкие и дальние соседки в хате Анастасии Козловой слякотным осенним вечером третьего военного года. Позвала солдаток великая нужда и такая же неизбывная вера, что теплилась в каждой женской душе, не угасая, словно мерцающий фитилёк керосинки.

И не к скудному угощению — варёной бульбе в чугушке — интерес у вечерних гостей, а к предстоящей ночной работе, важнее которой за все военные годы, казалось, и не происходило. Заполнил тот жгучий позыв каждую из собравшихся, и каждая селянка озаботилась для святого дела из последнего. И главное — керосином. Из скудных запасов, из самых заветных захоронок ссезживали. В бутылках, стаканах, на доньшках бидонов приносили. Дело требовало света, а керосин ценился на вес золота. Да и где было разжиться? Только-только фронт прокатился, отдаляясь на запад. Все припасы война по сусекам подмела.

...Третий год военного лихолетья выдался, как никогда прежде, урожайным на гибель фронтовиков-односельчан. Наверное, военная почта лучше работать стала: редкий месяц обходился без чёрной вестки.

Некоторые сельчанки даже прятаться стали, завидев косоглазую Маньку-почтальонку, свернувшую во двор. Издали гадали, что там у неё в тощей сумке: солдатский треугольник или казённый “квадрат”? В сорок первом и сорок втором годах весточки с фронтов вообще в Похмелевку не доходили, под оккупацией стояло село. После освобождения села чем ближе наши войска к гитлеровскому логову приближались, тем большеей кровью давалась победа. Как будто до этого смерть солдатиков не косила, и их матери и жёны горьких слез не лили! Но как страшно, горько было получать печальные известия, когда великой войне, если верить радио, наступил перелом и доблестная Красная Армия бьёт ненавистного врага на его поганой территории! Слово чёрные вороны, прилетали с чужой стороны письма-похоронки... Убит, пал смертью храбрых, умер в госпитале от ран...

Тогда-то и озадачили измаявшихся в ожидании худых вестей баб лозовицкий церковный староста, правивший службу вместо тяжело хворавшего батюшки и не успевавший утешать неутешных. Изрёк он во всеуслышание такие слова: дескать, шейте, солдатки, всем миром обережный рушник и несите его в храм. Стану за души ратников, кровь проливающих за веру и отечество, денно и ночью молиться, ибо иным из вас, бывает, не в силах до церкви добраться, потому и молитвы нерегулярно кладёте. И чтобы обязательно на рушнике, в самом центре была вышита святая Великомученица Параскева Пятница, ибо есть она — Берегиня христианского рода и всех наших окрестностей, мать земная, хранительница здоровья и семейного очага.

И чтобы каждая мужняя, незамужняя, вдовая и просто которая в девках, но близкого человека на войну проводившая, сотворила на том полотне

свою персональную памятку в виде цветка, орнамента или другой заветной метки с мыслью о дорогом человеке.

А когда всё это вы, бабы, исполните, говорил церковный служитель, то пусть каждая зажжёт свечку при церковном алтаре, и рушник тот будет освящён.

Рушник-оберег, вещал далее староста, не только печали и слёзы бабы утолит, но главное — расстелется чудесным покрывалом над головами служивых и ратных, заслонит их в походе и в сражении, от тяжких ран исцелит, от неминуемой гибели уберезёт и пулю вражью отведёт. Одно условие-уговор: на всё про всё вышивальное действо даётся единственная ночь, иначе святой завет оберега может и не сбыться...

Вот такую заповедь огласил прихожанкам староста Никодим, сам страдавший язвенной болезнью и посещавший знахарку для исцеления...

“У Козловых солдатки робют бережливый рушник! Для мужей и сынов, что с немцем бьются! Будут Параскеву Пятницу в шитье возрождать!” — пронесся по деревне заплотанный слух, и в тот же день долго хлопала калитка Настинной хаты, выпуская новых и новых желающих принять участие в святом деле...

В ту пору Евдокия была уже почти взрослой, неполных четырнадцати лет, и она помнит, как явилась на зов тетка Анюта, материна подружка, которую все с нетерпением ожидали. И с какой горделивой важностью, после паузы, достала она из-за пазухи сверток и медленно развернула тряпье...

Бабы ахнули. Настоящее ламповое стекло, “трёхлинейку” выгудила из своих грудастых недр толстуха Анюта и обвела ликующим взглядом присутствующих: мол, знай наших!

Стекло тут же на запасную лампу приспособили.

В хате намного светлее стало и бодрее.

Ай да Анюта! Она не только вышивальщица, каких поискать, и откликнулась на призыв подружки, но и довоенное стекло в лихую годину сумела сберечь. Значит, хватит света, сбьётся делу, состояться красивой срочной работе, коль первая мастерица примет участие и явилась с таким редким припасом. К тому же соседское женское общество Шабриха уважила, пришла на сбор. Больше всего скорбящих — в Лозовицах; в Похмелевке вдовых числом поменьше будет...

Из Дряглевки, из-за речки, а это почти десять вёрст, притащилась рябая Дарья Зеленкович, уж её-то никто не звал, но все промолчали. Откуда только прознала? Муж Зеленички ещё в финскую погиб, все об этом знали, но отказом не посмели вдову огорчить. Пусть уж вышьет зязюлю, раз попросилась. Облик тоскующей птицы кукушки на рушнике будет к месту.

Одной из первых заявила соседка Меланья, ещё летом получившая казённый пакет на своего Тимофея. Это уже много позже оказалось, что не безвестно красноармеец Кудлов сгинул, как отписал командир, а в плен угодил и после войны домой вернулся. Правда, ненадолго. За что попал, за то и посадили. Но в тот вечер, жалея мужа, горько рыдала Меланья на плече соседки, а трое мал-мала меньше в страхе жались к тётке Анастасии, напуганые материнским рёвом.

Еле угомонила баба. И сразу — в работу.

Дружно угадали, как на урок, Дунины школьные подружки постарше — Ольга Пашкевич, Лена Осмоловская и Чубарева Надя. Они семилетку перед войной закончили, замуж не успели выйти. У каждой дружок в армии, на фронте с 43-го. Весточек подружкам не шлют. Но, может, живы ещё?

Девчата поначалу стеснялись общества старших женщин, но, быстро освоившись, ленту в общее дело внесли: им было велено холст на квадраты и клеточки разметать и цветные нитки в ушки иголок вдевать. Девки молодые, глазастые.

Но и без них целая хата охочих набилась, и даже смелому не подобрать, пока главная мастерица к работе не допустит. Тут уж без уступок — у всякой болит одинаково и всякая вправе к святому делу руку приложить.

А заправила в затее, конечно же, Анюта Сакович, она же за глаза —

Шабриха. Первая помощница у неё — хозяйка Анастасия, в чьей хате сырбор. Настя, как и товарка, мастерица авторитетная. И выдумщица ничуть не хуже. Обе они и принялись верховодить: выбрали подходящий отрезок холста, чтобы лоскуты не сшивать и рубца лишнего не получилось. По долевой, продольной нитке общую картину наметили простыми стежками. По поперечной, утку, — знаки и образы. Тут Параскеве Пятнице, царице земной и небесной, расположиться. Здесь — облик богини Берегини можно и должно вышить.

Ладу попросили не забыть невесты целованные и нецелованные.
Венчальных голубков, чтоб женихи домой вернулись.
Кветку-ружу, чтоб верность и любовь не увядали.
Небесные звёздочки, чтоб дети рождались и росли.
Святое дерево, чтоб род не прерывался.
Жита сноп, чтоб не голодать.
Жаворонков весенних, чтоб тепло наступило.
Кукушку, чтоб убитых поминала, а живым года начисляла.
Перуновы молнии зигзагом, чтоб врагов разили.

Дуняша задумала вышить козочку Манюньку, очень уж она к отцу была привязана, и отец её любил, среди других козляток отличал. Однако девочку к рабочему столу вряд ли подпустят: не до козочки. И всё же Дуня памятный ромбик на ручнике оставила, когда работа заканчивалась, и у рушника-оберега освободилось местечко. Но это было под утро. И гордилась неумелым ромбиком пуце, чем самыми удачными своими во взрослой жизни рушниками и сложными полотнами.

Сразу же каждая из работниц урок получила: той нитки по колерам подбирать, этой клубки наматывать, третьим за лампой, коптилками и детьми присматривать. Остальным, которым негде к столу приткнуться, по лавкам сидеть, с мысли мастериц не сбивать и под руку не лезть.

Всё одно разговор зажурчал, вначале полупшёпотом, потом громче, то тихая, то оживляясь, особенно когда бабы начинали спорить, кому к оберегу подходить, — пока не упорядочилось, первыми стежками и крестиками не выткалось. И потекла ноченька, хоть и осенняя, темная, но скоротечней которой отродясь ни одна в этой хате не гостевала, светлее и лунней никогда не случалась. Спорилась работа, хоть и тесно, и жарко надыхали, и лампы на всех не хватало, а коптилки — вонь да сажа; глаза слезятся, нить цветами путается...

Но какова работёнка! Горше, чем с тяпкой в поле. Спины радикулитные ломит, головы с недоеду и недосыпу кружатся, глаза от напряжения и гари копытальной слепнут.

А кто когда в последний раз вышивальную иголку в заскоружлых пальцах держал?! Разве что суровой ниткой заплату на коленки дитёнку поставить да пуговицу медную пришить. Не до узоров с орнаментами было, не до цветков с ромбиками... Не каждой и дано. Ведь не крестик в ведомости ставить, а в клеточку на полотне махонькой иголкой попасть, не сбиваясь с наметки и с поля. Кончик нити спрятать. Локтем соседку не подбить. А ручки уж не те. Напёрсток на опухшие пальцы не надеть. Рвали их доселе, как хотели, плуги да вилы, лопаты да топоры. В каждой морщинке, в каждой вздувшейся жилке аршинными буквами прописана сельская военная правда: "Все для фронта, все для Победы!" До самой смерти печатку эту нести им вместе с колхозной Почётной грамотой в довесок за пазухой...

Детишек, кто с мамками пришёл, по лавкам и на печи, разомлевших, уложили. Каждому дитяти — по картофелине в мундире в кулачок, чтоб не плакали, когда голодными проснутся. И чтобы отцы-солдаты живыми при-
снились.

Одна из солдаток, глядя на спящих деток, рассиропилась на песенный плач, но на певунью дружно зацыкали: не ко времени и не к месту. Обережный рушник, как и жертвенный, серьёзности, печальной сосредоточенности требует, легкомыслие здесь ни к чему. Не тот случай.

Всё, о чём мечталось, что снилось и грезилось, выткалось к рассвету на льняном полотне, и показалось измученным бабам, что не было и не будет тому рушнику равных по красоте и душевности ни в деревне, ни в дальних окрестностях, ни ныне, ни присно, ни вовеки веков... Горьким откровением, горючей слезой, душевной мольбой, расцвело льняное поле в старательных руках — и, уступая дневному свету и сиянию, исходившему от вышитых образов, разом погасли чадающие языки коптилок.

Керосин выгорел досуха.

С тихим звоном треснуло и распалось на части перекалённое ламповое стекло — будто испустило вздох облегчения.

“Конец — делу венец!” — подвела итог мудрая Шабриха.

Лампу жалеть не стала: мужики жизни кладут на фронте, а тут — стекло...

И все вздохнули с облегчением.

И хоть велика была усталость и страшила неуверенность, так ли и все ли вышили, не забыли ль чего важного, однако понесли бабы готовый оберег в лозовицкую церковь на освящение.

Несли бережный рушник, как икону, — перед собою, на вытянутых руках. И стар, и млад сбегались смотреть на сей неурочный крестный ход, а многие к нему и присоединились.

Потом дни и ночи напролёт, пока длилась страшная война, усердно молились за своих и чужих, уповая на чудодейственную силу оберега.

Спаси и сохрани!

И так — до самой Победы.

Уж сколько лет прошло, а вот вспомнилась старой женщине та вдовья, сквозь слёзы и через “не могу”, заполошная страда за ночным рукодельем — и теплее на душе, и печаль светлей. Ведь сдружились тогда, хоть не за плугом ходили и не тупыми косами отаву сбивали. В первую голову их самих, измученных военной бедой, защитил оберег: чёрную тоску развеял.

Свято верили: если хотя б одного-единственного солдатику заслонило в бою заговорное вышиванье, хоть одному горемычному страдание и боль облегчило, то, стало быть, и бабья тыловая затея свершилась не зря. А коль иных, кого с фронта ждали, смерть продолжала без разбору косить, вопреки обережному заговору, то умирали бойцы за себя и за домашних покойно. Почему? Дурак не поймет, а умный не спросит...

Много воды с тех пор утекло, много слёз пролито, а помнится та ночка в мельчайших подробностях. И всё, что с ней связано, грезится.

Приляжет, бывало, Евдокия отдохнуть от суетного дня, но забытьё не идет. Зажмурит очи — и, как живые, являются ей знакомые лица солдат, что с войны не вернулись. Похмелевских, осоловицких, тошнинских, лозовицких воинов...

Вот и нынче пригрезилось: словно наяву, идут мужики гурьбою в белых нательных рубахах, и среди них — отец её Илларион с косой на плече. По всему видать, не при военных фронтовых делах, потому что не по форме косцы одеты и на скошенном поле находятся. Направляются на бережок. Закуска на траве расставлена, выпивка. Знать, добились работнички делянки в пойменном лугу и на ужин собрались. Но никак не добраться им до заветной скатерти. Тропинка в сторону уводит. Исчезают родимые плечи, растворяясь в вечернем тумане, не оборачиваясь, уходят... Не воротить, не дозваться... Только молоко из кринки, неловко поставленной, на цветастый рушник тоненькой струйкой льется, вот-вот иссякнет...

Закроет женщина глаза — то же самое видение.

Подхватиться бы, да ноги окаменели...

Однако не чувствует боли онемевшее тело, и рука старушки безвольно падает на одеяло, походя сталкивая на пол корзинку с шитьём, взятым под бок по привычке.

“Катька подберёт... Если зайвится...” — промелькнула в угасающем сознании бабушки Евдокии последняя отчётливая мысль...

Житная баба

Што за ўсё тлусцейшае? — Зямля.
Што за ўсё цяплейшае? — Сонца.
Што за ўсё чысцейшае? — Вада.
Што за ўсё хутчэйшае? — Вецер.
Хто за ўсё дабрэйшае? — Маці.
Што самае салодкае? — Сон.
Што за ўсё смачнейшае? — Хлеб.
Што за ўсё мацнейшае? — Смерць.
Хто за ўсіх багацейшы? — Каза.
Хто самы працалюбівы? — Пчала.
Хто самы гаротны? — Жанчына.
Што самае прыгожае? — Кветка.
Што без канца і пачатку? — Дарога.
Хто ўсіх корміць? — Зямля.

Кто научил Евдокию, крестьянку, сим премудростям, она и сама не знает. Впитались они в сознание и кожу утренним туманцем, что висел над весенней речкой-шептухой на окраине деревни Похмелевки, влились в душу тёплым летним солнышком с неба, проникли в уши перезвоном жаворонков над жнивьём. Цветком-васильком в сердце откликнулись — и звучат, то замирая, то возносясь, серебряным перезвоном.

Радуют. Томят.

Василёк — красивый цветок, а на хлебном поле — сорняк. Все одно не поднимается рука серпом уничтожать красоту.

Охажку синих цветов жница меж колосьев насобираала, букет сложила.

“Ой, Василько-Василек, путь и долог, и далёк...”

Солнце уже высоко: пора домой.

На тропинке, ведущей с поля к хате, девушка повстречала Володомира, деревенского дурачка. Фамилия горбуна — Муравчик. Звучит хорошо, траву-мураву напоминает. А сам Володомир — как лесной корч: голова в плечи втянута, спина коромыслом, руки ниже колен свисают. Он не намного старше Евдокии, а выглядит, как молодой старичок. Горб его старит.

Однако добрый. Цыпленка не обидит.

“Дунька, хочаш пашпарт атрымаць? Бягі на станцыю. Там аб’ява вісіць”.

“Какой паспорт, Володомир? На солнце перегрелся?”

“Вось табе крыж! Казённая папера. Сам чытаў”.

Муравчик только внешне неуклюжий, дремучий. Он всё знает: что и где в Похмелевке и в Осмоловичах происходит, какие события грядут. Везде поспекает. Читать-писать научен. Хоть в школу и не ходил.

До железнодорожного разъезда обернуться — всего ничего. Да и бешеной собаке семь верет — не крюк. Так говорят.

Обмирая сердцем, вскоре она читала уже объявление, что было вывешено на стене станционного здания, рядом со входом в небольшой зал ожидания с голой буфетной стойкой в углу.

Печатные буквы прыгали в глазах. Не сразу сумела сообразить, что к чему:

“Отделение Оргнабора Климовичского районного исполнительного комитета объявляет дополнительный набор населения на работу в рыбоперерабатывающей промышленности СССР. Срочно требуются сезонные рабочие на рыбокомбинат “Островной” острова Шикотан объединения “Дальрыба”. Приглашаются граждане женского пола. Проезд к месту работы и койко-место в общежитии комбинатом обеспечиваются. Выдаются подъемные. За справками и направлениями на работу обращаться в Климовичский райисполком, кабинет № 12”.

А ниже, уже от руки, разборчивым почерком дописано:

“Лицам, отработавшим по направлению из сельской местности год и более в районах Дальнего Востока, приравненных к условиям Крайнего Севера, возможна выдача общегражданских паспортов СССР единого образца”.

И подпись: “Уполномоченный Оргнабора Сивцов”.

Роспись у Сивцова коротенькая и кривая, как червячок-наживка на крючке...

Дуняша проглотила приманку без передыха и раздумий.

В кои веки еще сподобится настоящий паспорт получить! Не положено иметь их колхозникам. Редко-редко кому-нибудь из осмоловичских или похмелевских удавалось получить справку-открепление в местном колхозе — конечно, с согласия сельсовета. Парням-то проще — заберут в армию, и ищи-свищи их в поле ветер после службы! На колхозных полях да на фермах только такие, как Дуняша, остаются — ни в солдаты, ни в матросы, ни подмазывать колёса! А тут okazия, редкая возможность, можно сказать, впервые в жизни!

Не была бы она из Осмоловских — загорелась идеей, как порох. Ничто девушку в деревне якорем не держит. Матушку в прошлом году схоронила — царство ей небесное! Отец Илларион Киреевич с войны не вернулся. Младшие сестрёнки и братик ещё в малолетстве поумирали. Одна забота — коза Манюня да куры в сараюхе. Но живность можно и по соседям раздать. Вот соседка Миля Кудлова — трое у неё деток — давно уже голову морочит, мол, отдай да отдай, Дуня, козу: на корову сена не напасешься, с козой экономней... Тебе по-всякому пол-литра молочка отольётся.

Давно надо бы отдать... У Эмильки муж в лагерях сидит, где-то под Соликамском. А где это — одному Богу известно. Вроде бы в Пермском крае. Как вернулся Кудлов после войны из немецкого плена, так его наши сразу и забрали. Говорят, отбывал в немецком лагере в Норвегии... В советском-то, небось, всяко полегче! Хотя и без права переписки с родными...

Решено: Манюню — Эмильке. Кур можно и зарезать. Будет на пропитание в дороге.

А вдруг не примут?

Эта ужасная мысль буквально обожгла её своей простотой и несуразностью, и она тут же засобиралась в районный центр, дабы поскорее разузнать в тамошнем райисполкоме свою судьбу. Ни больше, ни меньше.

К вящей ее радости, все оказалось намного проще, чем представлялось из захолустной деревни.

В Климовичах в отделении Оргнабора, в заставленном столами тесном кабинете с номером “12” в райисполкоме — не обманул Сивцов! — фамилию Евдокии записал важный уполномоченный. Повыспрашивал о родителях, образовании, социальном положении. Евдокия поняла, что она подходит по всем статьям и приехала очень кстати, так как разнарядка на Шикотан почти выполнена и “красавица успеет вскочить в последний вагон”...

Против “красавицы” Дуняша возражать не стала, а при слове “вагон” начала тревожно выглядывать в окно: где же он?

Уполномоченный Сивцов посмеялся и вручил девушке предписание: быть на железнодорожном вокзале Климовичей такого-то числа во столько-то, имея при себе продукты питания в дорогу на неделю и предметы личной гигиены. Суточные и проездные будут выдаваться при отправлении. Явка обязательна.

Все открепительные формальности с колхозом и сельсоветом Оргнабор как представительский орган райисполкома брал на себя.

Нищему собраться — только подпоясаться. Окна и двери досками накрест, на косяк — замок. Соседи присмотрят.

Кур Эмилия помогла отловить и передуть. Правда, двух самых ценных сереньких несушек хозяйка пожалела, за так отдала.

Коза Манюня, хоть и упиралась, но в чужой двор пошла, соблазнившись хлебной краюхой. Евдокия специально не кормила животных перед отъездом и не доила, чтоб притомить.

В любом случае самое дорогое существо останется в целостности и сохранности. Уговор ее пребывания в соседском хлеву — до Дуняшкиного возвращения. С этим всё в порядке. И сердце за козу-дерезу не тревожится.

Земля. Тут намного серьезнее. Пару соток посеянной и вызревшей озимой ржи Евдокия сама успела сжать, остальное оставила на совести сосед-

ки. Можно было, конечно, и однорукого Митяя Матохина, старинного отца дружка, попросить, чтобы скосил и смолотил, однако станется с него и своего.

Льна она не сеяла. Бульбы — с гулькин нос. Зелень на грядках возле хаты — не большой прибыток, охотники на лук да репу и без понуканий найдутся.

А что земля? Куда она денется? Пусть отдохнет. Пшеничка из года в год не родит, и нечего лишний раз сотки пахотой иссушать и потом солить. Житу — жить, если сами живы будем.

Еще взяла Дуняша в дорогу материнский рушник. Как память о матери с отцом, о родимом доме. Каждый стежок на полотне материнской рукой вышит, каждый цветочек и знак ею подобран. Не говоря уже о льняной дорожке — выпестован долгунец на влажном суглинке, выжарен на солнышке, мят, терблён дождем и ветром наперегонки с крестьянскими руками, вымочена, выбелена ткань на росном речном бережке.

Памятен этот рушник, красивая на нём работа.

Надежда-свет-Борисовна — матушка дорогая, далеко не последней вышивальщицей в Похмелевке считалась, но составлять венчальный узор для единственной дочери не рискнула: призвала на совет Аниоту Сакович из Лозовиц — знатную мастерицу, товарку свою сердечную.

Разметили рисунок кумушки-подружки чин по чину. Дерево жизни в орнаменте присутствует — зелёный ствол с кроной-отростками; Лада — богиня любви и красоты с букетом в каждой руке; любовные голубки, повернутые клювиками друг к дружке, и звездочки — будущие детки, на *небесном* своде. Есть в орнаменте и цветы-васильки, и трудолюбивые пчёлки, и весёлые жаворонки. А центральное место в композиции занимает Житная Баба — символ плодородия, благоденствия и здоровья будущей семьи.

Мастерицы ещё поспорили, что важнее, первостатейнее: Багач в виде ржаного снопа или же Баба — примерно такого же рисунка, вышитые традиционным одинарным либо двойным, “болгарским” крестиком?

Судили-рядили, пока не сварганили свадебный рушник разноцветной ласковой гладью, предпочтя, по обоюдному согласию, верховодство в орнаменте Житной Бабы с колосьями, ибо:

*Мыто жито, тёрто,
Да не вытерто,
Било баб, изорвано,
Да не выбито...*

Утёрла Евдокия материнским рушником слезинку воспоминаний и спрятала его на самое дно фанерного чемоданчика. Лучше нету дружка, чем родная матушка...

Не гулять той на свадьбе дочери, не стелить венчальный рушник под невестин каблучок...

Но расстелилась дальняя дорога льняными полотнами, просматриваясь далёко, насколько позволяли леса и взгорки вдоль железнодорожной колеи.

Что без конца и начала? Дорога. Вот и вьётся она, наперегонки с ветерком, который ласкает лицо в вагонном окне, полуспущенного рамой вниз...

К общему отъезду из Климовичей Евдокия успела. Группу собравшихся работников провожал уполномоченный Сивцов. Каждой завербованной был выдан железнодорожный билет и суточные — целая уйма денег. В колхозе столько и за полгода не получить. Там, известное дело, “палочками” расчёт идёт.

Группа собралась человек тридцать. В основном взрослые бабы: сороковухи-годовухи, вдовы солдатские бездетные, разведёнки, семьями не обременённые.

Дуняшкиных однолеток — раз-два и обчёлся. А она, по крестьянским меркам, тоже не первой свежести — за двадцатку перешагнула. Ну, и что с того, что замужем не была? Неизвестно ещё, когда теперешние невесты-школьницы повьйдут! После страшной войны изреженными на мужички головы оказались села и деревеньки, обабилась сеножати... В городах тоже,

видать, мужского полу не густо: сплошные платки и юбки на станциях, редко где пилотка да фуражка промелькнёт, важная шляпа проплывёт. Все фуфайки, калеки, вдовы с клунками да мешочки на каждом перроне. Всё едет куда-то народ, провожается...

Им, вербованным, ясное дело, куда — на Курилы, на Шикотан. А остальной люд куда устремляется? Отчего не сидится на одном месте? Вот стронула страну война, сорвала людей с насиженных мест — и, оказывается, не в состоянии остановиться вселенское движение, хоть мирная жизнь давненько наступила и народное хозяйство, войной порушенное, восстанавливать требуется. Рабочие руки везде нужны.

Пока девочки и женщины из группы вербованных размещались, утрясались и знакомились, не одна верста за окном пролетела. Все леса да озера с речками чередовались — Белоруссия.

Евдокия прикорнула в купе общего вагона, возле наружной стенки у стекла, а сон не шёл.

Подремывала — вспоминала...

Долгие провода — лишние слёзы

В тот день, когда отец уезжал на фронт, они с матерью долго шли пешком из деревни на станцию в Осмоловичи, стараясь не отстать от пешего строя мобилизованных односельчан. Война и без того частой гребенкой прочесала мужское население окрестных сёл и деревень, оставив на последний набор самых непригодных.

Среди них оказался и стрелочник Илларион Козлов. Перед войной его не забирали, потому что держала железнодорожная бронь. Во время оккупации немцы не трогали по причине непризывного возраста, хотя в свои пятьдесят стрелочник всё ещё выглядел молодцом.

А весной 1943 года, сразу после освобождения села Осмоловичи и прилегающих к нему деревень Могилёвщины, отставной солдат добровольцем вызвался на фронт.

Таких, как он, нестроевых, ограниченно годных и только-только достигших призывного возраста, набралось в округе человек семьдесят. Большинство — из Похмелевки. А также из Богдановки, Дрягилевки, Лозовиц, Тошны и других деревушек и выселок, окружавших головное село.

Минова росстань за селом, многие из провожавших и провожаемых осеяли себя крестным знамением, на ходу поворачиваясь лицами к придорожному кресту.

Бабы, чьи мужья и сыновья уезжали на войну, крестились поголовно, можно сказать, подобно — истово. Старшие мужики — через одного. Молодые новобранцы прятали глаза — комсомольцы.

На станции строй распустили. Призывники поспешили к своим, те обступили отъезжавших, образовалась толчея, постепенно распавшаяся на группы и группки. До объявления отправки пришлось ждать долго; людей несколько раз строили, делали переключку. Потом привезли на полуторке военное обмундирование. Оказалось, что в кузове были только мотки брезентовых солдатских ремней с почерневшими от складской плесени железными пряжками.

Ремни раздали.

Отец, подпоясанный поверх пиджака брезентовой лентой зеленоватого цвета, стал похож на военного и будто очужел.

Дуняша как ухватила детской рукой за ремень, так и не отпустила от себя отца до самой посадки в вагон-теплушку. Еле-еле удалось матери ручонку оторвать, разжав побелевшие пальчики. Чувствовало детское сердечко: последний раз живым родителя видит.

Мать, напротив, даже слезинки не уронила. Посчитала, что негоже перед разлукой и людьми плакаться, мужа в тоску вгонять. А тут состав подошёл, которого подья ждали: всё уже переговорено, помянуто, наказано, к чему лишние слова? Долгие провода — лишние слёзы. Мать даже подтолкнула легонько замешкавшегося в толчее супруга: дескать, другим проходить

на посадку не мешай... Долго ещё будет потом себя корить за произвольный толчок... Все видела Дуняша, все понимала.

Писем с фронта от отца не приходило. За исключением казённого конверта в августе 1944 года.

В скудных строках извещения за подписью командира воинской части значилось, что красноармеец Илларион Козлов погиб смертью храбрых в боях под городом Пропойском в Белоруссии. Там и захоронен в братской могиле.

Совсем, значит, недалеко от родных мест батяня отъехал и на белорусской земле героическую смерть принял, решили в семье.

А ещё позже вернулся с фронта в Похмелевку бывший колхозный бригадир Митяй Матохин. С культурой вместо правой руки. От него и узнали: призванные мужчины из Осмоловичей и окрестностей, что отправлялись на войну в тот памятный день, были направлены в одно воинское формирование под город Пропойск, где и застряли в болотах вдоль реки Проня. Почти полтора года наши пытались прорвать здесь фашистскую оборону. Почти все погибли — осмоловичские, похмелевские, богдановские, лозовицкие, тошнинские... А от Иллариона Козлова только ремень брезентовый остался на немецкой колючей проволоке, которую боец с другими солдатами полез разминировать...

“Такие вот пироги с котятками”, — добавил тогда Матохин.

После войны на могилку отца и мужа не съездил никто, хотя мать просила и перед своей смертью наказывала: “Езжай, Дуняша, праху родителя поклонись, сама я не доеду...” А когда было ехать? Хозяйство Евдокию держало. А вот сейчас и сама отправилась к чёрту на кулички, через всю страну, аж на Курилы... Географию в школе изучала, как-никак...

“Интересно, город Пропойск уже проехали? — думала Евдокия. — Наверное, он все-таки в стороне остался...”

Этот Пропойск, будь он неладен, давненько в мозгах у Евдокии свербел. С тех пор, как впервые о нём услышала...

Дело было на осмоловичской станции, в буфете. Сюда повадился приходиться не только горбатый Муравчик, но и многие из окрестных жителей в надежде узнать последние новости с фронтов.

Чёрная чаша репродуктора, объявлявшая прибытие и убытие поездов, иногда оживала по вечерам голосом Левитана, передававшего сводки Совинформбюро.

В тот день случился завоз долгожданного бочонка с пивом — говорили, что бочонок приказал выставить населению начальник станции в честь очередной победы Красной Армии.

Как только репродуктор ожил — наступила тишина.

Левитан зачитал сообщение Совинформбюро и приказ товарища Сталина об освобождении города Мстиславля салютовать доблестным войскам 2-го Белорусского фронта, форсировавшим реку Проня и прорвавшим оборону немцев на могилевском направлении, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий...

Мстиславль находился от Осмоловичей в нескольких сотнях километров, почти рядом; люди, набившиеся с перрона в буфет, кричали “ура”, чокались пивными кружками, обнимались и целовались.

А ровно в 22 часа повалили все разом из помещения, как будто салют из далёкой Москвы можно было отсюда увидеть.

Евдокия нечаянно подслушала разговор подвыпившего инвалида-фронтовика с путейским рабочим, одетым в замызганную спецовку.

Инвалид был на коляске, с одинокой медалью на гимнастерке, нездешним — такие разъезжали поездами по всем направлениям, пели жалостные песни под гармошку, собирая подаяние. Иногда их забирала линейная милиция, ссаживая на больших и малых станциях.

“Почему Пропойск не хотят брать?! — грозно спрашивал пьяненький инвалид у случайного собеседника, с которым угомонили уже не один “мерзавчик”. — Не знаешь, мазутная душа? А я ведаю. Я там был, почти рядом. Вот и шасси свои там оставил... А как прикажете товарищу Сталину докладывать, что вышибли, наконец, немцев из этого города? Так, мол, и так, това-

риц Верховный, — Пропойск освободили?!” — “А чего раньше чухались? — спросит товарищ Сталин. — Где ваши танки, авиация, артиллерия, инженерная поддержка? Что же вы пехотным пузом на фрицевские доты и дзоты прёте, солдатиков кладёте ни за понюшку табаку? Сами пьянствуете, так считаете, что и в Пропойске немцы вусмерть пьяны, голыми руками их берите?” Пока не отыщут подходящее название городу — войска не двинут. Не с руки, — сделал вывод инвалид. — Опять же незадача — без согласия товарища Сталина никто переименовать не отважится... Колечко получается...”

“Выходит, из-за поганого пьяного слова отцу с товарищами-солдатами, засевшими в окопах под Пропойском, никто на помощь не идёт?” — спрашивала себя Евдокия, шалея от подслушанного разговора.

Хотела было выпытать у инвалида подробности, но его уже Володимир Муравчик с младшими мальцами покатали на низенькой тележке с колёсиками в село — ночевать к одинокой хроменькой Меланье. Оба калеки — два сапога пара. Слюбятся.

Пьяный инвалид размахивал, как противотанковыми гранатами, ручками-упорами с набитыми на них резиновыми набалдашниками и кричал: “За Родину! За Сталина!”

Обе ноги были ампутированы у солдата почти по пах.

*Я был батальонный разведчик,
А он — писаришка штабной,
Я был за Расею ответчик,
А он спал с моею жаной.
Ах, Клава, любимая Клава,
Ты знаешь, как мне тяжело?
И как же могла ты, шалава,
Меня променять на яво?..*

Такую песню распевал безногий солдат, наяривая на гармошке...

А фамилию отца, Иллариона Козлова, вместе с именами других односельчан, погибших в Великую Отечественную войну, позже выбили на постаменте-стеле, установленной посередине села возле клуба — бывшей церкви. И хотя прах красноармейца Козлова покоится в братской могиле на берегу реки Проня под городом Пропойском, мать с дочкой к деревенскому памятнику в День Победы и на Дзяды регулярно приходили. Жертвенные рушники меняли на свежие. Не забыть бы, обновить...

Россия дорожная

Поезд ещё не дошёл до Москвы, а Евдокия все свои задачки уже по полочкам мысленно разложила, каждому неотложному делу местечко определила. Правильно говорят, что под лежащий камень вода не течёт. А вот стронулась с места — заботы разом и набежали, со всех сторон мысли-ручейки подтачивать начали.

Значит, так: к отцу она ещё съездит, благо город Пропойск, а ныне Славгород, недалеко находится, туда всегда успеется. Честно говоря, давно пора.

Знакомые погосты тоже никуда не денутся за время её отсутствия. Уж куда не следует торопиться, так это на кладбище. В любом смысле.

До Москвы доехали быстро. Казалось, только-только Смоленск минули, а вот уже она, столица, Белорусским вокзалом встречает. Здесь всё Белоруссию напоминает: зелёным с голубым выкрашено, а особенно узнаваемы разношерстные людишки и вокзальные разговоры. Как будто находишься на могилёвском перроне или в зале ожидания в Орше. А чуть отойдешь в сторону от привокзальной площади, подашься ко входу в метро — меж толстыми высокими колоннами, как перед храмом в районном центре Климовичах, — ан нет, это тебе не деревня Похмелевка на восемь дворов да двое коров!

В Москве людей, что на дубе желудей. Торопятся все, толкаются. И до чего эти московские себя уважать велят! И на улице, и в подземном сверкающем царстве, и в разных красивых магазинах. Сорок сороков — кобыла без подков, Тишинка, Мясницкая, пустая бадя — московский я!

Но Москва! Слово-то такое! Как благовест звучит!

Жаль только, город толком не увидели: сразу нырнули в метро. А там — лестница-кудесница, бойся — ногу затынет меж ступенек; подземные поезда один за другим подбегают; автоматические двери захлопнуться перед носом норовят; люди, будто муравьи, по проходам снуют; затем — грохот, ночь, огни станций, а вынесет на божий свет эскалатор — опять кругом столпотворение. Люди бегут, машины сигналият, светофоры мигают.

Хорошо хоть старшая группы — средних лет солдатка, назначенная за главную еще в Климовичах Сивцовым, не растерялась: “Стоять, кулёмы! От меня ни на шаг! А сейчас — бегом!”

Гуськом, как утята за маткой, и продвигались.

На Ярославском вокзале (попробуй угадать, какой из трех?) столица иным ликом к гостю поворачивается, доселе незнакомым, разномастным. Людская круговерть воробыной кутерьмой чирикает: гомон, гвалт, перебранка. А спросишь дорогу к кассе, то какая-нибудь бабулька — божий одуванчик либо мужичок-с-ноготок начнёт словесный бисер во рту перекатывать, а круглое “о”, словно слобной баранкой, рот распирает и захлопнуться ему не велит: “Подит-ко, деваха, туда-то-сюда-то, растуда-то, куда глазье-то положила и яйца в лукошке топчаш?! В окошко-то кочан засунь, там пошуми!”

Однако старшая группы и сама знала, где билеты продают, а где расписание поездов искать. Даже отдельное окошко на вокзале имеется, где на разные вопросы отвечают. Надо только в очереди постоять.

Притомились с непривычки сельские девчата, намаялись. Нигуда дальше привокзальной площади не отлучались. Не могли дождаться, когда в поезд “Москва—Владивосток” взгромоздятся и тронутся уже в вечерних сумерках в даль далёкую, неизвестную. Ох, правильно говорят: дорога никогда не кончается.

Вагон — плацкартный, каждому пассажиру — “по мягкому месту”.

Не сразу смысл шутки дошёл, которую усатый проводник вместе с комплектом сыроватого постельного белья пассажирок снабдил. Знать, ехать им — кум-королем, чай распивать и песни горлопанить. Ведь дальняя дорога всегда на песенный лад настраивает...

Но пожилая солдатка тут же на товарок цыкнула: мол, не на колхозной вечеринке находитесь, культурно себя вести надо... Значит, молчи себе в тряпочку и в окошко глаза пяль.

В плацкартном вагоне всё внове: стаканы в серебристых подстаканниках, пепельницы на стенках в проходах, расписание движения поезда в рамочке возле служебного купе проводников. И, конечно же, отдельный туалет с кусочком пахучего мыла на полочке, зеркальцем и, извините, сиденьцем, куда по нужде приспособиться можно...

Кусочек мыла махонький, это правильно. Попробуй на всю поездную ораву запасись. Только их, вербованных, почти три десятка душ!

Освоившись с туалетными железнодорожными премудростями, девушка посчитала себя вжившейся в вагонный быт основательно, оставалось только посетить буфет при ресторане, но сказали, там очень дорого, да и незачем: каждая везла с собой что-нибудь съестное. Чай разносили проводник с напарницей по первому требованию. Можно было и самой кипятка из титана набрать.

Но полезет ли кусок в горло, когда за окном — кипучая, могучая, никем непобедимая поворачивается к тебе чудесным ликом, доселе незнакомым. Только успевай головой вертеть и зажмуриваться при встречных составах.

Евдокии даже завидно стало. Вот у проводников жизнь! Разбегаются, считай, бесплатно, разные города видят, разных людей. Хорошо, что сама отправиться в дорогу не побоялась. *От Москвы до самых до окраин* — как по радио поют — всю державу сможет увидеть!

Раньше только на школьной географической карте свой теперешний путь проследить могла. Тонкой чёрной ниточкой железной дороги Москва с Владивостоком связана. Кружочками и точечками редкие города обозначены. Ладощкой прикрыть расстояние на карте можно. А нынче каждый сантиметр в дневной, суточный путь оборачивается, каждая точка в необозримый круг превращается, и кружит тебя, вращает земля, да так, что непонятно, в какую сторону вращение и наступит ли ему предел.

Оказалось, что в первые несколько суток поездного движения были переговорены с новыми знакомыми почти все насущные темы, а плацкартный вагон, куда взяла билеты старшая группы, стал привычней родной хаты в деревне или родительского двора. Будто едешь, скажем, в телегу со своей бабской колхозной бригадой после страдного сенокоса и ничего, измотанная, после вил и граблей не радуешься, скорее бы ко двору. Песни перепеты, рожки надоели, а натруженное тело жаждет покоя.

Однако не уставала поражать и удивлять дорожная великая Россия.

Ожидалось: домчится поезд до Уральских гор, перевалит становой российский хребет, а там и всего ничего останется до самого края Союза. Раз — и в дамках.

Нетушки! Именно за Уральским камнем и начинаешь воочию понимать и осознавать величие и необъятность просторов Советской страны. Это не с горки на санках съехать! Тут, впрягшись в гружёный обоз, по колдобинам да по рытвинам, по оврагам и косогорам, по дремучим лесам да бескрайним степям погоняй лошадок, не взнуздывая, плечом поднаваливайся, возу подсобляя, а дотащишься ли — то не ведомо...

А представила себе Евдокия, сельская труженица, что кабы если бы весь великий путь по Сибири и тем просторам, что далее, до самых восточных морей, ехать не по железке в праздности и пустозвонстве, а на тележном резиновом ходу, а если очень повезёт, — на колхозной полуторке, и сколько недель и месяцев заберет эта дорога, — то пассажирке вовсе дурно стало. Вот угораздило на прогулку!

Сколько дней провели в вагоне, четыре или пять, со счёту Евдокия сбилась. Календарей и часов ведь ни у кого из попутчиц не было, а у проводников всякий раз спрашивать неловко. Время отсчитывалось и воспринималось главным образом простуком колёс да знакомыми с детских лет названиями российских городов, через которые проезжали. Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск... Ядрёные имена, смачные, тугие, как яблоки крутобокие зимние! Такие же и виды на перегонах вдоль железнодорожной насыпи: суровые и дикие.

Вдоль Байкала дивчина почти день-деньской крестом в вагонном окне простояла, всматривалась в славного озера священную даль, которую и сравнивать было не с чем, разве что с настоящим морем...

Возможно, и меньше времени прошло, но разве считают часы у алтаря, когда допущен к нему коленопреклоненно?

“Славное море — священный Байкал!”

— Через час поезд прибывает на станцию города Улан-Удэ! Кому выходить, сдайте постельное бельё! — объявила, пройдя по вагону, проводница.

Это название заковыристое другое в памяти всковырнуло — кок-сагыз. Намаялись в свое время колхозные бабы, корячась на прополке диковинного зелья, которое полеводоц заставляли выращивать наравне с картошкой и свеклой. Еще шутка промеж деревенских ходила: “Спасибо Сталину-грузину, что дал нам гуму и резину”. “Гума”, по-белорусски, опять же — резина. Вот и смекай... А Митяй, бригадир Матохин, страдал: мол, не вздумайте, товарищи колхозницы, при посторонних вякать. Кок-сагыз — растение чрезвычайно важное, стратегическое. Это каучук для народной промышленности, понимать надо.

Куда уж им — тёмным, беспаспортным... Секли тямками траву кок-сагыз без всякой жалости, народной промышленности урон нанося, правда, с оглядкой.

“Неужели до самого Владивостока не земля, а сплошная ссылка?” — думала Евдокия, впадая не то в дрему, не то в дивный летаргический сон, навеянный дальней дорогой.

Куда ни обрати взор, везде она — кондовая, матёрая, дикая... Кажется, только прислушайся — отзовётся звоном кандалным. Осторожным тоскливым стоном откликнется, что песней в народе кличут... Могучая, никем не понятая сила таится за каждым поворотом! Чудо-богатыри в нательных рубахах дремлют под лесными стогами и стрехами до поры до времени, вздорной суетой лень и покой свои не нарушая. Но только потревожь их мирный сон! Все сметут. Ноги — в сапоги. Шапку — на затылок. Тулуп — в охалку. Рогатину в руку, топор за пояс. И по головам, по спинам вражьи пойдет гулять сибирская дубина. Лучше не буди!

В хабаровской глуши — другие краевиды и мысли. В Приморье и городе Владивостоке — и того пуще. Синий океан не терпелось увидеть: каков он?

Дальняя дорога до того утомила, что поначалу качало девчат на земле, как на волнах. Голова гудела от вагонной тяготины, а подул свежий ветер, надвинулись высоченные сопки, навалились крики чаек, обрушился нескончаемый портовый гул — совсем голова кругом пошла. Чем ближе к портовым причалам, к воде спускались с горки, тем выше, казалось, морская гладь приподнимается.

Так вот оно какое, море-моряшко! Высокое, под самые облака...

В приёмном сборном пункте, куда доехали с железнодорожного вокзала, набралось таких же, как они, вербованных, несколько сотен. Сплошное бабье царство. Каких только лиц и наречий не собралось! Хохлушки семечками плюются наперегонки с россиянками, узбечки и казашки по-своему о чем-то тараторят, белорусские тихони особнячком в кучку сбились, а ростовские блатняги — кто их только приглашал! — сразу по чужим сидорам шустрить и на водку сбрасываться. Где тут лавка, далеко ль кабак? Еле-еле вербовщики разношерстную эту публику на посадку собрали, когда спустя полдня ожидания пароход к пассажирскому причалу подошёл и людей на борт по трапу повели. Откуда только слова песенки, которую пьяненькая зэчка-растрепя неожиданно для всех запела, Евдокии были знакомы?

“Я помню тот Ванинский порт и вид парохода угрюмый, как шли мы по трапу на борт в холодные мрачные трюмы...”

Вместе, что ли, с морским воздухом в душу впитались, с чужой ссыльной памятью проросли? Где эта страшная Кольма и Ванино? Говорили, вначале в Южно-Курильск пароход пойдет, а потом уже на Шикотан...

И радостно было Евдокии увидеть море, и боязно на высокой пароходной палубе находиться, и страшновато по узким крутым лесенкам в стальные недра спускаться. А попала в огромный трюм — совсем духом смутилась. Нары, как в тюрьме, в три яруса, сыро, темно, крысами воняет...

— Ничего, бабоньки, привыкайте к каторге! — подбадривали, издеваясь, самые опытные и ушлые из вербованных работниц.

— Слушайте больше этих балаболок! — успокоила пожилая ростовчанка. — Вспомнили урки нары, вот и бесятся на радостях! Всех нас одним чохом по Курильским рыбозаводам на островах развезут. А там работа как работа. Привыкнешь.

Посеешь поступок — пожнёшь судьбу

В диковинку поначалу показался Евдокии морской пароход, трюмы, палубные надстройки, неприветливое море за бортом. Как и всех пассажиров, одолевала девушку морская болезнь: подташнивало от болтанки, и перед глазами круги разноцветные шли. Не до песен, не до стихов было. Умаялась в сыром трюме.

Уж плохо помнит, сколько времени трюмная эта жизнь продолжалась, как заходили в порт острова Кунашира Южно-Сахалинск, как прибыли на пустынный рейд неприветливого острова Шикотан, как, перебежав по шаткому трапу на маленький кораблик, подплывали и высаживались на деревянный береговой пирс, визжа от возбуждения и страха.

Бухта Шикотана приняла узким горлышком пароход, как будто заглотила его. Не по себе пассажирам стало. На берегу — строения безлюдного на вид посёлка, прилипшего к сопкам. Туман ключьями висит. Волны грохочут. Чайки кричат.

Непривычно и одиноко показалось сельской молодежи в незнакомом мире. И чего хорошего ждать, если кругом несуразные горы, вершин которых из-за тумана не видать, камни один на одном, а из пригодного жилья — только низкие бараки виднеются, маяк на возвышенности и каменное здание погранпоста. И все кругом, кажется, насквозь водорослями пропахло. Как тут люди живут?

Совсем уж было пала духом белоруска, как повстречала... корову. Брела себе бурёнка вдоль дощатого тротуара, ловко минуя нагромождения камней, и жевала кусок картошки.

И так старательно, сосредоточенно и спокойно поглощала непривычную хозяйскому взгляду пищу, что Евдокия вмиг успокоилась. Раз коровы на острове водятся, значит, можно здесь жить!

Правда, бараки низкие, ветрами продуваемые, обитые жостью и кусками рубероида, на шалаши похожи. Но присмотрелась — дымок из труб вьётся, будка вроде копильни стоит и курится. Позже узнала: это островные абorigены красную рыбу таким образом коптят и вялят.

Рыбный комбинат под названием “Островной” удивил размерами и обилием рыбы. Была она везде, всюду и в невероятных количествах — в огромных глубоких чанах, на длинных разделочных столах, в консервных баночках, в картонных ящичках. Рыбокомбинат специализировался на сайре, и поклонялись, казалось, этой невзрачной рыбешке серебристого цвета и люди, и окружающая природа. А чайки, усеивавшие крыши низких строений комбината несметными, оглушительно кричащими стаями, пели сайре нескончаемый гимн, далеко разносимый ветром над скудными берегами, над неприветливым серым заливом. А может быть, птицы возмущались рыбной вонью, густо висевшей в воздухе, пропитавшей каждый камешек на берегу?

Напуганная дорожными разговорами о непосильной работе на рыбозаводе, Евдокия, как ни странно, к обязанностям обработчицы привыкла быстро, шкерить сайру научилась скоро. И нос, как в первый день на комбинате, от рыбной вони уже не зажимала. Орудовала острым ножиком, как заправская разбойница. Или хирургическая сестра — в белом халате, шапочке. Не приведи господи пальчик порезать — к конвейеру с ранками на руках не допустят. Приноровилась, приспособилась. К взрослым теткам приглядывалась, к советам мастера прислушивалась.

Через неделю-другую одним махом полосовала скользкую рыбешку от хвоста до головы и тем же движением рыбу голову отсекала. И так — до отупения, до полного изнеможения и ломоты в суставах и плечах. Только в общежитийском бараке приходила в себя от усталости, не отвачиваясь смотреться в маленькое зеркальце. Страшилась на себя посмотреть, чувствовала: исхудала, аки селёдка, хоть руки к любой сельской работе с детства были приучены. Тут другое дело, тут — рыба морская, скользкая и противная.

Население посёлка Малокурильское — немногочисленное. В большинстве — молодежь женского пола, среди которой редкие мужские физиономии белыми воронами кажутся. Жизнь кипит в основном на причале, куда подходят разгружаться рыболовные сейнеры, на рыбозаводе, работающем круглосуточно, и возле единственного продовольственного магазинчика с полупустыми полками. Во время путины делать возле лавки нечего — сухой закон. И как в любой безлюдной деревне, где каждый возмужавший подросток — кавалер, на маленьком острове любой мужчина — жених.

Вскоре подвалил к Дуняше, вечерами прогуливавшейся возле общежития, такой вот человек-пароход — с виду моряк. На голове — фуражка с “крабом”, грудь в тельняшке. На губе — сигаретка прилипшая. Вид праздный, беззаботный.

— Из каких краёв, красавица, пожаловала? — обратился незнакомец с бесцеремонным вопросом к зардевшейся девушке.

— Из Белоруссии, — ответила она, смутившись наглому разглядыванию.
— В Беларуси все Маруси! А тебя как звать?
— Евдокия!
— Дуняша, значит? Дунька-Дульсинея!
— Никакая я не “синея”, а Евдокия, — по батюшке Илларионовна...
— Тебе до батюшки, как мне до Алеутских островов... Слыхала про такие?

— Не...

— А про Нагасаки? Тоже не..?

И моряк меха гармошки, что носил с собой, будто торбу, на боку, рывком развел и дурашливо пропел:

— Уходит капитан в далекий путь, целуя девушку из Нагасаки...

А ехидный, приставучий! “Извольте, — говорит, — мадам, принять поцелуй в ручку от альбатроса дальних морей, он скучает по женской ласке!”

Руки у обработчицы красные и в цыпках, будто жёсткая тёрка. От воды солёной морской, от сайры, которую тысячами шкерить за смену доводилось.

И впрямь чмокнуть тянется, усищами колочими щекочет. Срамота.

Одно достоинство — брюки, а мужик так себе: худощавый, солидности никакой, взгляд разбойный, чисто жиган. Такой зарежет в тёмном углу и не хмыкнет. Однако росточком не вышел. Видать, из тех, которые в корне свою силу сосредоточили.

Зато, как выяснилось позже, на клавишах красиво наяривает, припевки трогательные выговаривает! Одним словом — механик.

*Моя милка на крыльце,
Брови ниточкой,
Я с конфузом на лице
За калиточкой...*

Волосы у кавалера чёрные, в кудрях-завитушках, ранняя седина на висках, а глаза — васильковые, зазывные.

В первую встречу Евдокия недолго с ним простояла, ушла.

Но не тут-то было! Повалился кавалер являться перед общежитием каждый вечер. Пошумит гармонью, чтобы кто-нибудь выглянул, — и тут же Дуняшу на выход требует. Видать, глаз на девушку положил.

“Да какой из него моряк-рыбак? Шваль портовая, пропойная! — подсказали завистницы из соседней смены. — Полгода уже бичует, дружков, что при деле и в море, у пирса высматривает да девок комбинатских щупает без разбору... Ухажёр хренов!”

Все верно, но гармонь...

Остальные подробности мужских изъязнов разгульного судового механика, проверенные в более близком общении, сработали в отношении избранницы по всем законам той же любовной механики: сердечко девичье вразнобой затюкало, сердечные клапана впопыхах задвигались, и живой механизм встрепенулся. Получилось, как по любимой поговорке трюмного мастера: машина любит смазку, уход и ласку.

“Ты, девка, никому не вякай, что промеж нами было. Контрогайку мне не расшплинтовывай, чревато!” — ласково, однако настойчиво втолковывал обольститель опосля бабьего стыда.

“А то! Больно надо!” — горделиво бросила Евдокия, стараясь скрыть смущение и растерянность от скоротечности происшедшего: не устояла перед настырным гармонистом при первой же близости. Вроде бы не слишком нахальничал и не сильничал, а девичий рот, готовый на подмогу звать, жадными губами запечатал, коленкой пах придавил — она и обмякла.

И кроватенка панцирная за шторкой в женском бараке, где уединились вечером в отсутствии соседок, жалобно застонала.

Правда, про контрогайку и “чревато” девушка ничего не поняла. Слов таких не знала. “Чревато”, наверное, с животом связано. Тогда серьёзно: обязательно чаю горячего попить или щепотку питьевой соды в рот, помогает...

А механик сразу и пропал...

*Ой, глыбокія ды калодзіці,
Кароткія ключы.
Палюбіла прайдзісвета,
Рана на ваду ідучы.
Палюбіла ж, палюбіла я
Да і спадабала,
Не паслухала той прауданькі,
Што мне маці казала...*

Неделя прошла, другая — нет ухажера, как в воду канул. Евдокия даже на пирс в свободную смену бегала, высматривала: авось среди рыбаков МРС — малых рыболовных сейнеров, выгружавших улов на причале, знакомая фигура промелькнёт. Эти малые суда за сайрой поблизости от острова ходят, через день-другой возвращаются.

Однако не нашла обольстителя ни среди рыбаков, ни среди случайно встречавшегося островного народа на причале и в посёлке, который будто вымер. Все свободные руки при деле. Путина идет. Сайра.

Знать, и механику нашлось применение — не последний, оказывается, работник, сделала вывод девушка.

Но только затеплившуюся надежду отыскать гармониста в здравии и при полезном занятии поставила под сомнение барачная соседка — разбитная Нюшка. Рассказала: была намерена на укромной “блат-хате”, куда заглянула по старой привычке, застала там красавца — никакой...

Дуняша побежала сломя голову по указанному адресу, нашла пропажу в сыром полубараке, приспособленном гулящим и пьющим людям под место любовных встреч и попоек. Лежал Фаддей без чувств на разбросанной солдатской кровати, на голых пружинах, в обнимку с полураздетой девицей из последней партии вербованных.

Вокруг, как после Мамаева побоища, — пустые бутылки, грязь, запустение.

Гармонь под голову приспособил. Еле сумела растолкать.

“Всё пропьём, но флот не опозорим...” — только и сумел прохрипеть.

Затворила дверь и ушла тихонько. Подальше от позора, от рвущей душу картины пропащей человеческой жизни...

Наградил господь ухажёром... Не только честь девичью растоптал, но собственную жизнь — коту под хвост.

“Наплевать и забыть!” — решила про себя, утаив от подружек свой первый неудачный опыт интимной близости с мужским полом. Гадко было и противно вспоминать. Как половой тряпкой, моряк доверием девушки воспользовался: подтёр ею пьяную похоть и выбросил, ненужную... Припевками бесстыдство сопроводив. Мать, поди, в гробу перевернётся, узнай о Дуняшкином падении. Хоть глаза от стыда завязывай рушником, ею вышитым на дочкину свадьбу...

Ой, лихо!

Не раз плакала девушка в подушку тайком от соседок.

Но только белорусочка Дуня непростая от рождения — хорошо помнила это и знала — из Осоловских она, которые — Бонч... А эти-то и характер умеют держать, и судьбе привыкли, не жмурясь, в глаза смотреть.

В один из редких выходных дней (а работали на конвейере по восемь-двенадцать часов кряду) Евдокия отправилась в сопровождении подружки в сопки, громоздившиеся в глубине острова. Интересно было посмотреть, что там.

В лесу она с детства, как в родном доме: с любой коряжкой подружиться может, с листка запросто попить, знакомой белке языком поцокать — но то, когда лес свойский, белорусский, дубравный либо хвойный. А на Шикотане — дубки монгольские — недоростки; бамбук коленчатый, как в детской книжке; чудосочные лиственницы и кедровый стланик — хмызняк, ветром и камнями угнетённый; корявые берёзки — будто бабская доля по ветру над землёй стелются-растут. А вместо привычного на родине низкорослого

папоротника — шатры выше головы на трубчатых подпорках, похожие на огромный навес; какие-то фикусы, вроде тех в кадках, что на вокзале в Москве видела; лопухи — листом полстрехи можно накрыть, трава изумрудная на обманных лужках, и камни, камни... Между ними ручьи журчат. В низинах — словно в бане. Ягода растёт “красника”, на язык — и голубика, и черника, и клюква. Все шиворот-навыворот. И бойся, предупредили, наобум по нужде присесть: ядовитая трава-“ипритка” ужалил большее крапивы, язва долго не заживает.

А в тёмной чащобе, говорили, медведи ходят, но они — подальше от морского берега, на реках и ручьях обитают, красной рыбой питаются. Может, врут?

Умаялись подружки в гору лезть. Присели на валун отдохнуть.

Евдокия родную Похмелевку вспомнила. Ещё девочкой, бывало, мать по малину и орехи её водила в дальний лес за рекой. В тех лощинах памятных густой орешник и папоротник по пояс. А запахи, в отличие от здешних, которые пополам с морскими водорослями и рыбой, — хмельной дурман и малина. Поэтому и деревню назвали Похмелевкой. Ничего общего с похмельем, которым маются пьющие люди.

Матушка так каждому цветку, лесному да луговому, каждой травке пахучей и целебной название и применение знала. А сколько их на рушниках материнской рукою вышито! Сколько узоров и орнаментов под чуткими пальцами расцвело! На льняных дорожках, столовых скатертях, рубахах и платьях.

Как живой стоит перед глазами цветок папоротника на свадебном рушнике, что на самом дне чехоманчика под кроватью в бараке прет... Цветет он раз в сто лет и только — в ночь на Ивана Купалу. А тут, на Курилах, наверное, и праздника такого не слыхивали, в купальскую ночь никто цветок счастья не ищет... С океанских щедрот, что ли, ему здесь появиться? Диковинные здесь цветы цветут, ядовитые...

А как вскарабкались девчата на самую вершину, огляделись вокруг — дух захватило от великолепия, представшего взору.

Сзади и по бокам — в ключьях белого тумана сопки, в зелёное одетые, а впереди, насколько глаз хватает, — сиреневая даль без конца и края. Полосами переливается — от нежно-голубого до тёмно-синего и фиолетового. Кажется, весь Тихий океан перед лицом колышется, перехлестнув через береговую линию, которая и вовсе оказалась рядом. Скалы её изломали, приподняли и словно придвинули почти на расстояние вытянутой руки. Вот-вот вода поверх каменных изломов хлынет, брызнут в лицо солёные капли.

И ширь невероятная, простор немереный хлынули в глаза и душу...

Опустилась девушка на колени и заплакала.

С горя? От счастья? От восхищения? От великого восторга, переполнившего всё нутро, воспарившего вместе с её душой клубящимся облаком над безбрежным простором?

Как будто сама Царица Небесная, Богородица, всю эту красоту неземную перед Дуняшкой, Божьей рабой, расстелила да напоказ выставила: мол, смотри, любуйся и запоминай! Когда ещё доведется доехать до моря-океана! От родных осин листочком квёлым оторваться и по ветру за тысячи вёрст до самого земного предела долететь!

Шикотаном сосватаны, пугиной повенчаны

Шикотан — остров сторожевой. Если смотреть на карту, то — зелёный лоскуток в тонюсеньком пояске между Камчаткой и японским Хоккайдо.

Обработчице Евдокии с товарками до японской стороны дела нет: лёгкой полоской угадывается она в ясную погоду, если охота и силы остаются выйти к заливу после тяжкой смены да по мокрой гальке в раздумье побродить, путаясь ногами в чахлах водорослях, плавнике и обрываках рыбацких сетей, выброшенных волнами. Море магнитом взгляд притягивает, а все ненужное ему отторгает — доски, бревна, ящики, бутылки. Никогда раньше Евдокия не думала, что море может быть таким грязным. Издали — красота, а вбли-

зи — прости, Господи! Кто ж тебя, синеокое, так замусорил, взбаламутил! “Совесть людская, тёмная! Мысли злые, потаённые!” — отвечают мутные волны, нахлёстывая на камни.

Или чудится?

Далеко на рейде большой корабль-плавбаза застыл серой уткой, а вокруг малые утята-сейнеры теснятся, поспешая на разгрузку. Большому кораблю — большое плаванье, а к пирсу ему не подойти, мелководе. На рейде — в самый раз. Отсюда жидкое серебро, перегружаемое на плашкоуты, потечет на рыбозаводские причалы, заполняя бездонные чаны, и течь ему дальше по резиновым конвейерным лентам через мокрые женские руки, дробящие холодные струи красными от морской соли пальцами.

Аккуратными консервными баночками оборачивается рыба судьба в цеху готовой продукции рыбокомбината на выходе.

250 граммов консервная банка. Сорок розовых кусочков, если сайра идет мелкая, и два-три куска, если крупная. Ошибка опытной обработчицы-укладчицы — не больше пяти граммов. В картонном ящике — 48 баночек шестого номера. Две с половиной тысячи ящиков — вагон. Черпак-норма за смену. Вот и шевелись...

“Откуда взялась рыба сайра?” — первый вопрос, которым дурачат на комбинате вновь прибывших.

Ответ придумали старожилы, а поэтому спешат огорошить новичка:

— Килька и тюлька вышли замуж за евреев: родились детки — мойва и сайра!

Не смешно.

Правду знает старик Чан. Он служит на заводе сторожем, живёт на Шикотане сто лет, и его жёлтое, тарелкой, лицо пристально смотрит на мир сквозь щёлки пухлых век, чем-то похожих узким прищуром на прорези заброшенного японского дота времен Второй мировой войны, оставившей на шершавом лбу бетонного укрепления проплешины глубоких выбоин и пятен зелёного мха-лишайника.

Евдокия видела старый дот на высоком берегу бухты, в скалах, и даже пыталась заглянуть в черноту амбразуры, зарешёченной железными прутьями, но так ничего внутри сырого каменного мешка не рассмотрела. Знать, великая война и на эти дальние края пыталась свой траурный саван набросить, да сорвали его героические советские солдаты, дали достойный отпор японским милитаристам, фашистским прихлебателям.

Евдокия — девушка грамотная, газеты читает.

Старик Чан такой же замшелый и загадочный, как чужой дот. По-русски он изъясняется плохо, местные жители считают его не то корейцем, не то японцем.

Душевной селянке Евдокии, которую выделил среди новеньких каким-то своим особым чутьем, старик рассказал, что его далёкие предки происходят из вымершей народности айны, населявшей в древности Курильские острова. И самый близкий предок одинокого как перст дедушки Чана — стоящий на соседнем острове Кунашире вулкан Тятя, чья белая заснеженная вершина хорошо просматривается ясным днём с берега Шикотана.

Говорят, Тятя похож на Фудзияму, главную японскую гору, и даже считается её родным братом, но кто ж видел эту Фудзияму, чтобы их сравнить, разве что на картинке. Иногда родственнички переговариваются дымными выбросами-сигналами, выражая нетерпение раздуки землетрясением. Но пока потряхивает не слишком часто, видать, свояки не так уж сильно друг к дружке стремятся...

Вначале Евдокия обрадовалась знакомому слову “тятя”. “Отец”, “бабка” по-белорусски. Оказалось — абракадабра, недоразумение. Мастер смены пояснил: по-старому, на языке исчезнувшего народа айны, кунаширский вулкан назывался Чача-нупури, что означает “старик-гора”. Однако ушлые японцы, которые из-за нехватки собственной территории все тихоокеанские острова и островки под себя подмять горазды, не знают слога “ча”, а только — “тя”. Так и появилось у вулкана доброе русское имя Тятя.

Чудно!

Однако самое поразительное открытие сделала для себя любознательная белоруска опять же из баек замшелого Чана — про дивную рыбу сайру.

Блудная дочь северных морей, океанская падчерица неведомых подводных судей. Какие морские токи, какие древние проклятия заставляют рыбы стаи собираться в несметные косяки и устремляться к острову Шикотан со всего Охотского моря и ближних океанских вод, оставляя в пути икру на плавающих водорослях? Акватория Шикотана — единственное судное место для сайры на просторах Мирового океана.

Раз в году, с августа по октябрь, продолжается паломничество, наваждение, сумасшествие. Только самый ленивый капитан, последний рыбак не забрасывает сети и тралы в шикотанских широтах, дабы набить живым серебром ненасытные трюмы. Минтай, треска, камбала, навага, терпуг, палтус, горбуша, кета — всему до поры до времени отставка. Сайра!

Великий обман совершается тёмными ночами, под пляску прожекторов в волнах и иллюминацию горящих ламп, свечение гирлянд, протянутых на мачтах сейнеров и траулеров. Рыбацкие кошелки и тралы светятся в воде тысячами лампочек, заманивая рыбу в раскрытые пасти неводов. Завороженную мерцающим светом, обманутую синими лампами, сайру черпают тоннами и тысячами тонн, а улов, что успеваеt протухнуть до сдачи, безжалостно выбрасывают обратно в море. На дармовое пиршество и чревоугодие вечно голодным чайкам.

Сайрой кормится всяк кому не лень, пока суровые осенние шторма не загонят поредевшие рыбы стада в тихие морские глубины.

Какая же неведомая сила влечет сайру из теплых океанских вод к острову Шикотан — на погибель, на поруху?

“Мечта!” — ответил старик Чан.

“Разве так бывает, чтоб от мечты гибнуть?” — удивилась расстроенная ответом Евдокия.

“Раз в пятьдесят, а то и в сто лет гора Тятя-нупури просыпается от глубокого сна и выпускает жар, накопленный в груди, — продолжил рассказ-притчу последний сын народа айны. — От тяжкого выдоха дрожит земля, кипит море, с неба падает серый пепел, а с боков стекают горящие реки”.

Каждую осень, рассказывал далее старик, сайра устремляется в район заколдованного острова в надежде встретить рождение подводной зари. Заветная мечта каждой рыбешки — искупаться в огненных струях...

Дедушка Чан видел прощальную пляску несметных рыбьих стай, когда ему было всего пять лет, а его рыбацкая семья жила на острове Кунашир. После извержения вулкана Тяти — уже тогда его называли так — наступил великий мор. Сайра полчищами выбрасывалась из кипящей воды на скалы и отмели; птицы и звери издыхали от дохлой рыбы, отравленной пеплом, а рыбаки семьями покидали опустевший после извержения вулкана остров в поисках тихих заводей и нетронутых рыбных полей.

Впечатлительной девушке рассказы старого Чана в диковинку: верить, не верить? Что тут говорить — много ещё в природе непостижимого! Ведь не могут, например, учёные люди найти причину, каким образом перелётные птицы, улетающие в чужие края, туда и обратно находят путь? А рыбы? Попробуй угадать их подводные тропы!

А сама она, будто серебристая сайра, за какой надобностью на край света помчалась, по какой нужде на диковинный остров прикатила за тысячами верст? Киселя здесь хлебать? Как ни суди, ни ряди — обманул девчат уполномоченный Сивцов: никакие паспорта на рыбокомбинате вербованным не выдают, а наоборот, пропуски в пограничную зону требуют. Три месяца сайровая путина, а там — скатертью дорожка.

Других простаков вербовщики на путину заманивают, огромные тыщи за пахоту на рыбном комбинате сулят.

Оказалось, что солонина здесь похлёбка и горчит она незнакомой приправой. Даже чёрного хлеба, ржаного — так вприглядку, а не вприкуску, и едоки сверх меры усердные и бесцеремонные...

Также непривычно Евдокии хлебать из одного любовного корыта: при своем она достоинстве и у себя в чести. Так обольстителю своему, гармонисту беспутному, и заявила при новой встрече, когда явился — не запылелся, вроде бы как с повинной, а скорее всего — отлежаться да отсидеться в тёплой общаге после очередного загула.

Вот тебе, парень, Бог, а вот и порог. У тебя не иначе как в каждом порту жена, на каждой плавбазе — любовница. И вообще, посторонним в бабьем бараке не место!

— Это я-то посторонний? — вскинулся механик. — Да если б не мы, рыбаки, безработными бы все здесь ходили, морскую капусту глодали!

— Моряк — с печки бряк! Известно твое рыбацтво — в стакане да под бабским подолом!

Гармонист было опять про любимую гайку волынку завёл, дескать, чревато её расшпинтовывать, а девушка ни в какую: не хочу обманщика видеть!

У самой же на лице опаска: а вдруг уйдёт и больше не вернётся. Что тогда?

Не ушёл. Может, неохота было отчаливать на ночь глядя, может, надоело слоняться по чужим людям и закуткам, а только сел рядышком, обнял Дуняшу за плечи и душевно так сказал:

— Некуда мне, родная, дальше плыть. Пропаду без тебя...

Может, в шутку промолвил, может, из сердца вырвалось, поди пойми.

А то! Дурное дело нехитрое. Кому уволенный механик нужен — без работы, без денег? Совсем зачахнет без женского ухода и догляда. Посмотреть на него — кожа да кости, пропился до последней копейки, отощал, поизносился... Жалко.

У хозяйки барачного угла и нитка с иглой в запасе нашлись, и руки под то заточены, и душа отходчивая. Где надо, подшила обтрёпанный костюмчик ухажёра, в столовую заводскую покормить сводила. Ничем ведь не обидел, гор золотых не сулил, когда на кровать тащил...

А подружкам по комнате и комендантше барака Евдокия объявила: жених.

Девчатам — дело десятое: не мешался бы только женишок в комнате, глаза б бесстыжие не пялил куда не следует. В тесноте да не в обиде. Еще и при гармонии!

Комендантше тоже не впервой залётных моряков да рыбаков подселять: рассчитается, когда разбогатеет. За этими мореманами дело не заржавеет, не скуются, если при деньгах и в фаворе.

Девушка и рада. Нашлось куда человеку голову приклонить. Днём по общежитию поможет, ночью — “валетиком” в уголке за шторкой поместятся. Лишь бы вел себя тихо, прилюдно не приставал. Как муж с женою жить теперича будут, чего уж там... Назвался груздем, так полезай в кузов.

О таком ли избраннике девушке мечталось, о такой ли жизни с любимым вдвоём грезилось в девичьих снах? Если б знала — ответила.

Свадьбу сыграли, как и положено, но без росписи, отложив законные формальности на потом — до возвращения на Большую землю. Посидели с девчатами за столом в тесной комнатухе, песни под гармонь попели. Фаддей во всех ипостасях блеснул — он и жених, и дружка, и тамада. “Горько!” кричали. Дрожжевую брагу вместо водки и вина пили, потому что сухой закон на время путины на острове был объявлен. Но свинья везде найдёт: понапивалась компания до поросячьего визгу благодаря Фаддеевым дружкам-бичам, прознавшим про свадьбу своего верного собутельника и пришедшим к столу на дармовщину, но со своим напитком — денатуратом.

Зато океанскую раковину невесте принесли. Большую, завитушкой, с перламутровым нутром. Приложишь к уху — море шумит. Чем не подарок на рыбацкую свадьбу?

Невеста всех привечала, никого недобрым словом не сконфузила. Правда, свадебный рушник, матерью завещанный, доставать из чемодана при всех засовестилась.

Расстелила его уже на краю обрыва, у моря, куда пришли и уселись с му-

жем после того, как застолье закончилось, а Фаддеевы дружки с общежитскими девчатами разошлись по бараку веселье продолжать и жениться.

“Краем света” называется на Шикотане редкой красоты скалистый мыс у залива — и будет долго помниться головокружительная стремнина, будет не раз приходиться во снах тёмно-сиреневая морская громада, что развёртывается под ногами внизу и — в неизвестности, попеременно вспыхивая лепестками рыбацких прожекторов, мерцающая огоньками далеких сейнеров, вышедших потемну на сайровый лов, манить россыпью ярких звёзд вверху и их повторением в бархатистой воде... Незабываемая, божественная панорама.

О, берег морской! Оберег! Спаси и сохрани!

Сидела б так на краю вечности ночь напролёт с любым в обнимку, с материнскими вышитыми васильками на коленях...

Как оно впереди сложится?

Бабье счастье, как бабий век, коротко

Подружиться мужу с женой ещё предстояло, а если верить злым языкам, то не так скоро и просто, как Евдокии казалось.

Многое о себе Фаддей рассказал: хабаровская безотцовщина, фэзушник, с юности мотористом на траулерах Дальневосточной флотилии. Ни кола, ни двора. Нынче — не у дел. Проштрафился перед судовым начальством. За что — молчок. И без слов ясно. Но перед молодой женой хорохорился.

— Тёмная ты, — говорил, — Дуня, глухая! Не понимаешь сути истории, хоть семилетку закончила. Владимир Ильич что завещал? Заводы — рабочим. Земля — крестьянам. А море? Оно, голубушка, — матросам! Вот и пользуйся законными правами! Бери каждый, что унести сможет, на всех хватит! Океан — свобода, воля!

Верила ему Евдокия, хотела верить, но не лежало сердце у сельской жительницы к морским просторам. Пугал ее необъятный океан, удручал своей неукротимой мощью, хоть только с берега и приходилось видеть да теплоходом из Владивостока на Курилы плыть. Считала, что земли держаться надо. В ней — сила и надежда. Кто всех кормит? Она, родимая. Пусть какая ни на есть земля — свойская, колхозная, а на твёрдом стоишь и не вертит тебя, как щепку, над бездонным омутом... А рыба нужна людям не больше как для смаку. Если хлеб на столе, то и стол — престол, если хлеба ни кустика, то и стол — доска.

Вот бы ещё такие простые и очевидные истины дружку своему втолковать! Совсем земную твердь под ногами чувствовать и разуметь отвык...

Но, видать, глубоко морская вольница в натуре Фаддея плескалась и отливами-приливами о себе напоминала. Время от времени он исчезал неизвестно куда, пропадал на неделю-другую, пока верная жена его не отыскивала, сбив ноги и сердце, обнаруживая всякий раз в каком-нибудь случайном притоне, в обществе таких же, как и сам, списанных на берег забулдыг и гуляющих баб.

Тащила в барак бесчувственного — одной рукой муженька, другой — гармошку.

А уложив в кровать, спешила на работу, на смену: рыбы животы часами потрошить да головы с хвостами сечь.

Сама голову потеряла.

Ой, лихо!

*Нарадзіла мяне маці
У Святую нядзелю,
Ды дала мне ліху долю,
Што нідзе не падзену...*

Прошло ещё некоторое время, и стала сворачиваться осень, круто замешивая свою прощальную канитель злыми ветрами, штормами.

План гнали на всех парах. Денно и ночью разделочные ленты перед глазами заводских обработчиц мельтешили, баночки с рыбным филе батареями на столах выстраивались, автоклавы, будто огромные самовары, пыхтели, доводя продукцию до нужной кондиции. Плашкоуты, гружённые гофротарой, еле успевали с рейда упаковки с пустыми банками доставлять и тут же перегружать готовые консервы на отправку на сухогрузы.

Евдокия, до чего уж к тяпке и серпу сельской жизнью приученная, однако к концу каждой смены валилась с ног от усталости и недосыпа, а пальцы склизкую рукоять ножа уже не держали. Хотелось порою бросить все к лешему, но нельзя, — план, бригада, смена. Не пустые это слова. Бригадно, ватажно — в привычке и в характере с малолетства, из колхозной беспробудной тяготины, за которую — почти ни шиша. А здесь — настоящими деньгами за каторжную работу платят, а при окончательном расчёте ещё больше обещают. Уже не до паспорта ей, впустую обещанного, не до жиру. Сама в тощую сайру превратилась, только бы кто голову не отсек... Одним держалась: вот закончится смена, а там муженек в бараке ожидает, встречает...

Как бы не так!

Эх, что там рассказывать — натерпелась...

Все надеялась: хоть днём с мужем порознь, зато ночами привыкнут друг к дружке; хоть на работе тяжко, зато после окончания путины — с прибытком.

Да и Фаддей вроде бы присмирел, чемоданным настроением, как и она, проникся.

“Хватит здесь, на морях, удачу ловить, нечего долю в сырых туманах искать, — настойчиво убеждала мужа молодая жена. — У меня, — поправилась: — У нас в Белоруссии хата совсем ещё крешкая, участок приусадебный, коза. Молочком тебя отпоим, всю чахотку морскую из квёлого выведем... И работа механику в колхозе найдётся. Чем не жизнь?”

Фаддей не спорил, отмалчивался.

И то: дурень думкой богатеет.

А когда наступил большой шабаш, когда закончилась великая рыбная путина и стали выдавать обещанный расчёт, счастье с новой силой осветило лица и души всей разношерстной бабьей ватаги, вербованной, понукаемой, заманенной посулами и обещаниями на тяжкую работу, доставленной на маленький остров Шикотан изо всех уголков огромного Советского Союза. Остров только на карте маленький, а за день, неделю его не обойдешь, да и не зачем. Главное, чтоб не забыли доверчивых баб в бухгалтерии.

“Батюшки, сколько! — только и смогла вымолвить ошарашенная обработчица Евдокия после того, как пересчитала, уже в общезитии, тугую пачку новеньких сторублевек, полученных при расчёте. — Тысяча, две, и еще, еще...”

Никогда в своей прежней жизни таких денег в руках не держала.

“Да уж... — ухмыльнулся Фаддей, на глаз определив величину суммы. — Утруска с усушкой по полной программе!”

Догадался хоть механик восторг женщины не омрачать. Слишком долго было объяснять жене царившую на рыбозаводах канитель с пересортицей, процентами, надбавками и вычетами. В любом случае, на Большой земле за три месяца, отведённых на сайровую путину, таких денег простому работяге не заработать. А в колхозе и подавно.

Однако надо отдать ему должное, механик в бабий кошелек на правах мужа, хоть и гражданского, лазить не стал и “обмывать” расчёт не подбивал. Лучше её понимал: намаялась, бедолажка, за свои рубли, словно последний кочегар у авральной топки.

А радости-то сколько! Счастья! Как такую дурить? Не станет он, как иногда подмывало, ноги от простушки делать... Может, и есть она — судьба?

Обратная дорога ещё больше молодую пару породнила.

Доплыли теплоходом до “Владика”, блюдя себя от разошедшейся на радостях и во хмелю вербованной братии, уезжавшей с острова после путины в большом веселье.

А там — поезд, дорога через всю великую страну с длинными перегонами, через сопки, тайгу, пустыни и степи, с уже знакомыми остановками в больших городах; Байкалом и Уральским камнем, за которым, считай, почти дома, и остаётся пару суток до Москвы, а за столицей — до Белоруссии рукой подать.

Семь счастливых дней и ночей. Они, эти сладкие денёчки-ноченьки с ливхой трехмесячный каторжный труд Евдокии на рыбозаводе перекрыли. А если уж точным быть, то для каждого из молодой семьи коротким школьным уроком семейного бытия на людях обернулись, ибо купейный вагон, в котором ехали тоже не одни — с шиком, в комфорте и при деньгах, — это не вольных нравов барак на семи ветрах, пропахший рыбою и гнильем, с храпящими женщинами за бязевой шторкой, измученными тяжкой работой.

В купе соседи обходительные: “извините”, “пожалуйста”, в ресторан за компанию приглашали, на “вы” разговаривали...

Качает, убаюкивает вагон, будто морская волна. А был ли пропахший рыбьей вонью комбинат? Не приснился ли сумрачный Шикотан, оставшийся в памяти черной точкой за кормой уходящего в шторм теплохода?

Тогда помotalо, но до Владивостокского порта дошли. Что уж нынче тужить, по сухому?

Но закроет девушка глаза: серебристые сайры под водой к спящему вулкану плывут. И дедушка Чан на прощанье рукою машет.

Словно предостерегает — бойся, дурёха, подземного огня...

Погоня

Родная деревня встретила молодых вчерашним днём. Хата на месте, соседи те же. Эмилька на радостях козу из пуни с возвратом тащит: дескать, намаялась с заразой рогатой, забирай Маннюню, никого не признаёт... А то! Соседи шушукуются: без паспорта девка вернулась, зато с мужем.

Фаддей — в форменной “мичманке”, грудь нараспашку в полосатой тельняшке. Моряк!

Когда свадьба? Как только в сельсовет записаться сходят. За свадьбой дело не станет — музыкант свой и музыка при нём.

Ещё привезла Евдокия в Похмелевку швейную машинку, купленную на вокзале в Свердловске. Хорошая машинка, “Зингер” называется: в чехле, на деревянный чемодан похожа. По тем временам всего две машинки в деревне числились. Одну Куделинова невестка приданым из Полоцка привезла, а вторую хроменькой Меланье сердобольные родители, потряся тощей машиной, купили. Почти полкоровы за агрегат отдали. Дочери, обезноженной с детства, другого полезного занятия в жизни не светило.

Девахи “Зингерами” и стрекотали наперегонки. Считай, всю деревню обшивали.

Евдокия в мать пошла, шить, вязать с малолетства обучена. Теперь к ней заказы потекут.

Но машинка оказалась порченной, нитку не тянула, наматывала “бородой” на шпендик.

— Не шпендик, а шпендель! — поправлял Фаддей.

За малый рост острая на язык деревня сразу же окрестила его “шпендиком”, и механик обижался. Он по механическому делу мастер, чем и гордился, и незнайства в словах не терпел.

“Обманул, мироед, надул, спекулянтская морда!” — убивалась Евдокия, поминая недобрым словом вокзального торгаша, веучившего ей красивую, но с изъяном машинку.

Скорый на руку Фаддей загорелся починить, но еще хуже напорточил.

— Я больше по дизелям, тут слесарь-лекальщик требуется, — оправдывался за промашку.

Зато когда механик доставал гармошку, разворачивал меха, сидя на крыльечке, а то и вдоль улицы с нею вечерком прогуливался под руку со счастливой женой, тут уж все пересуды побоку. Гармонист всегда самый почтенный гость на деревне.

На работу устраиваться Фаддей не спешил. Сходил, правда, в Осмолевичи на колхозный двор, возле зачуханного ХТЗ с председателем походил. “Я по другим дизелям, судовым, — был его ответ председателю. — У вашего трактора мощность не та...”

“Сказала бы, по какой части ты мастак, да промолчу, себе дорожке обойдетя!” — рассуждала по этому поводу Евдокия, не в силах забыть мужу шикотанские грешки.

Тем, что до неё было, не упрекала, но и что при ней на Шикотане случилось — не поминала.

Прошёл год. Жизнь семейная стала налаживаться. За вырученные на Курилах деньги хату подремонтировали, барахлишком разжились.

Скромное свадебное застолье вскоре после приезда справили.

Как-то из далекого Владивостока пришла телеграмма (Фаддей называл ее радиограммой), что его срочно вызывает в рейс, как незаменимого механика, капитан Сомов.

— Сам капитан Сомов, что ли, кличет? — встревожилась Евдокия.

— Какой капитан, дура! Из отдела кадров пароходства депеша. Знать, запарка у них перед путиной. Людей собирают, плавсостав... Вспомнили, едрёна кочерыжка! Спихватились!

— А Сомов?

— Судно так называется, “Капитан Сомов”. БМРТ. Большой морозильный рыболовный траулер. Такой меньше чем на год в море не ходит. Я на нем мотористом две путины ломал...

— На целый-то год?

— Ну, на восемь месяцев, может, и меньше... А там как карта ляжет. Зашибу деньгу — и сразу домой. Заживём!

“Не пуцу!” — хотела было воспротивиться молодая жена, но не смогла: острой мольбой загорелись у мужа глаза, бездонной печалью синева в них заплескалась.

Поняла: уедет без ее согласия. Тесно морской душе в захолустной деревеньке.

Сборы были недолгими. Хозяйка только и успела, что простирнула мужу тельняшку с длинными рукавами, собрала бельишка на смену, из провизии — шмат солёного сала с чесноком. Денег на билет из оставшихся “шикотанских” с собой в дорогу дала. Чай, не близок путь, по себе знает...

Сердце не зря болело: не прошло и трех месяцев, как муженёк заявился в деревню при полном параде: в заломленной на ухо фуражке-“мичманке”, под сильным хмельком, видать, не просыхал всю обратную дорогу.

Без чемодана. При полном отсутствии заработанных денег.

Зато с расфуфыренной кралей под ручку.

“Знакомся, — представил, — сестра моя двоюродная, у неё в Слуцке родня. Я тебе о них, кажется, рассказывал... Пуцай с нами поживет... Чего уж теперь, раз объявилась... Как снег на голову...”

Про рейс, заработок — ни слова. Скорее всего, дальше Москвы и не выезжал.

Затюкало у Евдокии сердечко от нехорошего предчувствия, душно ей стало...

Сестра... В глаза бы ей бесстыжие плюнуть, от ворот поворот показать, однако нельзя, боязно... Фаддей, чего доброго, зашибёт, он может, чёрт бешеный... А попробуй докажи, что не сродственница! Какую пакость надумали, какую злобу коварную затаили гулящие души, окаянные головы? Может, наедине с девахой потолковать, выведать замыслы? Авось откроется, проговорится?

Но муженёк от родственницы ни на шаг: будто петух наседку, от посторонних оберегает, как кречет, над нею кружится, никого не подпускает — ни подтупиться, ни выведать.

Только под ручку по деревне свояченицу водит, рассказывает да показывает; с деревенскими знакомит:

“Здесь у нас, Наталья Филимоновна, до войны (как будто жил тут и знает!) лабаз стоял, завалинка осталась...”

“А вот, знакомьтесь, кузнечных дел мастер дядька Илья: по моей, можно сказать, части специалист...”

“Вадька, соседский малец... Хошь, Вадька, пряник?”

Сопливым Вадька, наверное, хочет, только не дожждётся он гостинца от шалопутного Фаддея, зря тот пустой карман выворачивает — гол механик как сокол, все на кралю свою спустил ещё в дороге, мать её за ногу!

*На руки перчаточки,
На ноженьки галифе,
Со мной барышня-красотка
Во малиновом лифе.
Как надену я тужурку
Да пресветлую,
Полюблю себе Машурку,
Да вот этую.*

С месяц так продолжалось. Евдокия спозаранку на наряд к конторе поспешает: на прополку либо на ферму, а муженёк со свояченицей, или кем там она ему приходится, то на гармонии пиликает день-деньской, то по-над речкой прогуливаются, окрестности осматривают. А что там искать? Поле как поле, река как река...

Люди сказывали, что видели, как миловались они в стожке без стыда и совести среди бела дня. На родственные лобзанья совсем не похоже... И это при живой-то жене!

А то, уединившись в малой комнате, лясы точат, шушукуются.

Хотела уж было Евдокия, мужняя жена, допрос богохульникам со всей строгостью учинить, за волосы бесстыдницу-разлучницу отгаскать, за порог взашей гнать, но однажды, придя домой с работы, обнаружила, что и выговаривать слова правильные, приготовленные, некому: исчезли полюбовники оба.

И швейная машинка вместе с ними и коробкой-чехлом.

Другого в хате взять было нечего: домотканые половики, что ли, выносить разом с пуховыми подушками? Козу из пуни выводить? Так скотина ж днём за огородами... Кому попадя в руки не дастся. А тут заявилась, не звана, бешеная тёлка, блудная да гулящая, мужика со двора свела... Как земля таких носит — расфуфыр бесстыжих? Ни дна ей, ни покрывки, прости, Господи...

*Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду;
Как попала я в беду,
Во слезу горячую,
Разлуку неминуемую.*

Долго ли, коротко ли горевала покинутая жена, как ранним утром, спустя недельку, в низенькое окошко постучали. Глядь, а там разлучница собственной персоной, рукой манит. В хату не заходит.

— Чего тебе? — стараясь не выдать охватившие волнение и страх, спросила Евдокия срывающимся голосом, выйдя на крыльцо. — А ухажёра где оставила?

— Да ну его, шалопута! — ничуть не смущаясь и не пряча глаз, ответила так называемая родственница, вольная птаха. — Сама знаешь пристава-лу... Моё последнее выманил на опохмелку. На вот “Зингеру” свою, забери, без надобности мне...

— Ой, ли? — усомнилась хозяйка, принимая из рук ранней посетительницы коробку со швейной машинкой. — Вещь дорогая, в хозяйстве нужная... Или вы врозь теперь? Не думаете вместе?

— Вкривь да вкось, да не срослось! Принимаю имущество, мне чужого не надо. Фаддея твоего слово было, не моя нажива. Мужика отбить могу, а добро с чужой хаты — ни в жисть... Так и знай... Того и вернулась, чтоб проклены не слала вдогонку...

— Фаддей-то где? — перебила девушку Евдокия.

— А! — безнадежно махнула рукой Наталья. — С шахтерами увязался. Из Солигорска они. В Кузбассе путь держали, бригаду собирали. Была там, правда, одна лахудра с ними в купе. Как реней к собачьему хвосту, твой к ней прилип, не оторвать...

Не зная, ликовать ей или оскорбляться, Евдокия повела соперницу в дом. Подальше от соседских пересудов. Невзирая на обиду, что увязлена, виду не показала.

Покормила незваную гостью с дороги. Исповедь сиротскую, подперев щеку кулачком, выслушала. Родители у Натальи развелись уже давно, вот она после интерната (при живых-то отце с матерью!) и ищет свою судьбу в поездах да на курортах. Как будто серьезные мужики за женами в дома отдыха и санатории ездят: им бы пузо на солнце погреть, покобелячить вдали от семейных забот...

Эх, девка! Не там ищешь...

Напоследок, прощаясь, всплакнули в четыре ручья над долей бабьей горемычной, над лихой женской судьбиной. Сколько таких баб, да ещё в сотни раз отчаянней и горемычней, встречала Евдокия на Шикотане!

— Куда сейчас? К родичам в Слуцк? Фаддей гитарил, вроде тётка у тебя там обитается... И семья у неё...

— Поеду к тётке, авось примет, — без особого энтузиазма ответила Наталья. — Может, замуж выйду, хватит уж куролесить по свету...

— Замуж не напасть, да как бы замужем не пропасть! — назидательно сказала Евдокия, а думала совсем о другом: где ж ненаглядного нелёгкая носит? Должен же появиться со дня на день, если опять в какую-нибудь карусель не заплутался... За ним не заржавеет.

А от сердца отлегло. Ничего серьезного у Фаддея с Натальей, значит, не сложилось. Пусть только явится, кобель бесхвостый! Она-то уж найдёт, чем беспутного допечь! Не мытьём так катаньем...

И Фаддей вернулся. Вскоре после визита Натальи. Как и она, явился ранним утром: пришёл пешком огородами со стороны узловоей железнодорожной станции, что километрах в семи от деревни.

Евдокия, разбуженная стуком в окно, подхватила с кровати. Глянь, стоит: нетрезвый, грязный, в пиджачке с чужого плеча с надорванным рукавом...

Охнув, выскочила во двор, как была, в исподнем и босиком. Даже шаль на плечи не накинула.

Батюшки, где ж его черти носили? В какую катавасию влез?

С расспросами, что да как, Евдокия лезть сразу не стала, но и Фаддей немедленный допрос упредил, выдохнув хриплым, незнакомым голосом, отдав горечью застарелого перегара:

— Баньку затопи, в баньку мне надобно...

Пока то да се, в ожидании горячей воды и пара, уставший до чёртиков путник улёгся передохнуть на полатах в предбаннике, куда Евдокия принесла из хаты кой-чего перекусить и полбутылки самогона. В самый ему будет раз.

Фаддей только голубыми глазами благодарно зыркнул — и уже потекло слезой, защемило жалостью женское сердце, готовое любить и прощать.

Золото, золото сердце бабье! Самоварное да суконное, мужней лаской и вниманием не избалованное...

Главное, что жив-здоров муженёк непутёвый; не верится, что прибился, наконец, ко двору... Целехоньким.

Только потом, когда тесная каморка баньки, расположенной на задворках, наполнилась несмелым теплом, когда первый, неокрепший и горьковатый пар окутал два белых тела — одно, не тронутое загаром, другое — в намокшей ночной сорочке — Евдокия разглядела ссадины и синяки на мужниных боках, кровоточины на сбитых коленках и костяшках пальцев, показавшиеся поначалу засохшей грязью...

— Где же тебя угораздило? — выдохнула женщина, давась состраданием.

— Шахтёры, едри их кочерыжку! Трюмные души, мать их ети! Бабу приревновали! — начал материться Фаддей. — Нужна она была мне, как

зайцу лыжи! Так, для куражу... Да если бы не проводник... Гармошку жалко...

“Про машинку даже не заикнулся! — больно укололо Евдокию. — Да что машинка, — подумала тут же. — Дома она, за сервантом стоит. А гармони действительно будет в хате недоставать. Как же теперь — без припевок, без побасёнок песенных с понятным намёком и затаённым, известным лишь им двоим, жизненным смыслом? Хотя песнями сыт не будешь... Что-то кашляет муж некрасиво... Как бы внутренности ему не отбили в пьяной драке. Ишь, хорохорится, Аника-воин! А глаза и бока, как у побитой собаки. У чужих людей жалости не допросишься, если что, бьют без оглядки, насмерть...”

Веничком надо, веничком погорячей: баня правит.

Евдокия, принявшись за помывку, заодно лишний раз и мужнину татуировку разглядела, оставив на потом все досужие расспросы и разговоры.

Знатная была у Фаддея наколка. На самом что ни на есть срамном месте, которым лавку трут. Сколько раз, бывало, выспрашивала после того, как нагишом муженька впервые увидела: что это за черти на ляжках у него изображены? Только отмахивался...

А на мужниных, надо полагать, флотских ягодицах неизвестным умельцем наколоты два судовых кочегара в чёртовом обличье: в тельняшках, с торчащими рожками, копытами и длиннющими хвостами, закрученными затейливым вензелем. Каждый из них держит в когтистых лапах по длинной кочерге направлением... в “топку”. Только зашевелится человек, сделает пару шагов — чертовы работнички тут же оживают, каждый со своей стороны в “топке” шурудит... И чем быстрее ходьба, тем веселей у кочегаров работёнка. И смех, и грех...

— Ошибки молодости! — оправдывался перед супружницей механик. Ради баловства, бесшабашного озорства корабельные товарищи такую картинку ему на заднем месте по пьяному делу выкололи. Глубоко въелась тушь в кожу. Вовек не свести.

А на все женины укоры Фаддей вполне резонно отвечал, дескать, не будут же ему в отделах кадров в штаны заглядывать: для знакомства трудовая книжка имеется, а еще санитарный паспорт моряка и удостоверение механика-дизелиста судовых механизмов. Классного, между прочим...

А пока я вахту держать, как в песне поётся, не в силах, то поддай-ка, жена, пару и чарку налей, что-то мне нездоровится...

И действительно, стал Фаддей с этого дня заметно сдавать. Знать, не прошло бесследно падение на ходу с поезда, когда подгулявшая компания шахтёров, к которой он бесцеремонно прибил в вагоне, решила избавиться от пьяненького назойливого спутника с гармошкой. Благо, хоть не на полном ходу вытолкнули из тамбура, а на тормозном участке, где-то под Смоленском. Спутница шахтёров, перед которой Фаддей и начал без усталы куражиться да бахвалиться, ещё раньше от нагловатого ухажёра отшатнулась. Тоже и Наталья. Вовремя *сделала ноги* от женатого мужика, оскорбившись столь пренебрежительным к ней отношением и неясной перспективой на неведомых угольных шахтах Кузбасса. Прихватила для сохранности “Зингер”, о котором разгулявшийся Фаддей напрочь позабыл.

Оказавшись на обочине, без денег и вещей, Фаддей добирался до дому из-под Смоленска на перекладных: где товарняком, где на попутных пассажирских поездах — до первого контролёра...

Всё это Евдокия выпытала у мужа опосля. И лишний раз за измену не корила.

Кочегары в тельняшках, между тем, дело свое поганое делали — чах человек день ото дня...

Евдокия, тьфу-тьфу, даже взаправду считать стала, что вся причина мужниной хвори в этих самых чертях-кочегарах, без жалости терзавших его нутро. Уж как старалась, сердечная, болезному угодить, шагу лишнего ступить не давала, дабы чертов подряд не усугублять: полежи, Фаддеюшка, отдохни, не хватается за топор и косу, незачем при квёлом здоровье себя утруждать, лишние шаги по двору натаптывать, сама управлюсь, не впервой...

Но, видать, синий чертяка под кожей, что из бесовской пары за главного, с левой которой, значит, стороны, ещё сильнее в мужнины кишки железом залазил, ещё азартнее калёным крюком нутро выворачивал... А рогатый напарник, злоствуя, ему усердно помогал.

И так, и сяк женщина воображаемых бесов уговаривала, пыл их утихомиривала, льстивыми словами ублажала, дабы умерили свое кочегарное занятие, а те — ни в какую: мол, работники мы договорные, подневольные, незримым зарокотом к топке прикованы, ни отойти, ни передохнуть... Один лишь исход знаем: заливать адский огонь водкой с вином, тогда уж наше старательство без надобности...

“Поэтому муж мой, наречённый, и пьянствовал все годы беспорядно, жар в нутрах заливал, по свету носился как угорелый, по морям по волнам?” — вопрошала в ужасе Евдокия.

“Может, так, а может, и нет. Нам доподлинно сие неведомо. Невольные мы, крепостные. А кто терпеливее в самом жарком пекле окажется, тот и важнее в жизни станет. И голову нам, баба, не морочь. Песенка твоего муженька давно уже спета. Неча было гармонь профундоковать, на молодых засматриваться... Ему, дураку, свыше было велено: с тобой, убогой, до самого смертного часу якшаться, холить тебя и любить. А вот оно как все вышло... Так что за горькую правду не обессудь...”

“Это ж какая я убогая?! — возмутилась Евдокия. — Господь меня не обидел: руки-ноги целы, и спереди, и сзади всё есть, и лицом не страшна, и статью не хуже других...”

“Так-то оно так, — отвечал чёрт-кочегар, — да вот жалостливая ты чрез меру, значит — ущербная...”

“Изуди, лукавый, брешешь ты все! Собака лает — ветер носит!”

“В языке кость — твоя злость. Наша правда!”

“Не бывает такой правды, чтоб люди от нее страдали! Неправда это!”

“Как знать...”

Наяву ли происходили разговоры с бесенятами, что в кочегарском обличье жили, блазилось ли Евдокии тревожными ночами под мужниным боком, но только не раз и не два прижималась она чутким ухом к потной груди и животу спящего Фаддея, пытаясь понять, что же у него в середине происходит: бушует, сердится огонь или на убыль пошел?

Хрипело в груди, булькало в кишках... Плохи, значит, дела...

Ой, лихо!

Даже от чарки стал отказываться: не было сил бесовское пламя гасить.

Так продолжалось ни шатко, ни валко несколько годков. Все домашнее хозяйство оказалось на женских плечах: и на работу в колхозную бригаду попевала, и по дому. У мужа только и сил хватало, что на соседской гармошке поскрипывать да, сидя на порожке, умные советы хозяйке подавать. А чужая музыка — не своя, под чужую петь-плясать не резон, да и не сладилось у музыканта совладать с инструментом: простужен баян и клавиши не в том порядке.

Евдокия и не сердилась: как-никак муж в доме, а мужики, как известно, уже только главенством жизненные силы питают, умом стараются верховодить, если на всё остальное не способны... Сама свое счастье отыскала, привезла за тридевять земель и на порожек хаты усадила: любуйся — не хочу. Пенять-то не на кого. Такое ей счастье, выходит, выпало — кочегарное, хворое. Но зато — душевное, песенное. А оно, согласитесь, дорогого стоит...

Перед кончиной Фаддей посветлел лицом. Тусклый огонек, блеснувший в глазах, ожёг склонившуюся над умирающим мужем Евдокию синими угольями.

— Дуняша... — прошептал чуть слышно, а никогда так раньше не называл. — Не видеть мне боле синего моря и берегов заморских. Знать, не судьба. Прости. Хочу признаться, повиниться перед тобой... Сил больше нет таиться...

— Что, Федюшка, что, родненький? Да в чём же ты можешь быть виноватым? Это я, растяпа, тебя не уберегла, недоглядела...

— Молчи. Слушай. Поезжай в город Вологду. Найдешь там Фатееву Татьяну Семеновну. Если застанешь. Адрес в адресном столе дадут. Передай: так, мол, и так, убыл Фаддей Ермолаевич в кругосветное плавание. Навсегда. Кланяться велел...

— А кто ж она тебе будет? Жена? Подруга? Что ты раньше о ней не рассказывал?

— Никакая не жена... Буфетчицей у нас на судне была.. Вся жизнь моя из-за нее наперекосяк. Ты уж прости дурака. Тебя любил... Обязательно исполни...

С тем и отошёл. В чем повинен перед женой, сознаться не успел...

И показался онемевшей от горя Евдокии неестественно маленьким и худеньким, как беспризорное дитя, лежал на широкой кровати впрыток к коврику-картинке на бревенчатой стене. Отвернулся ото всех, будто разбитый на весь мир, и затих, неприкаянный...

А на той картине, тканной разноцветными нитками, мчатся по зимнему тракту среди дремучего леса сани-розвальни с запряженной бешеной тройкой взмыленных коней.

Гонится за саними голодная стая матерых волков, в прыжке норovia ухватить за горла гривастых лошадок.

Выбились из сил залётные кони. Пена падает хлопьями с измученных боков. Догорает рогожа с соломой на задниках саней. Закончились заряды в ружьях ездоков. Вокруг дремучий лес, и жилища за поворотом не угадываются. Лютая смерть близка...

Ой, лихо!

Чу! Доносятся ветром переборы далекой гармошки:

*Ты прощай, моя сторонка,
И деревня при реке,
И деревня, и садок,
И пашенка, и лужок,
И коровушка Красуля,
И зазнобушка Акуля...*

Аккурат такую песню Фаддей напоследок играл. Будто чувствовал близкую кончину.

Выходит, что дурь свою морскую, пьяную, наплевательскую на земные радости, этой же дурью и прикрывал до самой смерти. Имелись, значит, в бродяжьей душе и пашенка деревенская, и заветный лужок, и зазнобушка сокровенная, коль на уста попросились...

Коврик, что висел неизвестно с каких пор над кроватью, давно уже глаз намозолил. И не замечала его в хате хозяйка. Только Фаддеева кончина заставила взглянуть на вышивку другими глазами. Кажется, когда Дуняшка была ещё девчонкой, перед войной, коврик с волчьей погоней отец привез гостинцем с ярмарки из райцентра. Свыклась с ним. Бывало, лежа подле картинки на топчане, все додумывала, представляя, чем может закончиться сцена лошадиной скачки. Унесутся ль сани от погони? Ускачут ли от волчьих клыков резвые лошадки? Должны ж отыскаться в подсумках ездоков запасные заряды и пули, чтобы сразить злых голодных хищников! Должна ж подоспеть экипажу подмога — с меткими ружьями, с огнём, с верными псами! Кажется, уже звенят за поворотом бубенцы многолодного санного поезда, догоняющего одинокую тройку... Вот-вот распахнется за краем картины широкое поле, и лихая упряжка, вырвавшись на простор, унесёт людей от смертельной опасности!

Чего только не рисовалось в девичьем незрелом мозгу!

Похоже, и позвали кони в дорогу. А может, это и есть наша жизнь — вечная погоня неизвестно за чем?

Никак не шла из головы Евдокии предсмертная просьба мужа: поехать в далекую неведомую Вологду и отыскать там некую буфетчицу Фатееву Татьяну, его морскую подружку. Может, задолжал ей сильно? Может, через эту женщину грех несмытый висит на нём и не даст покоя даже в могиле? Может, ещё какая-нибудь тяжкая провинность связывает обоих, и требует-

ся непременно разорвать обузу, чтоб не томила неисполненным обещанием? “Надо ехать! Последний долг мужу отдать! — решила Евдокия. — А где эта Вологда?”

— Вона где! — махнул рукой в северную сторону дежурный по станции, куда Евдокия на досуге сбегала в разведку. — Доедешь пассажирским до Орши, там пересадка, через Смоленск на Москву, а оттуда дорога во все концы. В вологодскую сторону тоже, — пояснил дежурный.

Евдокии и не боязно: поезд куда угодно довезёт.

Не удержалась, похвасталась:

— А я уже ездила далеко. На Дальний Восток!

— Да ну! — удивился дежурный по станции и внимательно посмотрел на Евдокию, сельскую жительницу. Девка не девка; молодлица не молодлица. На всякий случай спросил:

— А сколько ж тебе лет, красавица?

— А сколько, дяденька, дадите? — созорничала Евдокия, как бы невзначай сдергивая, поправляя на русой голове тёмный траурный платок, старивший её.

— Да ты совсем ещё молодая! Поди, и двадцати пяти нет?

— Я уже замужем была. Мужа недавно схоронила... — неожиданно для себя призналась Евдокия незнакомому человеку, интуитивно ожидая встретить равнодушие в чужих глазах.

— Ох, беда, — засуетился железнодорожник, не зная, что и ответить на неожиданное признание и как вести себя дальше с женщиной в трауре, окликнувшей дежурного по станции обыденным, давно набившим оскомину вопросом: как проехать и сколько стоит билет.

Но, значит, было в этой серенькой пташке что-то настоящее, сердечное. Не какая-нибудь финтифлюшка. Таким всегда стараются угодить. Хотя чаще всего простушки, вроде этой, ни о чём не просят, а только спрашивают...

— Ты приходи, дочка, когда надумаешь ехать, посажу, помогу...

— Ещё чего! — беспечно махнула рукой Евдокия. — Я сама! В поезде хорошо: чай носят, станции объявляют... Даже выходить неохота...

— Значит, на родину мужа поедешь? — высказал догадку дежурный. — А сама откуда будешь, чьих?

— Из Похмелевки. Козлова-стрелочника дочка. А по матери — из Осмоловских, Бончей.

— Козлов? А как же, знаю! Знал... Он у нас на узловой до войны работал! — обрадовался железнодорожник знакомому имени. — Жив батька-то?

— Убили на войне, — тихо ответила Евдокия, вогнав собеседника в ещё большую неловкость. Как будто бы и его вина была в том, что и мужа она похоронила, и отец у неё, такой не по годам серьёзной и, по всем признакам, горделивой девахи, на недавней войне погиб.

Прозвучавшее дополнение — из каких именно Осмоловских женщина родом — многое собеседнику сказало. Добрая половина населения деревни Похмелевки и более крупных Осмоловичей, где и располагался железнодорожный разъезд, носила фамилию Осмоловских, причем с почти забытой приставкой “Бонч” — это белорусско-польская ветвь. К ней еще относились Бонч-Судзиловские, Бонч-Будаговские и другие “бончи” с окончанием основной фамилии на “ий”. Древняя кровь.

Другая часть жителей объединялась дальним, вода на киселе, родством, среди которых самые знатные в неизвестном прошлом фамилии звучали и писались когда-то с обязательной приставкой “Корч”.

Затем по численности в округе шли Пашкевичи, Валкевичи, Саковичи...

Остальные жители значились под чисто русскими именами — Козловы, Кудловы, Матохины, Кулагины, Коротцовы, Калугины...

Земля Могилёвщины, словно трёхведёрный чугу́н с наваристым борщом, какой только людской овощ в ёмкость свою не приняла и не переварила: здесь и могилёвские, и брянские, и смоленские, и гомельские... А для приправы — польские, литовские, татарские и еще Бог знает какие коренья в общей похлёбке за века взопрели... Хлебай — не хочуй!

Со временем приставки, а стало быть, и двойные фамилии из обихода исчезли, ветви и побеги пересеклись, перемешались, люди в округе переродились, стали разговаривать, общаться главным образом на белорусско-русском наречии с вкраплением редких польско-литовских выражений и слов. Однако у большинства местных жителей не искоренилась продиктованная генетической памятью убежденность в том, что Осмоловские, да еще из “Бойчей”, — это самые-самые: независимые, гордые, своенравные. А все остальные, в том числе выделившиеся в самостоятельную ветвь “Корчи”, — людишки с бору по сосенке, конечно, не последние, но и не высшего сорта.

Исходя из этой доморощенной иерархии ценностей, негласно считалось, что у Евдокии Козловой, а по матери — Бонч-Осмоловской, имеется примесь польских кровей, о чём она сама никогда не думала и о чём никто обычно не говорил. О происхождении вспоминали в тех не слишком частых случаях, когда представители давно растворившегося в людских пластах бунтарского рода проявляли себя выходящим из привычного ряда образом, отличным от поведения и поступков среднего большинства: невесты удирали из-под венца к нищим женихам, женихи вешались и стрелялись из-за неразделённой любви к богатым избранницам, и те и другие без колебаний отправлялись за жар-птицей в неизвестные дали и края, и все вместе — отличались внутренним благородством, негромким достоинством и совестью.

“Гонору слишком много”, — оценивали окружающие неординарных односельчан, причем произносилось это выражение с гордостью за тех, к кому такая, вроде бы и нелестная оценка относилась.

А если уж копать в генеалогическом древе Евдокии более дотошно, то следует сказать, что её бабка Тереза была привезена в соседнюю с Похмелевкой деревню Богдановка польской помещицей пани Богданой задолго до Первой мировой войны откуда-то из-под Ченстохова. Со временем любимая служанка (поговаривали — внебрачная дочь барыни) под фамилией пани была выдана замуж за панского кучера Кирея Козлова, родом из русаков. А потом отпущена на вольные хлеба в придачу с небольшим земельным наделом. После смерти старой помещицы невеста откуда взявшиеся наследники выселили Терезу с семьёй из подаренной хаты, а земельный надел, на который пани Богданова не удосужилась оформить никаких дарственных бумаг, отобрали. А Тереза уж была беременна Илларионом, будущим Дуняшкиным отцом. Пришлось тогда бывшей служанке, нечаянно ставшей “панёнкой”, наниматься вместе с мужем на смолокурные заводы своей прежней благодетельницы, а возможно, — родной матери, перешедшие в руки многочисленных, смешанных по крови родственников покойной.

Кустарные производства по выпуску дегтя просуществовали до тех пор, пока рубщики и углежогги не вывели в округе берёзовые леса, а их владельцев окончательно не уничтожили войны, революции и реформы.

А фамилия осталась...

— Значит, Осмоловская? — уважительно повторил-переспросил дежурный по станции, во все глаза глядя на ожившую под непряздным его вниманием молодую женщину.

— Не-а, Козлова! — специально наперекор поправила Евдокия.

Такие уж мы, Осмоловские! Которые — Бонч...

А для себя она уже твёрдо решила: надо ехать.

Никто Евдокию отсюда провожать не станет. Разве что деревенский дурачок Муравчик — станционный завсегдатай, притащится по своему обыкновению в такую даль к вечерним поездам.

Редкий из составов останавливается на забытом Богом железнодорожном полустанке на положенные по расписанию три минутки. Пронесётся поездка по путям с ветерком, озабоченные, скорые — на Костюковичи, на Могилев, на Оршу, на Смоленск.

А горбатый Муравчик, названный родителями, будто в издевку здравому смыслу, Володомиром, каждый день приходит их встречать-проводить. Задолго и тех сельчан и гостей, кто отправляется либо приезжает пассажирски-

ми поездами. Всех он знает и каждому из местных тоже знаком. Володомир — этим всё сказано.

Но главным образом проходят мимо Осмоловичей длиннющие товарняки, обдавая стоящих на обочине людей тёплым ветром, напитанным запахами дальних дорог.

Дышит “чугунка” сгоревшим углем, мазутом, мимолетным праздником, которого всегда очень ждёшь и который проносится так стремительно.

Бывало, в детстве положишь тайком от взрослых на тёплый рельс пятак — и ждёшь, когда прогрохочет состав, затихнет вдали, чтобы оставить в щёбёнке меж промазанных шпал стёсанный тяжестью чугунных колёс блестящий кругляш.

Спрячешь монетку в ладошку. Горячо!

Евдокия помнит те проводы, вовек их не забыть. Не её — дальневосточные, а отцовы — военные... Станцию эту помнит: кирпичное зданьице и дощатый перрон, пристанционный буфет, считай, единственное людное место в округе, оживавшее по прибытии редких пассажирских поездов и на время ещё более редкого завоза пива. Тогда уж вокруг пивного бочонка — людей невпроворот. Но бочонок быстро опорожняется, и буфетчица без посетительей скушает, не зло задирает расспросами добровольного помощника Муравчика, а чаще запирает дверь и уходит, вывесив захватанную табличку “Ушла в сельпо”. До следующего пассажирского.

Одни хлопоты — и незнакомая Вологда впереди. Что там её ожидает?

Вологодские кружева

*Ой, балота-балотачка,
Там хадзілі сiротачкі
Да збіралі ягодачкі.
Збіралі, гаварылі:
— Ці нам сесці іх паесці,
Ці нам браці дамоу несці?
А панясём мы да крамкі,
А купім мы татку з мамкай.
Усе крамкі абхадзілі —
Татку з мамкай не купілі...*

Считай, всю дорогу от Осмоловичей до Москвы и дальше — до самой Вологды донимала Евдокию эта песня. Ехала молодая вдова — не радовалась, в неизвестности предстоящего грустила. А из вагона как будто и не выходила вовсе: казалось, как села когда-то в поезд направлением на Владивосток, так и продолжают проноситься за окошком станции и полустанки, поля да леса. Разве что долгая остановка позади осталась — лет эдак на пяток. Ровно столько, сколько прожили с Фаддеем в Похмелевке. Жили-были, не тужили, да деток не нажили.

И все вроде бы оборачивалось сном, приметой в руку: кони на коврике — к дороге, позабытая песня-плач — к сиротству.

Проводы отца ещё раз вспомнила, своих рано умерших сестёр и братика.

Дуняшка первенцем, старшей в семье была, поэтому последыши в памяти задержались. Остались бы они живы — наверное, подробности бы не сохранились, а так...

Сестричка Елизавета отдала Богу душу в пятилетнем возрасте. Любила её очень Дуняша, нянчила, на руках носила. Лизка хоть и вредная была, плаксивая да капризная, но отходчивая и глупая. Уступи ей игрушку — она и рада-радешенька. И не столько игрушке, как тому, что уступают, потакают. От scarлатины сгорела.

С Матрёной, родившейся вскоре после смерти Елизаветы, и вовсе хлопот не было. Сосёт себе хлебный мякиш, в тряпицу завёрнутый, сонит, — няньке и горя с дитём нет.

Спала, спала девочка почти до четырехмесячного возраста — и однажды не проснулась. Чем болела — неизвестно. Бог дал — Бог и взял.

Братик Афанасий, Фронька — до трех лет прожил. Шалун, забияка. Батькина, Козлова порода, как говаривала мать. Этому хоть кол на голове теши, всё одно поступал по-своему. У Фроньки с малолетства манера проявилась: убежать от взрослых и прятаться. Оставишь его на минутку без пригляду, а он уже за порогом, в бурьяне или в собачьей конуре... А то и вовсе — за плетень и бежать без оглядки куда глаза глядят... Набегался на свою погибель: простудился, заболел и зачах.

Детей похоронили на кладбище под названием Грязевец в Осмоловичах. Три крестика над куцыми холмиками. На каждом кресте мать повязала поминальный рушник с вышивкой. Дуняша подбирать и вышивать на них узоры помогала. Почти каждую весну выцветшие рушники на крестах меняют на новые.

В селе есть и другое кладбище — Бривица: крестов и постаментов с фамилией Осмоловские там тоже хватает...

Есть на нём одна памятная, очень старая семейная могилка, и не одна, а целых три. Две из них — тоже детские. Третья, взрослого покойника, не чужого им, — за кладбищенской оградой.

Страшная родовая трагедия связана с этими захоронениями.

В году 1903-м, когда злые родственники выгнали служанку Терезу из дарёной хаты и отняли жалованный пани Богданой кусок земли, подрастало у неё в доме трое детей — пятилетняя дочка Мария и двое мальцов-близнецов, Андрейка и Василь. Их отец Кирей, как говорили очевидцы, не то умом тронулся от постигшего семью разорения, не то запил с горя по-чёрному, но только нашли его в хате с перерезанным косою горлом, бездыханным. Но прежде чем самому Богу душу отдать, порешил отец той же косою двоих несмышлёных малолеток...

Тереза дочку-кровинушку уберегла, а вот малых — не сподобилась, так как была с дочерью в отлучке...

А через пять месяцев после трагедии родила еще одного сына, Иллариона — будущего Дуняшкиного отца.

Души невинных младенцев над тем проклятым местом, где стояла хата бабы Терезы, долго еще витали, пока однажды осенней грозовой ночью молния её не спалила...

Кирей-душегуба батюшка хоронить на кладбище запретил.

За детскими могилками родственники приглядывают из поколения в поколение...

Вот как с этим жить? А приходится...

Ветры жизни не щадят житное поле, мнут его бури с дождями без разбору и всякой жалости. Но горе в ней одинокому колосу, ничейному цветку: всяк может его пригнуть.

Наверное, поэтому колос к колоску прижимается, цветок к цветку вяжется...

К чему эти мысли?

Села себе да поехала. Как и положено, с плацкартным билетом. Чем она хуже других?

Но чем ближе к конечной станции, тем тревожнее у Евдокии на сердце становилось. Стук да перестук колёс на стыках — прыг-скок в груди сердечко. Даже от чая, что проводница разносила, отказываться стала. Хотя знатный был чаёк, и сахар-песок завернут в красивые пакетики. Целую горсть голубеньких конвертиков припасла — сэкономила про запас, чтоб в деревне по возвращении показать.

Московской оказалась поездная бригада, а в поезде все под одну гребенку: скатерти на столиках, салфетки в вагоне-ресторане, куда Евдокия специально ходила посмотреть.

И проводницы в блузках с вязаными кружевными воротничками под тёмными форменными жакетами. Наверное, это и есть — знаменитые вологодские кружева.

Ну, а лица-то — поди их разбери: московские, вологодские, костром-

ские, ярославские? Румяные да круглые, с голубыми глазами и в большинстве — русоволосые. Не спутаешь — Расея.

Евдокия и сама мастерица, поэтому рисунок платков и крой платьев примечала. Не специально старалась, а по привычке, чтоб мысли дурные отогнать и предчувствие спугнуть.

А вдруг там, на конечной остановке ждет Дуняшу злодейка-баба Фатеева с острым топором, и придётся перед ней, стервой, ответ держать: куда увезла дружка Фаддея и что с ним в *похмельной* белорусской деревеньке сотворила? А тот, бедолага...

Век бы соперницу не выдывать, имени не знать, слово обязывает.

“Вологда — волок — волокно — иволга” — начали пересыпаться в голове Евдокии невесть откуда взявшиеся слова-горохи, вторя затихавшему говору поездных колёс, замедлявших перестук с приближением к конечной станции.

Но вот звуки окончания пути пропали, взвизгнув напоследок испуганной птицей.

Приехали. Вологда.

Однако не стерва Фатеева на скучном перроне озабоченную пассажирку встречала, а местный проныра, высматривающий в редком ручейке прибывшего народа раззяв и простофиль. Видать, селянка Евдокия — в цветастом платочке на волосах, полосатом жакете поверх длинного серого платья, в носочках на загорелых лодыжках да с нелепым ридикиюлем под мышкой — легкой добычей “напёрсточнику” показалась, ибо зорко весь неуверенный путь незнакомки по перрону он проследил, от киоска “Горсправки” до края площади с выходом к центру. Как раз возле того места, где мухляр свои беспроегрывные “три напёрстка” выставил на перевернутом ящичке и народ зазывал. В этот момент Евдокия бумажку с адресом гражданки Фатеевой, прочитав, в кошелёк прятала и денежными купюрами, взятыми в дорогу, шелестела.

Вот тут прощелыга перед залётной гражданкой и возник:

— Не проходите мимо своего счастья, мадам!

Евдокию будто по глазам ударило, и сердце в кулачок сжалось. Именно так ее Фаддей — земля ему пухом — женский пол задирает и “мадамами” голову морочит. Поэтому и остановилась, задержалась.

А “напёрсточник”, воодушевившись замешательством приезжей, взялся за своё:

— Пан или пропал! Удача вас не покинет, мадам! Слева, справа, середина — тут и водка, и конина!

Вдове сразу вспомнились Фаддеевы прибаутки, припевки. Другой бы на её месте невдомек, что “конина” — коньяк, а она от супруга своего покойного это давно знала. И как избавляться от назойливых приставал-лотерейщиков, гадалыщ и непрошенных помощников-жуликов, особенно дорожных, битый жизнью, Фаддей, моряк и бродяга, когда-то жену научал от нечего делать во время совместного житья-бытья в деревенском захолустье.

Многое также подсмотрела и вызнала у своих дальневосточных подружек — обработчиц, среди которых встречались — оторви да брось. И бластные с гулящими, и бывшие зэчки с поселенками. Школа у них известная — базар, вокзал, тюрьма, “малина”...

Тут главное — прикинуться “валенком” и ошарашить наглеца неожиданным словом или поступком. Создать нестандартную ситуацию, как говаривал Фаддей.

— Согласная я. Один — к трем. Но играем моим камешком. Деньги — на бочку! — неожиданно для себя небрежно промолвила Евдокия и вместе с сотенной бумажкой, единственной, что имела за душой ещё со старых “рыбных” запасов и которую доселе разменять не решалась, протянула игроку жемчужную бусинку — одну из немногих сохранившихся от разорванных бус, подаренных мужем на свадьбу. Из потёртого материнского ридикиюля достала.

У “напёрсточника” глаза округлились. Как у замороженного красного окуня, попадавшегося обработчице на рыбозаводе среди сайры и селедок. Жемчужина, сразу убедился, настоящая, а “хруст” с Лениным — и подавно.

Выложил на “кон” свои — “зелененькие”, “красенькие”, “синенькие”. Отмусолил три сотни рублей.

То ли парень от неожиданности страх потерял, то ли от предчувствия легкого “фарта” словчить поспешил, однако бусинку под колпачок засунул, а не в рукав или меж пальцев, как у мухлевщиков принято. Со своим камешком-кубиком такие фокусы перед лопухами проделывал. А тут — обмисулился.

Глазастая незнакомка наживленный напёрсток заметила, как бы троичу парень ни тусовал и внимание соперницы ни запутывал.

Приподнял указанный девушкой колпачок — есть!

Евдокия денежки сразу в горсть — и за лифчик. Жемчужину туда же. — Куда, маруха? — возопил ошарашенный неудачник. — А отыграть-ся? Давай ещё!

— Карте место! — парировала Евдокия заученной Фаддеевой фразой. — Кум, брат, сват, а деньги не родня. Не хочу больше играть. Не буду фарт ломать...

“Напёрсточнику” крыть нечем. Подельщиков, с которыми в сговоре, из-за раннего часа за спиной не оказалось. Да и деваха, во всем признакам, ещё та... Всяма некстати вдали милиционерская фуражка нарисовалась. Пришлось уступить и отпустить залётную с миром. И выйгршем.

— К кому, фартовая, приехала? Аль по делу? — спросил погрустневший парень у Евдокии.

— У нас по плану четыреста тонн! — брякнула она в ответ, опять же — словами из песни, что муженёк когда-то под гармонь напевал.

Для пущей важности произнесла, чтобы туману напустить.

Были в той Фаддеевой рыбацкой песне и такие слова: “Моторы вздрогнули, причал поплыл, стоим мы, головы опустив, прощай, любимая, прощай, притон: у нас по плану четыреста тонн...”

Пригодилась песня, знать, не случайно вспомнилась в отчаянную минуту. Покойный муж, что ли, знак подал?

И пошла Евдокия гордо прочь. У самой поджилки от страха тряслись. Все ожидала: догонит блатняк, финкой пырнёт...

Не стал догонять. Видать, сбила незнакомка с панталыку: по “фене” знает и темнит не случайно, возможно, дружки-ухари её встречают, издали следят...

Летела Евдокия с вокзала, ног под собою не чуя.

Шальные деньги титьки жгли.

Второй раз в жизни прочувствовала опасную сладость обладания крупной денежкой. Впервые задохнулась при виде плитки новеньких сторублевок, когда получала расчёт в бухгалтерии рыбокомбината на Шикотане. Тогда Фаддей только снисходительно ухмыльнулся: говорил, что после каждой удачной путини он впятеро и вдесятеро больше в руках держал. Видать, по этому и тратил заработанное без оглядки, ибо большие деньги карман ему жгли, на блуд и пьянство толкали. О том, каким солёным потом они добывались, не вспоминал...

А тут Евдокия сдуру три сотенные, как с куста, сорвала — и устыдилась, совестливая, перетрусила, корить себя стала...

Неправедные деньги — хромая судьба.

Ой, лихо!

Побыстрее бы от них избавиться!

Не могла предполагать женщина в ту минуту, как ей эти денежки пригодятся и какую неожиданную службу сослужат.

И ещё раз удачу свою решила испытать, уже на окраинной улице Вологды, куда добралась, отыскивая указанный в бумажке адрес: Дворовая, 43.

Деревянные двухэтажные дома, чередуясь с одноэтажными рублеными бараками на этой улице, стояли за чёрными от времени щербатыми заборами с калитками, а вдоль заборов, обрамляя широкую глинистую колею, — деревянные тротуары из старого бруса.

“Скрипнет доска под левой ногой — быть удаче”, — загадала Евдокия, направляясь к приоткрытой калитке, за которой стоял покосившийся домиш-

ко с нужными ей цифрами, выведенными на досках притвора краской когда-то голубого цвета.

Доска крякнула испуганной уткой...

Такие, мощные деревом тротуары, сплошь и рядом покрывали немногочисленные улицы поселка Малокурильское на Шикотане — без них весной и осенью спасу от грязи не было.

Небольшой огороженный двор показался чем-то знакомым: покосившиеся ступеньки крыльца, рассыпавшаяся поленица берёзовых дров, топор с топорщиком на честном слове брошен рядом с худым корытом... Давненько не тревожили их хозяйские руки...

Резные наличники на окнах потрескались и покосились. Стёкла давно не мыты.

Выглядел быт вологодских жильцов похожим на ее вдовый двор в Похмелевке после смерти мужа — то же сиротливое запустение.

Вот и все кружева. Вологодские.

Гостье почудилось: сейчас появится в двери согбенный Фаддей и осторожно присядет на порожек, теребя ремешок охрипшей гармошки. Только откуда ему тут взяться!

А где ж Татьяна Фатеева, по отчеству Семёновна? Ведь аккурат этот адрес в горсправке выдали.

— Есть кто в хате? — громко позвала-спросила Евдокия.

Дверь скрипнула, приоткрылась — и в образовавшейся щели показались... два синих уголька. Два цветка-василька под густой челкой на детском личике девочки лет пяти, возникшей на пороге. Не могла Евдокия ошибиться: Фаддеевы глаза! Как пить дать — евонные... Редкое, присущее покойному мужу сочетание — черные волосы и голубые глаза. Значит... Неужели дочка?

— Взрослые есть в хате? — волнуясь, спросила Евдокия.

— Баушка. Лежит. Слабая дак, — просто и серьёзно ответила малышка, не смущаясь незнакомки. — А ты моя мамка будешь?

Ох, лучше бы не задавала сиротка ей такой вопрос, лучше бы сердце женское не бередила!

Не дал Евдокии Боженька деток, обделил...

— Кого там нелегкая принесла? — раздался из комнаты старческий голос. — Проходи сюда. Чего надобно?

— Фатеева Татьяна Семёновна здесь проживает? Адрес горсправка дала. Можно её видеть?

На топчане в углу комнаты лежала пожилая женщина, укрытая стеганным ватным одеялом.

Конец лета, теплынь, но большую, по-видимому, знобило.

— К Таньке? — переспросила, приподнявшись, старуха. — А кто ж ее, лярву, ведает, где она валандается... Второй год носа не кажет. По морям ездит все, по заморьям... Только цидулки шлёт, карточки разные... Шалава. Дитё забыло, чем мамка пахнет...

Из всего наобум и громким голосом сказанного гостье стало понятно: Татьяна Фатеева — дочь родной, рано умершей младшей сестры старухи. Племянница уже давно плавает на судах торгового флота не то буфетчицей, не то официанткой, а дочку, отца которой никто здесь не видел, оставила на воспитание одинокой престарелой тётке, так как детей на кораблях “не держут”. Малая Танька девка послушная, хорошая, однако бабке с ней тяжело, потому что сама с батогом ходит, и пора на погост её, немощную, тащить... Одна надежда — на сына, что в Северодвинске живёт, может, заберёт племяншку, но и у самого двое... А ноне хозяйку через все уши продудло, и с ней не поговоришь, разве только в самое ухо шептать...

Пока шло объяснение, девочка не отпускала руку Евдокии, стараясь лишний раз заглянуть ей в лицо и получше рассмотреть: неужели все-таки чужая тётя?

Это ж надо было так дитё от родной матери отвадить, засиротить! Распута!

Наконец, дошла очередь и до заочного знакомства с личностью Татьяны

Фатеевой — старуха выложила на стол веер фотокарточек и открыток, сложенных до того в шуфлядке.

Красивая белокурая женщина со светлыми глазами, похожая на Марлен Дитрих, с немного скуластым славянским лицом, настоящая вологодская красавица, глядела на Евдокию с чёрно-белых, изредка цветных фотографий, пришедших по почте на пыльную вологодскую окраину из различных портов — из Владивостока, Одессы, Сингапура, Нагасаки...

Значит, вот она какая — Фаддеева зазноба... Недурна, стерва. По такой всякий станет сохнуть, туды её растуды!

На снимках буфетчица почти всегда была снята с кем-то рядом. Это были люди в форменных морских фуражках, в кителях, в светлых рубашках с короткими рукавами, в легких прозрачных шляпах — на фоне портовых рейдов, больших судов, красивых ландшафтов. Ни на одной не было Фаддея. Видать, порознь их кораблям в море и в жизни довелось плыть.

Евдокия на миг представила своего мужа рядом с этой красивой чужой женщиной — и засомневалась: нет, не пара. Видать, ради каприза приблизила телом невзрачного внешне механика, осчастливила мимолётной любовью — и оттолкнула, пренебрегла. Оттого и маялся безответным чувством всю оставшуюся жизнь... Про дочку наверняка не призналась. А то бы он ей не дал покоя, качал бы права до изнеможения. Фаддей такой!

Еще раз покойника в мыслях пожалела. Подумала о сопернице: ишь, фифа, пренебрегла... Не смогла, не успела оценить. А может — не захотела. Другой орёл был на примете и в мечтах.

Евдокия не слишком удивилась, увидав на одной из фотографий очертания большого рыболовного траулера с надписью на борту “Капитан Сомов”. Вот, значит, где подружился её милёнок с красавицей-буфетчицей, вот на какое судно стремился потом понасть, надеясь застать там свою зазнобу. А её-то и след давно простыл... В торговый флот перешла.

“Усё шукала ды шукала маладога адмірала...”

Чаще фотографий попадались цветные открытки с видами стран и городов и печатными надписями на незнакомых языках.

С торопливыми скупыми строками приветов на обороте.

Чужая, неизвестная жизнь глядела на Евдокию будто с насмешкой.

А рядом сопела другая — синеглазая, неужоженная, Фаддеева... Значит — родная.

Пока шёл разговор, пока прижималась худеньким боком Танюшка — без всякого сомнения, покойного мужа кровинка, — а полуденное солнышко перемещалось в другое замусоленное окошко, будто пытаясь рассмотреть гостью получше, Евдокия для себя всё уже решила. Без дитяти она отсюда не уедет. Найдёт в себе силы и сердце, чтобы ответить, кто её настоящая мамка! Не больно девочка родной матери нужна, раз столько времени только карточками отбояривается.

С немощной тёткой её Евдокия договорится. Упросит, уговорит девочку отдать. Сразу видать — в обузу ей малышка. А лучше — схитрить. Вон как на вокзале у неё ловко получилось!

Три дня гостила Евдокия у Фатеевых. Прибралась в доме, во дворе порядок навела. За старухой без всякой брезгливости ухаживала. Та уж совсем слаба оказалась. Сделает шагок по комнате, во двор сгуляет — и на боковую. Немощь. Хворь.

Куда уж ей за ребенком присматривать, воспитывать! А подрастёт? А гули начнутся? Кто за былиночку ответит? Кто защитит?

Чуял, чуял сердцем Фаддей на пороге могилы вину за любовный грех...

Но раз уж ей самой детей Боженька не дал, то хоть мужа покойного дочку до ума довести, на ноги поставить.

Аминь. И Господь ей судья.

Как задумала, так и вышло. Старуха сразу Евдокии поверила — будто она давнишняя знакомка Фатеевой (плавали вместе на траулерах) и будто заехала в Вологду, чтоб, как обещала, дочку и тётку подружки при случае навестить. И, мол, готова забрать девчунку на время, пока мать свою личную жизнь устроит, может, тогда и объявится.

Согласие было получено. А чтоб договор как следует закрепить, чтоб не на словах осталось, Евдокия смекнула получить у тётки расписку: дескать, не возражает та, чтобы уехала дочка племянницы на постоянное жительство в Могилёвскую область БССР, деревню Похмелевка Климовичского района, под попечительство Козловой Евдокии Илларионовны, действительного члена колхозной артели имени Третьего Интернационала.

Старуха хотела ещё дописать про стерву-племянницу и про обещанные денежные переводы, которых она не получала с осени, но Евдокия отговорила. Дескать, надо писать поручительство по форме, чтобы милиция не придралась.

На том и сошлись. Старуха вздохнула с облегчением, хотя и всплакнула.

Свой домашний адрес Евдокия записала на бумажку и за иконой в комнате при бабке спрятала. На всякий случай.

А когда, прощаясь, ловкачка выложила три сотни рублей, которые выиграла у “напёрсточника”, да ещё остальное всё выгрела, оставив себе лишь на обратную дорогу, старушка совсем рассиропилась. Хватит ей и до пенсии, и до почтового перевода от племянницы, если пришлёт, и к сыну съездить, когда сама поправится.

Что же Танюшка, Фаддеева дочурка?

Ходила она в последние дни ни жива ни мертва, вела себя тише воды, ниже травы.

Боялась, что вдруг ласковая тётя, так похожая на мамку, передумает и не возьмёт капризную девочку с собой...

Когда вновь обрётённая дочь вместе с матерью (обе по фамилии Козловы, они же — Бонч-Осмоловские) проделывали обратный путь от Вологды до деревни Похмелевка, Танюшка не слезила с рук и колен своей новой мамы, а когда шли пешком, цепко хваталась за её подол. Как когда-то Дуняша за брезентовый отцовский ремень...

На разъезде в Осмоловичах дружную парочку первым встретил горбатый Муравчик. Он сидел на откосе и тербил в пальцах цветки ромашки. За что Евдокия горбуна всегда уважала — никогда не отрывал лепестки, а только пересчитывал. Дурачок, но понимал: живое губить — грех.

Правильное все-таки имя ему родители дали — Володомир.

Вдоль стёжки — рожь с васильками. Женщина стебельков с колосьями нарвала и веночек связала. Надела на детскую головку.

— Житная Баба! — обрадовался Володомир, увязавшийся с ними.

Придумает же такое...

Дочка — ясная ночка

“Даст Бог детей — и в детях толк. А нашему роду — ждоть переводу. Одно бабское семя колосится”, — говаривала ещё при жизни Анастасия Борисовна, Дуняшкина матушка, царство ей небесное. Четверых детей произвела она в муках на свет, пока рожать могла и мужа Иллариона Киреевича на войне не убили. Выжила из всех четверых одна Дуняша, но её саму Бог детьми не осчастливил. С появлением в доме синеглазой Татьяны, вологодской дочери шального Фаддея, земля ему пухом, жизнь Евдокии превратилась, казалось бы, в сплошной весенний праздник. Вдовья хата изнутри осветилась, и все недостающее прежде само собою в ней сложилось и дополнилось. Хозяйка будто заново родилась: для кого жарить-парить, для кого куделю прясть, платица с косынками кроить-вышивать, кому сказки сказывать, для кого пашенку пахать — обрело резон. В одно мгновение произошло счастливое перевоплощение: из молодой вдовы Евдокия превратилась в заботливую мать, рачительную хозяйку, мудрую бабушку. И даже козу Манюню не пришлось под конюта сцеживать или молоко соседке отдавать.

“Пей, тихоня, козье молочко, может, бодаться станешь”, — в шутку приговаривала новоявленная мамаша, пичкая худенького ребенка жирным молоком, при этом искренне считая, что козье — не хуже, а то и лучше зна-

менитого вологодского, которое Танька в своей косолопой Вологде, скорее всего, не часто едала. При таких-то родителях.

Щёки и бока девочки вскоре округлились.

Танька, северный цветок, со временем расцвела неброской, без крикливой яркости, красотой. Отличалась характером ровным, спокойным. Помощница матери — безотказная. Одна беда: чересчур девчонка молчаливая. Евдокия даже пугалась не по-детски серьезной задумчивости малышки: перекатывает потаённые мысли-камешки в русой головке, а что там складывается, какие хоромы и замки — никому не ведомо...

“Никак, в тихом омуте чертовка затаилась”, — рассуждала приёмная мать, с некоторым опасением ожидавшая всплеска наследственных черт шалопутного Фаддея и его отчаянной полюбовницы, Татьяниной кровной матери.

Не сразу поняла белоруска, что уродилась девочка в белую северную ночь — тиха, светла, прозрачна. А хоть раз окупнётся в её чарующую млечность — душой и помыслами очистишься. Так и Танюша: белизною светится. Всяк к ней тянется: каждый норовит льняные русые волосы погладить, за руку поддержать.

Володомир, дурачок, так вовсе проходу не давал. Принесёт из лугов букет цветов и пристает к соседке. Давай, мол, Дуня, Житную Бабу наряжать!

Далась ему эта Баба, чучелу гороховому... Но чтобы обидеть девочку, пальцем тронуть — ни-ни. Словно на одуванчик дул — волосёнки на голове взьерошивал...

Первые годы сильно Евдокия опасалась приезда незваных вологодских гостей. Ведь адресок-то свой как-никак оставила! Всё ей мерещилось: однажды вернётся она с колхозного поля, а Танюши и след простыл — явится и заберёт дочку шальная родительница...

Бывало, подолгу в окошко высматривала, а то и на росстань за деревню выходила: не едут ли за дочкой вояжеры?

И дождалась. На семнадцатом году Таниной жизни явились — не запылились родственнички, мать их еги... На шикарной легковой машине. Семей: глава семейства — толстопузый коротышка; такие же два мальчика-бутуза кровь с молоком и Фатева, Танина мама. Пузан — не иначе как “адмирал”, которого буфетчица всё же добыла.

Евдокия сразу Фатеву признала, запомнив белокурую бестию по фотографии, — подсматривала за приезжими через щелку в сарае, куда спряталась от непрошенных визитёров.

Сидела Фатева на заднем сиденье. На носу — черные солнцезащитные очки, чтоб глаза свои бесстыжие не показывать. А из машины так и не вышла.

Расспрашивал и визнавал про Таньку муж вологодской красавицы, спохватившейся о дочери, когда та уже выросла. До сих пор — ни весточки из Вологды, ни гугу. Не искали вовсе. Да о своей ли дочери, явившись, хлопотали?! Говорили, мол, дальнюю родственницу давным-давно отдали некой Козловой на воспитание, поэтому интересуются судьбой девчонки, сделал крюк проездом на курорт в Прибалтику... Замусоленную бумажку с адресом Евдокии предъявили.

К счастью, Таню гости дома не застали. В то время она в Минске на трамвайных курсах уже училась, на побывку приезжала редко.

Принимала приезжих Эмилька, соседка. Эта кому угодно мозги затуманит, та еще темнильщица... Евдокия ей загодя наказала: начнут чужие про Таньку спрашивать — молчок! Мол, знать не знаю, ведать не ведаю...

Эмилия, как и учили, завольнила чужакам невесть что — уши у них завяли. Про погоду, про урожай, про то да сё. Потом соседка плевалась от досады и от коньяка, каким толстопузый, вызывая на откровенность, пытался женщину и подошедших деревенских мужиков ублажить.

Дядька Илья — кузнец и старик Матохин попали под раздачу и целую бутылку выжлуктили на дармовщину. Носы потом воротили — клопами коньяк вонял... Им ли, пьянчугам, привередничать! Но тоже лишнего не сболтули. Мол, уехала девушка. В большом городе живёт и учится.

Единственный из всех — горбатый Муравчик — чуть было обедню не испортил, появившись на глаза гостям к шапочному разбору. Дурачок сразу догадался, кто есть кто, и начал приставать к госте с дурацкой просьбой: выйти из салона машины и поиграть с Володомиром в игру.

— Во что играть-то будем? В карты? — спросила, по-вологодски “окая”, раздосадованная женщина. Сидеть безвылазно в машине, пока шли переговоры, ей, по всему видать, надоело.

— У напёрстки!

— На деньги? Деньги, значит, любишь? Возьми вот рупь, купи себе что-нибудь, — протянула Фатеева горбуну рублевку.

— Не! — уперся Муравчик. — У три напёрстки са мной згуляй. На дзетак!

Фатеева побледнела, забилась в угол салона. Муж гостыи, увидев испуг жены, силой отеснил приставалу от машины, так и не поняв, о какой игре и каких детках бормотал деревенский дурачок. Она тоже ничего не сообразила, только до смерти испугалась. Володомир своим убогим умишком вобрал соседские пересуды о том, как Евдокия в Вологду ездила, как девчонку-сиротку в “три напёрстка” у цыган на вокзале выиграла...

Вот и выдал “на-гора”.

В деревне что попадай болтали по поводу удочерения Евдокией Козловой чужой девочки: как чужой роток не накинешь платок. Однако настоящую историю знали немногие.

Убыли гости ни с чем, быстро интерес потеряв и, как поняла Евдокия, — с облегчением.

А приёмная мать долго ещё на образа в красном углу крестилась и прощение у Всевышнего за обман вымаливала.

“Коль отдала девочку без слёз, обходились столько лет без печали, то и впредь без дочери проживут! — убеждала себя женщина. — Она давно для них ломоть отрезанный...”

Была бы Евдокия на месте Фатеевой, хату недругам спалила бы, из-под земли бы кровинушку достала... Значит, не слишком нуждалась родная мать в Танюшке, больше для собственного успокоения приехала... А может быть, до сих пор перед мужем таилась, что дочку на стороне имеет? Поди разбери... Кто на свеще самы гаротны? Жанчына...

Зато уж Танюшку, ноченьку свою белую северную, Евдокия так ласкала, так ублажала по её приезде, что та даже расстроилась от переизбытка материнского внимания:

— Нездоровится вам, мама? Уж не прощаться ли со мною надумали?

— Что ты, голубушка, что ты... Это я так. Соскучилась... Ещё на свадьбе твоей погуляем!

Белокурая молчунья росла как на дрожжах. Восьмилетку в Осмоловичах закончила, у матери под боком. А после школы, по материнскому совету, подалась в Климовичи: уж больно хотелось матери видеть дочку проводницей пассажирских вагонов... Не с тяжкой же на поле и не колхозным быкам хвосты крутить...

Однако стать проводницей Танюше не удалось. Туда, как выяснилось, большой конкуре образовался. В управлении железнодорожного узла посоветовали отправляться в Минск, где происходил большой набор трамвайных вагоновожатых и путевых специалистов. Дали девочке направление как внучке бывшего стрелочника, погибшего на войне. А главное — общежитие трамвайный парк иногородним выделял. Не будет девка по чужим углам мыкаться.

Что такое общежитие, Евдокия хорошо знала по Шикотану. Поэтому сама, после того как Татьяну на курсы в Минск вызвали, съездила поглядеть, как она там устроилась.

Минск город большой, много после войны построили. Посидела мать в тесной комнатке — с четырьмя солдатскими кроватями и девичьими ковриками на стенах. Жить можно. Главное — чтобы дружно. Соседки по комнате ненамного старше Татьяны. Такие же наивные и глупые. Деревенщина.

Учёба шла, по словам дочери, хорошо. А где большой город — там и соблазны большие, где людей уйма — там и знакомства. Как без них?

“Лишь бы у Танюшки всё хорошо сложилось, — рассуждала Евдокия, возвратившись в деревню. — И что девочке терять? Школу закончила. Паспорт на руках. Профессия, считай, в кармане. Все пути-дорожки в жизни открыты. Только рот варежкой не разевай”.

О наступившем одиночестве Евдокия не думала. Заботилась о другом: как кабанчика вырастить, чтоб дочке лишний кусок приготовить и в город передать, как огород вспахать, в колхоз на работу поспеть.

— Прокачу тебя, мама, на трамвае бесплатно, когда учёбу закончу! Хотя день-деньской ездить по Минску со мной будешь! — говорила Татьяна.

И прокатила, как и обещала. С ветерком.

Катька — Три Напёрстка

Уродилась девочка Катя всем Катькам — Екатерина, всем Екатеринам — царица. Екатеринистей не сыскать. Не ребёнок, а куколка. Ангел.

Разве только грудью не кормила новорожденную бабушка Евдокия, не зная поначалу, радоваться или печалиться семейному пополнению.

Дочка любимая, как и обещала, матушку прокатила с ветерком, явившись однажды с ношей в подоле. “Спасайте, мама, — меня с ребёнком из общежития выгоняют!”

Куда уж тут денешься.

Про подол для красного словца сказано, но Танька родила, будучи не замужем, и где искать того молодца, который ее обрюхатил, никому не говорила. Даже матери не признавалась.

“Зноў у напёрсткі дзіцёнка выйгралі”, — трепал языком по деревне вездесущий Муравчик, у которого с возрастом полностью шарики за ролики захали. Как будто до сих пор горбун не понимал, откуда берутся дети...

Но прозвище к девочке прилипло, не соскresti — “Катька — Три Напёрстка”.

Она только в мать Татьяну белым телом и лицом пошла, а характером и повадками — вылитый Фаддей, лоботряс и отчаюга. Аукнулась вся кровь!

Неизвестный Катькин отец, о котором поначалу говорили: “Поматросил да и бросил”, — вскорости объявился и даже замуж Татьяну якобы звал, но та уперлась, как бабкина коза: ни в какую расписываться с ним не желала. Работал тот парень в одном с Татьяной трамвайном депо слесарем, был женат, однако с женою не жил.

“На чужом несчастье своего счастья не построишь”, — решила обиженная трамвайщица и отвезла ребенка в деревню к своей приёмной матери. Как вынашивала дочь, как рожала, никому не рассказывала. Говорила только, что в родильном доме появилась на свет Екатерина, при врачах-акушерах, так что всё со здоровьем у неё в порядке, о чём имеется медицинская справка.

Записали девочку на фамилию Осмоловская. По бабушке. Отчество мать дала тоже не отцовское — Илларионовна, в честь погибшего прадеда. Роднее родни не сыскать.

Это обстоятельство — полное пренебрежение кровным отцом — Катькин родитель сильно переживал, Татьяне проходу не давал. Со своей женой он развелся, запил горькую, и из депо его выгнали за пьянку. Татьяна его со временем простила, к себе приняла. Так они и зажили вдвоём, не расписываясь, получив крохотную комнатку в Минске. А девочка осталась на попечении бабки, которая нянчить внучку обузой не посчитала, всемерно гордилась малышкой и всякому встречному и поперечному ее красотой и способностями бахвалиться не уставала. Дескать, Катька у нее растёт такая-этакая, хоть в понку её без усталы целуй, и впрямь она сахарная. Что бабушка с удовольствием и делала, при этом повторяла: “Малые детки — малые бедки, а большие сами себе дадут рады!” “Дать рады” означало на местном наречии “справиться”.

Вот такие они, Осмоловские, особенно если с приставкой “Бонч”!

Катька, оторванная от материнской груди, обходилась молоком козным, по мамкиной титке не скучала, а выпроставшись из пелёнок, сразу начала ползать, причём задом наперёд. До годика встала на ножки, передвигалась не иначе как вприпрыжку, курам во дворе проходу не давала, а росла так быстро, что платья для неё бабушка не успевала перелицовывать. К матери не просилась, хотя, даже отвыкнув, её не чуралась и искренне считала, что у нее две мамы — та, что рядом, баба Дуня, и та, которая живет в большом городе и изредка навещает, нещадно пичкая девочку приторными конфетами “подушечки” в сахаре. А их, конфеты, Катька на дух не переносила, предпочитая бульбу, сало, квашеную капусту и тёртый хрен, заправленный соком красной свёклы.

Начальную и восьмилетнюю школу в Осмоловичах девочка закончила играючи.

“Расти большой, да не будь лапшой; расти верстой, да не будь простой”, — поучала внучку бабушка вроде бы понарошку, но оглянуться не успела, как стала она совсем взрослой и в Минск к матери на постоянное жительство намылилась.

Татьяна к этому времени со своим слесарем окончательно сошлась (в который-то раз!), обещанное начальством расширение жилплощади ожидала, дочку обещала прописать на новой квартире, которую-таки получила — из двух комнат в “хрущёвке”. По сравнению с трамвайным общежитием это были хоромы. Но Катерина у матери не задержалась, поступив на учёбу в торговое училище, обеспечивавшее своих учащихся кое-каким жильём. Совместно с матерью жизнь не сложилось, ибо муж-слесарь оказался ханьгой ещё тем — регулярно попивал и Татьяну тайком от соседей поколачивал. Мать и сама вдогонку за сожителем пристрастилась к вину, из вагоновожатых ушла и работала дворничихой в том же дворе, где и жила. “Пироги с котятами” получились, как говаривал однорукый Матохин, жирные, и даже чересчур.

Катерина, выучившись на продавщицу и проторчав пару лет за прилавком “Промтоваров” на окраине Минска, плюнула с высокой горки на все эти товары, а главным образом — на заведующего, регулярно “рисовавшего” продавщицам недостачу и настойчиво предлагавшего покрывать ее “натурой”. Кстати, уволилась она из госторговли после доверительного разговора с бабулей, которую не забывала навещать и с мнением которой очень считалась.

Она ушла работать к кооператорам на Комаровский рынок, благо частная торговля к тому времени набирала размах.

В стране в это время происходило нечто под названием *перестройка*, а вскоре неожиданно для всего народа развалился *великий и могучий Советский Союз*.

Внешне жизнь в Похмелевке оставалась прежней. Колхоз, когда-то переименованный из “имени Третьего Интернационала” в “имени Молотова”, а затем — в колхоз XXII партсъезда, — стал называться СПК, сельскохозяйственно-производственным кооперативом; похмелевскую полеводческую бригаду упразднили, ибо деревня обезлюдела; за хлебом теперь ездили в район, так как прежние автолавки, привозившие съестное, напрочь исчезли. Неизменными остались росстань за деревней с перекошенным крестом да перепутье трёх дорог, пустынными и скучными. Когда-никогда городская машина пропылит по большаку — знать, вспомнили чьи-то родственники одиноких похмелевских стариков, коротавших век в захолустье.

Теперь Евдокия частенько от нечего делать сидела у окошка и думала, что вся ее жизнь пролетела как будто и долгим, а в сущности, скоротечным днем — в хлопотах и беготне. Оглянуться не успела, как солнце за горушку закатилось и тягостный вечер подкрался...

“Шила милому кисет, вышла — рукавица, меня милый похвалил, что я мастера...”

Кричал под вечер чибис в полях за огородами: “Чьи вы? Чьи вы?”

“Не каноучь, каня, не жалоби нас... Без тебя тошно...” — ворчала в ответ Евдокия.

Думалось ей: сколько плетень меж соседями ни переставляй — всё одно двор топтать суждено общим...

Думалось: чем политикам копыя ломать, лучше бы о землеце подумали, чтоб пашню на овражье не распустить... А коль житу есть где родить, то и сами живы будем...

Порой задрёмывала среди дня — легко скользили набегавшие сны.

Речка за околицей грезилась. Деревня. Росстань с крестом. Хлебное поле с васильками. И лица, лица — всех, кого в жизни встречала, любила и помнила.

Реже снились далекие места: Москва, Вологда, российские просторы, остров Шикотан. Всё такое далёкое, как в тумане...

Вдруг решила: вышить на небольшом полотне родную деревню — так, чтобы на многие годы сохранилась память о ней.

Быть будущей картине большой и просторной.

Мы предполагаем, а Господь располагает. Не случайно соседская кошка в тот день, явившись в чужой двор, старательно намывалась: терла и терла лапой за ушком и языком вылизывалась. Верный признак — к гостям.

Так и вышло. К вечеру Катька прикатила с поклажей под мышкой:

— Работу тебе, бабулька, привезла... Доставай “Зингер”!

Евдокия для виду поворчала, а сама рада-радешенька редкому появлению дорогой гостии и её пустяшному заданию. Для любимой внучки любая ноша в охотку. Своя может и подождать, не к спеху. Да и делов только взяться — пришить бирки к коротеньким цветным маечкам, привезенным Катькой из последней поездки в Турцию.

“Челночница” она, внучка. Припёрла заграничного барахла на продажу воз и малую тележку, как только в чемодан упаковала! Маечки называются “топы”, куцые, до пупа взрослой девушке не достанут, но, по словам Катьки, модницы берут их нарасхват. Однако товар без фирменных нашивок, так как — контрабанда, чтоб подешевле.

Пока старушка швейную машинку настраивала, пробные стежки на лоскуте строчила, примераясь, внучка без умолку болтала.

О том, как в Стамбул ездила, какие в Турции сумасшедшие рынки и каких там товаров видано-немеряно; как российским “челнокам” бракованные и недоделанные вещи хитрые торгаши-турки под шумок оптом всучивают. А ярлыков и фирменных значков самых известнейших мировых фирм на турецком базаре каких угодно можно за копейки купить на любой вкус. Вот и привезла на выбор: “Версаче”, “Армани”, “Гуччи”, “Вранглер”, “Леви”...

“Что же с людьми происходит? — возмущалась про себя Евдокия. — Прясть, ткать, рубашки с платьями шить разучились. Когда это было видано, чтобы за маечками копеечными в турецкие земли ездили, ведь не шелка же с бархатами, а трикотаж дешёвенький! А крой-то, крой! Проще и не бывает. Одна заманка — бирка с иностранными словами и буква “V” спереди. На кой ляд она?”

Катька, хитрая бестия, решила к бабушке подластиться, чтобы трудовой пыл не охлаждать:

— Хочешь, бабуль, я тебе электрическую машинку подарю со специальной программой? Наберешь код — она сама любой рисунок вышьет в минуту. Хоть вензель, хоть цветок. Не понадобится часами над шитьем корпеть.

— Как это так? — не поверила Евдокия. — А руки на что, голова? — Мастерница давно уже знала про разные машинные приставки — для обметки петель, пришивания пуговиц. Имелись и к ее “Зингеру” такие, да потерялись. И разве сможет железо живые пальцы заменить?

Старушка помрачнела ещё больше. А внучка уже и не рада затейному разговору. Не в строку лыко получилось.

Строчка короткая, туда-сюда-обратно — думка женская летит дальше.

Внучка собирается в следующий раз за дублёнками в Турцию ехать. Дожились! И откуда? С жаркого юга!

— Катя! — незлобно задирает бабушка внучку. — Ты уж на мою долю не забудь турецкий тулупчик прихватить! Мой шупун совсем износился. А?

Екатерина, уловив подвох, предпочла на подковырку не реагировать, пропустила мнимую просьбу мимо ушей. *Шас!* Станет бабка импортную дублёнку носить! Ох, уж эта бабуля! Никогда за словом в карман не полезет и мнения своего при себе не придержит. Бульбашка упёртая! Лучше ей не перечить...

Смотрит внучка на бабушку, склонённую над шитьём, за руками старческими наблюдает. Ни суеты в её движениях, ни поспешности, лишь надёжность и предчувствие маленького чуда. Того самого, что цветёт на рушниках и домашних вышивках, глаз тешит и душу радует. Даже совестно за мелочную работу, которую ей подсунула из-за вечной своей спешки и дорожных таможенных заморочек. Стоило ли ради всего этого старушку напрягать?

Евдокия, напротив, себя за въедливость корит. Кто, если не она, кровинушке подсобит? На кого деваха может наверняка положиться, коль родные мать с отцом непутёвые, а так называемый напарник и женишок — фрукт ещё тот!

Ближе к вечеру глаза у Евдокии стали слезиться. Наверное, соринка попала. Или свет от плафона слишком яркий?

Нитка шелковая — чёрная, тонкая...

Стежок мелкий, неразборчивый...

Не от них ли виды мерещатся? Чудится: то ли трамвай с её Татьяной за кондуктора по чужому городу круги нарезает, не зная, куда приткнуться, то ли поезд, где Катя сидит, под гору летит, и вагоны вот-вот без удержу с откоса покатаются...

Решили отложить шитьё на завтра. И так целый ворох уже наталахали.

Улеглись спать после трудов праведных (работала в основном бабушка, Катя — на подхвате) в большой комнате, считай, рядышком — старая и молодая. Молодая — любовником не балованная, мужем не битая, детишками не заморенная — всё ещё впереди. Жить ей да жить.

Утро вечера мудренее.

Чуть свет — подле хаты легковушка фырчит, сигналист. Это Катякин ухаждёр прикатил, соскучился.

Оказывается, новая поездка намечается, и Катке в дорогу собираться надо. Не дождался приезда напарницы, деловой, самолично за нею из города прибыл. Объявил: в Москву за товаром поедут.

— На Черкизовский? — уточнила внучка.

Туда — выяснилось из ответа.

Побросали барахло в машину и уехали, даже не перекусив на дорожку.

Словно ветра шквал пролетел над деревенским двором и умчался за околицу, затихнув за кромкой дальнего поля.

Старушка опять осталась в одиночестве.

Пол мести после вчерашнего ударничества и поспешных сборов сразу не стала — дурная примета.

События выстроились без понуканий в произвольную очередность, как будто бы ничего особенного не произошло: и внучка не гостила, и неприятные разговоры не велись, а всё по-старому, с мыслями наедине.

Но беспокойство Евдокию не покидало.

Сердце ранимое, бабье! Разве можно ему приказать: не боли, мол, не трепыхайся понапрасну! Болит — значит, живёт, чувствует...

Да что-то незнакомо покальвать сердечко начало...

День прошёл, другой закатился, поторапливая следующий. Так и полетели они после внучкиного отъезда — мелкими птишками.

Одна закавыка — не ладилась у Евдокии работа, в том числе — заветная.

Примется за вышивку, а пальцы млеют, иголку не держат. Тогда, намавившись попусту, бабушка подолгу лежит с открытыми глазами на топчане в потёмках.

Смежила усталость отяжелевшие веки, и приснилась Евдокии сказка.

...Лежит она на росстани подле подорожного креста на том самом месте, где захоронена странница Агафья. Слышит: конский топот внизу. Скачет

под землей конница несметная и такие слова кто-то говорит: лежит, мол, братцы, раба Божья к земле брюхом, к нашему следу ухом и горюет, как ей прошедшую жизнь понять и в ней окончательно разобраться, так ли жила-тужила, правильно ли себя меж людей ставила? Хочет от нас науке учиться про людей и землю понять. А какие мы учителя? Такой же народ тёмный, только подземельный. Одна судьба — по чужой указке жить, лямку тянуть, кому сколько отмерено — коротать, смерть, благословившись, принять, так ничего и не понять. Как и мы, явилась она на свет неразумной и в темноту ушла. Чего ей еще неймётся?

Хочется Евдокии последнее “прости” дочери с внучкой передать, что-то очень важное сказать, но старший из всадников, который за главного и лицом похожий одновременно на бригадира Матохина, на товарища Сталина и курильского дедушку Чана, жестами ей препятствует. Мол, пустое задумала, глупая. У каждого своя тропка, подсказками только больше запутаешь. Пока сами шишки не набьют, ничего в этой жизни не уразумеют... Всё само по себе образуется.

“Хоть весточку робкую можно подать, знак, памятку ненавязчивую?” — взмолилась женщина.

“Знак — это можно... А какой — знаешь?..”

“Знаю!” — обрадовалась горемычная.

Наверное, впервые за последнее время Евдокия заснула после этих слов покойно.

А про знак не соврала: надо картину задуманную дошить, людям подать.

Она обо всём расскажет.

“Вышел месяц из тумана...”

*Як вийду на ганак
Ды крикну дадому:
“Вары, мама, вячэру
І на маю долю”. —
“Варыла, варыла —
Ні мала, ні трошкі.
Няма табе, дочка,
Ні міскі, ні ложка.
Міску размянялі,
А ложку згубілі.
Ідзі туды, доня,
Дзе цябе любілі”.*

Сиделась Катька восстановить прошедшие события по порядку, напрягла бедную свою головушку, но не получалось. Как по дороге от станции шла, расстань с крестом миновала, торопясь за неожиданно проворным Муравчиком, как с провожатым просталась возле забора родной хаты, как знакомую калитку по привычке сапожком распахивала, — помнит в подробностях, а что дальше произошло — напрочь из девичьей памяти вышибло. Разве клубок цветных ниток, который, зайдя в хату, с полу подобрала, в глазах задержался, — и с этого момента скользит тонкая нить в руках без остановки, струится меж пальцев, не заканчиваясь, без следа исчезает...

И еще считалка детская неизвестно откуда вынырнула и застряла в мозгу: “Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана: буду резать, буду бить...”

И всякий раз ей водить выпадает...

Ой, лихо!

Последний свой долг перед бабушкой Катерина исполнила чин по чину. Откуда только силы и сноровка взялись! Как будто тем и занималась городская красавица — белые ручки, что на досуге престарелых бабушек в последний земной путь снаряжала: в смертное одевала и обо всех похо-

ронных делах хлопотала. Хотелось ей повыть по-бабьи над усопшей, да не получалось.

Не впала внучка в панику, застав Евдокию уже охладевшей, не стала убиваться и на людях. Только глядела во все глаза, стараясь подольше черты бабушкиного лица запомнить: мирно, покойно лежала раба Божья на топчане, словно прилегла отдохнуть и ненароком уснула.

Катерина без крику и плача соседей созвала, чтобы помогли в смерти удостовериться и все необходимое для похорон соблести.

Поминальную ночь у ложа умершей высидела, глаз не сомкнув, хоть все соседки поспать спроваживали.

Сама же сбегала следующим утром на станцию — матери в город печальную весть сообщить, однако не дозвонилась.

И даже когда — на отведенные, по правилам, третьи сутки — везли на колхозном грузовике свежий гроб, направляясь по тракту на Брывицу; когда, отмолив покойницу и отпев, побросали земельные комья на крышку, когда скромную тризну справляли в опустевшей хате, Катька слезинки не выдавила, а только покусывала губы.

— Пайду і я паміраць, калі Жытняя Баба памерла, пара, — прокряхтел неуклюжий Муравчик после скромных поминок.

И Володомир действительно через пару дней отдал Богу душу. Видать, на самом деле пришел срок. Только много позже, успокоившись, Катька о вздыхателе своем пожалела и поплакала.

“Манюню поила?” — спрашивала соседка.

В ответ Катерина протягивала ей недопитую кем-то чарку.

“Свят, свят!” — крестилась в испуге Милка.

Через неделю зареванная Татьяна приехала со своим нетрезвым мужем-слесарем, уведомлённая добрыми людьми. Но как на кладбище с поминальным хлебом и чаркой ходили, как мать назад в город дочку звала — “Пропади оно пропадом, бабкино хозяйство вместе с козой!” — ничего не запомнила Екатерина в пролетавших, как сон, днях.

Даже малой надежды не было, что оживёт душа, так в ней одиноко и пусто стало. И представить себе раньше она не могла, что бабушкина смерть так по сердцу полоснёт.

“Буду резать, буду бить...”

Но возможно, девиचे беспамятство началось много раньше — на Черкизовском рынке в последней ее ходке в Москву, когда утонувший в дыму, криках и столах покалеченных внезапным взрывом людей рынок гудел и метался, окутанный страхом? До сих пор не понять, что это было: очередная разборка московских “бритоголовых” с “чёрными”, либо “чечены” опять бомбу подложили, и кровь невинных людей в который раз напрасно пролилась?

Тогда Катерина почти всё потеряла: и купленный товар, и валюту, что с собой привезла, и неверного напарника, “кинувшего” землячку в трудную минуту: дескать, кум, сват, брат, а деньги не родня...

Сама чудом уцелела в страшной кутерьме.

Вот и подалась к бабушке раны зализывать, а тут такое...

Наступившие холода приглушили тоску небывало обильными снегами, а истончившийся от одиночества и неизбытного горя декабрьский месяц, глядевший на Похмелевку с небесной вышины, стал после Рождественского поста на глазах расти.

Глухота Катьку отпустила.

Очнулась она сидящей в комнате возле бельевого шкафа с развёрнутым полотном на коленях. Видно, картину, Евдокией начатую, в беспамятстве достала и зачем-то рассматривала. Что там увидела — неизвестно. Но подсказка нашлась — свернутые в трубочку листки из “Огоньк”.

Вертела в руках, сравнивала — и все поняла: вот какой сюжет хотела старушка цветными нитками повторить. Да не успела.

Тогда уж навелась Екатерина вволю, отродясь так не рыдала — безутешно, навзрыд.

И потекут дни неторопливой чередой, наполняя сознание и тело морозным светом.

Разговевшийся на дармовых хлебах месяц, подглядывавший за одинокой жилицей в окошке, станет печалиться с ней за компанию, пока не превратится опять в тонкую кочерыжку.

Метели спохватятся о недоделанном и не укрытом, но повлажнеют скоро снежные хляби и, наконец, растают вовсе.

Опустится на крестовину взбодрившийся по весне ворон, и будет ему невдомёк: кто же повесил на согбенного старикашку — придорожный крест, свежую обнову — вышитый рушник?

Вкривь и вкось шитьё. Неумело сработано, но решительно.

Давненько не являлась на росстань Житная Баба — и вот, наконец, пришла...

Однако уж слишком молода мастерица на вид...

А может, и вправду, отболела, отплакалась человеческая душа и вызрела в ней, налилась, как колос, давно известная, жгучая истина, которой мы помогаемся всю свою сознательную жизнь:

*Коли есть тягло, есть и тягости,
Коли сердце есть, есть и горести,
Коли разум есть, есть и радости,
Коли сила есть, есть и вольности,
А при вольностях — переменится,
Горе с радостью переместятся...*

ГЕННАДИЙ ПАШКОВ

ДЛЯ ТЕХ,
КТО СЕРДЦЕМ ОЩУЩАЕТ СЕРДЦЕ

КУПАЛОВСКИЕ РОЩИ

Словно застыли
деревьев макушки.
Солнце свой делает
круг по привычке.
У Радошкович
кукуют кукушки,
сонное эхо
везут электрички.

Горы с пригорками
в лёгком тумане.
Речка-быстрянка
неслышно струится.
Ельник
отечески-нежно,
на камень,
огненно-рыжую
сыплет иглицу.

ПАШКОВ Геннадий Петрович родился в 1948 г. в Чашникском районе Витебской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик, публицист. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живёт в Минске.

Тропка босая.
Трипутник примятый.
Мост не свои
вспоминает причалы.
Тенью завешена,
милая хата
так синеглазо
меня повстречала.

Стая форели
почти безустанно
в глади зеркальной
без всякой заминки
все собирает
волшебную тайну —
ночью упавшие
бусы-слезинки.
Сколько те рощи
над тихой криницей,
словно небес
дорогие дары,
перелистали
листов разнолицых
от зелени майской
до белой поры!

И не искали
работы попроще...
Рыжая осень
нам в дверь постучала.
...Только кукушки
в купаловских рощах
вечность пророчат
Песням
Купалы.

В РОДНЫХ МЕСТАХ ПИСАТЕЛЯ САУЛИЧА

Я вхожу неслышно
в чудо-сказку бора,
и по тропке узенькой
хочется пройти.
А вокруг Глубокого —
глубина озерная,
и глубин вот таких
больше не найти.

А подует ветер —
хахаль одинокий —
и взметнутся птицы
стаею крутой.
Может, это солнце
плещется в затоке
иль на леске окунь
бьется золотой?

Посмотри — повсюду
красота и сила!

Мест родных названья —
их не сосчитать! —
Мнюта...
Плиса...
Свила...
Свилаца...
Подсвилье...
Так они чаруют,
что не передать!
Глубочанин, чувствуешь
ты свои просторы
и улыбкой светишься
на своем пути.
Тихие деревни,
синие озера...
И глубинки глубже,
право, не найти.

* * *

“Любимый мой...”
Не надо слов таких.
От чувств былых
осталось только эхо.
Зачем, скажи,
ты вновь роняешь их,
какого ради горестного смеха?

“Любимый мой...”
Прошу — молчи...
Молчи!..
“Любимый мой...”
Жестокая какая!
Глаза целую — карие лучи, —
капельки слёз почти не замечая.

“Любимый мой...
Вернуть бы вспять года...”
Прошу тебя,
пожалуйста, не надо.
“Смотри, для нас сегодня,
как тогда, —
и тишина,
и неба звездопады;
и схлынут тучи,
словно миражи,
дождинки нам
своё сыграют скерцо!..”
Но не для нас.
“А для кого, скажи?!”
Для тех, кто сердцем
ощущает сердце...

Трепещут искры.
Догорает вечер.
Придёт рассвет,
остудит блажь и сны.
Прозрачной ватой
падает на плечи
последний снег
нахлынувшей весны.

КОСТЁР

Трещат упрямые поленья,
свивая огненный клубок,
и легким маревом
забвенья
струится с искрами дымок,
как будто жизнь тайком,
украдкой
сквозь пальцы
истово течёт
и только привкусом несладким
полынно губы опечёт.
А ты
осеннюю порою
там, где печалится река,
смиряешь пламя костровое,
как будто юркого щенка,
и только чувствуешь, хоть кротко,
как под спасительным огнём
твоё все тело,
словно соты,
вдруг наполняется теплом,
и понимаешь ты, конечно:
чтоб счастья
выстроить шатёр,
не нужно много —
день и небо,
и — для общения — костёр.

*Перевод с белорусского
Миколы Шабовича.*

АНДРЕЙ ФЕДАРЕНКО

АЛЕСЯ

РАССКАЗ

I

Володин приезжал в этот поселок на западном берегу Крыма третий год подряд, в одно и то же время, в сентябре, и селился у одних и тех же хозяев и даже в одном и том же коттедже.

Золотая пора, бархатный сезон, курортников с детьми нет, людей мало, соответственно, падают и цены, что для экономного Володина было очень даже немаловажно.

Он выбирал западный берег — степной Крым — еще и потому, что его пока мало освоили, мало загадили по сравнению со знаменитым южным Крымом.

Ему хотелось просто купаться, пить вино, есть виноград, гулять в одиночестве, наслаждаясь им, обретая душевное спокойствие и избегая всего, что могло бы его нарушить.

Володину было далеко за сорок. Если точнее — пятьдесят. Ему было приятно бродить без цели, думая о том, какой за свои полвека он приобрел опыт, как изведal жизнь, людей — не то чтобы глубоко, по-философски, но достаточно для того, чтобы ориентироваться в этом мире без компаса.

Потом, зимой, в Минске, он вспоминал свой уютный посёлок, море, степь, ветер, солнце, уединение... И так хорошо, спокойно становилось на душе — как бывает всегда, когда память обманывает тебя, заставляет забыть

ФЕДАРЕНКО Андрей Михайлович родился в 1964 г. в д. Березовка Мозырского района. Окончил Мозырский политехникум, Минский институт культуры. Прозаик. Автор книг прозы “Гісторыя хваробы”, “Смута”, “Шчарбаты талер”, “Афганская шкатулка”. Лауреат Литературной премии им. И. Мележа. Живет в Минске.

прошлые неприятности, а ты, в свою очередь, обманываешь ее, поддаешься, с готовностью забывая всё, что хочешь забыть.

Володин вспомнил свою прошлогоднюю радость, он хотел бы всё один к одному повторить, даже механически скопировать. Вот он сядет в поезд — ах! — эти вокзальные объявления: Минск—Симферополь, Гродно—Анапа!.. И будет дорога, знакомая, долгая, двое суток, с редкими короткими остановками, с продавцами на перронах — почему-то в глаза бросаются одни только варёные раки, красные, большие, как лангусты... Джанкой, Симферополь — и крымский запах начинает щекотать ноздри и кружить голову... Вот маршрутка, и виноградники, и ореховые деревья вдоль дороги, а за ними, где только чистое поле, символ нового Крыма — татарские будки самозахвата. Но всё закончится, и маршрутка подойдет к поселковой автостанции, он выйдет и не спеша отправится по знакомой улице, где знает каждую выбоину — дороги и тротуары здесь совсем не ремонтируются. Дом, клумба около дома. Радость хозяев при его появлении. Коттеджик, комната — та самая, даже, кажется, те самые — прошлогодние — скрученные липучки для мух свешиваются с потолка. И этот непривычный для белорусского уха звук, все время — шух, шух... Море! Невидимое, но такое близкое!

Как мечтал, так и случилось.

Заехал хорошо, хозяйва радостно встретили его, как родного, ключ дали, и комнатка с ним поздоровалась — та самая, на одного человека рассчитанная, и терраса, и клумба сказали только ему одному слышные и понятные слова, и пёсик Лева — ничуть не подросший за год — узнал его, лег на спину и помахал всеми четырьмя лапами.

Когда Володин распаковывал сумку и переодевался, вошла хозяйка, молодая, но, как санитарка в больнице, особо не отворачивалась. Пришлось выслушать Володину, что ночью был шторм, тот самый, который бывает в начале каждой осени и называется *бара*. Приходит он сюда из бухт Новороссийска, рушит все на своем пути: ломает деревья, размывает пляжи, срывает с якорей корабли и не успокаивается, пока не наберет себе жертв. Вот и вчера с высокой прибрежной скалы смыло молоденькую девушку, которая снимала стихию на мобильный телефон и не удержалась, соскользнула по высокому откосу в морскую пучину...

Володин не особо внимательно слушал. Он поскорее натянул шорты, сунул ноги в лёгкие сланцы, схватил полотенце и побежал к морю. На море стихал шторм. Обманчиво-жалобно плакали чайки и альбатросы. Подмытый высокий берег был в зигзагах трещин. На него всё ещё набрасывались грязные волны с длинными полосами водорослей и жёлтой пеной на гребнях, но уже не долетали, оставляя между водой и берегом метров десять мокрого пляжа.

Тем не менее, люди у моря были: кто в одежде, кто раздетый, сидели, ходили, ища камешки, по пляжу. Несколько зевак посматривали и пальцами и мобильниками указывали на злосчастную скалу.

Володин, на ходу раздевшись, зашел в волны, обмер от холода и неожиданности, затем привык, поплавал, поньрял, скоро оглох от шума, наглотался горьковато-солёной воды, побил ноги о камни, которые перекатывали волны у берега... Когда, как раненый — руки болтались, в ушах звенело — выбрел на берег, какая-то девушка попросила его помочь ей укрепить зонтик. И это в такую погоду, без всякого солнца! Девушка по возрасту годилась ему в дочки. По-русски говорила она так, как говорят все без исключения белорусы (а потом удивляются, почему их разоблачают по одному-двум словам за пределами Беларуси), с тем еле уловимым “дефектом”, который не исправит никакой логопед минимум еще лет пятьдесят.

— Ну, что, землячка, закрутим курортный роман? — спросил Володин. Получилось не столько фривольно, сколько некрасиво — старик “клеит” молоденькую. Но не он же первый навязался, попросили его, поэтому он нарочно ещё и повторил, вкручивая в твёрдый, утрамбованный штормом пляж толстую ножку зонта:

— Так что, землячка, будет у нас роман?

— А как вы... угадали? — она немного испуганно потрогала свой кур-

носый бульбашский, в веснушках, носик, и на её пальце блеснуло обручальное колечко.

— Ой, — приветливо сказал Володин, сражаясь с ветром и зонтом, — прошу прощения. А как угадал? У меня целая теория, как земляков узнать, расскажу обязательно, пляж маленький, непременно будем встречаться...

Девушка была совсем не загорелая, поэтому он подумал, что она тоже недавно приехала. Зонт был укреплен. На прощание познакомились: звали ее Алеся.

— Такая молодая, а уже Алеся, — пошутил Володин и пошёл, довольный и знакомством, и своей шуточкой, и самим собою.

Но снова глаза его наткнулись на скалу... Какое всё же, подумать, кощунство, вот так просто жить, шутить, когда где-то в море шторм носит тело несчастной жертвы... Володин, человек книжный — он работал в отделе редкой книги Музея древностей, — вспомнил, как читал недавно: идет гражданская война, отдыхают люди на берегу Днепра, выпивают, закусьвают, рядом у берега тихо качается в воде, среди гнилой травы, раздутый труп, и когда набегаёт волна, шевелится дряблый белый бурлак его, и женщины тогда резко, с хохотом показывают на него...

Так и здесь. Как же научилась жизнь близко сосуществовать со смертью, какое покорное, циничное смирение: ну, жизнь, ну, смерть — не портит же себе отдых из-за того, что какую-то неосторожную дурочку унесло в море!..

И правда — скоро, скорее даже, чем надо, забылся эпизод с утопленницей, и Володин стал жить так, как хотел.

А жить он хотел так, чтобы как можно меньше хотеть. План его состоял из отсутствия плана, а режим заключался в том, что его не было.

Не нужно к этой жизни серьёзно относиться, давно решил Володин, — она того не заслуживает. Всё равно она такая короткая, кончается смертью, осталось её мало, всё кругом — одно зло: женщины — зло, и деньги — зло, и добро — тоже зло, так как требует действия. А потому не стоит и пальцем шевелить — ни ради денег, ни ради женщин, ни ради добра; а только идти вслепую за судьбой, вместе с тем не отталкивая и блюдечка, на котором судьба может вдруг поднести какой-нибудь приятный сюрприз: дают — бери, бьют — беги.

Так думал Володин, сидя на террасе и попивая белое вино. Чувствовал он себя прекрасно. Всё ему здесь очень нравилось: и комната, и тенистая терраса, и вкусное лёгкое вино... Краешек Европы. Эти столики перед каждым коттеджем... Замкнутый прямоугольник двора, посредине — клумба-цветник, в конце — огромное разлапистое дерево грецкого ореха, еще дальше — персиковый сад и огород, с которого хозяйка каждое утро, пока Володин спит, приносит и кладёт ему на столик один-два, только что с куста, помидора "бычье сердце", чёрных, размером чуть ли не с детскую голову, и пару свежих куриных яиц. За это у Володина была небольшая обязанность: приносить матери хозяйки, старенькой бабушке, морскую воду в двухлитровой пластиковой бутылке. Володин живо представлял, как ей, слепой, столетней, без её моря, как ей хочется хотя бы понюхать ту воду, попробовать её на вкус.

Он брал бутылку и шёл на пляж. Было так хорошо в шортах и в лёгкой майке. Белая от южной пыли тропинка рядом с асфальтом мягко ложилась под ноги. Солнце только выглядывало из-за белоснежной шапки Ай-Петри: маленький Крым, если даже отсюда с высокого места в хорошую погоду можно увидеть ялтинские горы! Всегда внезапно открывалось море, разрезанное солнцем пополам: у горизонта — голубое, а у берега — тёмно-синее. На пляже он сразу узнавал Алесю — по знакомому зонту, к тому же она любила сидеть на одном и том же месте. Следствие обручального кольца — двухлетняя Лизка, очень спокойная — молча возилась рядом с мамашей в песке, голенькая, загорелая, в отличие от матери, до шоколадного бархата, только светился белый треугольничек от трусиков.

— Я снимаю ей трусики в хорошую погоду, а когда холодно — надеваю, — объяснила Алеся; сама она загорать не любила и была белая, как сыр.

Они уже были своими, на ты, она о нём знала, что он давно разведен и живет в Минске бобылем в двухкомнатной квартире, хотя и в спальном районе, но недалеко от метро. А он о ней, помимо этой Лизки, — что она из провинции, что работает “в сфере торговли” и что им с дочкой остались последние дни отпуска.

— А ты не боишься? — спросил Володин. — Ну, с такой малой? Вон как спеклась.

— Я в том году ее веревкой к ноге привязывала. Сама сплю под зонтиком, а она возится у берега, на мели.

Володин подумал, покашлял и сказал, словно оправдываясь:

— У меня сын.

— Большой?

— Как ты. Теоретически могла бы быть такая же внучка, как Лиза. Только я с ним почти не вижу, — почему-то добавил он.

— Вы мирно разошлись с женой? — спросила Алеся.

— Мирнее не бывает. Она ещё при мне... с одним из министерства... Потом вышла за него, а мне купили квартиру, так что все должны быть счастливы.

— Скучно одному в двух комнатах, — заметила она.

— Ничего подобного. Да и есть у меня женщина... Правда, у неё свои дети, своя квартира...

Рассказал он и обещанное — как узнает белорусов на чужбине. Торговец-украинец на базаре поставил у товара вывеску: “Це слива, а не тыква!” А для меня, говорил Володин, совсем не обязательно вешать на лоб человеку бирку: “Це белорус, а не немец”. Само собою акцент, умеют загорать без солнца, купаются в холодной воде, вместо тишины и уединения выбирают компании... Белорусские мужчины всегда ходят в носках, неважно, что на ногах — сланцы, сандалии, зато педикюриши утверждают, что у белорусских мужчин самые ухоженные ступни в мире. Это Володин тоже вычитал где-то.

После утреннего купания возвращался он в коттеджик бодрый, помолодевший. Подбегал, махая хвостом, Лёва, которого Володин называл за узкую изогнутую спину Сабля, и он отзывался на Саблю.

Из соседей по дворику был один знакомый, седой старичок Исидорович из города Луганска. Володин приезжал сюда третий раз, а Исидорович — ровно двадцать лет, ни одного сезона не пропустил, сначала ездил с женою, потом, когда она умерла, стал ездить один. Селился он всегда в мазанке, маленькой, приятной и снаружи, и внутри, там даже печка была — на стылые ночи. Исидорович был поэтом районного масштаба. Иногда ему удавалось затащить Володина к себе в мазанку. Стол ломился там от крымских яств, разных выпивок-закусок, а Володин вынужден был слушать длинные, бескрайние, как луганская степь, поэмы на украинском языке с еврейским акцентом: “Ой, ты ридна матухна, ой, Украина моя!» Кончалось тем, что осоловелый Володин бесцеремонно зевал, смотрел на часы, на полстроке поднимался и подавал старому поэту-патриоту руку:

— Ну что ж, желаю защищать вашу Украину, как луганский слесарь Клим!

Других соседей Володин не знал и сходил с ними случайно. Литовец Стась — Станиславас, аскет, педант, всё у него было разложено по секундам, по всему было видно, что человек приехал не валяться на солнцепеке, а оздоровить свой организм, отремонтировать, как механизм. Володин поднапрягся, вспомнил несколько слов по-литовски и при каждой встрече со Стасем приветливо говорил: “Малони юс матати” (рад вас видеть) и “герое нактиес” (доброй ночи). Симпатичный здоровяк-литовец улыбался и осторожно пожимал руку Володина выше локтя.

Была ещё одна мадам из России, из Петербурга, которую никто в их дворике не любил за чопорность, да и она никого не любила, даже ни с кем не здоровалась. Володин подыгрывал ей — ах, вы из культурной столицы, из города на Неве, и она таяла, превращалась в милую русскую женщину и откровенно рассказывала, что у неё проблемы с невесткой, что сын сильно пьёт,

что он живёт в Башкирии, а сама она не из Петербурга — из пригорода, с трудом собрала за два года деньги на отдых, что здоровье уже никакое.

Две старушки-харьковчанки жили у Володина за стеною, приехали сюда на неделю в складчину, занимались тем, что целыми днями варили на кухне борщ и потом ели его на террасе, весело и часто постукивая ложками. Володин ни разу не видел их у моря, они, скорее всего, ни разу к тому морю и не ходили.

Много было перекаати-поля — на собственном транспорте, из Украины, России, Беларуси; гнались за погодой-природой, а находили, как правило, только приключения: то лопались шины, то обворовывали их, то разгорались между ними ссоры: “Ты же обещал солнце — и где оно?!” Через пару суток они срывались с места и неслись дальше в поисках лучшей доли.

Володин видел и слышал всё это, когда ходил обедать в соседний двор, к татарке — огромный дом, трехэтажный, с балконами, двор напигован толстозадными джиписистыми, ниссанистыми, мицубисистыми машинами... Впрочем, они несколько не мешали Володину.

Маленькую столовую накрывала тень виноградника, на тушёную баранину слетались мухи, но все равно было приятно, и вкусно, и смешно, когда старуха-татарка спрашивала: “Вам насыпать борща?” — “Насыпьте”, — отвечал Володин. Посреди двора выложили из разноцветных камешков и наполнили водой крохотный водоёмчик, в котором жила черепаха с маленькой дочкой; дочка любила залезать матери на спину и так греться. Дети кормили их колбасой и кусочками сала, черепахи охотно ели.

После обеда опять был пляж, но теперь под навесом, в тенишке — знал Володин по горькому опыту, что в сентябре можно сгореть сильнее, чем летом. И снова он видел на пляже знакомый зонт, и хотя недолго был знаком с Алесей и Лизкой, опять безобидно шутил: “Так как насчёт курортного романа, землячка?” — на что Алеся только улыбалась, точно так же, как литовец, которому Володин желал доброй ночи солнечным утром.

Вечером Володин отправлялся на неспешную прогулку по набережной. За бетонными ограждениями, за проволочными заборами прятались в роскошной зелени дома отдыха, профилактории, санатории со своими бассейнами, кинотеатрами, отделениями почты, газетными киосками, и конечно, самыми разными экзотическими кафе. Можно было завернуть туда и полюбоваться цветами и деревьями, а можно было просто идти по набережной, минуя один за другим эти островки цивилизации, и вот они кончались, и начинались заросли карагача — крымской мелкой жёлтой акации, которая уже осыпалась, и листва по-осеннему шуршала под ногами. Ещё дальше — лесок лиственниц, где остро пахло смолой и белорусскими соснами, и с обеих сторон дороги — в человеческий рост поросль такого похожего на василек голубого цикория. А после все кончалось, и открывалась голая степь — только вдалеке торчал наполовину раскопанный скифский курган.

Степь... Полное безлюдье. Голый, как проволока, курган звенит на ветру. Ветер налетает порывами, довольно сильный, тревожный своей первобытной чужой дикостью. Одинокий конь-крымчак с ржанием, с поднятой гривой носится туда-сюда, ловя этот ветер, взбрыкивает, подбрасывает зад... Попробуй окажись у такого на пути!

И когда Володин стоял на высоком обрыве: позади — степь, впереди — морской простор, красное солнце опускается в синее море, — когда жадно дышал горьковатым от ковыля и йода воздухом, ему казалось, что он ощущает плотность этого воздуха физически, словно находится в лёгкой прозрачной жидкости, — тогда ему хотелось сбросить одежду, чтобы вбирать этот воздух не только легкими, но и каждой клеточкой тела...

Эти прогулки, адаптация, уединение, экзотика, с одной стороны, приносили Володину тихое, умиротворенное, почти детское чувство гармонии, ощущение, что ты хозяин своего тела, своих мыслей и даже своего настроения (например, он мог приказать себе светло погрузиться, а мог переключить рычажок на беспричинную радость), а с другой — он в такие минуты остро чувствовал, насколько ничтожен человек перед молчаливым величием природы. Вот она, природа, и есть настоящее, главное, вечное, а человек — все-

го-навсего временный фон, переменчивая декорация, листва на древе жизни, зелёная — в молодости, жёлтая — в старости... Сникнет и осыплется, а это солнце, море, степь как жили, так и будут жить...

Гармония исчезала поздним вечером, когда Володин ложился спать. Из каждого второго кафе с набережной несло: “Молодос-ц-ц моя, Белорус-с-сыя!” — лезло в уши, действовало на нервы... И вспоминался Володину лес, грибник в наушниках, с мобильным телефоном, который ищет грибы и одновременно сообщает другу о каждом своем шаге, или рыбалка — однажды утром во тьме, перебив комариный звон, пеньё соловьёв и петухов, из открытых дверей машины резанула магнитола.

Володин хватался за беруши, грустно усмехался. Он, как, впрочем, и многие из нас, любил своих земляков дома и не больно-то жаловал их на чужбине. Исключение было только для женского пола, здесь он вынужден был признать, что белоруски — самые лучшие женщины в мире, по крайней мере, внешне; ему легко было так считать, потому что иных женщин он не знал.

II

Стояло теплое солнечное утро. Сонно накатывали на берег ласковые волны. Алеся сидела под косо воткнутым в песок зонтом. Володин лежал на животе рядом. Он только что искупался, заплыл со своей бутылкой далеко, чтобы набрать воды почище, и теперь мокрые от солёной воды его волосы торчали, как у дикобраза. Неподальку сидела на корточках Лизка и сосредоточенно стучала камнем по камню: тук-тук-тук... Это был самый громкий звук на пока еще малолюдном пляже — маленький курортный посёлок просыпался поздно даже в такое погожее утро.

Завтра Алеся с малышкой должны были уехать, и Володин философствовал на эту тему.

— Вот так всегда; встретились, познакомились, прощаемся — легко, весело, словно у нас в запасе вечность, — тихо говорил он, лежа на животе и пересыпая из ладони в ладонь тёплый золотой песок. — А между тем судьба, когда сводит людей, наверняка же дает им шанс на что-то большее, чем “здоровствуй” — “до свидания”. Впрочем, все мы в этой жизни пассажиры, едем в поезде с надписями на вагонах: рождение — жизнь — смерть, и никто не знает, в какую минуту может постучать проводник. Не оригинально? А что теперь оригинально? Человечество начинает повторяться, безнадёжно пробуксовывать, и это наводит на самые печальные мысли. Мы же должны если не быть, так хотя бы стараться быть более умными, чем те, что жили до нас. А мы как думаем? — А-а, не мы первые, не мы последние... И по привычке всегда готовимся к худшему. А вдруг возможно лучшее? Мы этого не знаем, и не ошибаемся только потому, что не ищем...

Володин говорил с тем удовольствием, с каким одинокие люди, найдя себе благодарного слушателя, дают, наконец, волю языку. Он нёс всякую чушь, банальные, прописные истины, и отлично понимал это. Но она слушала так внимательно, серьёзно, с одобрением каждого его слова, что Володину всё больше начинало казаться, что она понимает его и что он действительно говорит важные вещи.

Пожалуй, до встречи с ним у неё голове была уже порядочная каша, а теперь она постепенно перенимает его взгляды, его мировоззрение, причем с благодарностью, с готовностью быть на второй роли, с готовностью признавать его верх.

“А хорошо, что она замужем, — подумал Володин, идя с пляжа на завтрак. — А то действительно пришлось бы роман закручивать — вот было бы!..”

Вечером они снова увиделись. Сидели в кафе на набережной, запивали вином горячие шашлыки, любовались природой. У Володи на коленях устроилась Лизка. Вечернее солнце, белые чайки, зелёные очертания скал, спокойная синь моря, лирика начала осени, светлая грусть уходящего лета...

Володин размяк от вина, от мяса, от красивого пейзажа, от молодой женщины рядом, и его потянуло на воспоминания.

— Как жаль, что мы никуда не съездили. В Судак, Феодосию, в ту же Ялту...

Он рассказал, как давно, еще студентом, впервые попал в Ялту, с деньгами только на обратный билет и на маленькую порциюпельменей в сутки, наивно думая, что перебьется одной экзотикой и святым духом. Ночевал где попало: на скамейках, на пляже, на асфальте, который ночью остывал до минуса. Днём он только и делал, что слонялся возле шашлычных, голова кружилась от запахов, музыка играла, люди гуляли, покупали что хотели... И он дал себе слово когда-нибудь приехать сюда другим человеком, не затюканным голодным зверьком, а таким, как они, хозяином жизни...

— Исполнилось желание, — сказала Алеся.

— Приехал. В Ялте побывал. И увидел не тот город, а сегодняшний — роскошный, миллионерский... Я вырос, и Ялта выросла. И оказалось — мало я достиг по сравнению с тем студентиком. Лучше бы я хвастался не тем, что человек книжный, а тем, что при деньгах: бедность, конечно, не порок, а обычное свинство...

Опускалось солнце, и от него через все море на спокойной воде дрожала и переливалась широкая полоса; цвет импрессионистов — как если бы сиреневое наложить на золотистое.

— И я понял: не надо ни за чем гнаться, все равно не догонишь (говорил Володин противоположное своим утренним словам). А если и выбирать в разные путешествия-странствования, так только затем, чтобы лучше понимать ценность своего, еще больше ценить то, что имеешь, с чем живёшь рядом...

Тут Володин с Алесей заметили, что Лизка, обняв его за шею, спит, как котёнок. Так он ее — мягкую, тёплую, и донес до самого дома, а там осторожно передал матери. Алеся понесла её в дом, а он остался ждать.

Как быстро, внезапно темнеет на юге! Из ничего стусутилась ночь, тёмная, плотная, протяни руку — пощупать можно. Над головой на небе крупные, с кулак, проступили звёзды необычной яркости, а рядом через заборчик на клумбе — такие же крупные белые цветы дурмана, которые распускаются только на ночь. От их запаха разболелась голова. Было очень душно. На уличных столбах зажглись фонари, тьма немного отступила. Вышла Алеся.

— Спит...

Не спеша пошли к морю. Впервые они остались вдвоём. Володин видел — не столько видел, сколько чувствовал, — что Алеся хочет что-то ему сказать. Но никак не мог остановиться.

— Вот... Значит, едешь... Значит, так мы и не попали в Ялту... Жаль. Ялта — город Богдановича и Чехова. Помнишь Чехова?

— Кого-кого? — она бессмысленно взглянула на него. — Чехова? — и рассмеялась.

— Ну, так и я о том же! Он пишет: стоять с молоточком за дверями каждого счастливого и стуком напоминать, что есть несчастные. С молоточком... Счастливых, наоборот, — надо оберегать, равняться на них, завидовать им, а беды их и без молоточков найдут! Или — спешите делать добро, пока молодые. А какое добро, что это такое — не сказано. Или возьми ты “Собачку с дамой”. Ах и ох, он рвёт на себе волосы, она ломает руки, ведь замужем, а он женат. Если бы это написал не классик и если бы не броское название, — сердито говорил Володин, — никто бы этого не читал и фильм бы не ставил, ведь весь смысл, вся романтика здесь — в незавершенности. А сведи-ка их, пожени, да ещё перенеси в наше время, в сегодняшний мир — они через час завоюют... Классики. До сорока лет еле доживали... Нет — если ты гений, научи меня, как спокойно и долго прожить — тогда я поверю в твою гениальность!.. Так же? Ты согласна?

Они зашли на пирс, дошли до самого края. Справа, и слева, и спереди жило, шумело море, а сзади, с набережной, падал на пирс свет, и когда Алеся поправляла волосы, блеснуло кольцо.

— Спасибо тебе...

— За что?

— Что ходишь со мной, рассказываешь... Никогда в жизни таких умных людей не видела... И хороших.

Ему было и приятно, и немного стыдно. Он болтал от нечего делать, для собственного удовольствия, и она, видно, воспринимала все всерьёз. А он... “закрутим роман”... Ничего ей не подарил, никуда не свозил... Даже не выслушал ее толком. И ему захотелось как-то исправиться, хотя бы сказать ей приятное слово.

— Знаешь, Алеся, если бы ты не была замужем...

— Замужем? — переспросила она. — Вот цена этому замужеству, — стянула с пальца кольцо и бросила в воду с пирса. Володин ахнул, инстинктивно рванулся, чтобы подхватить его, и чуть не упал. Она, смеясь, поддерживала его.

— Бросают монетки, чтобы возвратиться, вот и я что-то бросила. Нет у меня никакого мужа. И не было никогда...

Так вот оно что, вот в чём она хотела признаться ему весь вечер! Впрочем, вся ее история уместилась в несколько предложений. Ещё в школе влюбилась в женатого, забеременела от него. Он не развелся, она родила Лизку. Можешь вообразить, Володин, каково жить с ним в одном поселке, ходить по одним улицам, работать в магазине — всегда на чужих глазах, чуть ли ни ежедневно видеть его, да и жену его... И не вырваться никуда и никак.

Она рассказывала просто, доверчиво, как очень близкому человеку. Володин растерянно помолчал, затем спросил:

— Кольцо зачем купила?

— Сама не знаю... Чтобы меньше цеплялись. Ну, что, пойдем, за малую боюсь... Проводи меня? — она взяла его под руку.

И пока они шли, все мгновенно продумал и понял Володин.

— Слушай, Алеся... Тебе надо спасаться — это ясно! Слушай: вот если бы — ну так, просто допустим, — если бы нашлся человек, старше тебя, в Минске... Не я, другой! И предложил тебе... Забрал тебя с дочкой в Минск. Он бы получил молодую, красивую, хорошую жену, определенный авторитет, семейный уют, она — в смысле ты — столичную регистрацию и спасение из ада... Но главное, у каждого в любое время полная свобода разбежаться! Как бы контракт. Никто ни с кем ничем не связан. Само собой, тот человек не пара тебе, старый, ворчливый, со своими привычками... Правда, не злой. Если бы такой человек нашёлся — пошла бы?

Она ничего не ответила, только крепче сжала ему пальцы. И Володин понял: не просто пошла — побежала бы.

На длинной улице только на двух столбах горели фонари, в начале и в конце, а посередине было темно. Володин с Алесеем как раз проходили темный участок.

“Ну, давай! — приказывал себе Володин. — Соберись! Скажи, что этот человек перед тобой, это я, она же ждёт этого!..”

Но Володин собирался-собирался, открывал-открывал рот, набирал-набирал в грудь воздух — и так ничего и не предложил. Может, завтра, ещё же будет завтра...

Вышли к свету, к дому Алеси. Попрощались.

— Придешь нас проводить? — спросила она обычным голосом, в котором не было ни разочарования, ни обиды.

— Спрашиваешь — конечно!..

Не зря так парило. Ночью начался ливень и лупил до утра, с громом, с белыми молниями — они видны были даже через сомкнутые веки. Володин не спал и слышал, как совсем близко стонет, рвется, бухает море, как играет во дворе ветер и трещит под окном старое ореховое дерево. Страшно-вато было ему, континентальному человеку, как будто в ожидании, что вот-вот ветер поднимет и понесёт этот коттеджик вместе с ним в белый свет...

Утро встретило его пасмурной, ветреной неуютностью. Во дворе стояли лужи, клумбы с цветами были перемешаны с мокрой землей. Отломалась и лежала на земле большая ветка ореха с неспелыми плодами.

Володин пришёл точно к маршрутке, а на остановке ему сказали, что дама с ребенком уехала на такси! Он и не подумал, что маршруткой на поезд не успеть. Сначала хотел было броситься к частникам-таксистам... Потом (*трус, трус-белорус!*) махнул рукой и медленно пошёл к морю.

Как неприятно получилось. И вместе с тем в душе он чувствовал небольшое облегчение, потому что за ночь он так и не решил, что ей скажет.

На пляже после ночного шторма всё было почти так же, как в день его приезда. Низкие тучи, крики чаек, холодное сердитое море, шумные накаты волн с жёлтой пеной на гребнях... Подошёл молодой армянин, укоризненно посмотрел на Володина, сказал чуть ли не со слезами в голосе:

— Обидно! — и понятно было, что он хотел этим сказать: так ждал теплого моря, солнца, так об этом мечтал, добирался — и на тебе...

Обидно было и Володину, только по другой причине. И кто его тянул за язык? Зачем он дал ей надежду? Вот уж и правда: чем старше, тем дурнее...

Да — старше! Да — мало жизни осталось, и чем ближе к концу, тем она бестолковее... И стоит ли так уж за неё цепляться? Любой ценой продлевать на какую-то пару паршивых лет? Это же так просто: пожертвуй хотя бы остатком её для кого-то, подвинься внутри себя, поделись — тебе же самому лучше будет, смысл во всём появится, пресловутый стакан воды будет кому подать, да и умирать не так страшно!

Может, и правда? Поехать в тот посёлок... Сделать доброе дело... Помочь человеку, даже двум... Для тебя это никакая не жертва, или очень маленькая жертва, а для Алеси с дочкой — счастье, спасение. Что он теряет? Свою так называемую свободу?

Не факт, что согласится, — цеплялся Володин за соломинку, но не спасала она. Ещё как согласится! Не ради себя, так ради дочки.

Через десять лет ему стукнет шестьдесят, ей тридцать. Весёленькая же у них будет семейка! Хорошо, если десять лет — ого! — а скорее всего, месяцев десять... И потом — разве он кому-то что-то должен? Разве мало его жизнь учила? Разве мало он положил здоровья и сил, чтобы обрести спокойствие и душевное равновесие — самые большие в мире ценности?

Ну, нет! Живите, дорогие, как знаете, без меня, а я из своей скорлупы в ваш мир не вылезу, уж очень хорошо он мне знаком!..

Так рассуждал Володин. А покоя не было, никак не получалось, как раньше, переключить в себе рычажок на тихую эгоистическую радость от простого существования.

И ещё он заметил, что как-то особенно пристально вглядывается в мокрый песок под ногами, надеясь увидеть там золотой блеск.

*Перевод с белорусского
Натальи КАЗАПОЛЯНСКОЙ*

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

НИ СУДЬБЫ, НИ ГРЯДУЩЕГО
БОЛЬШЕ НЕ ЖАЛЬ

* * *

Ещё не стемнело...
И можно немного пройтись
вдоль влажной лощины
по серо-зелёному полю.
Недоля струится отсюда
в небесную высь,
А высь переходит
в безбрежную эту недолю.

И чтоб надышаться,
здесь нужно дышать и дышать,
стараясь запомнить,
как стонут забытые травы.
И чуют: струится
в безмерную даль благодать,
а в той благодати —
безмерная доля отравы.

АВРУТИН Анатолий Юрьевич родился в 1948 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, переводчик. Автор многих книг поэзии. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств и Академии поэзии (Москва). Лауреат нескольких международных литературных премий. Живет в Минске.

Есть только мгновенье...
А суток и вечности нет...
Мгновенье к мгновению —
вот и дорога к прозренью.
О свет мой вечерний,
туманный бледнеющий свет,
Для белого света ты тоже
подобен мгновенью.

Ведь скоро над полем
неярко засветит звезда.
Пора возвращаться...
Невидною стала дорога.
Пусть что-то осталось...
Но что-то ушло навсегда...
И так же далёко
до истины...
Сути...
И Бога...

* * *

Не брести, а скакать
по холмам помертвелой Отчизны,
на мгновенье споткнуться, ругнуть поржавелую гать,
закричать: “Ого-го-о...”,
зарыдать о растроченной жизни...
Подхватиться и снова куда-то скакать и скакать.

Только стайка ворон
да вожак её странно-хохлатый
будут видеть, как мчишься, как воздух колеблет вихры...
Да забытый ветряк,
будто воин, закованный в латы,
тихо скрипнет крылом... И опять замолчит до поры.

Только чёрная рожь
да какая-то женщина в белом,
что остались одни одиноко под небом стоять,
могут встретить коня
вот с таким седоком неумелым —
он кричит против ветра, но мчится опять и опять.

Завтра солнце взойдёт,
из-за тучи восторженно брызнет.
И никто не припомнит, лоя озорные лучи,
как неведомый всадник среди ночи скакал по Отчизне,
и рыдал...
И метался...
И сгинул в беззвёздной ночи.

* * *

Спи, ненаглядная...
Тихо стекает с пера
слово горячее,
слово совсем не парадное.

Птицы в отлёте...
И мне собираться пора...
Но до отлёта
поспи же, моя ненаглядная.

Я не жалею...
И ты ни о чём не жалей.
Слышишь? — Листва устилает
дорогу шершавую.
Тихо струится
ночная листва с тополей...
Я не жалею,
что жил
не обласканным славою.

Спи, ненаглядная...
В робком дрожании век,
тихо трепещущих,
будто бы чуя неладное,
бьётся ответное:
“Помнишь тот утренний снег?..”
Как же не помнить?
Поспи же, моя ненаглядная...

А просветлённой
подхватишься ранней порой,
встретишь звезду,
что скатилась
меж чёрными ветлами.
Строчку припомни...
И двери плотнее закрой...
Тихо присядь...
Да подумай про что-нибудь светлое...

* * *

На большую печаль
мне Отчизна ответит печалью,
на рыданье ответит стократным рыданьем она...
Что-то тихо сверкнёт
под промозглой, измученной далью,
дальний гром прогремит...
И опять тишина, тишина...

Вскрикнет робкий кулик
над своим безымянным болотом,
скрипнет ржавая дичка в холодном, забытом саду...
И листву подгребёт
ветер к старым забитым воротам,
где замок побуревший
с висящим ключом не в ладу.

Кто-то мимо пройдёт,
но сюда не свернёт с первопутка,
где-то вспыхнет фонарик, чтоб снова погаснуть в ночи.
Да над чёрной запрудой
вспорхнёт одинокая утка,
и о чём-то далёком,
о чём-то своём прокричит.

И стоишь посреди
позабытого Богом простора,
и гадаешь — когда же Всевышний припомнит о нас?
Может, скоро?.. Но небо
опять повторяет: “Не скоро...”
И не можешь заплакать,
хоть катятся слёзы из глаз...

* * *

Там, где сизые тучи ползут пряником,
Окропляя в дороге щербатые хаты,
Треплет ветер подлунный листву сквозняком,
Ветер полубезумный, на соснах распятый.

Реют в этой глуши лишь тоска и печаль,
Да из чащи доносятся редкие звуки...
Ни судьбы, ни грядущего больше не жаль, —
Мне остался простор да ручей бледнорукий.

И над этим почти пересохшим ручьём,
По колено застрявшим в липучей осоке,
Журавли всё курлычут о чём-то своём
Перед тем, как в полёт отправляться высокий.

А отправятся — пёрышки станут кружить,
Чтобы сесть на какой-нибудь кустик случайный.
Да мелькнёт паутины блестящая нить,
Будто отблеск никем не разгаданной тайны...

ОЛЬГА ЕРЫШЕВА

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

РАССКАЗ

Безгранична любовь народа к культуре! И иррациональна — как всякая истинная любовь. Вот, бывает, живет себе человек обычной своей жизнью, забыл, когда книгу в последний раз открывал, но — свято верит в ее великое предназначение. Поскольку ещё в школе усвоил, что книга: а) источник знаний; б) лучший подарок; а главное, наличие книг в доме — признак культурного человека.

И неважно, что книги давно для него источник не знаний, но пыли. И жизни он уже учен-переучен, и свой опыт ценит куда больше книжного — а потому и дарит благоразумно при случае не книги, а что-то посущественнее, чтобы не попасть в неловкое положение. Тем не менее, как элемент декора книги в доме присутствуют по-прежнему. На видных местах — собрания сочинений и авторы поизвестнее. На задворках — всякий прибившийся за жизнь хлам, Дрюон вперемежку с Н. Островским. Все это при случае гордо именуется “моя библиотека”.

Школьные уроки не прошли даром. Читать не читаем, но книги уважаем, и писателей — чтим.

Марина устала за лето, как ломовая лошадь. Сразу несколько заказов подбросили — как обычно, туфту всякую для издательства. Зациклило их на этом фэн-шуйе да на эзотерике. Но заплатить обещали неплохо, а деньги нужны были позарез. Вот и набрала — слегка не рассчитав силы. Сидела за компом по 10–12 часов, барабанила по клавишам как проклятая. Когда не ба-

ЕРЫШЕВА Ольга Петровна родилась в 1957 г. в Гурзуфе (Украина). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Печаталась в журналах «Нёман» и «Немига». Автор нескольких книг для детей. Живет в Минске.

рабанила — рыскала по интернету в поисках нужного для книги материала. Глаза слезиться начинали. Да что глаза! Спина разваливалась. Про мозги — и говорить нечего. От всего этого бреда, что читала да сама печатала, укачивало. Передышки хотелось — безумно. А сроки поджимали.

Казалось, еще чуть-чуть — и все. То ли крыша поедет, то ли геморрой начнется. Еле-еле добила-таки.

А издатель — тут же с новым заказом! Аж содрогнулась.

— Не могу! Уезжаю я! На неделю!

Вот так и решила всё в одну минуту.

Пристроила кота подруге, покидала вещи в сумку — и рванула в Крым. А куда еще в сентябре поедешь спонтанно?

Сто лет там не была. Со студенческих времен. Помнила — горы, море, природа красивая, фрукты дешевые, люди приветливые.

К ценам — не готова оказалась.

Бабки, ловившие на автостанции приехавших отдыхающих, ломили по 20–30 баксов за комнату. На робкий вопрос: “А нет ли жилья подешевле?” — сразу же теряли к ней всякий интерес. Так и стояла с вещами, переминаясь с ноги на ногу, пока одна не спросила от нечего делать:

— А ты кем работаешь-то? Что, на отпуск денег не насобирала?

— Книжки пишу, — ответила Марина. Как обычно, смущаясь. Поскольку ее способ зарабатывать на хлеб ей самой казался жутко несерьезным.

— Писательница, значит... — протянула тетка с уважением. И через минуту раздумья решительно изрекла:

— Пошли со мной. Найду для тебя свободный домик. По твоим деньгам уступлю.

Домик оказался замечательный. Обычный летний сарайчик, но чистенький, в уютном дворике, выходишь во двор — фруктовые деревья ломятся от плодов, виноград под солнцем наливается красками. Благодать! Хозяйка — милейшая особа. Не знает, как угодить. С утра — на крыльце полная миска фруктов. При встрече — улыбка на все лицо. И все норовит то чайку принести, то пирожков домашних. Каждое слово ловит. И ходит кругами. Словно всё не решается о чем-то спросить.

Дня через три такой райской жизни Марине стало неловко. Её все угощают и балуют, пора бы и ей как-то на гостеприимство ответить. Купила пирожных, бутылку сухого вина и пригласила хозяйку скоротать вечер за беседой — если та не против. Та явно обрадовалась, помчалась в дом, вернулась с домашними вкусностями и при параде. Что Марину потрясло — и переодеться, и подкраситься успела.

Вышли по чуть-чуть друг за друга, и хозяйка, осмелев, завела речь о том, что она ведь тоже человек не простой, культуру ценит, и хоть высшего образования в свое время не получила, только техникум, тем не менее, не глупее многих, а в чем-то и поинтеллигентнее будет.

Поскольку людей после выпитого заносит и не в такие дебри, Марина не особо удивилась, только отметила про себя, что хозяйка, похоже, слегка комплексует по поводу своего образования.

— Но я тебе, деточка, как писателю такую историю жизни расскажу! Роман можно написать!

Марина мысленно усмехнулась. Считает тетка свою жизнь достойной романа — да Бога ради. Разъяснять, что романы она не пишет, было лень. После дня на пляже и выпитого вина ее разморило, и она была готова слегка поскучать, внимая истории чужой жизни, лишь бы самой не напрягаться и не говорить ничего.

Но история оказалась и впрямь замечательной. Там была героиня — вечная труженица. В одиночку преодолевающая превратности судьбы. Но на судьбу не ропщущая, нет! А с помощью молитв и благочестивой жизни не оставляющая надежды, что будет и в ее жизни праздник. На каком-то этапе где-то там на заднем фоне маячил муж героини — но особой роли это не играло, поскольку муж был скорее декоративный. То есть во внимание он как-то не принимался. Была злодейка-дочь, по сравнению с которой дочурки папаши Горио казались воплощением любви и заботы. Был *кроткий ангел* —

сын, единственное утешение, но и он вынужден был страдать по вине сестры, этого исчадия ада. И была невинная крошка внучка, дитя развратницы, которую наша героиня уже два года безуспешно пыталась отсудить у матери, — а та устраивала истерики, настраивала девочку против бабушки и нанимала лучших адвокатов — ясно, чем расплачивалась.

Марина уже видела мельком героев истории. Очень красивый молодой человек, необычайно вежливый и застенчивый, помогал ей заносить вещи при вселении в домик. Девочка лет четырех либо играла во дворе, либо висла на матери. Молодая худощавая женщина проходила обычно через двор быстро, торопливо кивая на приветствие Марины, и скрывалась в своей части дома. Девочка устремлялась за ней. Бабушка вслед предлагала ей то прогулку, то сладости, то поиграть, но девочка, похоже, с приходом матери теряла интерес ко всему прочему.

Как раз накануне Марина встретила их на набережной. Женщина, против обыкновения, была оживлена, и Марина не сразу узнала ее — такой юной и счастливой она выглядела, — но к ней подбежала девочка, и какое-то время они немножко прошлись втроем, болтая о пустяках, и мама девочки вовсе не показалась Марине грубой и неадекватной. Напротив, она произвела впечатление очень милой, неглупой и обаятельной женщины, и с девочкой их связывала обоюдная нежность.

Марина по наивности попробовала сказать об этом хозяйке. Поскольку знала, что матери часто склонны ругать своих детей, когда сердятся на них за что-то, — но при этом каждой матери в душе приятно, когда ее ребенка хвалят посторонние люди. И как бы ни был серьезен конфликт между ними, но родные ведь люди. И если ей удастся хоть чуть-чуть подтолкнуть их к примирению, то это будет святое дело.

— Да ты не понимаешь! Уж это-то она умеет — прикинуться овцой! А сама!

И чем дольше Марина слушала бесчисленные жалобы хозяйки на ее дочь — от раннего детства, — тем сильнее ею овладевало сочувствие к молодой женщине. Даже если сейчас она и впрямь чудовище под личиной обычного человека — у нее явно была нелегкая жизнь...

— Она и в детстве была такой! Всегда все наперекор! Вот сын — да. Слова поперек не скажет. Никаких плохих компаний, никогда. Стоит мне только сказать один раз: “С этим не дружи, его отец алкаш”, — всё, даже не подойдет больше. С девочкой познакомился, говорит: “Мама, она мне очень нравится”. Я об этой девочке все разузнала. Ну, про неё ничего плохого не скажу. Но образования никакого, официанткой работает, у матери еще трое, отец сбегал, так она с татарами пугается. Нищета беспросветная. Разве это партия для моего сына? Я ему объяснила, что ничего хорошего из их отношений не выйдет, и не дай Бог, чтобы ещё её мать на него своих дружков-татар направила, чтобы женился, если что. Он и перестал с ней встречаться.

“Ну, прямо”, — засомневалась Марина. Такое послушание у двадцатилетнего парня... Но вспомнила его робкую манеру держаться, ускользящий взгляд... Кто его знает, бедолагу. Может, и впрямь до того забит мамашей с детства, что и сейчас живёт и думает по её указке.

А дочь строптивницей оказалась. Ломали ее, ломали, а никак!

— Всегда такая была! Я ей слово — она мне два! И наказывала, и еды лишала, и сидела взаперти — всё равно. Хоть втихаря, но сделает по-своему! Это муж-покойник, прости его господи, вечно норовил её под защиту взять. Сына-то хоть не успел испортить. И ведь, представляешь, тихий-тихий был, а какую пакость перед смертью сделал! Завещал ей свою часть дома! Я её по-хорошему прошу — уйди! Вон сколько кобелей вокруг вьётся, живи у любого! Нет, упёрлась. “Это моя комната. Мне её папа оставил — чтобы я с дочкой по людям не скиталась”. Как будто я ей с девочкой предлагала уйти! А полгода назад вообще огорошила: “Я, говорит, эту комнату продам, и мы на эти деньги купим себе другое жильё, подальше от тебя”. То есть тут будут жить совершенно чужие люди, а моя внучечка, кровиночка, — неизвестно где. Не знаю, что с нею делать... И от милиции помощи никакой... Куплены они там у неё все, что ли. Или ещё чем расплачивается.

— А милиция-то при чем? Она ведь по закону здесь живёт. Хоть вам это и не нравится.

Против воли Марины, последняя фраза прозвучала довольно неприятно. Сидящая напротив женщина казалась ей все более противной. Та, видно, почувствовала это и всплеснула руками:

— Вот все так! Как начнёшь рассказывать, вечно норовят взять её сторону! Да ты знаешь, она мне ножом угрожала! Родной матери! Я её всего-то и ударила пару раз — довела, зараза, — а она со стола нож схватила, в угол забилась и говорит: “Не подходи, а то зарежу”. “Зарежу”! Матери! Я в милицию звонить, они приехали, мусолили, мусолили, эта тварь лживая что-то там им напелела, они мне и говорят: “Нет состава преступления. Вы бы лучше разобрались как-нибудь по-хорошему”. Сопляк. Я с его матерью в один класс ходила, она у меня на уроках списывала, а он меня жизни учит!

“Возможно, я не права, — думала Марина, — и есть какие-то давние, глубокие обиды, о которых не говорят, потому что слишком больно. Как может родиться такая ненависть? Не раздражение, не гнев, именно — ненависть. Застарелая и неукротимая”.

Слушать дальше было невыносимо, и Марина постаралась перевести разговор на другую тему — на успехи сына: он учился в платном колледже на художника. Мать воодушевилась и принялась расхваливать таланты своего любимца. Как поняла Марина, с признанием у юного дарования пока было не очень, но мать свято верила в избранность сына. Что, впрочем, вполне простительно — для матери. Тем не менее, взглянуть на его работы показалось Марине любопытным — вдруг и впрямь что стоящее?

— А ты попроси его, как будет дома, он тебе покажет. У него ещё хобби есть, он этот, как его... все забываю слово. Ну, у него там в домике всё и посмотришь. А ты какие книги пишешь? Детективы? Женские романы? Может, я читала что?

Марина, запинаясь, попыталась объяснить, что писательница она весьма условная. На Донцову и Маринину не тянет явно. Есть в запасе пара тонких книжечек с рассказиками, и то давних, а так пишет понемногу всякие тексты под заказ, причем даже не художественные, а всякого рода хлам, что заполонил в последнее время прилавки книжных магазинов, типа “Как стать миллионером за одну неделю”. Да и выходят эти книги чаще всего под чужими, раскрученными фамилиями. Что, впрочем, её, Марину, только радует.

Из всего этого хозяйка поняла лишь, что Марина не только слушательница неблагодарная, но и писательница — ненастоящая. Разочарование её было очевидным. Сцену можно было назвать так: “Перед кем метала бисер?”.

Впрочем, она не стала озвучивать свои мысли. Просто потеряла к Марине всякий интерес — и ушла. Не объясняясь. Видно, считала, что и так потратила на Марину слишком много времени.

Марина так устала от неё, что только обрадовалась — и упорхнула на набережную, немного прийти в себя после этого разговора.

Вечером, против обыкновения, никто не встречал ее у калитки с вопросами, как прогулка, да не устала ли она и не хочет ли чаю-кофе-перекусить. Похоже, в роли обычной квартирантки, не известной писательницы, Марина не заслуживала любезности хозяйки. Впрочем, Марину это не слишком расстроило.

Радуюсь, что не нужно ни с кем поддерживать светские беседы, спокойно помылась, попила чаю, а потом углядела свет в домике, где жил сын хозяйки, и решила зайти посмотреть его картины. Позвонила, не услышав ответа, зашла в кухню, чтобы постучать во внутреннюю дверь.

Он был на кухне. Сидел за столом. То ли звонок не сработал. То ли он был так увлечён, что не расслышал. Он явно не ожидал её увидеть — и дёрнулся испуганно, прикрывая собой что-то на столе. Но её взгляд опередил его жест: он был уже именно там... где было залито красным. И валялись какие-то непонятные куски — еще недавно чего-то живого...

Наверное, у нее был слишком потрясённый вид.

— Не подумайте чего худого. Я чучела делаю.

— Чучела? — тупо переспросила Марина. Господи, хоть бы этой мертвой плоти на столе нашлось бы объяснение!

— Да. Я птиц ловлю. И зверей. И набиваю чучела. Только зверей сложно ловить... — пожаловалось ангелоподобное создание.

“Спокойно, — сказала себе Марина. — Люди по-разному зарабатывают себе на хлеб. Кто-то — набиванием чучел”.

Отчего-то раньше таксидермисты (вот оно, слово, которое не могла вспомнить хозяйка!) представлялись ей выжженными жизнью циниками в приличном таком возрасте. Иначе с чего человеку выбирать себе такое занятие? Фактически — потрошить трупы.

— Ты сказал, ловишь. Ты что, из живых их делаешь?

— Конечно.

— Но ведь они — были живые! А сейчас — мёртвые!

Он пожал плечами:

— Всё равно ведь умирают когда-нибудь.

— Тебе за них так много платят?

— Нет, — расстроено ответил парень. — Я вообще-то пытался продать, но никто не покупает.

— Но зачем тогда?..

— Мне нравится. Они такие теплые... и так трепыхаются, когда их убиваешь... — он доверчиво смотрел на Марину ясным взглядом.

“Интересно, — думала Марина в некотором отстранении. — А я ведь тоже тёплая. И наверняка трепыхалась бы, вздумай меня кто выпотрошить. Какое “милое” хобби у молодого человека! И его маменька от этого в восторге! Чем бы дитя ни тешилось... лишь бы не спорило. Ну, хорошо, ещё на несколько лет ему хватит этого клапана, чтобы сбросить агрессию. А что будет потом? И этот его неизменный взгляд в сторону и ускользающая улыбка...”

Но не скажешь же матери: возможно, вашему сыну нужен психиатр. Возможно, ваша дочь все-таки выстоит и когда-нибудь будет жить нормальной жизнью — несмотря на все ваши старания. А вот обожаемого младшенького вы, похоже, сломали... И поможет ли ему кто-нибудь в этом мире? Ему — и тем, кто однажды окажется рядом.

Хозяйка, кстати, прекратила всякое общение с нею. Задевать не задевала, но даже здороваться не считала нужным. Проходила мимо, словно не видя. Не то чтобы Марина нуждалась в этом... но всё-таки ей было несколько неприятно, и Марина еле дождалась, когда истекли оставшиеся два дня и можно было, наконец, уехать. Хозяйка молча забрала ключи от домика, хмуро кивнула на Марино “спасибо”, и Марина побрела с вещами к автостанции — и ужасно обрадовалась, встретив по дороге дочь хозяйки с девочкой. Так приятно было напоследок попрощаться с кем-то тепло и искренне, от души желая ему удачи и стойкости.

Женщины обменялись несколькими незамысловатыми фразами, и в голосе одной звучало понимание и сочувствие — и вторая ответила благодарным пожатием руки — и лицо её озарила улыбка:

— Не волнуйтесь... Я стойкая. Я справлюсь. Мы переедем скоро. Поживем у моих друзей, пока я буду решать, где мы будем жить дальше. — И кивнула на девочку: — Мне её спокойствие дороже.

КРУЖЕВНОЕ БЕЛЬЁ

РАССКАЗ

В последние дни слабая была. Еле по квартире ходила. А потом приби-рала на кухне — и упала. И — головой о косяк.

Вначале думали, обойдется. Отлежится немножко да и встанет опять. Она двузначная была. Никогда и не болела. И по врачам не ходила сроду. Примет какую таблетку, если сердце или почки прихватит, — вот и всё.

Не до болезней ей было. Семья-то — будь здоров. Четверо мужиков. Муж, да два сына, да внук-студент. Не расслабишься. Ещё, конечно, невестка есть, да от неё помощи ждать не приходится — вечно пропадает на работе, приходит еле живая, сил только и хватает — до ванной добраться. Шутка ли — финансово всю семью тянет! Особенно, как они с Серёжей на пенсию вышли... А сыновья за такие копейки работают, что и сказать неудобно. Кризис! А внук — на платном. Образование нынче дорого.

Понятно, что все домашние хлопоты — на ней. Все-таки на пенсии. Вообще-то, если честно, и раньше, когда работала, этот воз на себе тянула. Как-то так получалось. Не мужикам же в домашнее хозяйство впрягаться! Несерьёзно как-то. Муж — должность ответственную занимал, уставал на работе. Ему полноценный отдых был нужен. А дети — учились, потом работали. Тоже уставали. Молодые вообще быстрее устают. У них выносливости меньше. Немножко, правда, надеялась, когда муж на пенсию вышел, что чуть полегче станет... Но... не привык он. То давление, то желудок. Попросишь картошки принести, принесёт, конечно, но обязательно потом или сердце у него разболится, или голова. И целый день то таблетку ему принеси, то окно открой — душно, то воды подай, то окно закрой — холодно. Сэкономленные полчаса боком выходят.

У него вообще здоровье не очень. На работе совсем запустил. Чуть что съест не то — желудком мается. Только с рынка, только свежее может. И понервничает слегка — тоже плохо сразу.

Хорошо хоть, она пугаться перестала. И к болезни привыкаешь. Даже самого близкого человека. Первое время сильно пугалась. “Скорую” вызывала. Как он ругался на неё! Бледнел от гнева. И “скорая” ворчала — что “без дела” беспокоят. А как же “без дела” — если вот он, лежит, стонет, плохо ему?

Так что пусть уж лучше или в парке прогуляется (для нервов полезно, да и сердцу какая-никакая нагрузка), или к соседу сходит телевизор посмотрит, заодно и новости с ним обсудит. Потому что, стыдно признаться, но поймала себя на том, что её немного раздражать стало — когда дел невпроворот, ничего не успеваешь, а ему не терпится ей пересказать, что он только что нового узнал. Да еще с комментариями, конечно.

А что раздражаться-то? Он всю жизнь с людьми работал. Привык к общению. И не просто к общению — а чтобы к его мнению прислушивались. Пробовала только кивать и поддакивать — возмущается:

— Да что ж ты за дура такая! И не слушаешь совсем! Кроме своей стряпни — ну ничем в мире не интересуешься!

Ей, если по совести, и впрямь неинтересно. Ни кого там в президенты в Германии выбирают, ни кто что сказал по этому поводу... Ни какой очередной скандал с каким-нибудь депутатом произошёл... Да с ними вечно какие-то скандалы происходят. И президентов этих — вечно где-то выбирают. И опять выбирают. Где же их всех вспомнишь? Ей — лишь бы войны не было. А всё остальное — это уже так. Лишняя информация.

А ему хочется, чтобы она — вникала. Чтобы слушала его не просто так — а со знанием дела. Чтобы его умозаключения оценить могла. Иногда его, по старой памяти, и поспорить с оппонентом тянет. А какой из неё оппонент? Вот он ей накануне две статьи из какого-то политического журнала читал — да она половины не поняла. Он сердиться начал — я же тебе в прошлый раз объяснял? Объяснял! Но в тот момент она думала о том, что через час дети приедут голодные, а морковки для плова явно маловато, и чем бы её заменить, или всё-таки стоит в магазин по-быстрому сбежать. Вот в голове всё и перемешалось.

А Серёженька любит проверять, что у неё в голове-то осталось после его с нею бесед. Конечно, это ведь каждому обидно покажется — столько времени на неё потратил, объясняя элементарные вещи, а толку — никакого.

Вот что странно... Когда работала, вроде и должность была ответственная, и хвалили постоянно — за то, что толковая. А Серёжу порой почти не понимает. Просила его, чтобы термины ей переводил, — сердится:

— Их любой грамотный человек знать должен!

И впрямь, наверное, от жизни отстала.

А вообще-то... Ей с мужем повезло. У других-то — кто пьёт, кто по бабам бегает. А Серёжа — только по праздникам выпьет немножко. И постоянно — дома. С нею пообщаться норовит. А она ещё и капризничает...

А как боялась когда-то! Что — уйдёт.

Это ведь она его любила без памяти. А он ей сразу, честно, объяснил: все ещё любит прежнюю. Ту, что от него ушла. К другому. И впрямь любил. И фото хранил. И рассказывал о ней часто. И ругал. И восхищался. Прежняя — красавица была. Белая кость. Не нашего полёта птица. Мелькнула — и исчезла.

Как она боялась, что — одумается да вернётся! Ведь Серёже — цены не было. И умница. И собой хорош. Когда он её за руку брал — сердце так и обмирало. Плавилось.

И — порядочный. Когда она забеременела, он даже глазом не моргнул. Ну, расстроился немножко, — но ни о каком аборте даже речи не было. Она-то ко всему была готова. Знала, что не любит.

— Нет, — сказал. — Никакого аборта. Рожай. И давай уж тогда заявление в загс подадим. Чтобы ребёнок рос в полноценной семье.

Как она тогда счастлива была! И верила — вот сейчас он её не любит, не может прежнюю забыть, но её любви — и на двоих хватит. И — растопит она его сердце. Поймёт он, в конце концов, что она ему — самый близкий, самый родной человек.

Сын родился — он доволен был. Очень. Не хотел дочку. Именем отца назвал. Гордился. Сын и впрямь рос умный, красивый. В отца. Способный. А рисовал как! Даже хотел художником стать. Но Серёжа отговорил. Что это за профессия такая? Ни заработков постоянных, ни карьерного роста. Пристроил его по знакомству в Политехнический. Сын, правда, бросил его на третьем курсе — сессию завалил. Да и отказался пересдавать. Ох, сколько тогда крику было! Ну, Серёжа кричал — ему положено, отец все-таки, так ведь и Игорь в ответ не удержался, тоже кричать начал. Гадостей всяких наговорил. Серёжа с собой не совладал — и ударил его по лицу. А Игорь дверь хлопнул — и ушёл. Даже вещей не взял. Потом уже, когда отца дома не было, за паспортом заскочил. Она ему и деньжат тогда подбросила, немножко, правда, сколько было. Серёжа-то запретил ей с сыном встречаться: “Ушёл — значит ушёл!”, — а уж тем более — помогать. А своих денег у неё сроду не было.

Она тогда мужа в первый раз ослушалась. Всё-таки страшновато было — как там Игорь-то, среди чужих людей, совсем без денег. И потом нет-нет да и помогала ему потихоньку — то деньгами, то продуктами.

С деньгами — ох, трудно было. Серёжина зарплата у него на книжке лежала, он снимал сколько нужно — если на что-то целенаправленное. На ежедневные расходы да на коммунальные услуги её зарплату тратили. Она и так привыкла экономить, на чём могла, и чтобы выкроить лишние копейки какие для Игорька, приходилось изворачиваться. То скажет, что в столовой пообедала, — а Серёжа считал, что это неразумно, неэкономно очень, то пожалуется, что обсчитали или потеряла. Серёжа её отругает, конечно, но зато Игорьку что-то да перепадёт.

Тоже характер — отцовский! Деньги берёт — фыркает:

— Неужто дал? Или сама втихаря таскаешь?

Ну, зато спокойна, что сыт.

Слава богу, на работу устроился. Жил у приятеля своего, вот отец приятеля и устроил. А с полгода поработал на стройке — понял, что лучше всё-таки быть специалистом, а не каждой бочке затычкой. Восстановился в институте. И с отцом помирился.

Вздыхнула свободно.

А тут младший подросток. Незаметно. Он тихий рос, *беспроблемный*. Про него и забывали порой. Старший вечно на виду: и на олимпиадах, и на соревнованиях всяких. Его и учителя хвалили, и тренер в секции, про рисование и речи нет, преподавательница от восторга заходила... А младший — тихий такой хорошист. Вроде и претензий к нему никаких ни у кого, но и надежд на него Серёжа никогда не возлагал. “Не моя порода”. И спрашивал с него меньше.

Спокойно окончил школу, спокойно поступил на физфак (даже и не ожидали, что с такой легкостью поступит-то), а в 18 лет огорошил:

— Я жениться собираюсь.

Любовь у него! Такая же соплюха, из тмутаракани какой-то.

Она думала, что у Серёжи инфаркт будет. Так он покраснел. Или сейчас что-нибудь непоправимое сделает. Но — нет. Сдержался. Велел привести невесту в дом — знакомиться.

На завтра на вечер договорились.

Она на работе отгул взяла, квартиру вылизала, напекла-наготовила — нельзя же в грязь лицом!

Пришла такая... совсем девочка. Росточку маленького. Личико простенькое. Только глаза и видны. Она-то боялась, что какая-нибудь... ну, из тех, что огонь и воду прошли, от которых мужчины голову теряют. Но — нет. Просто девчонка. Видно, что и сама влюблена в Антошку, как сумасшедшая. Ей как матери это сразу понятно стало. И — приятно, что уж скрывать.

За столом девочка молчала больше. Смущалась. В основном Серёжа говорил. Он очень толково им объяснил, как безответственно с их стороны сейчас жениться. И — если уж любовь — отчего бы и не подождать до окончания института — заодно и чувства свои проверить.

И Антоше потом сказал:

— Если твоей девушке важен ты, а не прописка и жилплощадь, то пождёт.

Под конец, правда, не выдержал, добавил с досадой:

— Я-то надеялся, что кого себе посимпатичнее найдешь. Хоть росточком повыше! И у кого словарный запас — побольше!

Ну... Антоша не обижался. Он привык отца слушаться. И — даже рад был, что так легко обошлось. Он худшего ожидал.

И ведь прав Серёжа оказался. После института Антоша в аспирантуру поступил, а Катю по распределению в райцентр отправили. Ей там и поработать-то надо было всего два года, и вернулась бы, — а она замуж выскочила. Как Антоша переживал! Почернел весь. Серёжа ему очень сочувствовал. Утешал.

— Хорошо хоть, что пожениться не успели. Да детей завести. Все равно бы убежала! Если уж женщина не способна на верность — значит, не способна.

Отвлекал, как мог. Машину купил. Заставил Антошу на права сдать. Машина для мальчишки — большое дело.

Потом Игорек надумал жениться. Он к этому времени уже более-менее на ногах стоял. Да и с жильём проблем не было — у невесты своя двушка в центре города имелась. Там и жили, пока Игорь бизнесом не занялся да не нарвался на нечестных партнеров, — и пришлось им эту двушку продать и переехать в родительскую. Попробовали с полгода снимать — да уж очень накладно получилось.

Серёжа к их переезду спокойно отнёсся. Тем более что невестка попала не из вздорных. Понимала, кто в доме хозяин. И на рожон не лезла. Да и некогда ей было на рожон лезть — она и тогда целыми днями на работе пропадала. Всё надеялась, что ещё вот-вот — и на квартиру заработает. Откладывала. Пока дефолт все её деньги отложенные не съел. Переживала, конечно, очень... Но... что тут поделаешь?

Потом внук родился. Солнышко. Болел, правда, часто... Помогала невестке, чем могла. Взяла на работе отпуск, потом за свой счёт. Потом на полставки перешла временно — чтобы невестка могла пораньше на работу вернуться. Как он кричал ночами! Колики. Носила на руках, качала — чтобы не будил остальных. На руках — затихал. Одна была мечта — выспаться.

А сейчас... со сном другие проблемы. Бессонница. С двух до четырёх — что ни делай. Нашла, правда, себе неожиданный и очень приятный способ убить это время. Пристрастилась к дамским романам. Все спят. Тишина. А тут — сказка. Так все красиво... Трогательные слова. Пылкие чувства.

В этих романах люди не занимались сексом — предавались любви. Страсти. Женщины позволяли себе быть вздорными. Совершали глупости. И всё равно мужчины рано или поздно говорили им слова любви.

А ещё... Эти женщины были так красивы... они носили кружевное бельё, пользовались изысканными духами... И даже если автор описывал их внешность как неброскую — всё равно было понятно, что эти женщины, все, как одна, привлекательны — чем-то главным. За что их можно было любить.

Ей все больше казалось, что в её собственном романе — романе ее жизни — она никогда не была героиней. Только на второстепенных ролях. Ведь это так обидно! Так хотелось — хоть ненадолго — почувствовать себя прекрасной, желанной. Женщиной.

Временами украдкой разглядывала фотографии Той... Вот кто была героиней!

Я смотрю на её фотографии... Худенькая женщина с правильными чертами лица. Дурно подстриженная (ходила в школу-салон, где пэтэушницы стригли за полцены), бледные губы, грустные припухшие глаза... Скромная кофточка “прощай молодость”. Ни тени косметики.

Серёжа не одобрял косметику. И наряды. Считал, что это — для вертихвосток, а не для порядочных женщин. Она очень хотела быть “порядочной женщиной”. Чтобы Серёжа мог ею гордиться.

Когда она ударилась о косяк и потом не смогла встать, вызвали врача. Врач сказал, что, вероятно, инсульт. Нужно в больницу.

В больнице она всё беспокоилась, а как Серёженька — с его желудком, — не голодает ли. И кто готовит ему его любимые диетические блюда.

Просила виновато:

— Серёжа, прости меня...

Спрашивала тревожно:

— Ты ведь от меня не уйдёшь?

А однажды — в отсутствие Серёжи — попросила сына:

— Антоша... Мне так хочется... у меня никогда не было... купи мне французские духи. Маленький флакончик. И... — улыбнулась застенчиво, — кружевное бельё.

Антоша сказал отцу. Серёжа расстроился, очень. Попросил главврача показать её психиатру.

Они рассказывали эту историю после её похорон. Горевали.

— Вот жила здоровая нормальная женщина! Так мало того, что неожиданно инсульт! Еще и сошла с ума! Подумать только — кружевное бельё!

Я знала, что такое классовая ненависть... Но почувствовала — впервые.

МИХАИЛ ПОЗДНЯКОВ

СЫН СИНЕОКОЙ БЕЛАРУСИ

НАД СТАРОЙ РЕЧКОЙ

Я снова один на один с тишиной,
Вновь слышу, как в детстве, чуть дымка растает,
Зуденье стрекоз над ленивой водой
Речушки, что издавна в сердце впадает.

Слежу, как под тенью высокой травы
Пасется язёй осторожная стайка,
Как в синь, добавляя ещё синевы,
Светило играет с волной в “угадайку”...

Я слышу, и вижу, и сердцем ловлю
Простор, где неспешные птицы кружатся.
И снова, как в детстве, всё это люблю —
Да так, что мне хочется с речкой обняться.

ПОЗДНЯКОВ Михаил Павлович родился в 1951 году в деревне Забродье Могилёвской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт. Автор более 30 книг. Работал главным редактором издательства “Юнацтва”, журнала “Нёман”. Председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Лауреат литературных премий. Живёт в Минске.

* * *

Снова осень дышит утомлённо,
Вновь режут студёные ветра.
Прислоню ладонь — пойдёт от клёна
Звонкий гул до самого нутра.

Постою... Перед дорогой дальней
Клён ко мне ладони прислонит.
И тревожный гул исповедальный
В путь меня опять благословит.

* * *

Об этом молвить не боюсь я,
Хоть взгляды чувствую косые.
Сын синеокой Беларуси,
Люблю тебя, моя Россия.

И здесь, и там — поля и хаты,
И те же запахи лесные...
А олигархи и магнаты —
Я точно знаю! — не Россия...

* * *

Реальности двери захлопнув за мной,
Грозы ошалелой гремит колесница.
А мне снится мама в хатёнке пустой
И папа с улыбкою строгою снится.

Они и теперь окрыляют меня,
Пусть буря стекает по стеклам оконным.
Я вижу их лики... И день ото дня
Молюсь им, как будто высоким иконам.

*Перевод с белорусского
Анатолия Аврутина.*

* * *

Побродить бы опять по деревне,
Погрустить по ночам, помечтать,
И поспать на дурманящем сене,
И настоем земли подышать.

Босиком по серебряным росам
Убежать в предрассветный туман
Да с ребячьей ватагой у сосен
Поиграть бы опять в “партизан”.

В нашей тихой, прозрачной речушке
Наловить на уху окуней
Иль под свист переливный пичужки
Замереть вдохновенно пред ней.

Вновь нарвать бы во ржи придорожной
Синеглазый букет васильков

И, подкравшись к окну осторожно,
Подарить однокласснице вновь.

Побродить и представить всё снова,
Всё, к чему возвращения нет,
Да на луг забрести бы медовый
И упасть на ромашковый свет.

НЕРАСЦВЕТШАЯ РОЗА

Вдруг повеяло холодом в мае,
Не поняв и не приняв беду,
На промозглом ветру умирает
Нерасцветшая роза в саду.

Как теплом она первым дышала,
Как под нежной небес синевой
Расцвести поскорее мечтала,
Изумить всех своей красотой!

И до времени с тайным восторгом
Как спешил к пробужденью твой цвет!
Только грезил роза недолго —
Рассмеялся мир грезам в ответ.

Знаю, часто такое бывает.
Сам когда-то вот так же уйду...
Но рыдает душа: умирает
Нерасцветшая роза в саду.

Перевод с белорусского автора.

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

ИГЛА В КВАДРАТЕ

РАССКАЗ

Санитарка, которую все звали в отделении Семеновной, грузная и неповоротливая женщина, которая, казалось, не могла стоять на ногах, не опираясь на швабру, закончила, наконец, уборку в процедурном кабинете. Алена включила кварц, затем закрыла дверь кабинета на замок и, проходя мимо поста дежурной медсестры, отдала ключ, предупредив, чтобы та не забыла через полчаса отключить кварцевый аппарат.

На выходе из отделения ее встретил больной Катуюковский, он же Каторк. Неделю назад его привезли, как говорила Семеновна, *никакого*. Но уже через два дня он *оклемался*, начал ходить, показывая всем свой прилипчивый характер. Молодой, языкастый, с татуированной печаткой на безымянном пальце правой руки, обаятельной улыбкой, сквозь которую, однако, едва просматривалась легкая ирония, он завязывал знакомство со всеми женщинами в отделении, каким-то чутьем безошибочно определяя тех, кто действительно нуждался в мужском внимании.

- Уже линяете? — спросил он игриво.
- Да, — холодно ответила Алена.
- Куда мне позвонить?
- В Новинки...*

ТРАХИМЕНОК Сергей Александрович родился в 1950 году в городе Карасук Новосибирской области. Служил в армии, работал на заводе. Окончил факультет правоведения Свердловского юридического института, Высшие курсы КГБ СССР. С 1990 года живет в Минске. Член Союзов писателей России и Белоруссии, секретарь Правления Союза писателей Белоруссии. Автор повестей и романов, не раз публиковался в журнале "Наш современник" и других изданиях.

* Новинки — психиатрическая больница.

Каток сделал колени, видимо предполагая, что этим оказывает ей знак наивысшего внимания и уважения.

— Ну, тогда до завтра...

— До завтра, — сказала она ему, понимая, что попытки установить с ней контакт были связаны вовсе не с интересом Катка к ней как женщине. Его, скорее, интересовало содержимое маленького отделения сейфа процедурного кабинета, в котором вместе с наркотиками в ампулах хранились и таблетки. Видно, они и были объектом его внимания.

Закрывая дверь отделения, Алена заметила, как Каток разболтанной походкой подкатился к посту дежурной медсестры. Маневр этот был преждевременным. Сестра, конечно, не станет болтать с ним днем: в ординаторской врачи, да и заводделением, которую вызвали к главному на совещание, вот-вот должна была явиться обратно.

Спускаясь по лестнице в вестибюль, Алена поймала себя на том, что её слегка уязвило то, что Каток выбрал себе новый объект внимания. Однако уже на улице она забыла и про Катка, и про коллег по работе. Впереди её ждали домашние хлопоты.

Алена забежала в гастроном возле универсама “Беларусь”. Обычно продукты она покупала на Комаровке*. Времени на это уходило больше, но продукты там были дешевле.

— Проигрываешь в расстоянии, выигрываешь в ценах, — говорил сын Виталька, студент политеха, который вчера уехал с друзьями в Брест. И, следовательно, ей нельзя было надолго задерживаться на работе.

Втиснувшись в трамвай, она проехала три остановки и пересела на автобус, идущий на юго-запад. На её счастье, это был экспресс. Значит, скоро она будет дома. Тут она хлопнула себя по карману и вспомнила, что забыла на столике в процедурном камфорное масло.

— Может быть, дома осталось чуть-чуть, — вслух произнесла она, понимая, что в аптеку забежать не сможет: лимит ее отсутствия дома уже истек.

С большой хозяйственной сумкой, оттягивавшей ей руку, она простояла в проходе две остановки, пока не освободилось место у окна. Алена плюхнулась на сиденье, краем глаза заметив бабульку, которая явно хотела бы присесть. Та выразительно смотрела на Алену. Затем, ни к кому не обращаясь, вдруг сказала:

— Понаехали тут...

И хотя фраза не была окончена, было понятно, о чем идет речь: не в первый раз Алену относили к *лицам кавказской национальности*.

Алена не обиделась. Она вспомнила, как у них в отделении лежала Галия Ахметова, которую две старушки из Логойска так же шпыняли с утра до ночи.

Галия искренне возмущалась и утверждала, что она местная. На что у старушек был свой аргумент:

— Якая ты бяларуска, — говорили они, — ты на сябе паляди...

Старушкам было невдомек, что Галия родилась в белорусском селе, что по профессии она языковед, специалист по белорусскому языку.

Вспомнив все, это Алена улыбнулась. Улыбка эта вывела бабульку из себя. Однако, не чувствуя поддержки других пассажиров, она двинулась вперед по салону, что-то ворча себе под нос.

Её принимали за *восточную женщину* не только белорусы. Однажды на центральном рынке одна чеченка стала толковать ей о родной крови, предлагая кушать подешевле маринованный чеснок. Алена еле отвязалась тогда от настойчивой *землячки*.

Впрочем, возможно, что её предки и были кавказских кровей, но уж очень давно, еще до пятого колена. Об этом Алене говорила бабка Макрына. А еще она говорила, что дед Алены был вылитый джигит, хотя и родился на Полесье.

Перед самым освобождением Белоруссии в последнюю войну его расстреляли немцы за то, что он спас четверых детей во время карательной операции.

* Комаровка — центральный рынок в Минске.

Было это в деревне под Пинском. Там был у Алены дом, который ее сестры называли *фамильным*. В котором она не была уже много лет...

Из трех сестер она, как тот горошек, по которому изучают наследственность, единственная пошла в деда. Но в деревне никто не обращал внимания на то, что одна из внучек Макрыны — форменная горянка. В столице — другое дело... Впрочем, и в столице это появилось лишь в последние годы...

А четверть века назад, когда она приехала поступать в медицинский институт, все было по-другому. *Будь ты хоть негром преклонных годов*, никто тебе вслед не пробурчит афоризм “пра малпу”, якая еще и гаворыт...”

В институт она тогда не поступила и с теми же баллами пошла учиться в медучилище, памятуя о том, что самый лучший генерал — тот, кто начал службу солдатом. После училища она вышла замуж за своего ровесника Аркадия, который тогда работал на городской АТС. Через год родила дочь, а спустя три года — сына. И все было нормально, как у людей, если бы не извечная бабья беда: муж стал пить, и они развелись.

После развода об институте она уже не думала. Закрутили домашние хлопоты, детей надо было обуть, одеть, накормить, проследить, чтобы старшенькая не съехала на тройки, а младшенький не попал в дурную компанию.

Аркадий совсем исчез из ее жизни. Правда, однажды *всезнающие* соседки сообщили, что он женился. Но вторая женитьба не изменила его. Пил он по-прежнему, и все больше развивалась в нем черта, которая когда-то была совсем незаметной. В подпитии он, хотя не был агрессивным по своей натуре, всегда влезал в споры и разборки собутыльников, а иногда и случайных прохожих или попутчиков. Впрягался, как он сам когда-то говорил. Видимо, при таких именно обстоятельствах и получил он по голове железной трубой, упал и ударился о бетонный бордюр тротуара.

Те же соседки рассказали Алене, что он находится в девятой больнице, парализованный и потерявший дар речи.

Новая жена не стала заботиться о нём, и Алена с младшеньким перевезли папу домой, где поселили его в одной из комнат своей двухкомнатной квартиры.

Дети под руководством Алены быстро выучили ритуал обслуживания отца: дать попить, покормить, по часам перевернуть. А уж массаж, камфорные протирания и все остальное она делала сама. Теперь она не могла надолго отлучаться из дома и перестала ездить в деревню, да и вообще выезжать из города. И, возможно, в качестве компенсации за пребывание в стенах этой добровольной тюрьмы, она вернулась к одному из своих детских увлечений.

Зарплаты на жизнь не хватало, и она подрабатывала, делая инъекции на дому. У нее была легкая рука, да и пациенты ей доверяли. Впрочем, известность *домашней сестрички* она приобрела не сразу. Постепенно те, кому она уже помогла, распространили слух, который Алена и не пыталась опровергнуть. Они говорили, что эта сестричка из рода полесских колдуний, что она может заговаривать зубы и делать уколы без боли. Для тех, кто этого еще не знал, она применяла некоторые приёмчики, выработанные годами практики. То шлепнет по противоположной ягодице, то скажет какую-нибудь колкость. Но никто на неё за это не обижался. Уж лучше пусть тебя *уколет* острый язык, зато не почувствуешь боли от укола иглой шприца.

Молодые медсестры пытались ей подражать, но чаще всего это им не удавалось, потому что пытались они копировать манеру её поведения и разговор с больными, не отдавая себе отчета, что главное — в другом. Впрочем, в чем был секрет её мастерства, Алена и сама не знала. Дал Бог талант, и на здоровье.

— Просто у меня большая практика, — говорила она тем, кто пытался выведать у нее секреты её искусства.

С этим соглашались. Инъекций за свою жизнь она сделала немало. Но не у всех количество переходит в качество. Взять хотя бы Нору Степановну — дежурную сестру. Ей через год на пенсию. А больные воют, когда она входит в палату со шприцем в руках. Ну, не создана ее рука для того, чтобы

* Малпа (белоруск.) — обезьянка.

колоть, хоть ты убей, несмотря на то, что она, как и Алена, всю свою жизнь только и делает, что колет.

Однако никто из ее сослуживцев и не догадывался, что практика у неё была иного рода. Детское увлечение, к которому она вернулась теперь, было вышиванием. Но это были не те женские вышивки, которые барышни шестидесятих годов прошлого столетия делали при помощи ниток мулине на пяльцах.

Растянув на огромной квадратной раме основу, она вышивала гобелены. И этой иглой она управлялась так же ловко, с таким же мастерством и с любовью, как с той, которой привыкла орудовать в больнице.

Готовя еду, убирая квартиру, массируя тело парализованного мужа, чтобы не было пролежней, и протирая его камфорным маслом, Алена представляла себя маленькой девочкой, которой мать на тарелку с манной кашей положила ложку варенья. И она спешит съесть всю кашу, чтобы потом, не торопясь, насладиться лакомством. От этой *работы-лакомства* у нее не ныла спина, не болели руки, и сама она за этой работой словно выпадала из времени и пространства.

Вышивала Алена без рисунка. Усаживаясь за станок, она иногда и не знала, что у нее получится. Но с первых же стежков выходило так, что она работала, будто по матрице.

Вся прежняя жизнь до переезда в Минск словно сложилась у неё в голове и выплескивалась теперь на тканевую основу. Это были картинки полесского жития: густых и мрачноватых лесов; лугов с разнотравьем, в котором преобладали желтые цвета; деревянной бани, хозяйственных построек, почерневших от сырости и времени; кривых ульев той пасеки, за которую насмерть билась с сыновьями бабка Макрына, когда те хотели продать ее вместе с усадьбой, чтобы забрать мать в Пинск.

При всем при том картины её нельзя было назвать реалистическими. Но каждый, кто смотрел на это сочетание цветов, видел именно то, что видела она, только по-своему, словно это сочетание служило неким толчком к собственному представлению зрителей о том, что было заложено в содержании и названиях её картин. “Луг” поражал буйством красок и, несмотря на то, что на картине не было ни одного цветка, зрители иногда перечисляли до десятка их названий. “Лето” удивляло осязаемым зноем, тишиной, в которой слышалось стрекотание кузнечиков. Фиолетовые краски “Зимнего вечера на Полесье” побуждали искать тепла у теплой печки.

И только одна картина не была похожа на все её творения.

Она называлась “Взрыв”. Это было причудливый разброс и переплетение красок, разлетевшихся по полотну, которые мгновение назад еще были в центре картины.

Непередаваемое ощущение мощи, которая будто сдерживалась некоей оболочкой, а затем взорвалась под влиянием еще большей силы. И именно в этот момент игла художника зафиксировала и передала эту мощь в красках.

К ней ходили знатоки. Выражали удивление, что она не член Союза мастеров народного творчества. Иногда приходили представители картинной галереи и предлагали ей приобрести некоторые работы. В последнее время стала звонить секретарша какого-то “бизнесмена Кондратьева”, предлагая купить все картины оптом. Но Алена вдруг заупрямилась. Ей почему-то показалось, что, продав картины, она ничего больше не создаст. И Бог, наделивший ее талантом, лишит её способности творить.

Алена поднялась на четвертый этаж, открыла дверь квартиры ключом и, не снимая обуви, прошла в комнату к Аркадию. Слава Богу, все было в порядке. Обычно в те дни, когда Виталька куда-либо отлучался, она просила дочь Варю присмотреть за отцом. Но вот уже два года она живет с мужем отдельно. Они зарабатывают деньги на свой угол, и поэтому снимают квартиру в Фаниполе*.

Алена зажгла маленькую лампочку ночника. Перевернула Аркадия на бок.

* Фаниполь — поселок под Минском.

— Все нормально? — спросила она его.

Он в ответ только хлопал глазами. Таким языком они пользовались с первого же дня после его возвращения из больницы.

— Виталька уехал в Брест, — сказала Алена.

Аркадий опять прикрыв веки в знак того, что он об этом знает.

— У-у-у, как ты зарос, — сказала Алена и провела рукой по редким волосам бывшего мужа, — в воскресенье будем тебя стричь. Лежи.

Она подоткнула под спину Аркадию две специально сшитые плотные подушки, больше похожие на валики, и пошла на кухню готовить кашу.

Однако в этот момент раздался телефонный звонок, и ей пришлось вернуться в коридор и снять трубку.

— Алена Михайловна? — голос был женский.

— Да, — ответила она, узнавая секретаршу “бизнесмена Кондратьева”.

— С вами будет говорить Игорь Павлович...

Семь лет назад она возвращалась домой с работы. Был вечер. Троллейбус, на котором она ехала, неудачно повернул с проспекта на боковую улицу, и у него сорвались *усики*, которые маленький Виталька называл *удочками*. Водитель остановил троллейбус, вышел из кабины и принялся манипулировать веревками, но что-то наверху заело, и он влез на крышу.

Пассажиры терпеливо ждали, пока эта процедура закончится, однако случилось непредвиденное. Раздался хлопок, салон на мгновение озарился голубоватым светом, и тело водителя, пролетев мимо окон салона, упало на асфальт. Пассажиры высыпали наружу и образовали круг, в центре которого лежал бездыханный водитель.

В Алене в этот момент словно что-то включилось, хотя она смутно помнит свои действия. Впоследствии “Вечорка” описала их весьма красочно. Оказывается, Алена сказала всем, что она врач, послала кого-то звонить в “скорую”, а сама начала делать водителю непрямой массаж сердца. Она в жизни никогда этого не делала, но однажды видела, как у них в больнице американские врачи *стажировали* своих коллег по терапии неотложной помощи при критических состояниях на манекене. Сестры называли его Ванькой и в отсутствие врачей пытались повторять действия реаниматоров.

“Скорая” прибыла примерно через четверть часа, но Алене удалось *запустить* сердце водителя в течение первых четырех минут, и она могла гордиться тем, что именно она не только спасла ему жизнь, но и сделала все возможное, чтобы он остался полноценным человеком.

Она уже успела и забыть о случившемся. Но спустя месяц у дверей больницы ее встретил тот, кого сослуживцы после публикации материала в “Вечорке” называли её крестником. Он был в парадном костюме и с букетом цветов.

Потом они сидели в кафе “Сосны”, пили шампанское, и оба испытывали неловкость, предчувствуя, наверное, что встреча эта может многое изменить в их жизни.

Они стали встречаться — так обозначили бы то, что с ними произошло, её соседки. Разрываясь между заботами о больном Аркадии и детях, путаясь в своих рассказах, скрывающих их конспиративные встречи, она, тем не менее, не бросала своего любимого занятия, хотя и могла уделить ему внимание только ночью. И трудно было понять, что придает ей силы, — новая любовь или старое увлечение.

Именно тогда появился “Взрыв”. Картина, не похожая ни на одну ее прежнюю работу. Впрочем, как и на все последующие.

Их роман или, как говорили в таких случаях сослуживцы, *отношения*, продолжался два месяца.

В один из дней сентября, когда листья каштанов уже порыжели, и наступило бабье лето, у дверей больницы ее встретила женщина.

— Здравствуйте, — сказала она, — именно такой я вас себе и представляла. Я жена Николая.

Потом они сидели все в том же в кафе “Сосны” и совершенно спокойно говорили — каждая о своем. Вероника — так звали жену Николая — не

угрожала ей, не пыталась брать с нее клятву, что она не будет разрушать семью. Все было вполне пристойно. Разговор шел о трудностях жизни вообще. О проблемах воспитания двух девочек, фотографии которых тут же были извлечены из сумочки.

В конце этой встречи Вероника еще раз поблагодарила Алену — за то, что она один раз уже спасла ее мужа для ее девочек. И пригласила ее при случае навестить их семью.

В тот же день Алена позвонила другу Аркадия, который по-прежнему работал на городской АТС, и попросила его помочь ей быстро заменить номер домашнего телефона.

Алена приготовила кашу, накормила Аркадия, помассировала ему спину, перевернула его на другой бок и снова ушла на кухню, чтобы поужинать.

Пока она ела, мыла посуду, в голове все вертелись слова “бизнесмена Кондратьева”, который *знает о квартирных проблемах Вари*. И откуда он о них узнал, прямо какая-то бизнес-разведка, ей-Богу... Еще он сказал ей, что продажа картин по *реальной* цене может эту проблему решить.

— Ваш ответ? — спросил он.

— Я подумаю, — сказала тогда Алена.

Однако когда она вошла в свою комнату и посмотрела на её стены, увешанные картинами, решимость вдруг оставила ее. Ей представилось, как, продав картины, она останется с пустыми стенами и никогда больше не сможет испытать этого сладостного чувства, этого волшебства, когда буквально *из ничего* получается такая красота.

Алена провела кошмарную ночь и впервые за многие годы опоздала на работу.

Раздевшись в гардеробе больницы, она поднялась в отделение. В коридоре никого не было. Видимо, заведующая собрала всех врачей у себя, а средний медперсонал был уже в сестринской. Открыв шкафчик в процедурном, она увидела, что сестра-хозяйка так и не заменила ей старый халат на новый. Но сейчас не это было главным. Шестым чувством она понимала, что произошло что-то из ряда вон выходящее. *Запах грозы* словно исходил от стен отделения. В дверях показалась сестра-хозяйка:

— Я принесу халат, когда все успокоится, — сказала она, подтвердив худшие опасения Алены.

— А что случилось?

— Вторая палата забастовала.

— Как это?

— Отказались колоться у Норы...

— Час от часу не легче...

Алена вошла в сестринскую, когда старшая уже заканчивала то, что в отделении называли *разбором залетов*. К опозданию Алены, однако, старшая отнеслась спокойно, как любящая мать к проступку любимой дочери.

— А вот и Алена, — сказала она, — все свободны, кроме нее...

Сестры торопливо стали покидать кабинет старшей, из чего Алена заключила, что ей предстоит миссия, от которой другие только что отказались.

— Алена, — сказала старшая, когда все вышли, — нужно сделать утренние инъекции больным во второй палате... После Норы девчонки туда боятся идти...

— Ну, надо так надо, — ответила Алена словами популярной телерекламы, в которой лихой директор предлагает своим подчиненным работать без выходных...

— Вот и прекрасно, — ответила старшая, — за работу...

Алена взяла на посту дежурной сестры листы назначений пациентов из второй палаты, просмотрела их, положила, *как в старые добрые времена*, на крышку от стерилизатора одноразовые шприцы и направилась во вторую, не без основания предполагая, что провокатором забастовки там был, скорее всего, Каток...

— Ну-с, — сказала она бодро, входя в палату, — начнем лечиться.

— Куда будем делать? — не преминул съязвить Катуковский.

Нужно было брать инициативу в свои руки, чтобы её не захватил Каток.

— Языкастым в язык, остальным в ягодицу, — безапелляционно сказала Алена.

Закончив процедуры, Алена направилась к дверям палаты. Но Катуковский не был бы самим собой, если бы последнее слово осталось не за ним. Он развел руками и произнес иронически:

— Игла в квадрате.

В палате на это не отреагировали никак. Он был балабон, а балабон должен болтать и к месту, и не к месту — такая у него планида. И только Алена поняла, насколько точно определил ее сущность Каток.

У процедурного кабинета уже собирались больные. Алена попросила их немного подождать, зашла в сестринскую, набрала номер телефона Кондратьева и сказала, что продаст ему гобелены.

— Все? — спросил он.

— Все, — ответила она. И, немного помедлив, добавила, — кроме “Взрыва”...

ЦВЕЛА ЧЕРЁМУХА

РАССКАЗ

— Ты один? — спросила тётка вместо приветствия, когда Нефёдов вышел из вагона.

— А с кем я должен быть? — удивился он.

— С телохранителем...

— Это газетные утки, — скривился Нефёдов, — у меня нет телохранителей.

Тётка по случаю его приезда была в выходном жакете, в темной юбке. Ее черные с проседью волосы были гладко зачесаны назад и схвачены на затылке резинкой. Она чопорно взяла его под руку и повела вдоль состава.

Людей на перроне немного, и это, как догадывается Нефёдов, совершенно не устраивало тётку: ей хотелось, чтобы как можно больше *поселжковых* увидели, что к ней приехал её знаменитый племянник.

Когда они по тропинке вдоль реки дошли до моста, было уже темно, но Нефёдов разглядел рядом с этим бетонным красавцем почерневшие сваи старого, деревянного. Его снесли двадцать лет назад. Точнее, не снесли, а бросили, отстроив новый, бетонный. Поскольку старый мост считался списанным, его стали разбирать на свои нужды местные жители. Разбирали до тех пор, пока на сваях осталось всего несколько брёвен. Именно в это время с них сорвался в воду и утонул мужик с той улицы, что шла вдоль берега: чуть дальше моста по течению был омут с водоворотом. На том работы и остановились.

— Сваи так и не спилили? — спросил он у тётки.

— Да кому они нужны?

— Чтобы мальчишки не лазали...

— Мальчишки по ним не *лазют*, — ответила тетка, — мальчишки сейчас *бизнесой* занимаются.

Дома у тётки их ждал стол с салатами, картошкой, котлетами и бутылкой водки.

— Может, Евлампиевну позовём? — спросила тётка.

— Как хочешь, — без энтузиазма ответил Нефёдов: он не хотел видеть здесь соседку.

Уловив что-то в его интонации, тётка сказала:

— А-а, ладно, обойдёмся... пусть это будет ужин в узком семейном кругу.

После второй рюмки тётка захмелела и стала вспоминать его *последний* приезд. Она говорила об этом так, будто он приезжал к ней в прошлом году.

Нефёдов терпеливо слушал её, а потом, выбрав удобный момент, вставил свое слово:

— Пойду покурю...

— Кури здесь... Евлампиевна специально соседа приглашает покурить, чтобы в хате мужиком пахло...

— У меня “Кэмэл”, — усмехнулся Нефёдов.

— И чо?

— После него пахнет верблюдом...

— Да ну? — удивилась тётка.

Нефёдов курил, облокотившись на забор, и вглядывался в темноту. Где-то лаяли собаки, звенела гитара, и хрипловатый голос пел:

*Когда с тобой мы встретились, черёмуха цвела,
И в парке тихо музыка играла...*

Двадцать лет назад, когда он в первый раз пошел её провожать, тоже цвела черёмуха, было холодно, и он накинул ей на плечи свою куртку. Да, это было в мае, а до этого он был тайно и безнадежно влюблен в нее почти полгода — с того самого времени, когда его, шестнадцатилетнего парня, родители отправили в тётке, чтобы “вырвать из дурной компании”. У тётки Нефёдов должен был закончить десятилетку вдали от соблазнов большого города.

Стоит ли говорить, что, приехав в поселок, он тут же нашёл себе компанию ничуть не лучше той, что оставил в городе. Предводителем ее был нефёдовский ровесник — парень с нагловатой чёлкой и синими глазами, какие редко встречаются в природе, особенно у мальчишек. За эти глаза его любили все поселковые девицы в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Звали его Витьком. Среди почитательниц Витька была и она — девятиклашка, еще не избавившаяся до конца от девчоночьей угловатости фигуры, с огромными глазами и пухлыми губами.

Странное оцепенение нападало на Нефёдова, когда он встречал её в школьном коридоре, а она, словно чувствуя это, усугубляла его растерянность быстрым взглядом своих огромных тёмных глаз.

*У тебя глаза как нож — если прямо ты взглянешь,
Я забываю, кто я есть и где мой дом...
Если косо ты взглянешь, то как по сердцу полоснешь
Ты холодным острым ржавым тесаком...*

Пел, подыгрывая себе на гитаре, его друг Витёк, и Нефёдову казалось, что Витёк видит его насквозь и подтрунивает над ним. Нефёдов одновременно и боялся её глаз и хотел снова увидеть их. А когда долго не видел, впадал в тоску и начинал искать встреч с ней.

Нефёдов вернулся в дом, сел за стол.

— Ты чо такой хмурый? — спросила тётка, — Неприятности на работе? На тебя наезжают?

— Где ты нахваталась таких слов: “бизнесой”, “наезжают”?

— Все так говорят, — простодушно ответила тётка.

— Это точно, — согласился он, — все только так и говорят, будто уже и слов других нету...

Три года назад Нефёдова перетянул в свою фирму бывший его выпускник. Год они работали рука об руку, не жалея ни сил, ни времени, как вдруг глава фирмы исчез. Все подозревали похищение, но он благополучно объ-

вился в Испании, там же оказались и деньги фирмы. Нефёдов хотел было вернуться в институт, но его попросили остаться и возглавить то, что осталось от фирмы. Он начал всё сначала, и ему повезло. Теперь уже к нему стали обращаться за помощью, а в прошлом году его даже выдвигали кандидатом в депутаты в Государственную Думу.

— У твоей пассии неприятности, — сказала тётка.

— Слышал.

— Не связывайся ты с ней, ты — человек семейный...

— Мне уже поздно с кем-либо связываться, — уклончиво ответил он.

— Правильно, — согласилась тётка.

Поговорили они ещё *ни о чем* и стали укладываться спать. Перед тем как лечь в постель, Нефёдов снова вышел во двор покурить.

Звонящая тишина майской ночи будила воспоминания. Он ясно, словно это было вчера, воспроизвёл в памяти все встречи с ней, первый поцелуй и клятву верности, которую первой дала она. В тот вечер он летел в дом тётки, словно на крыльях, и даже, пренебрегая опасностью, перешёл реку по бревнам старого моста. Сила любви несла его над землёй и не позволила свалиться в реку и закончить жизнь так же бесславно, как его земляк.

Проснувшись на следующий день, он обнаружил на столе записку от тётки с указанием, что ему есть на завтрак и обед. Тётка, хоть и была на пенсии, продолжала работать на маслозаводе, ходила на другой конец посёлка, что было по местным меркам *очень далеко*, и не обедала дома.

Нефёдов позавтракал, тщательно побрился, приготовил свежую рубашку и галстук, но надевать не стал, а снова завалился на диван в надежде предаться приятным воспоминаниям. Однако сегодняшние воспоминания были не чета вчерашним. Нефёдов почему-то вспомнил последнюю встречу с ней, её слова о том, что она любит другого, а их встреча была ошибкой... Он не поверил своим ушам, стал преследовать её, пытался выяснять отношения, стал искать соперника... Впрочем, соперник вскоре объявился сам. Витёк как-то со смехом рассказал, что ему призналась в любви одна девятиклашка.

Затем были экзамены на аттестат зрелости. Он уехал из посёлка сразу после школы, поступил в институт, окончил его, но больше никогда не приезжал в гости к тётке. Однако еще очень долго, а может быть, и до сих пор занозой сидела в его сердце та неразделённая любовь. Потом у него было много женщин, и со временем он понял то, что его друг Витёк знал уже и тогда: чтобы добиться ответной любви, не обязательно преследовать женщину, скорее, наоборот...

Год назад, когда он баллотировался в депутаты Госдумы, ему стали звонить земляки. Но после выборов звонки прекратились. И вот два месяца назад секретарша спросила, соединять ли его с периферией, и он каким-то чутьём понял, что это звонок из посёлка. На него словно повеяло холодком — тем холодком, который бывает, когда цветёт черёмуха.

— Здравствуйте, — сказала она тогда, будто они все эти годы поддерживали дружеские отношения, — у меня беда: сын попал в некрасивую историю.

Нефёдову стоило большого труда вытащить из тюрьмы её семнадцатилетнего сына. После этого она позвонила ещё раз — поблагодарить, кроме того, она приглашала его *заглянуть в гости*, когда он будет в посёлке.

— Как раз туда собирался, — вырвалось у него чуть ли не против собственной воли.

— Тогда я жду, — был ответ.

Заноза в душе Нефёдова сладко ныла и тогда, когда он ехал на поезде, и когда шел с тёткой по посёлку знакомой тропинкой и бередил себя воспоминаниями. После встречи с ней, казалось ему, он станет счастливым человеком, у которого в жизни все и всегда получается.

Звонок телефона прервал его размышления. Нефёдов сорвался с дивана, подбежал к аппарату. Звонил корреспондент местной газеты Салихов, который когда-то писал о Нефёдове. Он предлагал встретиться, чтобы дать интервью. Нефёдов отказался и поплелся обратно к дивану. Было прохладно, он натянул на себя плед и задремал, потому на следующий звонок отреаги-

ровал не сразу. А проснувшись, долго соображал, где он и кто звонит, и только потом поднял трубку.

Знакомый голос, в котором угадывался каприз и волнение одновременно, сообщил, что его давно ждут, что домашние разбежались на работу, но всё равно — с визитом тянуть не надо.

У её дома, несколько не изменившегося за двадцать лет, он оказался через несколько минут. Уверенно толкнул калитку, вошёл во двор, а потом и в дом, сказал на всякий случай: “Здравствуйте” — а вдруг ошибся. Но он не ошибся — в этом доме ждали гостей: посредине комнаты был накрыт стол, как две капли похожий на тёткин.

Из смежной комнаты появилась она и сказала просто:

— Вот так мы и живем, прошу к столу... Я здорово изменилась?

— Ну, что ты, — сказал он каким-то деревянным голосом, — нисколько.

Она сама налила водку в рюмки, но вдруг вопросительно посмотрела сначала на Нефёдова, а потом на гранёный стакан.

— Нет, — сказал Нефёдов.

А она одобритительно кивнула: хорошо, когда мужчина не падок на спиртное.

Вышли и стали говорить, точнее, говорила она, а Нефёдов слушал её с той же робостью, что и двадцать лет назад, только на этот раз причины были другие. Он покривил душой, сказав ей, что она не изменилась. Перед ним была совершенно другая, незнакомая ему женщина, которая с какой-то неоправданной категоричностью в суждениях рассказывала о жизни в посёлке, о ценах на продукты, о сыне, который теперь *по гроб жизни обязан* Нефёдову...

Он слушал ее, с ужасом понимая, что *нельзя дважды войти в одну и ту же воду*. Очарование первой, к тому же неразделённой любви, которое двадцать лет сладкой занозой сидело в его сердце, рассеивалось, как дым, как туман под лучами солнца.

И вроде всё в ней было прежним: и голос, и большие глаза, и знакомая припухлость губ, но это словно бы была не она. Потому что и голос, и глаза, и губы не вызывали у него прежних чувств. Мало того, чем больше он всматривался в знакомые черты, тем больше его раздражали и когда-то милые ему капризные нотки в её голосе, и кокетливая игра глаз, а уж пухлые губки были и вовсе неуместны на лице этой зрелой женщины, как неуместны панамка или бантик на голове бабушки, гуляющей с внучкой в парке.

Она почувствовала это. Поставила перед ним гранёный стакан, вылила туда остатки водки. Он выпил, бросил в рот пластинку малосолевого огурца и стал ждать, когда алкоголь снимет неприятные ощущения от сидящей напротив женщины. Но алкоголь сегодня не действовал на него.

— Ты знаешь, — сказал он, — а Витёк умер.

— Все там будем, — ответила она с таким равнодушием, что Нефёдову стало обидно за своего друга-соперника. Он ещё что-то пытался сказать, но поперхнулся, а она поднялась из-за стола и направилась в соседнюю комнату, по пути лениво вынимая из причёски шпильки...

Возвращаясь домой, Нефёдов вышел не к бетонному мосту, а к остаткам старого, деревянного. Некоторое время он стоял, глядя на спиленные и почти сгнившие сваи, а затем сделал первый шаг... Он дошёл до середины старого моста и только тогда понял, что на этот раз ему реки здесь не перейти, и не потому, что бревна почти сгнили: он потерял ту *окрыленность*, которая перенесла его двадцать лет назад на противоположную сторону. Вместе с осознанием этого пришел страх. Он ударил по его сознанию, как молния, и так же, как молния, быстро исчез, а на его место пришло равнодушие. И он не стал сопротивляться, пытаясь устоять на бревне, и сделал шаг в сторону...

Когда холодная майская вода сомкнулась над ним, ему в голову пришла глупая мысль, что корреспондент местной газеты Салихов сможет опубликовать сенсационный материал о том, как предприниматель Нефёдов утонул в речке у старого моста при загадочных обстоятельствах...

И опять звонил телефон, и Нефёдов долго не мог понять, как это на дне реки мог оказаться работающий аппарат, но потом сообразил и, наконец, снял трубку.

— Привет гостям, — услышал он, искаженный мембраной, но всё же знакомый голос...

— Привет, — отозвался он хриплым после сна голосом и, не давая ей говорить, продолжил, — хорошо, что ты позвонила... Со мной сейчас коллеги связались, нужно срочно уезжать... ты вечером позвони тётке, чтобы она не беспокоилась, а то я к ней на завод дозвониться не могу.

— Ну, вот, — сказала она капризно, — а я думала, что мы с тобой встретимся, посидим, поговорим...

— Конечно, встретимся, не последний день живем...

Нефёдов стоял в коридоре вагона и смотрел на яркую зелень лесопосадок, пронесившихся за окном. Такая зелень бывает только в конце мая, пока солнце и пыль не возложили ещё на неё свои покрывала.

Нефёдов всё не мог до конца осмыслить свой поступок. Но интуиция подсказывала ему, что он принял правильное решение: в последние годы он научился не возвращаться в прошлое, не пытаться прирастить то, что отрезал. Впрочем, из этого правила бывали и исключения...

Он открыл окно, холодный воздух хлынул в вагон.

— Молодой человек, — тут же раздался женский голос из соседнего купе, — закройте, пожалуйста, окно... Холодно...

— Ну, как же, — не то поддержал её, не то поддел мужской бас, — не лето на дворе...

— И всё же холодно, — повторила женщина.

— Ещё бы, — отозвался Нефёдов, — холода вернулись... черёмуха цветёт...

МИКОЛА МЕТЛИЦКИЙ

ГРУСТНЫЙ БРОДЯГА

ВАСИЛЁК

Расшевелит ветер поле и лог,
И встрепенётся, вздохнёт василёк,
Что средь давно одичавшей травы
Синим огнём полыхает живым.

Синь-василёк, одиночества крик
Тоже давно в моё сердце проник.
Грустный бродяга, брожу, одинок,
Там, где следы зарастают дорог,
Где меж сияньем отравленных рос
Ты, всколыхнувшись, как память, пророс.

Горе собрало свой пышный букет:
Вьюн, чернобыль, курослеп, горчицвет,
Чёрный крапивник, колючий осот,
Да лебеда, да морковник с болот.
Синее око в кружении дней
Просит меня: “Забери поскорей!”

Сердцем впивая трепещущий свет,
Стебель сжимаю в руке, как привет

МЕТЛИЦКИЙ Николай Михайлович — поэт, секретарь Союза писателей Беларуси, главный редактор журнала “Польмя”, лауреат Государственной премии Республики Беларусь им. Я. Купалы, автор поэтических книг “Обелиск в жите”, “Мой день земной”, “Полесская печаль”, “Бабчин” и др. Живёт в Москве.

Прошлых рассветов. У дикой травы
Я отобрал огонёк синевы.

Кланяться синему солнцу не лень:
“Вот и закончился жуткий мой плен
В этом краю, где далёко вокруг
Только бурьяном разросшийся луг.
Как же тепло мне в ладонях твоих”.

Жалобу ветер услышал, притих.

* * *

“День да вечер”, — мама повторяла
(Вечный труд — крестьянское житьё)
И платок неспешно поправляла,
Что слезал на потный лоб её.

И смотрела солнцу вслед с укором,
Солнцу, уносящему тепло,
Ведь оно над Мокишанским бором
Постоять хоть миг ещё могло.

И земля устало холодела,
Как ладони матери, черна.
Как же, мама, ты недоглядела:
Навсегда погасло солнце дня.

День весенний горем человечьим,
А не солнцем поле озарил,
Слышанное мною “день да вечер”
С жалобой новой повторил.

* * *

Мой светлый сон:

я вновь в дали такой,
Где ты сияешь юной красотой,
Где, нежностью окутанный ночной,
Твоей щеки касаюсь я рукой,
Где только нам принадлежит весь мир,
Где нашим счастьем полнится эфир.

Мой чёрный сон:

метель заносит след,
Ты, старая, ступаешь по земле.
На трость опёршись, из последних сил,
По кладбищу бредёшь среди могил.
Глотая сожалений горький ком,
Стоишь в молчанье над моим холмом,
Не просишь, чтобы отступила боль,
А просишь молча:
“Забери с собой!”

Мой светлый сон,

тебя мне не забыть!

Мой чёрный сон —

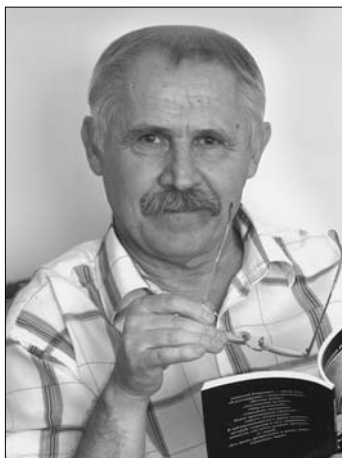
ему однажды быть...

* * *

На берегу моём сгустила краски осень.
Дым стелется костров. Ветров многоголосье.
Накрапывает дождь, и небо в сизых тучах.
Не ступишь босиком по охладевшей круче.
Поникшие, стоим, мечтая о ночлеге.
На берегу моём жизнь в ожиданье снега.

*Перевод с белорусского
Елизаветы Полеев.*

ГЕОРГИЙ МАРЧУК

ПИСЬМА К ЛЮБИМОЙ

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

О, непоседа моя, Урсула, пусть не пугают тебя заоблачные глубины заголовка моего письма; ведь всё сложное очень часто открывается обычным ключом, а мудрость не бывает двусмысленной, иносказательной, хитроумной — она ясна, доступна всем и прозрачна в своей простоте и прелести, как облако на небе. Мы подстёгиваем свою жизненную активность необходимостью поиска смысла, не задумываясь подчас над началом, над истоком. Ведь если очень сильно задуматься над всем, что тайно, что неподвластно ни твоим чувствам, ни твоему разуму, то и жизнь, пожалуй, не будет иметь смысла. А если к тому же находишься в плену ложных ценностей, так искусно навязанных тебе силами соблазнов и пороков, то осознание смысла не придёт и подавно. И в то же время для смысла жизни, может быть, достаточно иногда вспоминать о нём.

О, моя грустная Урсула, вернуть упавших духом от осознания постоянного присутствия смерти за спиной на путь добродетели и жажды жизни — тоже смысл жизни. Открой окно в осень. Для смысла достаточно одного прилагательного. Осень... Добавим к ней слово “золотая”, и вмиг оно обретёт смысл.

МАРЧУК Георгий Васильевич родился в 1947 г. в Давид-Городке Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик и драматург. Автор многих книг прозы и пьес. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Секретарь правления Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

Одного человека, увы, не хватает для смысла. Ему необходим ещё кто-то: Бог, мать, отец, женщина, ребёнок. Кто живёт с мыслями о том, как оправдать своё предназначение перед Богом, тот живёт осмысленно. Оно многолико, это предназначение. Мы утешимся, посадив дерево, воспитав детей, испытаем удовольствие от трудов, вкусив почёта и славы от людей. Да, да и ещё раз да. Смысл жизни — испытать всё при жизни, счастливо избежав грешных, страшных разрушением души соблазнов, ибо нет смысла в тюрьме, суме, пуле.

Каждый день, о моя трудолюбивая Урсула, даётся нам в радость, а чтобы осознать её, нам посылается иногда и горе. Суть жизни — ощущать себя свободным, когда от твоей свободы другим польза, а не вред. Насколько человек силен, настолько он и слаб. Иногда и слово убивает. Иногда и прикосновение к твоей руке чужого человека подвергает сомнению смысл слов “о желании прикосновения только руки любимого”. У любимого ведь свои, колдовские, особенные и нежность, и ласка, и прикосновения. Влюблённый должен видеть смысл во всём. Это неправда, он не слепой. Это только для ребёнка нет смысла жизни, он его ещё не осознаёт в силу того, что не знает и не думает о конце пути, он искренне трогательно радуется самой жизни.

О, как мы счастливы, Урсула, что эта детски-наивно-возвышенная радость бытия не покидает и наши сердца, что назидание, скорбь, напыщенная важность, высокомерие, озлобление, месть отзываются в наших душах только пустым и даже не пугающим нас звуком. Открой окно в зиму, не уставай восхвалять жизнь... это ведь только тело слегка зябнет, а на душе тепло, тепло... От того, что есть ты, от того, что есть я, от того, что есть свет Божий...

Пусть не пугает тебя однообразие, похожесть, повторяемость частных бытия. Каждый прожитый день пополняет сокровищницу смысла жизни. У Солнца путь однообразен и постоянен, но мы не задумываемся над этим. Тому, кто отчаялся в неразрешимости сомнений и страха безысходности, говорят: “Наполни жизнь смыслом”. Из раба Божьего стань человеком Божьим. Не бойся зла, исходящего от природы, бойся зла, исходящего от людей. Наполнить смыслом? Научиться видеть красоту мира и ценить ее. Знать, что и ты сам являешься источником радостей и горестей для других.

Пусть, пусть передаётся от нас другим только радость, о, моя Урсула! Наполнить смыслом? Значит ощущать счастье каждого прожитого дня. Открой дверь в весну, Урсула! И ты убедишься, как всё приветствует тебя — умную, верную, добрую, красивую. Возьми любое из этих слов и присоедини к своему имени, и всё обретёт смысл, ты достойна этих слов. Не горюй об утерянных плодах искушений. *От добра добра не ищут.*

О, радость жизни моей, Урсула! И я, как Божий человек, хочу открыть своим ключом эту тайну, чтобы заглянуть в приоткрытую дверь сущности. Я полюбил, я люблю, значит, я обрёл смысл жизни. Но человеку, любимая, отведено, увы, очень мало времени, чтобы успеть накопить и освоить философию смысла. Будущее мудро скрыто, и хвала Творцу за это. Поэтому и слышно со всех сторон (как напутствие и обязанность человека): “Ищите смысл жизни”, “Ищем смысл жизни”, “Ищу смысл жизни”... Но скажи, как и зачем мне искать и быть в этом смысле жизни без тебя, о лето мое красное, любовь моя, Урсула!

РЕВНОСТЬ

О, строгая и уравновешенная моя Урсула! Это только кажется, что о ревности писать легче, нежели о любви. И это притом, что ревность — дочь любви, но дочь непослушная, капризная, резкая, откровенная, взрывная, нахальная и опасная в своей непредсказуемости. Но это внешние проявления, а суть её надо искать в глубине вечно сомневающегося сердца.

Ревнивый человек больше всех раним и обидчив, и даже угрюм. Тяжёлые мысли о “близкой потере” бесценного друга не оставляют его ни на минуту. Они гнетут большую подозрительностью душу. Подозрительность эта

возникает исключительно от чувства невозможности наблюдать, а может, и контролировать *всю* свободу любимого человека.

О, моя свободолюбивая, темпераментная Урсула! Философию ревности регулярно подпитывает расплывшееся по всему неустойчивому в морали миру глобальное мнение о непостоянстве женщины вообще. Помоги мне успокоить душу мою, Урсула, помоги. Ты понимаешь, что бессмысленно контролировать или держать в хомуте свободу не только любимого человека, но и человека вообще. Даже светские и религиозные законы не справляются с этим. Соблазны, соблазны инфицируют слабую природу человека.

Говорят, когда после лоя любви, тёплых поцелуев, жаркой страсти женщина приводит себя в порядок, особенно усердно красит губы, подводит тушью глаза, то это уже делается не для тебя, а для других. Любовь жертвенна, ревность — никогда. И это тревожит душу пылкого влюблённого. Кажется, если любовь всеохватна, то и женщина должна принадлежать ему вся, всюду и всегда. О, как мучительно понимать, что это невозможно. Твой любопытный взгляд, подаренный мимоходом молодому красивому чужому мужчине в троллейбусе, в метро, в театре, в толпе на улице, таит опасность искушения. Ревнивец не признаёт, что кто-то может быть лучше него. Подозрение, желание проникнуть в тайные мысли любимой женщины поглощают любовь, отравляют ее, и уже не любовь, а ревность руководит поступками человека. И когда телефон любимой занят десять, пятнадцать минут, хочется бросить трубку и бежать к ней со строгим вопросом: “Кто звонил тебе?” И даже если с мягкой улыбкой тебе ответят: “Судачила с подружкой”, — успокоение не наступит.

Особенно тяжело листать страницы прошлой жизни любимой. И даже спасительное: “Всё в прошлом. Ведь тебя тогда, в том городе, в то время не было рядом” — не утешает.

О, моя легкоранимая, ласковая Урсула! Как же осторожно, умно, тактично надо знакомить любимого со своим прошлым. Ревность не точит сердце, она импульсивно, рывками отрывает от него кусочки. Ревность в наше торгашеско-буржуазное время выступает посредником между любовью и ненавистью. Поэтому и бытует мнение, что она ослепляет и дурманит. Она не укрепляет любовь, она повышает градус любви, и часто температура зашкаливает, как при тяжелой болезни.

О, моя отзывчивая Урсула! Ревность исходит от ума, а не из сердца. Постоянное сравнение с другими отупляет. Неужели кто-то лучше, лучше, лучше? Ревность охлаждает пыл и приносит в чувства сосредоточенность и анализ поступков. От постоянного анализа, домыслов, фантазии чувства костенеют в рационализме и прерывается сладостный полёт в вольном пространстве, как говорят космонавты, *в невесомости*.

Ревность все время старается вырвать чувства из свободного парения и опустить их в грубую реальность бытовых отношений, в круг семьи, работы, друзей, которые автоматически перерастают в соперников. Я знаю, ты не любишь это слово — ревность. Но, увы, от этого оно не исчезает. Это огонь, у которого иногда согреваются чувства, но этот огонь может их и сжечь. Ревность не знает правил приличия, законов чести. Она заставляет мужчину тайно вскрывать каждое письмо, адресованное любимой, устраивать за ней слежку, понимая, что это унижительно. Но увы, увы... Некоторым даже нравится бичевать себя ревностью. Им кажется, что так они избавляются от комплексов. Лечат ревность ласкою, заботой, словами нежности, правдой. И хоть ревность владевает над силой воли, подчиняет её себе, в правде, в доверии, в вере, в искренности чувств она растворяется, как соль в воде, и теряет свою агрессивность. Любви присущи лёгкость, юмор, улыбка, розыгрыш, дурачество, озорство, ревность же всегда сосредоточенна, настороженна, серьёзна и фундаментальна.

Нет тяжелее ноши для влюблённой души, чем ревность. Но и без неё исчезнет нерв любви, и тогда чувства часто склоняются к однообразию и отупению. О, как тяжело, Урсула, человеку с буйной фантазией, достаточной для самовнушения, ревновать. Ревность не толкает к губительным поступкам, к ним толкает измена. Ее можно обвинить в соучастии. Ревность не тво-

рит любовь, не укрепляет ее, не цементирует, она, о моя капризная Урсула, стоит на страже любви. Она подобна колокольчику над дверьми в старых аптеках, постоянно напоминающему: “Осторожно. Рядом с вашим чувством появился некто третий. Внимание!”

Не печалься и не осуждай за такую болезнь — ревность. Не говори мне о былом, Урсула. Его ни изменить, ни вернуть. Истинно и ценно настоящее, прошлое только предостерегает нас от ошибок. И самое удивительное: нет беспредметной ревности, которая вырастает на голом месте. У неё всегда найдется повод, и дай Бог, чтобы он всегда был ошибочен со стороны ли любящего мужчины, со стороны ли любящей женщины.

Это неправда, что ревность присуща только эгоистам. Ревнуют и добрые люди. Ты спрашиваешь: “Так осуждать человека ревнивого, обвинять его в эгоизме, жалеть, негодовать, упрекать?” Ни то, ни другое. Всякий человек нуждается в уважении, сочувствии, внимании. А ревнивый тем более. Мудрые говорили: “Пока дышу — живу”. О, моя георгина осенняя, Урсула, пока ревнуем, мы любим.

ОДИНОЧЕСТВО

О, моя Урсула, ты как-то посочувствовала судьбе одинокой дикой груши в поле. И я задумался. Человек же испытывает одиночество не оттого, что он должен быть обязательно один в горах или в лесной сторожке. Даже по собственной воле посаженный в столб, в келью монах не одинок, потому как через молитвы постоянно находится в общении с Господом. Одиночество — это состояние души. Одинокий человек, а он чаще всего бывает сосредоточенно-задумчив, иногда оставляет впечатление угрюмого человека, но это не так. Угрюмый — склад характера. Однако не стремись умышленно к одиночеству, в старости оно тебя само найдёт. Наедине с самим собой человек никогда не остаётся. Он только временно уединяется, отгораживается от внешнего мира. Рядом с ним всегда — мать-природа, своим многообразием, буйством красок весны и осени, мелодией ветра, тихой песней дождя и снега она аккомпанирует твоему одиночеству, подчёркивая его особенность, и настраивает на определённый лад, обычно сентиментальный. Пространство наполняется поэзией, о моя светлая Урсула.

В одиночестве присутствует доля наслаждения. Мерцает огонь в печи, тлеют в ней угли, и свечение у них необычайно яркое, таинственное, как в закате солнца. И спокойные думы о смысле жизни, о Боге, о несовершенстве миропорядка, о тайне смерти и рождения, о детстве наполняют душу. Уютно так, тепло. Светлая печаль одиночества. Ранней весной капает с крыши капель в ладонь.

О, какая это радость — восприятие мира, Урсула! Мое одиночество успокаивает мятущуюся суетливую душу размышлениями. Мечты куда-то исчезают. Плавно катит трамвай, и дороге нет конца, и не хочется выходить. Ничего не тревожит: ни мысли о работе, о деньгах, ни мечты, ни надежды. Пусть везёт трамвай по кругу, пусть кружат воспоминания под стук колёс. Хорошо так. А потом... краюха ржаного хлеба, стакан молока, а за окном настороженно-внимательные глазки воробья и синички. Вольготно. Бежит дымок от сигареты, глоток кофе, плед на коленях, безмолвный телефон — наконец-то он отключен умышленно! Хорошо. Светлая печаль. Речка, озеро — вечные спутники одиночества. Вода тиха, текуча, спокойна, она лечит утомленную сомнениями, разочарованиями, обидами и укорами душу. Ещё далеко до того, когда приумножатся печали о несбывшемся, и тяжелый груз прожитых лет испугает грозным разочарованием во всём. Ведь прожито всего-то ничего: каких-нибудь сорок с хвостиком.

Вот и первая тревога: одиночество может перерасти в отчаяние. Ещё не успевшая потускнеть осенняя листва под ногами — единственный свидетель твоего одиночества. О, как пьянит уединение и покой! Кажется, слышишь дыхание деревьев, последних цветов осени. Сердце замирает. Душе сладко от

ощущения вечного родства с тем, что видят глаза. Почему, почему старые мудрецы предостерегают, что одиночество переносить тяжело? Говорят, что тогда даже проворная кукушка в настенных часах не радуется, а раздражает. А ведь столько лет вызывала детский восторг и умиление.

Почему? На душе нет тревоги. Вольготно на душе. Одиноким — значит свободный. Вернулся к общению с внешним миром и сразу ограничил свободу до минимума. Право, легко себя чувствовать одиноким. Даже интересно: можно ли так всё время жить: без обязанностей и долга перед другими. Святость и грех разом исчезли, о, моя прекрасная Урсула.

Самоуспокоение недолговечно. Кажущийся покой и равновесие иллюзорны. Дразнит и дразнит монотонным карканьем в соснах ворона. Этот странный, непонятный таинственный журавлиный крик над озером. Ласточка над окном вывела второй раз за лето птенцов. Кольнуло сердце: а сможет, сумеет ли выкормить? Неожиданно заплакал ночью во дворе ребёнок, и жгучая тревога уже не покидает, не даёт уснуть до утра. Всё, разом исчезают все мысли об умерших родных и близких, друзьях и знакомых. Скорбь, подобная великой скорби Дон-Кихота, подступает к горлу. Надежда на то, даже слабая, что ты сам ещё необходим хотя бы одному человеку на Земле, укрепляет твою уверенность в счастье. Да, оно так: вольготно, хорошо, легко, свободное парение, отдохновение, светлая печаль, царство одиночества, готовность говорить стихами!..

Но нет... что-то не то, а как же ты там где-то одна? Господи, телефон отключен! Забери, забери меня из омота-царства одиночества, моя Урсула, это в твоей власти, забери, уж больно быстро я пресытился им, забери, моя всемогущая Урсула.

ПРАЗДНИК ДУШИ

О, внимательная, чуткая моя Урсула, уже в который раз ты просишь рассказать словами о чувствах, которые пробуждает в душе любовь. Уже в который раз я пытаюсь ответить на твой простой и такой сложный вопрос и теряюсь от невозможности сказать нечто новое, своё, потому как чувства эти очень хорошо знакомы всем, и в то же время всегда таинственны, потому как для каждого они источник просветления, преображения, имеющего свой собственный смысл. Становишься робким и растерянным, как перед попыткой осмысления стихий природы: воды, огня неба. Описать всю их сущность невозможно. Любовь побуждает не только к поступкам, но и к слову. Даже употребив все возможные восклицания и возвышенные слова, испытываешь ощущение недосказанности.

О, ненаглядная моя Урсула, лилия, ландыш, роза на снегу. Даже переказывая чувства прожитого в любви дня, чувствуешь, как охватывает душу трепет нежности и печали по ушедшему, которое поглотило всемогущее время — единственный серьёзный враг любви. Ибо всё остальное будет или правильно понято, или прощено, или подвергнуто легкой иронии. Радость, озарение, нежность, спокойствие, уверенность, вдохновение, сладкая нега, тепло, чудо жизни. Чему-то присущ один эпитет, одно сравнение — любовь же легко и свободно впитывает в себя все эпитеты и все сравнения Мира и Космоса. Первое предназначение человека — любить и быть любимым. Иногда от одного великолепного сравнения почему-то сразу рождается уверенность в том, что и этого недостаточно, мало, и оно не может, не способно выразить всю полноту чувств. Без любви нет счастья. Возвысить стиль, как у византийцев, диктует мне предмет письма, не обессудь. Увы, суровый век отучил нас обращаться к женщине возвышенно.

О, моя царственно-спокойная, как Волга, скромная, как Припять, своенравная, как Горынь, Урсула. Какая это непосильная задача — излагать на бумаге песню души! Чувство любви открывает глаза на мир красок и звуков. В шуме дождя слышишь поступь твоих шагов, в ласковых лучах солнца ощущаешь тепло твоих ладоней, в первых снежинках на лице — холодок твоих

губ, в листопаде — шорох твоего платья, в запахах цветов — аромат твоих волос.

Помоги мне о, несравненная Урсула, в этом жестоком мире диктата кулака, пули и денег беседой о любви очистить душу ото льда эгоизма и зависти. Хочу говорить с тобой обо всем. Ибо нет пустого и мелкого. Все вокруг существенно и интересно для влюблённых душ. Ты тихим голосом спрашиваешь: “А какое слово может быть весомее, сильнее слова *любовь*?” Есть ли такое слово у людей? Что же сильнее? Пожалуй, слово смерть. Да, она, проклятая. Хотя, если вдуматься, она тоже бессильна. Умирают от тоски по усопшей возлюбленной, ходят на кладбище, тоскуют и просят похоронить себя рядом. Не находя ничего, что могло бы хотя бы сравниться с этим словом. Дыхание? Сама жизнь? Но жизнь ведь следствие и результат любви. В разлуке мы не умираем, живём надеждой на встречу, которая всегда будет нова, как удивителен своей новизной и новый день, в котором старые атрибуты: солнце, луна, небо, деревья, машины, дома, люди...

Я теряюсь в догадках, так что же, что действительно несёт в себе такую же мощь и жизнеутверждающую силу, как любовь? Ведь всё: тревога, горе, уныние, тоска, печаль, отчаяние, ревность, неосмотрительность, замкнутость, молчаливость, равно как и восторг, оптимизм, радость, жажда творить, всепрощение, сострадание ко всему живому, необходимость делать добро, отзывчивость, духовность — ведь все это рождает любовь двоих. Поистине, и у молнии, и у радуги одна мать — гроза. Любовь подобна первому весеннему листку: она распускается в срок, какие бы преграды ни были на её пути. О неудачах и горестях и думать не хочется. Прилив сил бодрит дух. Иногда прикосновение к руке любимой красноречивее слов.

О, моя добродушная Урсула, бумага краснеет от стыда, чернила блекнут, рука дрожит, ум иронизирует над желанием описать неописуемое. Нет, это неправда, в капле воды я не вижу моря. Чтобы увидеть и почувствовать море, надо в него окунуться. Нет скромных чувств. Любовь — это буйство страсти, вулкан сомнений, это одновременное цветение всех садов на планете. Это состояние души и тела, когда и миллиона поцелуев недостаточно, чтобы утолить жажду, рождённую этим чувством.

О, моя загадочная Урсула, пожалуй, только одно-единственное слово сильнее слова *любовь*, и слово это — *Бог*, у которого мы, грешные, ищем защиты и надежды на спасение от нашей временности на земле. Нам до боли обидно, что и любовь наша должна умереть и, очевидно, умрёт вместе с нами. Бог являет собой начало, от которого берёт исток самое сильное, самое изумительное, самое нежное, самое материнское, самое вечное слово *любовь*. На вопрос, как относиться к дереву, которое первым сбросило листву, сокрушаться ли оттого, что оно быстро увяло, или радоваться тому, что оно заблаговременно подготовилось к холодам, душа, переполненная любовью, ответит: в засуху дерево полей, а в холод укрой теплее. Жалей все и всех. Кто не изведает чувства любви, тот “ослеплен пустяками”. О, воплощение моих тайных фантазий, гармония духовного и телесного! Знай, от повторений ласки, милых сердцу слов признания чувства не стареют. О, моя Урсула, чувство любви являет собой незащищенность бабочки и силу львицы. Любовь открывает нам глаза на единство, величие и мудрость природы, делает нас добрее и мудрее, потому что мы начинаем ценить каждый прожитый день.

О, родник мой благоговейный, Урсула! Я писал тебе письмо долго, очень долго, всю жизнь... мои силы истощены, но я ещё всё равно каждодневно открываю новые и новые тайны неизменного пейзажа перед моим окном... Мне много лет, может, сто, но это не имеет значения... Кто-то обязательно придёт ко мне, ведь святая душа, она живет в людях, она непреходяща, как сама любовь, ее породившая. Кто-то придёт, и я передам тебе конверт, который оставлю незапечатанным, и не потому, что на это уже нет сил, а для того, чтобы и человек, который понесёт тебе это письмо, прочёл его. Любовь стеснительна, но не до такой степени, чтобы скрывать её. Влюблённым жалко даже звёзд, потому что они так далеки друг от друга. Как же не радоваться, не благодарить судьбу за то, что бесценный дар любить нам дан, что этот дар, и только он, хранит от бессмысленности и тленности прозябания на земле. О, любовь моя, Урсула!

Перевод с белорусского

БЕЛАЯ РУСЬ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

АНДРЕЙ ТЯВЛОВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ О СЫЧЁВКЕ

Бесконечные пыльные вёрсты
Запустелых смоленских дорог...
Век двадцатый.
Конец девяностых.
Мне вернуться сюда не дано.

Дряхлый “пазик” выводит речёвку,
По российским ухабам скрипя.
Я навек покидаю Сычёвку,
Покидаю частицу себя.

За спиной — не чужая чужбина:
Городок на пять сотен домов...

ТАТЬЯНА САПАЧ

ЗИМНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ О ЛЮБВИ

Когда опять метелица завоет,
и вновь споткнется в чистом поле ветер,
и почернеет всё на белом свете,
и я услышу в дверь негромкий стук...
Постойте! Будет всё иначе —
прежде
я плотно окна в комнате закрою,
на семь замков запру я дверь тугую,
свет потушу и выключу приёмник,
и, подойдя, прижмусь к горячей печке —
а уж потом метелица завоет,
и я услышу этот тихий стук...
Там будет старый друг мой позабытый,
усталый, обмороженный, голодный, —
как мотылек, на огонёк летевший
и в дверь с семью замками постучавший,
начнёт печальной свечкой догорать.
И, Боже мой, какой чудесный будет вечер! —
то стук, то стон нарушит тишину,
и завершит мелодию о вечном,
и нас с тобой швырнёт в любовный хаос
и в беспредельность человеческих мук!..

ОДИНОЧЕСТВО

О, эта ночь!.. Устали изменяться
глаза слепые вечных светофоров.
И затихают шорохи безумных
в огонь летящих бабочек ночных,
и властный над дорогой поводырь
издерганного странника-бедняги
искомкает со смехом сожаленья
рушник, что руки их соединял...
О, эта ночь! И замирает шёпот
влюбленных, утомлённых и счастливых,
и просыпается, и с ними сон гостит.
И мне теперь спешить резона нету —
подсчитаны вчера потери ловов,
и меч ещё от крови не просох,
и, значит, можно жить теперь спокойно.
До времени! Но день настанет новый,
и тот, кто был слепым, тот зрячим станет,
и будет наш бедняга властелином...
А только мне закрыты все пути,
и уж давно закрыты все пути —
там
кто-то есть,
и я его боюсь.

*Перевод с белорусского
Геннадия Авласенко*

ЕВГЕНИЙ КОРШУКОВ

СНЫ

Может быть, и удивят кого-то
Эти непридуманные сны:
До сих пор ты снишься мне, пехота
Самых первых страшных дней войны.
По шоссе, что с деревенькой рядом,
Шли и шли усталые бойцы.
Провожал я их печальным взглядом,
Словно все они — мои отцы.
Сердце мое горестно сжималось...
Не случайно память ворошу...
К тем израненным солдатам жалость
И сегодня я в душе ношу.

РАИСА ИПАТОВА

* * *

Знать наперёд, что в доме пусто,
Но всё же трижды позвонить.
И, отогнав волну предчувствий,
Привычно дверь ключом открыть.

И усмехнуться мыслям тайным,
Споткнувшись вдруг о тишину.
Но из буфета машинально
Две чашки взять, а не одну.

* * *

Не бросило друг к другу — потянуло.
Печальное былое расплескав,
Ныряю я из городского гула
В твой пахнувший просёлками рукав.

Свирепствует зима на перевале,
Хотя давно могла бы и смекнуть,
Что раз разлуку преодолевали,
То справимся со встречей как-нибудь.

ЯНКА СИПАКОВ

* * *

А земля,
Наверное, потому и круглая,
Чтобы никто
Не мог сесть в центре
Или в каком-то удобном углу
И презрительно сказать другим:
— Мы — избранный Богом народ,
А вы — наши рабы...

Люди,
Не позволяйте делать землю угловатой!

СОНЕТ ЛЮБВИ

Чего стыдиться? Ты в моём сонете,
Как в брошенном оазисе, одна.
Сокрытая от взоров, не видна
Всем циникам, каких полно на свете.

Ты мне и издали, любимая, видна,
На берегу непройденного лета.
Одежда вся твоя — венки из света,
По волосам — струится тишина.

О, явь моей негаснувшей надежды,
Иной тебе не надобно одежды!

Клянусь беречь от ночи до видна
Твою застенчивость от пошлости и быта.
Так не стыдись меня. Поверь, что ты одна
В моем сонете бережно укрыта.

ИРОНИЯ

А иногда кажется,
Что мы, люди,
Скоро уже не сможем заново отыскать
Тёплый и ласковый огонь,
Дом,
Сад
Или обыкновенную улыбку, —
Отыскиваем всё больше бомбы да бомбы:
Атомные, водородные...
Некогда нам!
Да и нужно ли заниматься
Такими мелочами, как, например, огонь,
Нам,
Таким умным...

*Перевод с белорусского
Валентины Поликаниной.*

ЮЛИЯ КУРЕНКОВА

* * *

КАК МНЕ ХОЧЕТСЯ СТАТЬ НЕВИДИМКОЮ

Говорят, на ошибках учатся.
Что ж — хороший урок для меня:
Я устала с тобою мучиться,
В моём сердце не стало огня.
Ты меня приручить пытаешься:
Сердце — в клетку, на душу — замок.
Но поверь, ты напрасно стараешься,
Я смогла разгадать тебя в срок.
Твои чары растаяли дымкою
Иль как сон, что слетел с твоих век.
Как мне хочется стать невидимкою,
Чтоб меня не нашёл ты вовек!

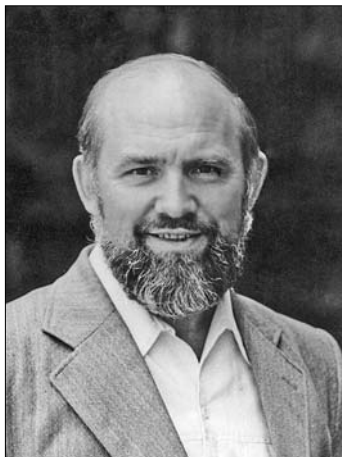
ЮРИЙ АРЕСТОВ

ТРАНШЕИ

Была война...
В безжалостной геенне
Стонала плоть истерзанной земли.
Траншеи, словно вспоротые вены,
На ней крестами чёрными легли.

Кипела сталь и плавилась рассветы
В огнях боёв, рождавших адский жар,
Взывала к милосердию планета,
Клубком свинца безумного кружа.

ЛЕОНИД ЛЕВАНОВИЧ

БЕК

РАССКАЗ

— Маленький мой, — сквозь слёзы бормотал старик и моластой рукой с искривленными пальцами гладил блестящий, покрытый лаком гроб, в котором молчаливо застыло грузное тело сына.

Дорогой гроб с телом усопшего привезли из Минска. Всю ночь старый Тимох просидел возле него. Он никак не мог поверить, что его Олечка, сороколетний здоровяк, неделю тому назад приезжавший в гости на шикарной иномарке, вернулся навсегда в беззаконной домовине... А тогда они целый вечер сидели за столом, выпили поллитру. Сын достал из багажника еще бутылку.

— Сынок, может, хватит? — встревоженно спросила мать. — Ты же с дороги. Ложись. Отдохни. Тебе же завтра ехать. Дорога неблизкая.

— Матка, не бойсь. Все будет хokeй. Выеду после обеда. На моём “мерсе” триста кмэ — три часа езды. Даже меньше... Мне надо расслабиться. На работе с семи утра до семи вечера жуткая напрута.

— Это все кризис допекает? — примостилась у стола усохшая, как стручок фасоли, Настуля, мать Олега.

— Да он, проклятый. Меня же давят со всех сторон: почему залежи на складах? Я же начальник маркетинга. Ну, отвечаю за сбыт продукции. — Раскрасневший сын говорил громко и размахивал вилкой, зажатой в правой

ЛЕВАНОВИЧ Леонид Киреевич родился в 1938 году в деревне Клеевичи Могилёвской области. Автор многих книг прозы и публицистики. В 1991 г. в издательстве “Советский писатель” вышла книга повестей и рассказов “Якорь надежды”. Лауреат литературной премии Ивана Мележа и премии Федерации профсоюзов Беларуси. Живёт в деревне Петрилово Вилейского района Минской области. Родную деревню уничтожил Чернобыль.

руке, будто хотел подцепить на неё невидимый кризис и тех, кто его “давит”.

Тимох уже клевал носом, в разговор не встревал, а Настуле так хотелось поговорить — сын не часто навещал родителей. Она долго работала главным бухгалтером районной нефтебазы, хоть и окончила только техникум, и хорошо понимала, что от сбыта продукции зависит и зарплата, и премия, и настрой руководителя и подчинённых. Правда, тогда, “за савецкім часам”, никакого маркетинга не было и в помине, всё шло своим, плановым порядком. Дешёвое горючее рекою лилось в колхозы и совхозы, изредка весной бездорожье не позволяло довести солярку в далёкую, забытую Богом деревушку.

— У наших заказчиков нет денег. А бесплатно или по дешёвке — нельзя. Подпишу договор с убытком — упекут в тюрьму. А у меня сыны-школьники. Поднимать надо. Ставить на крыло...

И Настуля, и очнувшийся Тимох согласно закивали седыми головами, как одуванчики под ветром. Внучат они любили, может, даже больше, чем самого Олежку.

— Через неделю беру отпуск. Приедем сюда всей семейкой. Сделаем в квартире ремонт. И не абы-какой, а европейский. Кризис кризисом, а жить надо по-людски. Уж вы-то это заслужили. Всё будет хорошо.

— За это дело не грех и по чарке шандарахнуть, — оживился Тимох.

Мужчины выпили. Пригубила и Настуля. Она радовалась, что сын заботится о них. Вспомнила, как любовалась им, когда он приехал в форме курсанта-танкиста. А через год нагрязнул молодым лейтенантом. А как радовалась мать, как гордилась, когда Олег женился на красивой здоровой девушке-разумнице, дочери директора школы. А как завидовали соседи: сын Тимохи-выпивохи, замурзаного бульдозериста, стал офицером, мужем красавицы жены!

А потом народились внучата. Олег попал под сокращение с военной службы. Пошел учиться в институт народного хозяйства, окончил его с отличием. Этот же институт заканчивала и жена Валентина. Работали они на местном заводе, он — экономистом, она — бухгалтером. Вскоре Олега, молодого талантливого специалиста, пригласили в Минск. Устроилась в министерство финансов и Валя.

Живи Настуля со своим Тимохом да радуйся. Однако радости было мало. Муж почти каждый день выпивал, по пьяни, бывало, и побивал. Потом засыпал и храпел на весь дом. А она до утра не могла заснуть. Тимох и теперь каждый день выпивает бутылку “чернил”, и чёрт его не берет, хоть уже семьдесят семь стукнуло. А молодого, здорового сына свалил инсульт... Одна из причин — слишком активно снимал стресс.

Тимох и Настуля сидели возле гроба. Заходили люди. Несли венки с чёрными лентами, на столик у изголовья ставили водку, женщины клали конфеты, печенье.

Приехал из Минска директор завода, высокий, но узкоплечий, с вислыми усами. С ним еще два человека, и тоже привезли венки.

— Папаша, нужна тебе какая-нибудь помощь? — спросил директор у Тимоха. — За автобус... За гроб... Мы все оплатим.

— Спасибо, роденькие, — заплакал Тимох. С утра он уже успел опохмелиться. — Спасибочки, что не оставили в беде. Кто же мог подумать? Это ж ему надо меня хоронить. А не мне...

— Мы разделяем ваше горе. Весь коллектив завода выражает вам соболезнование. Олег Тимофеевич был отличным специалистом. Требовательным, принципиальным руководителем. Чутким к подчинённым. Добросовестным человеком. Он пользовался большим авторитетом на заводе. Вы можете гордиться своим сыном...

Директор выразил соболезнования и матери усопшего, и жене.

— С похоронами проблем не будет, — деловито ответила Валя на вопрос директора. — Я здесь всех знаю, и меня все знают. А в Минске буду проситься на приём.

— Звоните. Я вас сразу приму.

Приезжие вышли на улицу. Покурили, постояли, простились и укатили в город.

Затуманенными глазами провожала машину Валентина. Только теперь до нее дошло: сколько впереди у нее будет нерешенных проблем! Как одной растить двух сыновей? Она работала ревизором-аудитором в финансовом учреждении. В последнее время неплохо зарабатывала, даже больше мужа. Это его задевало. Иногда ссорились. Валя даже подумывала о разводе. Теперь об этом думать не надо — жизнь развела их. О том, что сыновья будут расти без отца, сейчас она не думала и о своей любви не вспоминала. А выходила замуж она по любви. Кавалеров было хоть отбавляй, выбрала Олега, — самого красивого, самого здорового, самого умного. И вот — финал: вдова в сорок лет.

Тимох и Настуля, проведив минских гостей, присели на лавочке у подъезда. Неподалеку стояли притихшие соседи, мужчины дымили сигаретами. Подкатил грузовик, совсем новый. На солнце блестела голубая краска. Из кабины вылез водитель, за ним шустрый парень, откинули борта кузова, чтобы установить на машину гроб.

— Надо застлать ковром, — подхватился Тимох.

Но ковёр уже несли: Валентина распорядилась. Водитель с помощником разостлали тяжёлый желто-коричневый ковёр, возле кабины закрепили деревянный крест, обвязанный белым рушником, привязали ёлочки по углам кузова. Внезапно поднялся ветер, затрепыхался рушник на кресте.

— Ой, хлопцы! Завяжите рушничок на узел. А то ветер сорвет. — подала голос Настуля. Помог водитель — завязал узел, чтобы рушник не унесло ветром.

Подошел незнакомый пожилой человек с кийком и пластиковым пакетом.

— Кого хоронят? Молодого или старого? — спросил у Настули, потому что она было в тёмной кофте и тёмном платке.

— Ой, не спрашивай, человеце, — вздохнула Настуля. — Сорок один годик прожил мой сынок.

— Ох, доже рано. Ещё б жить да жить, — искренне посочувствовал незнакомец. — Бог создал человека и сказал: “Живи сто лет!” Самый расцвет, когда доживешь до полсотни. А ваш не дожил. Что ж, у каждого своя планида... Это ж после полусотни каждые десять лет человек спускается на ступеньку ниже. Будто сходит с жизненного крыльца. Ближе к земле.

— Откуда жы ты, братка? — повернулся к нему Тимох. — Я тутотко всех знаю.

— Я в райцентре недавно. Жёнка померла, так у дочери живу. А родам я из Браткович. Обьездчиком служил в лесу. Уже три года на пенсии. Зовут меня Сергей Иванович.

— Так садись, братка, если имеешь часинку. — Тимох подвинулся к жене.

Сергей Иванович присел на свободное место, заговорил снова:

— У нас, в Братковичах, жил старик. Было ему девяносто пять. Еще при своем разуме, при доброй памяти. Сам себя обслуживал. У семьи сына жил. Как-то пригласил меня в дом. Говорит: смотри, Сергейка, здесь вся жисть человеческая в картинках. А на стене висят небольшие рисунки, в рамочках, лаком покрытые. Вот — он и она. Им по 20 лет. Молодые, красивые. Обнимаются. Целуются, одним словом: любовь. А на этой картинке ему тридцать. Возвращается с охоты с добычей. Приносит трех уток. Жена встречает с малым сыном на руках. А тут человеку уже сорок. Пашет землю на парке лошадей. Весь в работе. Лоб мокрый. Пот ручьем льётся. А здесь уже пятьдесят. Семья за столом. А на столе всего поставлено. И выпить. И закусить. Всего достиг человек. И сила есть, и дети выросли. Живи да радуйся.

Сергей Иванович передохнул, обвел взглядом своих слушателей — подошли поближе мужчины, которые курили у подъезда, водитель из кабины навострил уши. Подошел старший сын усопшего, высокий, в тёмной рубашке.

— А это что за хлопец? — спросил Сергей у Тимоха.

— Внук мой. Старший сынок, — Тимох, видимо, хотел сказать “умершего”, но это страшное слово застряло в горле.

— Да-а, жисть человеческая — хитрая штуковина. Никто не знает, как она повернётся, — Сергей Иванович разгладил пакет, на нем были черно-белые квадраты, и напоминал пакет картонную шахматную доску. — Так, знает, дедок тот показывал картинку дальше. Пятьдесят лет — самый расцвет жизни. А затем уж покатится она под откос. У кого быстрее. У кого тише. Как кто сумеет себя сохранить. Как будет жить. Сколько работать, сколько водки пить, сколько есть. Если человек обжора, тот собственными зубами себе могилку роет. Это мне всё дедок рассказал. А на этой, говорит, картинке — человеку шестьдесят. Внучек сидит на коленях, а жена рядышком. Шарпетки-носки вяжет шерстяные. Человек уже лысый. Лицо в морщинах, уже с тростью — семьдесят стукнуло. На две ступеньки вниз спустился. Но ещё крепок, ещё с косой справляется. А на этом рисунке человеку восемьдесят. Внук подаёт ему ребятёнка, поздравляет с новым званием — прадедом стал человек. А тут уже стоит он на коленях, просит: “Боженька, прими мою грешную душу”. Устал человек. Жисть уже не в радость. Хочет домой. До своих дедов и прадедов. Вот таков он, век человеческий.

— А сколько ж вам лет? — спросила Настуля.

— Мне семьдесят три. До семидесяти работал в лесу. А потом ноги начали подводить. Пришлось пойти в отставку...

Подкатил красный “жигулёнок”. Водитель открыл багажник, начал доставать зелёные ветви ели.

— Дядька Тимох! Куда лапник? На машину погрузить или мне его кидать на дорогу?

— Часть сложи на машине. А больше оставь себе. Будешь сам бросать... Поедешь ты, сынок, по зелёным веткам, — заплакал Тимох.

Снова послышался гул мотора, подъехал автобус. Из него начали торопливо выбираться музыканты. Солнце весело заиграло на сверкающих жёлтых трубах. Оркестрантов было восемь. Они быстро, слаженно, привычно выстроились напротив подъезда.

— Ну, что, мужики, надо выносить. Пошли, — коренастый усатый мужчина позвал своих помощников.

— Не люблю смотреть, как выносят ногами вперед. — поднялся Сергей Иванович. — Это ж внучка попросила купить мороженого. Иду в магазин. Да вот засиделся немного. Пойду дальше. Примите моё соболезнование. Тут уж ничего не поправишь. Слезами горю не поможешь.

Старик поднялся и, слегка прихрамывая, потопал своей дорогой. Широкая, ещё прямая спина его будто утверждала: этот человек еще поживёт на белом свете.

Мужчины установили в кузове тяжелый гроб. Музыканты грянули похоронный марш. Валентина вынесла табуретку, поставила возле заднего борта машины, помогла влезть наверх Настуле и Тимоху. Они сели возле гроба.

Светило яркое солнце, гремела музыка. Мало кто услышал, как зарыдал, заголосил Тимох, целуя холодные руки сына:

— Не виноватый я! Не виноватый. Прости, сынок...

— Перестань! — сурово оборвала его Настуля. — Это не ты плачешь, а водка. Трезвым он тебя редко видел...

Грузовик тронулся, колеса вдавливали в тёмно-серый разогретый асфальт зелёные ветви — лапы ельника.

Перевод с белорусского автора

* * *

В самое жгучее вьюги мгновенье
Песней весенней в метель ворвалась —
По непослушной души мановенью
Розы из снега лепила, смеясь...

Вьюжное счастье горячей слезою
Растормошило замёрзший ручей —
Я над растрёпанной зимней косою
Бант завязала из вешних лучей.

В самое жгучее вьюги ненастье,
Только за ветра порывы держась,
Розовошекая девочка счастье —
Розы из снега — лепила, смеясь!

* * *

Сверкают блёстки филигранью.
Февральский ветер и мороз
Выводят на витринах грани
Витиеватых снежных роз,
Ночь освещающая светом жгучим,
Как сотни пёстрых светлячков.
Вхожу, как фея, в мир сыпучий —
В нём чудеса творить легко!
В нём фонари надели нимбы,
Святых Апостолов затмив.
Домов размашистые глыбы,
В ночной тиши, глаза прикрыв,
Застыли мрачно и сурово...
Коней волшебных запрягу —
Я чудеса творить готова!
В любом окне огонь зажгу!..

* * *

День с тобой в тёплый улей несу,
Как душистый лавандовый мёд...

День с тобой — медвежонок в лесу
Свою сладкую лапу сосёт...

День с тобою — шальной метеор,
Разогнавшись, сгорает, любя...
Как лавина срывается с гор
День, который уносит тебя...

Молчаливый разлуке укор —
Меж зубами зажата губа...

Словно гулкий пустой коридор,
Длинный день без тебя...

Без тебя —

Провода натянув, день стоит
Телеграфным столбом у ворот,
На ветру обнажённо скрипит
И звонка телефонного ждёт...

* * *

Спицы искрятся, как будто зарницы,
Петля за петлю цепляя в ночи.
Шерстью овечьей вяжу я волчицу —
Память бы так же суметь приручить!

Пусть же волчица из пряжи овечьей
Облаком добрым по небу плывет.
Пусть и в последний мой призрачный вечер
Солнечным нимбом цветёт небосвод!

ВЛАДИМИР ЛИПСКИЙ

АВТЮКОВСКИЕ ПОТЕШКИ

Есть в Беларуси на Гомельщине такое местечко — Автюки. И живут там простые работающие люди, которые звёзд с неба не хватают, но землю свою любят, умеют и поработать, и пошутить. Да так забористо шутят, что слава об Автюках в Беларуси идёт, как о знаменитом Габрово в Болгарии. И хоть жизнь сейчас нелегка, и часто бывает не до смеха, но как же народу да без потехи... А уж над кем потешиться, как не над собой? Уж что-что, а это автюковцы умеют. И других веселят, и сами не грустят.

Автюки — столица Австралии

Мужик загибает пальцы — считает, сколько автобусов ходит в Автюки. Сбился, махнул рукой:

— Ай, да как в Москву!

Неумело свёртывает сигарку, Лицо распаханно морщинами, а глаза хитрующие. Прикидывает, к чему я еду в Автюки.

ЛИПСКИЙ Владимир Степанович родился в 1940 году. Известный белорусский писатель и общественный деятель. Долгие годы возглавлял Белорусский детский фонд. Лауреат Государственной премии РБ, международной премии им. Альберта Швейцера и др. Живёт в Минске.

Подтягиваются к остановке женщины. Все одеты одинаково: клетчатые платки, чёрные юбки, резиновые сапоги. У каждой — сетка. В сетках — хлеб и колбаса. Мужчины подтрунивают:

— Что, калинки, отоварились? Обобрали Калининичи?

Самая острая на язык подхватывает в тон:

— Ага, колосок, своё мясо смёрзлось. Лом не берёт. Вот и приехали за магазинным...

Шофёр открыл двери, и в автобус со смехом и побрякиванием стала загружаться автюковская команда. Две неутомные сороки стрекотали до самых Автюков.

На стекле шофёрской кабины висел заграничный календарь с голой девахой. Сороки долго перемывали косточки грудастой бесстыднице. Потом выдали, что думают про власти:

— Билеты подорожали. Доплачивай им за то, что домой едешь...

— Надо, калинка, чтоб в Автюки бесплатные автобусы ходили, — вставляет свой пяточок небритый мужичонка.

— Это почему же?

— Потому как Автюки — столица! — хихикнул сосед. — Наши люди повсюду есть, даже в Австралии!

Автобус тормознул у обочины. Приехали... Шофёр объявил:

— Австралийцы, выкатывайтесь!

Как в Автюках прикуривают...

Пас как-то один автюк коров у железнодорожной насыпи. Захотелось покурить, а спички вышли... Тут поезд в Галявичи чухает. Вот пастух стал белой своей торбой махать, аж на шпалы выбежал. Кричит:

— Стой! Ишь, разогнался...

Увидел машинист человека на шпалах, нажал на тормоза.

— Что стряслось?

— Дай, колосок, прикурить, душа горит!..

Выругался машинист, а коробок кинул. Что с автюка взять?..

Управляющий

Раз одному автюковцу понадобилась какая-то справка. Поехал в район. У него спрашивают:

— Кем работаешь?

— Управляющим...

— Как так? У вас же колхоз. У вас председатель должен быть, а не управляющий.

— Так, а я управляю...

— Кем же?

— Кобылой...

Пила с секретом

Купил автюковец бензопилу в магазине. Поехал в лес дрова пилить. Вечером сосед спрашивает:

— Ну, как, напилил?

— Мало. Только умаялся...

— В инструкции пишут, что ею запросто можно напилить двадцать кубов за день...

Побежал автюк в магазин, понёс пилу:

- Ты мне, калинка, неисправную пилу всучила!
— Как?! — удивилась продавщица и завела моторчик.
Автюковец хлоп себя ладонью по лбу:
— Так она ещё и заводится?!..

Брошенный...

Фельдшер осмотрел старого автюковца деда Мишу, у которого пятеро детей, да все в городе живут, про отца забыли, выслушал его и говорит:

— Сала тебе есть нельзя, мяса нельзя, масла нельзя, колбасы нельзя.
Выпивать и подавно...

Дед Миша слушал, слушал, да и говорит:

- Колосок, а бульбу (картошку) можно?
— Бульбу можно.
— Вот и славно, колосок, у меня только бульба и есть...

Деревенская любовь

Провожает раз парень Антон девушку Антолю домой с посиделок. Сели на лавочку возле Антолиной хаты. Антон полез целоваться.

— Не трожь! — кричит девица, чтоб слышала мать, а парню шепчет: — Ну, что ж ты оробел? Давай...

В другой вечер сидят на лавочке, Антон говорит:

- Что бы ты, Антоля, делала, если б я тебя поцеловал?
— Кричала бы: мама, мама!

Поцеловал.

- Что ж не кричишь?
— А мамы дома нет...

Колодец, колодец, дай воды напиться...

Гостил автюк у дочери. Та получила в городе квартиру. Возвратился в Автюки, рассказывает:

— Ну, колосок, и квартира у дочери! — тёплая, солнечная, чистая. Всё хорошо, только воды вволю не напьёшься.

— Как так?

— А так, то она есть, то нету, то бежит из крана, то одно фырчанье... Эх, колосок, им бы колодец!

Как в Автюках на свадьбу ходят

Ходит автюк по деревне, приглашает на свадьбу. Каждому напоминает:

— Ничего не берите с собой. Столы и так ломятся! Ну, разве бутылку водки возьмите, да сто рублей не забудьте... А так всё есть. Гуляй, народ!

Жертв нет

Опрокинул раз по пьянке парень трактор. Вылезает из-под кучи лома, звонит председателю:

— Батька, две новости у меня до тебя: одна плохая, другая хорошая.

- Начинай с плохой.
- Трактор перекулился... Хана машине!
- А хорошая?
- Жертв нет.

Без справки и на тот свет не пустят

Колдыбает в сторону сельсовета дед. Догоняю:

- Как живётся, дедуля?
- Отжил своё, колосок. В одну дверь вошёл, в другую вышел.
- А сейчас куда путь держите?
- Хотел купить костюм на смертный день, так лавочница говорит: треба справка, что скоро помру, а то костюмы сейчас в дефиците. Вот иду в сельсовет... за справкой...

Автюка в дверь, а он в окно

Известно, что авиалиния Москва—Нью-Йорк как раз над Автюками пролегал. Вот раз летит самолёт в Америку, а стюардесса бежит к старшему пилоту:

- Ой, шеф, откройте скорей люк, тут двое автюковцев хотят сойти...
- Э-э, нет, — отвечает пилот, — в прошлый раз двое сошли, да трое прямо на ходу вскочили!..

Умельый косец

Все ведают, что автюки — лучшие в Беларуси косцы. Вот раз наняла одна вдова мужика косить делянку. Тот косил, косил, да и заночевал у неё, чтоб внятно до дома не идти.

Утром автюковка говорит:

- Поди, врёт, дядька, что вы не женаты? Очень уж хорошо косите... Может, и завтра пришли бы?.. С ночёвкой...

Автюки — не “Поле чудес”

Приехал из района в Большие Автюки важный начальник. Собрал механизаторов, говорит:

- Все, кто пенсионного возраста — на пенсию!
- Поднимается старый Гаркуша:
- Колосок, ты смотришь “Поле чудес”?
- Интересная передача. А что? — смутился начальник.
- Видел, колосок, как там предлагают большой выигрыш, а иной игрок возьмёт и запрямится: “Я продолжаю игру!”
- При чём тут это?
- А при том, колосок, что мы, автюковцы, — народ упрямый. Ты нашим детям хлеба не дашь. Мы продолжаем игру!

Лучшее лечение

В Автюках и ветеринары, что твои доктора. Наскрозь всё в болезнях понимают. Решил раз один ветеринар, что коров да свиной лечит, что он лучше доктора.

Вот приходит он в амбулаторию к доктору:

— Полечи, колосок.

— Что у тебя болит?

— А ты сам угадай. Вот я, когда иду спасать быка или корову, они мне о своих болезнях не рассказывают...

Доктор молча выписал рецепт.

Пришёл ветеринар домой, развернул бумажку, читает: “Пить таблетки три дня. Если не поможет — прирезать”.

Святая простота

Приходит раз автюковка в церковь. Стала на исповедь. Спрашивает священника: “Батюшка, я бы покаялась, да вот не знаю, что такое грех”. А он:

— Кем работаешь, дочь моя?

— Дояркой.

— Работа тяжёлая?

— Тяжёлая, батюшка.

— Случается, что матерное слово пропустишь?

— Бывает, батюшка...

— Вот это и есть грех.

— Да как же, батюшка, ведь ежели бригадира не обложить, то и сило-са не подвезут, молочка не будет.

Смеётся: “Иди, — говорит, — сразу к причастию. Святая простота”.

Автюковское ноу-хау

Почему автюковцы картошку сажают ночью?

— Чтобы колорадский жук не видел, где она будет расти.

Как-никак столица!

Два автюковца вышли на середину шоссе, взяли за руки, задерживают машины.

Едет “Мерседес”. Возле них принял в сторону и — дальше...

Автюковцы на мотоцикл, догоняют машину и к водителю.

— Ты что же это, колосок, не остановился?

Слово за слово, да и подрались.

А в машине этой ехал какой-то областной туз. Вот вызывают назавтра автюковцев в милицию:

— Что буянили на дороге?

— Хотели, колосок, приучить, чтоб все машины в Автюках останавливались. Как-никак столица!

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

ВКУС МОЕГО ВРЕМЕНИ

СЕРДЕЧНОСТЬ

Соплеменник мой, человек занятый,
сделай усилие над собой —
остановись, присядь, подумай.
Небось, устал от погони за достатком —
призрачной радостью золотой,
отодвигая итоговые раздумья
до предстоящих медовых дней.
Тяжело, что и говорить, жить
в условиях непрерывного бега,
ни отдыха телу, ни покоя душе, —
словно оголодавшие птицы
в многодневный губительный мороз.
Это совсем не русская забава:
хвалиться, у кого больше денег
и кто в жизни важней и сильней.
Поверь: с деньгами ты не станешь
ни умней, ни здоровей, ни счастливей,
не прибавишь к себе уваженья
и любовь не заслужишь никогда.

АНДРЕЕВ Владимир Петрович родился 2 декабря 1947 года в деревне Мордовские Каратаи Татарской АССР. Окончил Казанский государственный университет и Северо-Кавказский государственный технический университет. Служил в рядах Советской Армии. Работал агрономом, инструктором орготдела Камско-Устьинского РК КПСС, избирался главой города Радужного. Автор многих книг. Член Союза писателей России. Живёт в Нижневартовске.

По нутру нам ближе и дороже
во всё непритворная сердечность,
когда одна душа у другой души
и согрется и отдохнёт бесплатно.
Не зря на Руси равняется награде
звание сердечный человек.
Соплеменник мой, человек занятый,
прошу тебя, сделай усилие над собой —
остановись, присядь, подумай,
побудь с мыслями наедине...

КОШКА МАНЬКА

Это была настоящая кошачья богиня
в бело-серой пушистой накидке,
с поступью миниатюрной пантеры,
изучающим прокурорским взглядом
и совсем не звериным умом.
Ах, Манька, Маня, Манечка...
Бездомная с рожденья, вдобавок и увечная
(полхвоста ей “отгрыз” мороз),
познавшая ежедневный голод,
она души не чаяла в отце, давшем ей хлеб и кров,
и старалась ответить добром на добро.
Как целитель, чуя опасность, она с первых же дней
не зря топталась и лежала на животе отца,
будто предупреждала: надо лечиться, надо лечиться.
Эх, как жаль, что никто не понял жеста Маньки,
и отца безвременно победила беспощадная хворь.
Поистине человеческой тоской веяло от неё,
когда она осталась без спасителя,
и в те чёрные дни, и после, словно боясь одиночества,
ни на шаг не отходила от мамы,
всюду сопровождаая, как верный телохранитель.
Я так и вижу их, как на фото:
вот Манька с мамой пошли то в магазин,
то за водой к колодцу, то встречать овец из стада,
то косить траву за огородом...
О, время, время — суровый хозяин бытия!..
Там, где они, не бывает зла,
отсутствуют пасмурные дни,
разрозненные души вновь соединены.
И, наверно, в эту минуту
Манька вместе с мамой идут райской тропинкой
куда-то по делам, а отец им улыбается вслед,
стоя возле нашего новенького дома,
тоже давно улетевшего столбом дыма в небеса.

ВКУС МОЕГО ВРЕМЕНИ

Не знаю, плохо это или хорошо,
но я демонстративно остался в своём времени,
прозванном врагами русских равнин
совковой застойной мутью.
Возраст позволяет мне сделать вывод:
чужое время пресно и безвкусно.

Моё было как сало с чесноком и чёрным хлебом
или жигулёвское пиво с вяленным лещом.
Его не портил даже горьковатый привкус
чего-то недосказанного и утаённого:
жизнь — это большой гардеробный шкаф
со спрятанными внутри скелетами,
и все явные и ложные тайны, как главы книги,
так или иначе ведут сюжет к финалу.
Возможно, в этом виновата молодость:
там я был парень — кровь с молоком,
впереди была только что початая жизнь,
и добрая надежда — птица счастья —
звала изведать возвышенное, неизвестное,
испытать себя и отвагой, и трудом.
Мы, по порядку первые послевоенные,
не стали поколением перелётных птиц,
не искали лёгкой наживы и блатного плеча,
мы упорно продолжали дело отцов,
Родину к свету шаг за шагом выводя.
В том, что нас и тогда надували ловко,
не наша, советских блаженных, вина,
веривших слову так же, как и молитве,
и не признававших во лжи той силы,
с коей она, подлая, к нам явилась потом.
Пусть это останется на совести власти,
если, конечно, она у неё ещё есть.
Нам было грех обижаться на время,
связавшее поколения общей судьбой,
поэтому его мы, как друга, не бросим
и заберём в дорогу последнюю с собой.

ТАНЦЫ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Нине Макаровой

Годы шестидесятые.
Космические.
Приподнятые.
Юности ясноокой сиреневые дни.
И танцы, притягательные танцы,
что любили без памяти мы.
Какие диджеи и электрогитары?!
Гармошки Шуни Елантьева и Сани Аксёнова
тогда заменяли нам и радиолу, и магнитофон.
Ах, эти кнопочки белые,
ах, эти кнопочки чёрные,
меха раздувались,
как щёки трубача!
Под бегущими пальцами,
словно стрекозы, выпархивали звуки
вальса простого и “дамского”,
медленного танго,
песен блатного рóзлива —
романтики тех лет.
И “цыганочку” с выходом, и вихрь твиста,
вдобавок к русской кадрили — чарльстон —
всё мог умело и душевно
гармонист по просьбе сыграть.

А как дробили “сербиянку”
и плясали под частушки
с белозубой улыбкой до ушей!
Подростки — девчонки и мальчишки,
девушки и парни в поре,
озорная поросль тех насытых лет, —
как мы любили танцы, бесхитростные танцы,
словами это не передать!
Именно там от смущённого взгляда
и прикосновения желанных рук
рождались чувства досель незнакомые,
что остались в памяти на десятки лет...

ОДА ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Ты была первой,
кому нараспашку белым парусом
моё открылось сердце,
видя, как в ответ берегом зовущим
распахнулось твоё.
Кем были мы в те обжигающие мгновенья
в необъятной человеческой вселенной,
ровняющей после себя прошлым
все жизни в одну невидимую линию —
воспоминания пролетевших веков?
Две сиреневые грозди
под живительным дождём
печальной юности.
Нам тогда не были известны
ни бездонные пропасти предательства,
ни безжалостная удавка измены,
ни ядовитая вязь досужих сплетен,
ни перцово-жгучая тоска разлук.
Как новые прилежные ученики,
мы под покровительственной луной
читали в благословенной тишине
в вопросительных глазах друг друга
любви таинственный букварь.
О, румянец уместного смущенья,
пальцев стыдливый трепет,
поцелуй неумелый, но честный,
короткие, на часы, расставанья,
длиною чуть ли не вечность.
Мы были счастливы как никто,
мимоходом зашедшие в рай земной,
где на самой радостной дороге
нам истина открылась бытия,
что любовь — и улыбка, и слёзы Бога,
и память пожизненная — твоя и моя.

ЗАПОЗДАЛАЯ МУДРОСТЬ

Всё то же самое, что было до меня,
будет и после:
с годами начинаешь любить людей за то,
что они есть и что они такие же, как ты, —

некоторые, быть может, лучше,
некоторые — похуже, с точки зрения общества,
но у всех такое же бренное тело
и такая же таинственная душа,
темнее потёмок,
и все хотят бессмертья,
не понимая его сути, высосанной из мечты.
Да и зачем оно, если устаём от десятков лет жизни,
данной нам взаймы
за очередное воспитание души?
Вместе с людьми начинаешь любить
растения, деревья, насекомых, рыб,
птиц, зверей, животных, воды, землю, —
переступаешь через букашку,
не жадничаешь насчёт выловленной рыбы
или добытого зверя — сколько есть, столько и есть,
гладишь бездомную кошку,
выносишь чужой собаке кусок хлеба,
кормишь зимою птиц,
стесняешься помочиться в реку,
рыдаешь в тишине родных полей...
Глядя в небеса и размышляя о смерти,
мысленно думаешь о Боге,
стесняясь вытащить его образ
из своей атеистической памяти;
робеешь, впервые осеняя себя
Крестным знаменем;
выйдя из храма, удивляешься
внезапному приливу радости в душе,
словно тебя поздравили с очередным внуком...

*Самобытному сибирскому поэту
Владимиру Петровичу Андрееву исполнилось 65!
Поздравляем нашего автора
и желаем ему крепкого здоровья и творческих успехов.*

Редакция

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 34

“Я сгорел на своей “Погорельщине”...

Клюев не мог не ждать этого дня, не мог не предчувствовать его наступление.

Когда комиссар оперода Шиваров предъявил ему ордер, Николай прочитал, отошёл в сторону, тяжело уселся на низенький стул, предоставив свою дальнейшую судьбу Божьей воле.

А пришедшие “архангелы” со знанием дела рылись в его вещах и бумагах.

В протоколе обыска было подробно и добросовестно зафиксировано всё изъятое для представления в ОГПУ: “Рукопись поэмы “Я” (это была рукопись “Каина” со стёртым прежним заголовком и частично разорванными пополам страницами. – С. К.), вторая часть; рукопись поэмы “Погорельщина”, зелёная тетрадь с записями различных стихотворений на 34 страницах; рукопись сборника стихотворений “О чём шумят седые кедры” и другие, напечатанные на машинке на 54 листах; рукопись из первой части поэмы “Я” на первом листе; рукопись поэмы “Песнь о великой матери” на 82 страницах; рукопись стихотворения “Не верю” на двух листах; программа концерта от 9 октября 1914 г<ода>; книга Таро... и книга В. В. Розанова “Люди лунного света”; три записных книжки; шестнадцать писем и записок с адресами”.

И сразу после того, как доставили поэта в узилище (не в первый раз приходилось знаться с тюрьмой, со следователями жестокими – да только видно было, что не обойдётся ныне всё так сравнительно легко, как прежде), составлены были анкеты арестованного и заполнен первый протокол допроса.

Шиваров своей рукой написал лишь клюевский московский адрес. Всё остальное заполнил сам Николай, заполнил дрожащей от слабости рукой. Фамилия, имя, отчество. Год и место рождения (здесь Клюев написал 1887, переправив “четвёрку” на “семёрку”). Местом рождения обозначил “Северный край, г. Архангельск” (эти слова написаны еле-еле – рука с трудом держала казённое перо).

Место службы и должность занятий (так в анкете!): писатель.

Имущественное положение в момент ареста: нет (т. е. никакого “имущественного положения”).

Социальное происхождение: крестьянин (перо совсем выпадало из рук. Слово написано так, что Шиваров был вынужден сверху написать его более разборчиво).

Политическое прошлое: нет (ответ чрезвычайно нетривиальный).

Национальность и гражданство: великоросс (представляю себе, как у Шиварова – болгарина по национальности и интернационалиста по призванию – “вскипела” нервная система от одного этого слова. Самолично написал ниже “русский”).

Партийная принадлежность: здесь уже сам Шиваров поставил прочерк, среагировав на отрицательное движение Ключева. Не упомянул Николай ни о своём вступлении в ВКП(б), ни о последующем исключении.

Образование: грамотный (Шиваров, видимо, следуя утверждению самого Ключева, приписал в скобках: самоучка).

Состоял ли под судом и следствием: судился как политический при царском режиме (вряд ли Ключев думал всерьёз, что этот “пункт” как-то облегчит его положение. Хотя – кто знает?).

Состояние здоровья: болен сердцем.

На фотографии из следственного дела – заросшее щетиной лицо измученного старика. Глаза, полные еле сдерживаемого страдания. И отчётливо заметные на лице следы побоев. Видно, следователь особо себя не ограничивал.

В протоколе допроса упомянуты как близкие родственники брат Пётр и сестра Клавдия. На вопрос об образовательном цензе сначала было указано: “три класса сельской школы”. Потом исправлено: двухклассное уездное училище.

А потом был сам допрос. И касался он не политики, а сугубо интимных вещей.

“Вопрос. К какому периоду относится начало ваших связей на почве мужеложества?”

Ответ: Первая моя связь на почве мужеложества относится к 1901 г<оду>.

Вопрос: Можете ли вы назвать все свои связи на почве мужеложества с этого времени?

Ответ: Это будет мне затруднительно. Легче будет мне назвать мои связи на этой почве за последние годы.

Вопрос: С кем вы поддерживали устойчивые связи на почве мужеложества за последние годы?

Ответ: С Львом Пулиным, проживающим у меня в течение последних 6–7 месяцев. Второе – с Анатолием Кравченко, за период с 1928 года по 1932 год без непосредственного полового акта. Третье – с Львом Груминским в 1927–<19>28 году. Точнее установить этот срок затрудняюсь”.

Поразительный протокол. Настолько поразительный, что практически каждая строчка его кричит: всё неправда! При якобы фактической точности вплоть до хронологии. Но именно эта “точность” вызывает серию скандальных вопросов.

Это каким же образом, позвольте спросить, можно “поддерживать устойчивые связи на почве мужеложества” – “без непосредственного полового акта”? Что это, простите, за *чушь собачья*? Далее – откуда такая скрупулёзность в дате, касающейся “первой связи”? Воспоминание о встрече с “мальцами” на Кавказе? И какое-то странное “затруднение” в установлении срока “связи” с Львом Груминским, надо думать, близким знакомым по ленинградской жизни – при точном обозначении годов “знакомства”...

Проще всего не думать, отмахнуться от этой “грязи”, не пытаться выяснить степень достоверности приведённых ответов. Но – не получается. Ясное же дело, что “спусковым крючком” послужила “информация” Гронского на основании чтения стихов, посвящённых Яру. И это при том, что статьи за мужеложество в уголовном кодексе в это время не было. Она появилась через месяц с небольшим – 7 марта 1934 года.

То, что происходило на самом деле, во многом проясняют воспоминания Анастасии Александровны Пулиной (урождённой Ермаковой), жены Льва Ивановича Пулина, которую тот нашёл в 1936 году в Калининe, находясь там в ссылке. Рассказывала она со слов своего мужа.

“Ещё до ареста Л. И. его вызывали в органы, где предлагали стать осведомителем – доносить о разговорах в тех кругах, где ему приходилось бывать. Били. Однажды продержали (один день) в одиночке с глазком, куда было вставлено дуло пистолета. Арестовали его вместе с поэтом...”

Пулин был в курсе всех последних сочинений Клюева. Во всяком случае, он читал наизусть своей жене стихи цикла “Разруха”, из которых она запомнила несколько строк.

Тугая, неразрывная сеть была сплетена вокруг поэта. Не берусь с уверенностью утверждать, что в “оперативную разработку” не попал и Анатолий, что и с ним не проводилось соответствующих “бесед”. Но набирающий известность художник, уже работающий над сюжетами для парадных картин из советской жизни и портретами вождей (во всяком случае, в начале 1930-х годов), — это одно дело. И совсем другое — студент и начинающий журналист Пулин. Вероятно, с ним обращались без особых церемоний.

Пулин, судя по всему, был поставлен перед жёстким выбором: либо 58-я статья со всеми вытекающими отсюда последствиями — либо 151-я (“Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости”) — при том что Пулину было 25 лет! — да ещё через 16-ю (“Если то или иное общественно опасное действие прямо не предусмотрено настоящим кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления”).

Инкриминировать было, по сути, нечего, кроме так называемых “оперативных данных” — и то больше основанных на слухах, чем на реальности. Поэтому-то “дело” Пулина в тот же день и было выделено в “особое” с припиской, что следствие по нему необходимо “продолжать”.

Лев пошёл на компромисс, позорный для себя (впрочем, едва ли он думал и тогда, и через много лет, что эти протоколы выплывут когда-либо из лубянских подвалов), но не “сдал” своего друга, не дал на него никаких дополнительных убийственных показаний. Получив 151-ю через 16-ю, он через два года тюрьмы поселился ссыльным в Калинин, откуда продолжал переписываться с Николаем.

Клюева ждала иная судьба. Он, будучи в тяжелейшем физическом состоянии, не потерял остроты ума и прекрасно понял игру следователя. Главное было — отвести прямую опасность от своих друзей. А там — будь что будет.

В отношении собственной судьбы он не питал никаких иллюзий. Через две недели состоялся второй и последний допрос, проходивший уже в совершенно ином тоне. Ни о какой “интимности” никто не вспоминал — о ней и речи не было. Предметом разговора стали убеждения поэта, у которого политического прошлого якобы “нет”, — зато есть политическое настоящее. Вот оно — в аккуратно собранных и прочитанных рукописях, в оперативных данных, от которых *не отпрётся!*

И Клюев даёт подробные показания. Не показания это даже, а открытая политическая речь, которую следователь, дрожа от возбуждения, еле успевает записывать, сплошь и рядом переиначивая клюевские выражения и разбавляя протокол своими собственными формулировками.

“Вопрос: Каковы ваши взгляды на советскую действительность и ваше отношение к политике Коммунистической партии и Советской власти?

Ответ: Мои взгляды на советскую действительность, моё отношение к политике коммунистической партии, советской власти определяются моими реакционными религиозно-философскими воззрениями. Происходя из старинного старообрядческого рода, идущего по линии матери от протопопа Аввакума, я воспитывался на древней русской культуре Корсуна, Киева и Новгорода и впитал в себя любовь к древней допетровской Руси, певцом которой я являюсь. Осуществляемое при диктатуре пролетариата строительство социализма в СССР окончательно разрушило мою мечту о древней Руси, отсюда моё враждебное отношение к политике коммунистической партии и советской власти, направленной к социалистическому переустройству страны. Практические мероприятия, осуществляющие эту политику, я рассматриваю как насилие государства над народом, истекающим кровью и огненной болью.

Вопрос: Каково выражение находят ваши взгляды в вашей литературной деятельности?

Ответ: Мои взгляды нашли исчерпывающее выражение в моём творчестве. Конкретизировать этот ответ могу следующими разъяснениями. Мой взгляд, что Октябрьская революция повергла страну в пучину страданий, бедствий и сделала её самой несчастной в мире, я выразил в стихотворении “Есть демоны чумы, проказы и холеры...”

И Клюев начинает читать. Он не вспоминает ни о цикле “Ленин”, ни о “Песни солнценосца”, ни о “Песни похода”... Не пытается заслониться прошлым. Нет, он идёт до конца... Может быть, в эти минуты укрепляли его дух строки из “Песни о Великой Матери” — слова вещего деда:

*Почто дружиною поморы
Не ратят тушинских воров
Иль Богородицын Покров
Им домоседная онуча?
И горлиц на костёр горючий
Не кличет Финист-Аввакум?
.....
Я — князь — и вотчиной родной, —
Как раб, не кланяюсь Сапеге!
Моё кормленье от Онеги
До ледяного Вайгача...*

Услышал он клич Финиста-Аввакума, увидел пламя грядущего костра... Перед глазами встали великомученики, те, что в “Винограде Российском” Семёна Денисова поминаются... Он будет держать свой ответ по их великому примеру.

Перед Шиваровым лежали перепечатанные специально для него стихи “Разрухи”. Тут и доказывать ничего не надо — весь состав преступления налицо. Но что-то дрожало внутри, смесь восторга от следовательской удачи со странным предчувствием чего-то жуткого не давала покоя, когда слушал Клюева, выпевающего тонким пронзительным голосом:

*Вы умерли, святые грады,
Без фимиама и лампы
До нестареющих пролетий.
Плач, русская земля, на свете
Злосчастней нет твоих сынов,
И алмазтовый засов
У врат лечебницы небесной
Для них задвинут в срок безвестный.*

Клюев читал и, прерывая чтение, продолжал говорить, не сдерживая себя: “Я считаю, что политика индустриализации разрушает основы и красоту русской народной жизни. Причём это разрушение сопровождается страданиями и гибелью миллионов русских людей. Это я выразил в своей “Песне Гамаюна”...”

Более отчётливо и конкретно я выразил эту мысль в стихотворении о Беломорско-Балтийском канале...

Окончательно рушит основы и красоту той русской народной жизни, певцом которой я был, проводимая партией коллективизация. Я воспринимаю коллективизацию с мистическим ужасом, как наваждение...

Мой взгляд на коллективизацию как на процесс, разрушающий русскую деревню и гибельный для русского народа, я выразил в своей поэме “Погорельщина”...”

И Клюев читал — о канале, о “чёрте из адской щели”, о том, как “погибал Великий Сиг”... Он был готов принять мученический венец, подобно праотцам, о которых сказано было в “Винограде Российском”, — по многу раз повторял он эти слова огненные про себя наизусть:

“О ужаснаго позора, о нестерпимаго мучения, о всекрепкия твоя помощи, Христе мой, уже Твоим страдальцам всебогато в терпении подаваеши! Юже народи зряще плакахуся, позорствующии людие всерыдательныя источникы слез изливая, зряще таковыя и толь ужасныя мучительныя позоры: но всепридивнии страдальцы толь тверди, толь благодержновенни и всерадостни являхуся, яко паче злата семи украшахуся, паче анфраза всекрасно процветяху, всекрасно древлецерковное благочестие ясным проповедаше языком...”

А у Шиварова была своя сверхзадача.

“Вопрос: Кому вы читали и кому давали на прочтение цитируемые здесь ваши произведения?”

И Клюев отвечает, называя далеко не всех, а лишь тех, о которых точно знает: их имена следователю известны. Они уже были ему предъявлены на основании “оперативных материалов” – и отпираться здесь было бессмысленно.

“Ответ: Поэму “Погорельщина” я читал, главным образом, литераторам, артистам, художникам. Обычно это бывало и на квартире моих знакомых, в кругу приглашённых ими гостей. Так, я читал “Погорельщину” у Софьи Андреевны Толстой, у писателя Сергея Клычкова, у писателя Всеволода Иванова, у писательницы Елены Тагер, группе писателей, отдохнувших в Сочи у художника Нестерова, и в некоторых других местах, которые сейчас вспомнить не могу.

Отдельные процитированные здесь стихи – незаконченные. В процессе работы над ними я зачитывал отдельные места – в том числе и стихи о Беломорском канале – проживающему со мной в одной комнате поэту Пулину. Некоторые незаконченные мои стихи взял у меня в моё отсутствие поэт Павел Васильев. Полагаю, что в их числе была и “Песня Гамаюна”...”

Невозможно не заметить: в отличие от многих и многих поэтов и писателей, которые уже допрашивались на Лубянке и в других узилищах СССР и которые ещё будут допрашиваться, Клюев ни разу не назвал свои произведения ни “пасквилом”, ни “клеветой”. Сам он – “реакционер”, ладно, пусть такovým его и считают. Но стихи его не подлежат примитивным политиканским определениям.

На этом следствие было закончено. 20 февраля (всё следствие не заняло и трёх недель!) Шиваров составил обвинительное заключение, которое за визирировал своей подписью начальник секретно-политического отдела ОГПУ Г. Молчанов.

“Полагая, что приведёнными показаниями Клюева Н. А. виновность его в составлении и распространении к/р литературных произведений и в мужеложестве подтверждается, постановил считать следствие по делу Клюева Николая Алексеевича законченным и передать его на рассмотрение особого совещания при коллегии ОГПУ”.

А судебная коллегия 5 марта постановила:

“Клюева Николая Алексеевича заключить в исправтрудлагерь сроком на 5 лет с заменой высылкой в г. Колпашев, Западная Сибирь, на тот же срок со 2 февраля 1934 г<ода>. Дело сдать в архив”.

Исправтрудлагеря Клюев бы не вынес – достаточно было бросить на несчастного беглый взгляд, чтобы это понять. Видимо, потому и заменили срок высылкой в Колпашев. В Нарым, исхоженный и изъезженный многими из нынешних, “на заставах команду имеющих”, бывшими ссыльными революционерами, ныне посылающими своих подлинных и мнимых врагов знакомыми маршрутами... В Нарым, напропороченный Клюевым себе самому ещё в начале 1920-х.

* * *

Клюев ещё находился в пути, когда Западно-Сибирское управление НКВД получило следующий документ:

“НАЧ. УСО ПП ОГПУ ЗАПСИБКРАЯ

г. Новосибирск.

В дополнение к № 14 (3444) от 14.3 – 34 года направляется меморандум на Клюева Николая Алексеевича для сведения”.

В этом меморандуме было, в частности, указано, что никаких “ограничений в работе по специальности не требуется”, а на вопрос о пригодности использования “в интересах ОГПУ” уполномоченным дан чёткий и недвусмысленный ответ: “ни в коем случае не рекомендуется”.

Знали, с кем имеют дело.

... На четвёртый месяц после начала тюремного этапа Клюев прибыл в Томск и был заключён в местную тюрьму. Отправил в Ленинград весточку со своим обратным адресом, получил ободряющую телеграмму от матери Яра и ответил ей благодарным письмом:

“Дорогая Лидия Эдуардовна! Получил Вашу драгоценную телеграмму, всем сердцем благодарю за неё. Слова Ваши явились для меня великим уте-

шением и подкрепили меня душевно. На белом свете весна, а я всё за решёткой. Отpravку в Колпашев обещают на 24-е мая, но это не наверно. Больше нет сил, и навряд ли я выдержу, так как здоровье моё очень плохое, и я без съестных передач и какой-либо помощи. В окне светит голубым бархатом май, по-видимому, в здешних краях лучше, чем в Ленинграде. Соседи-сибиряки рассказывают, что в Нарыме есть пчёлы, созревает греча и огурцы, множество рыбы, но всё это гадательно, и мне не верится во что-нибудь хорошее на моём пути. Но Бог милостив, быть может, призовёт меня скоро в иной край, где нет ни печали, ни воздыхания. В моём настоящем положении это упование – желанная мета и избавление... Прошу Вас узнать, что с моей квартирой в Москве?.. Как здоровье Толи? Как он себя чувствует? Жизнь ему и счастье! Прощайте! Простите!”

О квартире он беспокоился не зря. Через месяц с небольшим была составлена служебная записка № 291477 за подписью помощника начальника УСО ДГУ ГБ Зубкина и начальника камеры хранения той же организации Аксёнова, адресованная в 3 отделение ОПЕРО ДГУ ГБ.

“Просьба вскрыть опечатанную комнату Клюева Н. А. по адресу: Гранатный пер., 12, кв. 2, и всё находящееся в нём (так! – **С. К.**) имущество по описи сдайте на хранение домоуправлению. Комнату передайте в жилотдел Моссовета. По исполнению акт и опись вышлите в УСО ГУ ГБ”.

Подобные бумаги составляются тогда, когда их авторы уверены: бывший жилец в свою комнату уже не вернётся.

Квартира была опечатана печатью ОГПУ, которую сняли лишь 2 августа, когда жильё передали в жилотдел, а имущество и ключи – по описи в домоуправление.

Клюев ничего этого не знал. Наконец, состоялась отправка в Колпашево, до которого и сейчас из Томска на автомобиле ехать нужно целый день. А тогда – несколько дней на подводе с короткими ночёвками, под конвоем.

Унылая, длинная, кажущаяся бесконечной дорога, и лишь изредка радуют глаз встречающиеся селения: Молчаново, Кривошеино, Мельниково... Вот и холм показался, от одного названия которого мороз подрал по коже: “Могильный”... Мост через реку Чаю... И вот, наконец, она – Обь, и паром у причала – другим путём в Колпашево не попадёшь...

31 мая Клюев сошёл на другой берег Оби.

Деревянные тротуары, кержацкие старые двухэтажные купеческие дома из тёмных брёвен (они и поныне стоят на Колпашевских узеньких улочках)... Вот и “шанхайчик” – район, где селились ссыльные – ещё с царских времён... Здесь и предстояло ему найти пристанище. Поначалу Николая поселили в общежитии исполкома, потом – в “шанхайчике”: нашлась крыша над головой в доме № 12 по Красному переулку; дом на четыре семьи, где хозяйкой была некая Панова.

Соседом Клюева был ещё один любопытный ссыльный – бывший эсер, киноактёр Юлий Фердинандович Маротти – первый в России исполнитель роли Овода... Но общего языка с соседями Клюев не нашёл. Вместо того чтобы сидеть дома, предпочитал долгие прогулки – пока хватало сил. Спускался на пристань: с левой стороны виднелась Колпашевская церковь. Оттуда же, с пристани, доходил до Коммунального переулка, где размещалась баня... Письма отправлял с почты, что была на пересечении улиц Ленина и Белинского. А к самому любимому месту – в лесную тишину – уходил по Красному переулку через поле, через деревянные покосившиеся ворота. Там, за полем, за пашней и пастбищем, начинался лес, где уживались друг с другом кедр, сосна и берёза, где выбивали длинные очереди дятлы, и любопытные белки соскакивали со стволов и подбегали чуть ли не под ноги. Теперь на этом месте разбит парк.

...А отмечаться приходилось каждые 10 дней в здании НКВД (так уже стало называться ГПУ за время клюевского “сидения”) на улице Советской, где “принимал” сначала немец Краузе, а потом венгр Иштван Мартон, кроме венгерского и русского, свободно владевший немецким и французским языками, единственный на памяти старожилов, кто общался с ссыльными по-доброму. Клюев писал о нём в одном из писем к Надежде Христовой-Садовой самыми тёплыми словами: “Местное начальство относится ко мне хорошо. Внешне никто меня пока не обижает и не шпыняет. Начальник здешнего ГПУ прямо замечательный человек и подлинный коммунист”... В конце концов,

и этот “подлинный коммунист” был арестован, посажен в тюрьму и освобождён лишь в 1939-м.

Из письма Анатолию Яр-Кравченко 5 июня 1934 года:

“... Кругом нет лица человеческого, одно зрелище — это груды страшных движущихся лохмотьев этапов. Свежий человек, глядя на них, никогда не поверил бы, что это люди. Никакого пейзажа — угрюмая серо-пепельная равнина, над которой всю ночь висит толстый неподвижный туман, не поддающийся даже постоянному тундровому ветру... Гибель моя неизбежная. Я без одежды и без денег... Все четыре месяца я питался хлебом и водой, не всегда горячей... В кособокой лачуге, где ссыльный китаец стрижёт и бреет, я увидел себя в зеркало и не мог не разрыдаться от зрелища: в мутном олове зеркала как бы плавала посыпанная пеплом голова и борода, — жёлтый череп и узлы восковых костистых рук... Я перенёс воспаление лёгких без всякой врачебной помощи — от этого грудь хрипит бронхитом и не даёт спать по ночам. Сплю я на голых досках под тяжёлым от тюремной грязи одеялом, которое чудом сохранилось от воров и шалманов, — остальное всё украли ещё в первые дни этапов. Мне отвели комнату в только что срубленном баракообразном доме, и за это слёзное спасибо, в большинстве же ссыльные живут в землянках, вырытых своими руками, никаких квартир в Колпашеве не существует, как почти нет и коренных жителей. 90% населения — ссыльные: китайцы, сарты, грузины, цыгане, киргизы, россияне же очень мало, выбора на людей нет. Все потрясающе несчастны и необщительны, совершенно одичав от нищеты и лютой судьбы. Убийства и самоубийства здесь никого не трогают. Я сам, ещё недавно укреплявший людей в их горе, уже четыре раза ходил к водовороту на реке Оби, но глубина небесная и потоки слёз удерживают меня от горького решения. Я намерен проситься в ссылку в Вятскую губ(ернию), ведь там ещё не изгладились следы дорогих для меня ног, или, крайне, в г. Томск, где есть хорошие врачи, но для этого нужно тебе немедленно сходить в Бюро врачебной экспертизы, куда ты водил меня и где мне выдали свидетельство о том, что я — инвалид второй группы, страдаю артериосклерозом, склерозом мозговых сосудов и истерией... Раздобудешь ли ты для меня что-либо тёплое на зиму?... Но предупреждаю, не обижай себя. Мне будет тяжело знать, что я для тебя обуза... Как бы хотелось пролить к тебе сердце своё, высказать, что накопил, но бумага тоже, как жизнь, кончена...”

Из письма Сергею Клычкову 12 июня 1934 года:

“Дорогой мой брат и поэт, ради моей судьбы как художника и чудовищного горя, пучины несчастья, в которую я повержен, выслушай меня без борьбы самолюбия. Я сгорел на своей “Погорельщине”, как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозёрском. Кровь моя волей или неволей связует две эпохи: озарённую смолистыми кострами и запалами самосожжений эпоху царя Феодора Алексеевича и нашу, такую юную и потому многого не знающую. Я сослан в Нарым, в посёлок Колпашев на верную и мучительную смерть. Она, дырявая и свирепая, стоит уже за моими плечами. Четыре месяца тюрьмы и этапов, только по отрывному календарю скоро проходящих и лёгких, обглодали меня до костей... Посёлок Колпашев — это бургор глины, усеянный почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому, ибо все одинаково рыщут, как волки, в погоне за жраньём. Подумай об этом, брат мой, когда садишься за тарелку домашнего супа, пьёшь чай с белым хлебом! Вспомни обо мне в этот час — о несчастном — бездомном старике-поэте, лицеизрение которого заставляет содрогнуться даже приученных к адским картинам человеческого горя спецпереселенцев. Скажу одно: “Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве!” Небо в лохмотьях, косые, налетающие с тысячевёрстных болот дожди, немолчный ветер — это зовётся здесь летом, затем свирепая 50-градусная зима, а я голый, даже без шапки, в чужих штанах, потому что всё моё выкрали в общей камере шалманы. Подумай, родной, как помочь моей музе, которой зверски выколоты провидящие очи?! Куда идти? Что делать?.. Помогите! Помогите! Услышьте хоть раз в жизни ушами кровавый крик о помощи, отложив на полчаса самолюбование и борьбу самолюбий! Это не сделает вас безобразными, а напротив, украсит всеми зорями небесными!..”

Он молит о помощи, просит узнать, нельзя ли перевести его в другое, не такое гиблое место ссылки. Нельзя ли обратиться к Екатерине Пешковой в Красный Крест, к Горькому, к Бубнову или, может быть, подать Калинин у прошение о помиловании? И – душераздирающий финал письма: “Не ищу славы человеческой, а одного – лишь прощения ото всех, кому я согрубил или был неверен. Прощайте, простите! Ближние и дальние. Мёрзлый нарымский торфяник, куда стащат безгробное тело моё, должен умирить и врагов моих, ибо живому человеческому существу большей боли и поругания нельзя ни убавить, ни прибавить. Прости! Целую тебя горячо в сердце твоё...”

Из письма Надежде Христофоровой-Садомовой 10 июня 1934 года:

“После четырёх месяцев тюремной и этапной агонии я чудом остался живым, и, как после жестокого кораблекрушения, когда чёрная пучина ежеминутно грозила гибелью и океан во всей своей лютой мощи разбивал о скалы корабль – жизнь мою, – доверху нагруженный не контрабандой, нет, а только самоцветным грузом моих песен, любви, преданности и нежности, я выброшен, наконец, на берег. С ужасом, со слезами и терпкой болью во всём моём существе я оглядываюсь вокруг себя. Я в посёлке Колпашев в Нарыме. Это бугор глины, усеянный почерневшими от непогод и бедствий избами... Вот он – знаменитый Нарым! – думаю я. И здесь мне суждено провести пять звериных тёмных лет без любимой и освежающей душу природы, без привета и дорогих людей, дыша парами преступлений и ненависти! И если бы не глубины святых созвездий и потоки слёз, то жалким скрюченным трупом прибавилось бы в чёрных бездонных ямах ближнего болота. Сегодня под уродливой дуплистой сосной я нашёл первые нарымские цветы – какие-то сизоватые и густо жёлтые, – бросился к ним с рыданием, прижал их к своим глазам, к сердцу, как единственных близких и не жестоких. Они благоухают, как песни Надежды Андреевны, напоминают аромат её одежды и комнаты. Скажите ей об этом... Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве... Я очень слаб, весь дрожу от истощения и от не дающего минуты отдохновения большого сердца, суставного ревматизма и ночных видений. Страшные тёмные посещения сменяются областью загробного мира. Я прошёл уже восемь демонических застав, остаётся ещё четыре, на которых я неизбежно буду обличён и воплощён сам во тьму. И это ожидание леденит и лишает теплоты моё земное бытие. Я из тех, кто имеет уши, улавливающие звон берёзовой почки, когда она просыпается от зимнего сна. Где же теперь моя чуткость, мудрость и прозорливость? Я прошу Ваше сердце, оно обладает чудотворной способностью воздыхания. О, если бы можно было обнять Ваши ноги и облить их слезами!.. Временно или навсегда, не знаю, я помещён в только что отстроенный дом, похожий на дачный, и в котором можно жить только летом. Углы и конуры здесь на вес золота. Ссыльные своими руками роют ямы, землянки и живут в них, иногда по 15-ть человек в землянке. Попасть в такую человеческую кучу в стужу считается блаженством... Если бы можно было продать мой ковёр, картины или складни, то на зиму я бы грелся живым печужным огоньком. Но как это осуществить? Мне ничего не известно о моей квартире. Хотя бы спасти мои любимые большие складни, древние иконы и рукописные книги!.. Когда я ехал из Томска в Нарым, кто-то, видимо, узнавший меня, послал мне через конвоира ватную короткую курточку и жёлтые штиблеты, которые больно жмут ноги, но и за это я горячо благодарен. Так развёртывается жизнь, так страдною тропой проходит душа. Не ищу славы человеческой, ищу лишь одного прощения. Простите меня, дальние и близкие!.. Одна замечательная русская женщина мне говорила, что дорого мне обойдётся моя пенсия, так и случилось, хотя я и не ждал такой скорой развязки. Но слава Богу за всё! Насколько мне известно, расправа с моей музой произвела угнетающее действие на лучших людей нашей республики. Никто не верит в мои преступления, и это служит для меня утешением... Когда-нибудь в моей биографии чаша воды, поданная дружеской рукой, чтоб утолить алкание и печаль сосновой музы, будет дороже злата и топазия. Так говорят даже чужие холодные люди... Простите, не осудите, и да будет ведомо Вашему сердцу, что если я жив сейчас, то главным образом надеждой на Вашу помощь, на Ваш подвиг доброты и милостыни. На золотых весах вечной справедливости Ваша глубокая человечность перевесит грехи многих. Кланяюсь Вам земно...”

Он с благодарностью упоминает Надежду Обухову, её присылку денег по телеграфу, сравнивает её с “Русскими женщинами” Некрасова, к которому по-

стоянно декларировал свою нелюбовь... Снова пишет о Калинин, которому "подавал из Томска заявление о помиловании, но какого-либо отклика не дождался. Не знаю, было ли оно и переслано..." Томское заявление не найдено, но сохранилось в архиве Сергея Клычкова заявление, написанное в Колпашеве 12 июля 1934 года во Всероссийский Центральный Исполнительный комитет:

"После двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за безумные непродуманные строки из моих черновиков, за прочтение моей поэмы под названием "Погорельщина", основная мысль которой та, что природа выше цивилизации, сослан Московским ОГПУ в Нарым на пять лет.

Глубоко раскаиваясь, сквозь кровавые слёзы осознания нелепости своих умозрений, невыносимо страдая своей отверженностью от общей жизни страны, её юной культуры и искусства, я от чистого сердца заявляю ВЦИКомитету следующее:

"Признаю и преклоняюсь перед Советовластием как единственной формой государственного устройства, оправданной историей и прогрессом человечества!"

"Признаю и преклоняюсь перед партией, всеми её директивами и бессмертными трудами!"

"Чту и воспеваю Великого Вождя мирового пролетариата товарища Сталина!"

Обязуюсь и клянусь все силы своего существа и таланта отдать делу социализма.

Прошу помилования.

Если же помилование ко мне применимо быть не может, то усердно прошу о смягчении моего крайне бедственного положения...

Если я недостоин помилования, то усердно прошу уменьшить мне срок ссылки, дать минус шесть или минус двенадцать без прикрепления к одному месту.

Всё это спасло бы меня от преждевременной смерти и дало бы мне, переживающему зенит своих художнических способностей, возможность новыми песнями искупить свои поэтические вины..."

Это заявление было переслано в Москву Сергею Клычкову для дальнейшей передачи по инстанции. Жена Сергея Варвара Горбачёва показывала его Ахматовой, которая привела несколько строк из него по памяти в "Листках из дневника".

Из письма С. А. Толстой-Есениной 17 июня 1934 года.

"...Поговорите с богатыми писателями и с моими почитателями – ведь их у меня недавно было немало. Я погибну в Нарыме без милостыни со стороны, без одежды, без пищи и копейки. Поговорите с В. Ивановым, Леоновым! Нельзя ли написать Шолохову и Пантелеймону Романову, Смирнову-Сокольскому. Если будет исходить просьба от Вас – они помогут... Сходите к Антонине Васильевне Неждановой... Поговорите с ней обо мне – и о том, чтоб она поговорила с Горьким – об облегчении моего положения... Они давно знакомы – ещё по Италии, когда Алексей Макс(имович) был там в изгнании. Объясните Неждановой просьбу: убавить срок ссылки (дано пять лет по 58-10 статье за поэму "Погорельщина" и агитацию ею). Дать минус шесть или даже двенадцать без прикрепления к месту ссылки. Оставить мне мою писательскую пенсию, просить ГПУ передать мои рукописи в архив Оргкомитета писателей... Обрадовали бы, если бы соорудили посылочку – чаю, сахару, сухарей из белого хлеба, компоту от цинги, – простите, но я так тоскую по всему этому! Здоровье моё сильно пошатнулось. Теперь бы вы меня и не узнали бы – такой я стал... Помогите, родимая, простираюсь к Вам сердцем своим, целую Ваши ноги и плачу кровавыми слезами..."

Из письма Алексею Толстому:

"Алексей Николаевич, – после двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы, я за чтение своей поэмы "Погорельщина" и отдельные строки моих черновиков, за слова моих стихотворных героев сослан в жестокую Нарымскую ссылку, где без помощи добрых людей неизбежно должен погибнуть от голода и свирепой нищеты. Помогите мне ради моей судьбы – как художника и просто живого существа. Умоляю о съестной посылке. Деньги только телеграфом..."

Идут письма Николаю Голованову, Вячеславу Шишкову и Павлу Васильеву: “Дорогой поэт – крепко надеюсь на твою милостыню. Помоги несчастному. Отплачу сторицей в своё время. Русская поэзия будет тебе благодарна”... Достоверно известно, что Клычков, его жена, Анатолий, Нежданова, Обухова присылали ему деньги и вещевые передачи, делали всё, чтобы облегчить его участь, и Николай не уставал их благодарить за помощь и поддержку.

А 15-м июня датируется его письмо, обращённое в бывший Политический Красный Крест, ныне – Общество помощи политическим заключённым, к Екатерине Павловне Пешковой.

“Двадцать пять лет я был в первых рядах русской литературы. Неимоверным трудом, из дремучей поморской избы вышел, как говорится, в люди. Моё искусство породило целую школу в нашей стране. Я переведён на многие иностранные языки, положен на музыку самыми глубокими композиторами. Покойный академик Сакулин назвал меня “Народным златоцветом”, Брюсов писал, что он изумлён и ослеплён моей поэзией, Ленин послал мне привет как преданнейшему и певучему собрату, Горький помогал мне в материальной нужде, ценя меня как художника. За четверть века не было ни одного выдающегося человека в России, который бы прошёл мимо меня без ласки и почитания. Я преследовался царским правительством как революционер, два раза сидел в тюрьме, поступаясь многими благами жизни. Теперь мне пятьдесят лет, я тяжело и непоправимо болен, не способен к труду и ничем, кроме искусства, не могу добывать себе средств к жизни...”

Кроме просьб о материальной помощи, об оставлении пенсии, о содействии в охране имущества в Москве, он просит о главном: перевести его из Нарымского края “в отдалённый конец быв(шей) Вятской губернии, в селение Кукарку, в Уржум или Краснококшайск, где отсутствие железных дорог и черемисское население, мало знающее русский язык, в корне исключают возможность разложения его моей поэзией, но где умеренный сухой климат, наличие жилища и основных продуктов питания, неимение которых в Нарыме грозит мне прямой смертью...”

Это обращение продлило ему жизнь, помогло, в конце концов, вырваться из Колпашева, грозившего неминуемой близкой гибелью.

* * *

Бытовые тяготы и нищенская жизнь не угасали его духа. В первой половине июня он пишет письмо Яру, где сообщает о новой, только что написанной поэме.

“...Крепко надеюсь на милостыню. Написал поэму – называется “Кремль”, но нет бумаги переписать. Как с поэмой поступить – посоветуй! Жизнью и смертью обязан твоему милосердию... Вероятно, я зимы не переживу в здешних условиях. Прошу о письме. О новостях, об отношении ко мне. “Кремль” я писал сердечной кровью. Вышло изумительное и потрясающее произведение. Где живёте летом? Райское место – этот городок Горбатов на р. Оке, весь в вишнях и фруктах. Жители только садами и промышляют. У меня много нужды – всего не перескажешь – получу ответ на это, напишу большое письмо. Но сгораю предчувствием твоего письма. Прощайте. Простите!”

Городок Горбатов на Оке... Это воспоминание о давнем путешествии, о том, как в этом садовом раю Клюев впервые был арестован местной полицией в 1899 году. Документы, посвящённые этому событию в его жизни, хранились одно время в Государственном архиве Российской Федерации, но потом исчезли в неизвестном направлении.

Не случайно в гибельной Нарымской ссылке вспомнился этот городок. Вспомнилось самое начало хождения по тюремным мукам.

“Кремль” упоминается и в других письмах к Яру в таких выражениях, в каких Клюев не говорил и не писал ни об одном своём произведении.

“... Иногда собираюсь с рассудком и становится понятным, что меня нужно поддержать первое время, авось мои тяжёлые крылья, сейчас влачащиеся по земле, я смогу поднять. Моя муза, чувствую, не выпускает из своих тонких перстов своей славянской свирели. Я написал, хотя и сквозь кровавые слёзы, но звучащую и пламенную поэму. Пришлю её тебе. Отдай перепеча-

тать на машинке, без опечаток и искажений, со всей тщательностью и усердием, а именно так, как были напечатаны стихи, к титульному листу которых ты собственноручно приложил мой портрет, писанный в Вятке на берегу с цветами в руках — помнишь? Вот только такой и должна быть перепечатка моей новой поэмы... Прошу тебя запомнить это и потрудись для моей новой поэмы, на которую я возлагаю большие надежды. Это самое искреннейшее и высоко зовущее моё произведение. Оно написано не для гонора и не с ветра, а оправдано и куплено ценой крови и страдания. Но всё, повторяю, зависит от того, как его преподнести чужим, холодным глазам...

“...Быть может, скоро кончится путь мой земной, а пока жив я — потрудись устроить мою поэму “Кремль”, ибо такие вещи достойны всяческого внимания и могут быть созданы только в раю или на эшафоте, раз за жизнь поэта.

... “Кремль” — роковое моё произведение. Ты, конечно, это понимаешь без пояснений. Не давай рукописи никому, пока не перепечатаешь. Рукопись непременно украдут, и даже продадут. Если можно, прочитай её не торопясь и не захлёбываясь, собранию поэтов и нужных людей, но ни на один час не оставляй её ни у кого на руках, чтобы не нахлобилось на неё клеветы и злых мнений, что очень может мне навредить. Если какой-либо журнал захотел <бы> “Кремль” напечатать, то договорись о гоноре по высшей ставке, так же и в отдельном издании. В моём голоде и нищете это очень важно. Ах, если бы напечатали! Я бы купил отдельную землянку, убрал бы её по-своему с пушкинским расколотым корытом — и умер бы, никого не кляня. Дитя моё, помоги! Потрудись, похлопочи!.. Но главное — ни по какой усердной просьбе и никому не давай на дом рукописи!!!”

Внимательное чтение поэмы, опубликованной лишь через почти что 70 лет после создания, убеждает в том, что опасения Николая не были напрасными.

* * *

В 1942 году, будучи в лагере для русских немецкого происхождения в Конице, в Западной Пруссии, Иванов-Разумник писал статьи для берлинской русскоязычной газеты “Новое слово”. Одну из статей он посвятил персонально Ключеву. Шла там речь, в частности, и о “Кремле”, с которым критик познакомился через посредничество Анатолия Яра.

“Сломленный нарымской ссылкой и томской тюрьмой, ... Ключев пал духом и попробовал вписаться в стан приспособившихся. В 1935 году он написал большую поэму “Кремль”, посвящённую прославлению Сталина, Молотова, Ворошилова и прочих вождей; поэма заканчивалась воплем: “Прости иль умереть вели!” Не знаю, дошла ли поэма “Кремль” до властителей Кремля, но это приспособленчество не помогло Ключеву: он оставался в ссылке до конца срока, до августа 1937 года.

К слову сказать: поэзия не терпит неискренности и насилия. Вымученный “Кремль”, если бы он даже сохранился, не прибавил бы лавров в поэтический венок Ключева; а он мог и не сохраниться, как и всё поэтическое наследие Ключева этих последних годов жизни”.

Ссылаясь на Иванова-Разумника, примерно в том же тоне отозвался о “Кремле” первый публикатор Ключева в США и в Германии Борис Филиппов: “Кремль” пропал бесследно, но это — самая лучшая участь для вымученного и фальшивого панегирика жертвы палачу”...

Но уже когда поэма появилась в печати в 2006 году благодаря самоотверженному труду над ключевским архивом, сохранённым Анатолием Яром, — труду его дочери Татьяны и питерского литературоведа Александра Ивановича Михайлова, — когда в Томске вышла книга “Наследие комет” с перепиской поэта и художника и полным текстом “Кремля” — даже тогда возник соблазн “вписать” Ключева в реестр “приспособившихся”, пусть и поневоле, а “Кремль” сопоставить со стихотворными хвалами Сталину Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака. Во всяком случае — определить для поэмы некий “ранжир”. Этим ощутимым стремлением продиктовано большинство статей в сборнике, специально посвящённом “Кремлю”, выпущенном Томским государственным университетом 5 лет назад.

Нет, не похожа эта поэма на “панегирик жертвы палачу”...

*Кремль озарённый, вновь и снова
К тебе летит беркутом слово
Когтит седое вороньё!
И сердце вещее моё
Отныне связано с тобою*

*Певучей цепью заревою, —
Оно индийской тяжкой ковки,
Но тульской жилистой сноровки,
С валдайскою залётной трелью!..*

Клюев, по сути, не изменяет себе, не ломает своей поэтики, он во всеоружии своего всегдашнего красочного слова, которое выпускает беркутом к Кремлю — “когтит седое вороньё”... И здесь мы волей-неволей возвращаемся и к циклу “Ленин”, где впервые появляется это сакральное слово — “Кремль”.

*В желтухе Царь-град, в огневице Калуга,
Покинули Кремль Гермоген и Филипп,
Чтоб тигровым солнцем лопарского юга
Сердца врачевать и молебственный хрип.*

Тогда врачевателями стали патриарх-мученик, уморенный голодом во время польского нашествия, и митрополит, выступивший против казней, учинённых Иваном Грозным и задушенный Малютой Скуратовым... Теперь же — сам поэт, ссыльный и измученный, но возрождающийся на глазах, “когтит седое вороньё” в самом Кремле... Но через что нужно пройти, что преодолеть, дабы выполнить эту завещанную миссию?

*Русь Калиты и Тамерлана
Перу орлиному не в сусло, —
Иною киноварью взгусло
Поэта сердце, там огонь
Лесным пожаром гонит сонь,
Сварливый хворост и валежник.
И, улыбаясь, как подснежник,
Из пепла серебрится Слово, —
Его история сурово
Метлой забвенья не сметёт,
А бережно в венок вплетёт
Звенящим выкупом за годы,
Когда слепые сумасброды
Меня вели из ямы в яму,
Пока кладбищенскую раму
Я не разбил в крови и вопи,
И раскалённых перлов копи
У стен кремлёвских не нашёл...*

Все призраки костлявой, воплощавшейся в жуткие образы на протяжении последних лет, отринуты. Живая жизнь весенним подснежником вырастает из могильного пепла, кажется, уже похоронившего поэта... Но это воскресение требует платы. Платы — “Русью Калиты и Тамерлана”, ибо новая жизнь властно выступает в гармонии с некогда столь ненавидимым железом.

*Поэт, поэт, сосновый Клюев,
Шаман, гадатель, жрец избы,
Не убежать и на Колгуев
От электрической судьбы,
И европейских ветродуев
Не перемогут лосьи лбы!
Как древен вой печной трубы
С гнусавым вороном-метелью!..
Я разлюбил избу под елью,*

*Медвежьи храпы и горбы,
Чтоб в буйный праздник бороньбы
Индустриальной юной нивы
Грузить напевы, как расшивы,
Плодами жатвы и борьбы!*

.....
*Мои поэмы — алконосты,
Узорны, с девичьим лицом,
Они в затишье костромском
Питались цветом гоноболи.
И русские — чего же боле?
Но аромат чужих магнолий
Умеют пить резным ковшом
Не хуже искромётной браги.
Вот почему сестре-бумаге
Я поверяю тайну сердца,
Чтоб не сочли за иноверца
Меня товарищи по стали
И по железу кумовья...*

Эту поэму невозможно понять, если видеть в ней либо панегирик власти, либо мольбу о прощении, либо стихотворное воплощение мотива покаяния, который выражен в заявлении во ВЦИК, приведённом выше... В ней совершается одновременно грандиозный переворот в самом поэте, соединение некогда не соединимого — природной стихии с железно-государственной, возрождение поэта к новой жизни через плач по старой — и утверждение себя всегдашнего, хранителя и накопителя мировых художественных сокровищ... Пушкинское “чего же боле?” здесь тем более к месту, пушкинскими мотивами пронизан весь “Кремль” — реминисценции из “Пророка”, “Полтавы” и “Медного всадника” бисером рассыпаны по всему стихотворному полотну... И если в “Песни о Великой Матери” вместо бронзового Петра в далёком будущем “Егорий вздыбит на граните наследье скифских кобылиц”, то ныне “императорское дело”,

*Презрев венец, свершил простой
Неколебимую рукой,
С сестрой провидящей морщиной,
Что лоб пересекла долиной,
Как холмы Грузии родной.*

Императорское дело... Пятнадцать лет назад поэт пророчествовал о наступлении послереволюционного Апокалипсиса.

*...Мы очнёмся в Красном Содоме,
Где из струн и песен шатры.*

*Где русалкою Саломия
За любовь исходит в плясне...
Обезглавленная Россия
Предстаёт, как поэма, мне.*

Это после упований на победу “керженского духа” в революционной стихии. Красный Содом отбушевал — и перед глазами поэтов выросла цветущая “кремлёвская скала”, пред которой он складывает свои поэтические дары. Новая империя, пред которой невозможно не склонить голову.

Но Клюев и склоняет её по-своему:

*У потрясённого Кремля
Я научился быть железным
И воску с деревом болезным
Резец с оглядкой отдаю,
Хоть прошлое, как сад, люблю, —
Он позабыт и заколочен,*

*Но льются в липовые очи
Живые продухи лазури! —
Далёкий пасмурья и хмури,
Под липы забредёт внучонок
И диких ландышей набрать...
Я прошлым называю гать
Своих стихов, там много дупел
И дятлов с ландышами вкупе...
Опять славянское словцо!
Но что же делать беззаконцу,
Когда карельскому Олонцу
Шлёт Кострома “досель” да “инде”,
И убежать от пёстрых индий
И Маяковскому не в пору?!
Или метла грустит по сору,
Коль на стихи дохнул Багдад
И липовый заглохший сад
Тёмно-зелёною косынкой?..
Знать, я в разногослье с рынком,
Когда багряному Кремлю
По стародавнему “люблю”
Шепчу, как ветер кедрю шепчет
И обнимает хвои крепче,
Целует корни и наросты!..*

И здесь — хочешь, не хочешь, — но придут на память строки из давней уже книги: “...плакучая ива с анчарным ядом в стволе...” “Ива” льёт слёзы по не по старой (хоть и уверяет в том власть) — но по вечной русской жизни, о коей свидетельствуют и сами строки... Здесь в пору и “славянское словцо”, и “пёстрые индии”, и “стародавнее “люблю”, и сакральный клюевский Багдад, “дохнувший” на стихи.

Хорошенькое, однако, покаяние!

И этого мотива не заглушить ни приятием железа, ни описанием “чудесного канала” — ещё недавно “смерть-канала”! — на который дивятся, “как лопарки”, обонежские сосны, ни песней “колхозной вспашки у ворот” (удостоенной недавно лишь дьявольского рёва!), ни восхищением первомайским парадом, возглавляемым Климом Ворошиловым, ни произносимым даже не по слогам, а по буквам (!) фамилиям вождей... “Кормчий Сталин”, что “пучину за собой ведёт” в финале поэмы слишком явно соотносится с “Красным Кормчим” Лениным Ильи Ионовна, что выявляет явный подтекст (уже для немногих понятный) оглядки Клюева на себя самого середины 1920-х, Клюева “Новых песен”, когда он попытался по-своему принять реалии нового времени и нового советского Питера... Когда его “кузнец Вавила” стоял с молотом, занесённым надо всем, “что мило ярому вождю”... Тогда реальность преобразалась мифом... Теперь же всё окружающее неумолимо-реалистично: Русь должна “научиться быть железной”, дабы выстоять в мировых вихрях, в грядущих потрясениях, до которых осталось слишком мало времени... Как писал тридцать с лишним лет спустя хорошо знавший поэзию Клюева Ярослав Смеляков:

*Чтоб ей вперёд неодолимой быть,
готовилась крестьянская Россия
на голову льняную возложить
большой венок тяжёлой индустрии.*

При всей простоте и ясности этих стихов — закрадывается вопрос: не ассоциировал ли подсознательно поэт этот “большой венок” с терновым венцом, возложенным на главу Христа перед распятием и Воскресением?

...И всё же — в чём кается перед советским Кремлём Клюев?

*...Я виновен
До чёрной печени и крови,
Что крик орла и бурю крыл
В себе лежанкой подменил,*

*Избою с лестовкой хлыстовской
И над империей петровской,
С балтийским ветром в парусах
Поставил врагу на страх
Русь Боголюбского Андрея! —
Но самоварная Расея,
Потея за фамильным чаем,
Обозвала меня бугаем,
Николушкой и простецом,
И я поверил в ситный гром,
В раскаты чайников пузатых, —
За ними чудились закаты
Коринфа, царства Монтесумы
И протопопа Аввакума
Крестообразное горелье —
Поэту пряное похмелье
Живописать огнём и красью!..*

Нет, не случайно Клюев просил Анатолия прочесть поэму “не торопясь и не захлёбываясь собранию поэтов и нужных людей”, но не оставлять её ни у кого в руках и никому не давать на дом! Перетолкований и лжетолкований смысла начитанного могла быть масса! Поэма обросла бы вредоносными наслоениями, из-под которых к смыслу пробиться было бы уже невозможно.

“Не хочу коммуны без лежанки” — эта своего рода “визитная карточка” Клюева прилепилась к нему уже безотрывно... Тут загадок нет. А “Русь Боголюбского Андрея”, поставленная врагу на страх, — это узел прелюбопытнейший. Сын Юрия Долгорукого, участвовавший во многих боях и походах, Андрей Боголюбский, отличавшийся великой любовью к Слову Божию, по его собственному признанию, “белую Русь городами и сёлами застроил и многолюдною сделал”... Ему же были явлены чудеса от святой иконы Божьей Матери, он же воздвиг тридцать храмов во Владимире, где, по слову летописца, “и болгаре, и жидове, и вся погань, видевше славу Божию и украшение церковное, крестились”... Он же ознаменовал своё княжение завоеванием великого волжского пути, объединил русские земли Киева и Новгорода под своей властью и принял мученическую кончину от рук изменников в Боголюбове... Очевидной становится при воспоминании о деяниях князя Андрея связующая нить, которую тянет Клюев от Древней Руси к железной современности... Но и это ещё не всё.

“Ситный гром” и “раскаты чайников пузатых” явно переключаются с громами первомайских парадов и “индустриальной юной нивы”... Поэт-то кается, но этот “гром” и эти “раскаты”, Коринф, царство Монтесумы и кончину огнепального протопопа никакая современность отменить не может! Более того, всемирный размах клюевского пера, его титаническая суть: “Я — сам земля, и гул пещерный, шум рощ, литавры водопада...” — явно переликаются с аввакумовским: “И лежащу ми на одре моем... распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земле распространился, а потом Бог вместил в меня небо, и землю, и всю тварь... Так добро и любезно мне на земле лежати и светом одеяну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь...” — и соответствуют всемирному размаху сталинской империи, которая ещё не подозревает об этом соответствии. Вот почему “товарищи по стали и по железу кумовья” не должны счесть Клюева “за иноверца”...

То есть вина его в утверждении в современности “Руси Боголюбского Андрея”, Коринфа и царства Монтесумы — не такая уж и вина на поверку. Но в чём же он всё-таки виновен?

А вот в чём:

*Пятидесятый год отметил
Зарубкою косяк калитки.
В тайник, где золотые слитки
И наговорных перлов короб
С горою песенных узоров,
Художника орлиный норов
Когтить лазурь и биться с тучей*

*Я схоронил в норе барсучьей...
 И мозг, как сторож колотушкой,
 Теленькал в костяной избушке:
 “Молчи! Волшебные опалы
 Не для волчат в косынках алых! —
 Они мертвы для Тициана,
 И роза Грека Феофана
 Благоухает не для них! —
 Им подавай утильный стих,
 И погремушка пионера
 Кротам — гармония и вера!”*

Неверие в молодое поколение, которое пробавляется лишь “утильным стихом”, — вот главная его вина! А ведь “роза Грека Феофана” — не его лишь личное достояние. Он на короткое время возомнил себя единственным хранителем духовных сокровищ Древней Руси — и кается ныне в этом перед “величием Кремля”, к которому обращены взоры и сердца тех, кто хором запоёт на Красной площади: “Бригада нас встретит работой, и ты улыбнёшься друзьям, с которыми труд и забота, и встречный, и жизнь — пополам” и “Нам ли стоять на месте? В своих дерзаниях всегда мы правы!” Он и перед ними, внимающими “погремушке пионера”, разворачивает галерею поэтов, которые — пройдёт время — будут стоять рядом на книжных полках, оставив в истории свои жестокие и кровавые стычки. Здесь и Клычков, что “поёт одетые в лазури тверские скудные поля”; и Маяковский-“злодей”, что “родную пятилетку рядит в стальное ожерелье”; и Прокофьев — “баян от Ладоги до Лаче”, о котором Клюев некогда писал Яру, что его “физиономия кирпича просит”; и “Мандельштама старый дом”; и “лоза лиловая и вдовья” Всеволода Рождественского, о котором говорил, что словесные части его стихов “размерены циркулем”; и “Пастернак — трава воловья”... И единственное исключение делает (вот как сыграла память!) для всеми читаемого, переписываемого, передаваемого из рук в руки Сергея Есенина.

*В луга с пониклою ромашкой
 Рязанской ливенкой, с размашкой
 Ты не зови меня, Есенин!
 Твой призрак морочно-весенний
 Над омутом вербой сизеет
 С верёвкой лунною на шее,
 Что убегает рябью в глуби...

 Не снился вербе сизокрылой
 Букварь волшебный, потому
 Глядеться ей дуплом во тьму,
 Роняя в лунный ковши барашки!
 Прости малиновой рубашке
 И костромскому лапотку,
 Как на отлёте кулику,
 Кувшинке-нянюшке болотной —
 Тебе ли поминать охотно,
 Ветла плакучая Рязани?!
 “Смешного дуралея” в сани
 Впрягли, и твой “Сорокоуст”
 Блинами паюсными пуст,
 И сам ты под бирючий вой
 Пленён старухой костяной, —
 Она в кладбищенской землянке
 Сшивает саван в позаранки...*

Поверхностно прочтя эти строки, можно подумать, что Клюев пишет о массовом соблазнении молодёжи есенинскими стихами, которые он слушал в декабре 1925-го в “Англетере” и о которых пророчествовал, что будут они настольным чтением для нежных юношей и девушек России (в дурную минуту однажды бросил про Есенина: “От зависти стал романсики пописывать”)...

Можно подумать также, что в подтексте речь идёт и о массовых самоубийствах в молодёжной среде сразу после гибели Есенина, которого Клюев оставляет в далёком прошлом, подобно его жеребёнку — “милому смешному дуралею”... И вторгшаяся в поэму есенинская строчка о “ладожском дьячке”, кажется, свидетельствует о злопамятности Клюева, ибо накрепко прирос к нему этот “дьячок” как у современников, так и у потомков... Но на самом деле это, по сути, ответ на “Ключи Марии”: Есенин ещё тогда, в 1918-м, оставлял Клюева в прошлом: “Уходя из мышления старого капиталистического обихода, мы не должны строить наши творческие образы так, как построены они хотя бы, например, у того же Николая Клюева...” И — далее, после цитаты из “Беседного наигрыша”: “Этот образ построен на заставках стёртого революцией быта. В том, что он прекрасен, мы не можем ему отказать, но он есть тело покойника в нашей горнице обновлённой души и потому должен быть предан земле”... Вот на что отвечает Клюев почти через два десятилетия, поминая подспудно и “Беседный наигрыш” — “избу под елью”, которую он “разлюбил” при видении Кремля. Выходит, что Есенин остался со своим “жеребёнком” (как будто не желал потом “задрать штаны, бежать за комсомолом”), а Клюев ушёл в будущее от избы, во всяком случае, от той “избы”, с которой связан был определённый подтекст у насельников Кремля.

Жестоко? Да. Несправедливо? Безусловно. И Клюев сам это, очевидно, почувствовал, ибо в декабре 1936 года уже из Томска писал Яру: “Вышли мне “Кремль” для переделки. Это очень важно!...” Возможно, он хотел более тщательно обработать поэму, в том числе и в части, касающейся Есенина. Но, насколько известно, текста “Кремля” он от Яра не получил.

“Кремль” не столько поэма покаяния и мольбы о прощении (даром, что в финале звучит уже упомянутое “Прости иль умереть вели!” — и эти же слова звучат в “Фугах великой стройки”, упоминанием о которой Клюев завершает своё грандиозное полотно), сколько поэма приятия нового времени, единения с ним... И здесь приходят на память страницы романа Мельникова-Печерского “На горах” — второй части его великой дилогии, когда отец Прохор, служащий по новому обряду, присылает Дуне письмо перед её вступлением в супружескую жизнь: “А особенно утешили вы меня тем, — писал отец Прохор, — что свадьбу желаете справить в единоверческой церкви (напомню, что уже несколько лет Клюев окормлялся в единоверии. — С. К.) и потом остаться в оной навсегда, а зловерный раскол всесовершенно откинуть и, оградясь истинною верой, до смертного часа пребывать отчуждённою от душепагубного раскола. Хотя и немало соблезную я тому, что не вошли вы прямо во спасительную ограду святой церкви, но и тому несказанно рад, что вошли, так сказать, в церковное средостение...” Это письмо Дуня читает жениху, воспитанному в староверии, как и она сама, — и далее между ними звучит следующий диалог:

— Вот как, — выслушав письмо отца Прохора, молвил Пётр Степаныч. — С никонианскими попами в переписке.

— Что ж? — сказала Дуня. — Этот самый священник сказывал мне, что разница между нами и великороссийскими в одном только наружном обряде, а вера и у нас, и у них одна и та же, и между ними нет ни в чём разности. А вот Герасим Силыч все веры превзошёл, и он однажды говорил мне, что сколько вер он ни знает, а правота в одной только держится.

— В какой же? — с любопытством спросил Самоквасов.

— В великороссийской, — ответила Дуня.

— В великороссийской, — сказал Пётр Степаныч и крепко задумался.

— Я сам тех же мыслей, — тихонько молвил он невесте.

— А давно ли? — спросила Дуня.

Но разговор тем и кончился”.

Клюева было бы бессмысленно спрашивать — “давно ли?”. Он и не услышал бы подобного вопроса.

Изначально с Советской властью он был согласен в главном — в том, что ещё раз подчеркнул в “Кремле”: в убеждении, что наступит время,

*Когда свирепый капитал
Уйдёт во тьму к чертям на бал!*

В августе 1934 года в Москве проходил Первый всесоюзный съезд советских писателей. В “Спецсообщении секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР”, содержащем, в частности, высказывания писателей по поводу доклада Николая Бухарина “Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР”, упоминалось, в частности, и о Клюеве:

“Поэт Николай Асеев получил адресованное через президиум съезда письмо от брата адм(инистративно) ссыльного поэта Николая Клюева Петра Клюева, в котором тот просит оказать помощь для облегчения положения Николая Клюева. Судя по содержанию письма, Асеев не единственный адресат”.

Пётр Клюев в письме, датированном 19 августа 1934 года, писал: “...ваш товарищ, а мой брат Николай Алексеевич Клюев, поэт, сейчас в ссылке. Это-то отправлен около 3 мая, находится в Колпашеве Западной Сибири, Нарымского края... Теперь Николаю Клюеву очень тяжело. Написал мне о срочной ему помощи, что-либо сделать для облегчения его положения я не могу. Обращаюсь к Вам, уважаемый поэт, – помогите Николаю, чем можете. Объявите, кому следует. Может быть, можно его из ссылки вернуть. Суровая действительность покарала его, не поняв. Я лишь удивляюсь, что при царском режиме Николай, сидя в тюрьме, отвергал всё неестественное, а тут произошло что-то непонятное для меня. Он посажен – выслан за поэму. За какую – я не знаю... Мне бы не хотелось его смерти в Нарымском крае с его суровыми морозами...”

Судя по всему, Пётр, далёкий в последние годы от своего брата, узнав из письма Николая о происшедшем, обратился в президиум писательского съезда.

На самом съезде царила весьма приподнятая атмосфера. Делегаты вершили суд над Достоевским, которого Горькому было “легко представить в роли средневекового инквизитора” и которого Виктор Шкловский предлагал “судить, ...как изменника” от имени людей, “которые отвечают за будущее мира”. Призывалось “выкорчёвывать до основания из сознания читателя националистические и индивидуалистические образы”. Объявлялось, что “религия держит ещё и сегодня в плену миллионные массы во всём мире; религия является и сейчас орудием фашизма, и надо выбивать это орудие, надо показать, как революция разрушает эту страшную силу власти религии”. Утверждалось, что Толстой и Достоевский вместе с Ницше были “колоннами”, поддерживающими старый несправедливый мир, и писатели призывались “дать бой” – и “это будет бой с титанами, который по плечу лучшим художникам старого времени”, ибо “идеи таких титанов, как Толстой, Достоевский, Ницше” являются “теми высочайшими Гималаями идей старого мира, с которых в наши дни мутными ручьями стекают идеи фашизма и пацифизма”... Бруно Ясенский вещал, что “если лубочный Христос бедняков, выдуманный для них хозяином, прощал их за то, что они любили, я думаю, что наш великодушный победоносный пролетариат простит нас за то, что мы ненавидели и в ненависти нашей доходили до исступления...” Сергей Третьяков сообщал высокому собранию, что есть “тонкая отравка”, которая “воспитана культом Достоевского, Чехова, Толстого, это – представление о “народе-богоносце”, о стихийном бунтаре, об интеллигентских хлюпиках...” Николай Погодин, вдохновлённый впечатлениями от Беломорканала, солидаризировался с Горьким, который не представлял, “чему бы мог поучиться у Островского современный молодой драматург”... В общем, им не было преград ни в море, ни на суше. Они шли “против шерсти мировой литературы”, они, “единственные гуманисты мира”, требовали новых Гомеров и Шекспиров и были уверены, что достигнут этих вершин в борьбе с отечественным литературным “провинциализмом”.

Своеобразным и выбивающимся из общего контекста стало выступление Юрия Олеши, который “представил себя нищим. Очень трудную горестную жизнь представил я себе – жизнь человека, у которого отнято всё. Воображение художника пришло мне на помощь, и под его дыханием голая мысль о социальной ненужности стала превращаться в вымысел, и я решил написать повесть о нищем. Вот я был молодым, у меня было детство и юность. Теперь я живу, никому не нужный, пошлый и ничтожный. Что же мне делать? И я ста-

новлюсь нищим, самым настоящим нищим. Стою на ступеньках в аптеке, прошу милостыню, и у меня кличка “писатель”...

Далее Олеша говорил, что эту повесть он так и не написал, что он увидел молодость страны, новых людей, — и это избавило его от печальных мыслей, ибо свершилось “возвращение молодости”... Трудно сказать, знал ли он строчки Клюева: “Я был когда-то поэтом. Подайте на хлеб, Христа ради”. Но о Клюеве, просившем милостыню на паперти, знали многие делегаты съезда — молва распространялась быстро. И трудно отделаться от мысли, что предполагавшаяся “повесть о нищем” была навеяна именно этой картиной.

Имя Клюева на съезде поначалу не упоминалось вообще. Даже в докладе Бухарина, говорившем и о Блоке, и о Есенине, и о Гумилёве, и о Брюсове, не было сказано о сосланном поэте, который был ещё совсем недавно одной из ключевых фигур в русской современной поэзии, ни единого слова. Не вспомнил о нём и Николай Тихонов в своём содокладе. Но, видимо, когда до делегатов дошло письмо Петра Клюева, уже нельзя было сделать вид, что не существовало в отечественном поэтическом мире его знаменитого брата. И первым нарушил “заговор молчания” Александр Безыменский, который поистине “в поединке не ослаб с косматым зубром листодёром” — как написал Клюев в “Кремле”.

“Я думаю, что надо говорить не только о советских поэтах (в прямом и точном смысле этого слова), но и о тех поэтах, которые являются рупором классового врага, а также о чуждых влияниях в творчестве поэтов, близких нам...” С “рупора классового врага” он и начал, упомянув “империалистическую романтику Гумилёва и кулацко-богемную часть стихов Есенина” и процитировав стихи украинского имажиниста Леонида Чернова (Малюшиченко):

*Любимая
И трижды проклятая столица моя!
Здесь на площади гудят толпы, реют плакаты,
А на полях воет ветер,
Воют собаки бездомные,
Страшно ночью осенней
Думать о чёрных степях.*

Сразу после этой цитаты боевой бородатый комсомолец перешёл к самим “классовым врагам”:

“В стихах типа Клюева и Клычкова, имеющих некоторых последователей, мы видим сплошное противопоставление “единой” деревни городу, воспевание косности и рутины, при охаивании всего городского — большевистского, словом, апологию “идиотизма деревенской жизни”.

После этого Клюев был снова забыт всеми выступающими вплоть до заключительной речи Максима Горького.

Руководитель нового единого Союза писателей вплёл имя Клюева в контекст своей полемики с Бухариным по поводу Маяковского, которому, по мнению Горького, был свойствен “вредный гиперболизм” — и этот гиперболизм оказал вредное влияние, в частности, на Александра Прокофьева. Но не только маяковское влияние отметил Горький. Процитировав несколько, действительно, пародийных прокофьевских строк, он вспомнил о своём давнем оппоненте.

“Вот к чему приводит гиперболизм Маяковского! У Прокофьева его осложняет, кажется, ещё и гиперболизм Клюева, певца мистической сущности крестьянства и ещё более мистической “власти земли”...”

Всё! На этом разговор о Клюеве был на съезде закончен. Писатели — и молчавшие, и говорившие — ясно дали понять, что вспоминать о нём более не желают. А если он и вспоминается, то как “апологет “идиотизма деревенской жизни” и “певец мистической “власти земли”. У собравшихся “гуманистов” — ни особого интереса, ни сочувствия вызвать он не может. Дескать, туда ему и дорога!

Николай эти замечательные речи, во всяком случае, выборочно, читал. Пресса до него доходила, да и писавшие ему делились своими впечатлениями от услышанного, мешая факты с недостоверными слухами.

Слухи находили своё отражение и в официальных документах. 26 августа 1934 года был составлен запрос в Нарымский окротдел НКВД с. Колпашево и в Томский оперсектор НКВД совершенно поразительного содержания:

“По имеющимся сведениям на территории Нарымского края отбывает ссылку а/сс (административно-ссылный) Ключев Николай Алексеевич и Клычков, имя и отчество для нас неизвестно, прошедшие через Томский распределительный пункт.

Просьба сообщить действительное нахождение на территории Вашего края указанных а/сс, и если таковые являются особоучётниками, вышлите нам учётный материал, если же относятся к группе массовой ссылки, вышлите карточки ф. № 1 с полными установочными данными.

НАЧ. УСО СИВЯКОВ”.

Принято считать, что в учётных отделах НКВД царил порядок. Как видно – бардака и там хватало. Сергей Клычков, находящийся на свободе (он будет арестован только 31 июля 1937 года), уже числится в сознании “Нач. УСО” административно-ссылным вместе с Ключевым – причём в одном и том же месте. Где же ещё может находиться “кулацкий писатель”, имя которого рядом с именем Ключева склоняется во всех газетах, журналах, критических “исследованиях”!

Ответ в Новосибирск был отправлен ровно через неделю:

“УПРАВЛЕНИЕ НКВД по ЗСК (УСО)

г. Новосибирск, на № 015/А

При этом препровождается учётный материал на адм/сс Ключева Николая Алексеевича. Ключков (так! – **С. К.**) на учёте у нас не значится.

вр. и. д. НАЧ. ОКРОТДЕЛА НКВД ЖУК

ОПЕР. УПОЛНОМ. УСО ЦЫПЛЯТНИКОВ”.

... Из письма Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 5 октября 1934 года:

“Квартира запечатана, и трудно чего-либо добиться положительного о моём жалком имуществе, правда, есть из Москвы письмо с описанием впечатлений от съезда писателей. Оказывается, на съезде писателей упорно ходили слухи, что моё положение должно измениться к лучшему, и что будто бы Горький стоит за это. Но слухи остаются в воздухе, а я неизбежно и точно, как часы на морозе, замираю кровью, сердцем, дыханием. Увы! Для писательской публики, занятой лишь саморекламой и самолюбованием, я неощутим как страдающее живое существо, в лучшем случае, я для неё лишь повод для ядовитых разговоров и недовольства – никому и в голову не придёт подать мне кусок хлеба. Такова моя судьба <и> как русского художника, <и как> живого человека. И вновь, снова я умоляю о помощи, о милостыне... Я писал Николаю Семён(овичу). Ответа нет. Да и вообще мне в силу условий ссылки – почти невозможно списаться с кем-либо из больших и известных людей. К этому есть препятствия. Вот почему я прошу поговорить с ними лично. В первую очередь, о куске насущном, а потом о дальнейшем спасении... Как отнесётся Антонина Васил(ьевна) Нежданова? Она может посоветоваться со Станиславским, а он, в свою очередь, с Горьким. Нужно известить Веру Фигнер – её выслушает Крупская, и, конечно, посоветует самое дельное. Очень бы не мешало поставить в известность профес(сора) Павлова в Ленинграде, он меня весьма ценит. Конечно, всё это не по телефону, а только лично или особым письмом...”

Ключев ещё не знал, что за день до этого письма в Управление НКВД по Северо-Западному краю поступила шифровка из Учётно-специального отдела УГБ НКВД СССР, в которой содержалось распоряжение об отправлении “поэта Ключева” для отбытия оставшегося срока ссылки в Томск “не этапом, а спецконвоем”. Аналогичное по содержанию распоряжение из Новосибирска пришло в Нарымский окружной отдел НКВД в Колпашево.

Это сказались хлопоты Екатерины Павловны Пешковой.

8 октября Ключев покинул Колпашево и отправился под конвоем в Томск, куда прибыл через 3 дня.

Это был последний круг его хождения по мукам.

Роза, смятая в Нарыме

В Томске Клюев снял угол в избе, значившейся как дом № 12 по переулку Красного Пожарника.

Из письма Н. Ф. Христофоровой-Садовой от 24 октября 1934 года:

“На самый праздник Покрова меня перевели из Колпашева в город Томск, это на тысячу вёрст ближе к Москве. Такой перевод нужно принять за милость и снисхождение, но, выйдя с парохода в ненастное и студёное утро, я очутился второй раз в ссылке без угла и без куска хлеба. Уныло со своим узлом я побрёл по неизмеримо грязным улицам Томска. Кой-где присаживался, то на случайную скамейку у ворот, то на какой-либо приступок. Промокший до костей, голодный и холодный, уже в потёмки я постучался в первую дверь кособокого старинного дома на глухой окраине города в надежде выпросить ночлег Христа ради. К моему удивлению, меня встретил средних лет бледный, с кудрявыми волосами и такой же бородкой человек – приветствием: “Провидение послало нам гостя! Проходите, раздевайтесь, вероятно, устали”. При этих словах человек с улыбкой стал раздевать меня, придвинул стул, стал на колени, стащил с моих ног густо облепленные грязью сапоги. Потом принёс валенки, постель с подушкой, быстро наладил мне в углу комнаты ночлег. Я благодарил, еле сдерживая рыдание, разделся и улёгся, – так как хозяин, ни о чём не расспрашивая, попросил меня об одном: успокоиться, лечь и уснуть. Когда я открыл глаза, было уже утро, на столе кипел самоварчик, на деревянном блюде – чёрный хлеб...”

Первый раз за всё время ссылки он встретил такое отношение к себе. Впору было залиться благодарными слезами. Хозяин же всё и объяснил:

“Пришла, – говорит, – ко мне красивая, статная женщина в старообрядческом наряде, в белом плате по брови: “Прими к себе моего страдальца – обратилась она ко мне с просьбой, – я за него тебе заплачу” – и подаёт золотой”. Дорогая моя Надежда Фёдоровна. Вы поймёте мои слёзы и то состояние человека, когда всякая кровинка рыдает в нём. Моя родительница упреждает пути мои. Мало этого – случилось и следующее. Я полез в свой мешок за съестным, думая закусить с кипятком, но, сколько я ни ломал ногтей, не мог развязать пестрядиной кромки, которую завязал мне конвойный солдат мешок. Хозяин подал мне ножик, я стал пилить по узлу и вдоль рубца. Отлетела уцелевшая пуговка, а за ней из-под толстой домотканой заплатки вылез жёлтый кружочек пятирублёвой золотой монеты! Вы мне писали, чтобы я пересмотрел свою жизнь. Я знаю, что за грехи и за личины житейские я страдаю, но вот Вам доказательство того, что не меркнет простой и солнечный свет...”

Этот свет освещал ему последние годы его томского жития – словно последними дарами одаривал Спаситель – по молитвам за него давно ушедших.

Он по-прежнему угнетён бытовой нуждой, просит в письмах о помощи съестным и денежным переводом, умоляет Варвару Горбачёву продать складень Неопалимой Купины, принадлежавший Андрею Денисову: “Писан же он тонким письмом в память Палеостровского самосожжения иже на озере Онего при царе Алексии. Сплошной красный цвет выражает стихию огня. Этому складню всего бы больше приличествовало быть у меня – связу(я) меня, сгоревшего на своей “Погорельщине”, с далёкими и близкими отцами и дядичами, но что же делать? Они простят меня, слабого и уже одной ногой стоящего во гробе...”

Он знал, что его конец близок. А насколько он был близок – тому подтверждение было в том же документе о переводе поэта в Томск. На казённой бумаге появилось примечание, сделанное синим карандашом: “В дело массов.”. Юрий Хардинов, первым исследовавший “Дело ссыльного Н. А. Клюева”, дал существенное разъяснение по этому поводу:

“По утверждению помощника прокурора г. Москвы советника юстиции В. Рябова, синий карандаш на делах тридцатых годов означал предрешённость судьбы – неминуемую гибель жертвы НКВД. Эта надпись на деле Клюева выполнила своё роковое предназначение”.

Как и в Колпашеве, поэт вынужден был просить милостыню... Об этом вспоминала студентка медицинского института Нина Геблер в 1989 году:

“... Меня остановил очень пожилой, как мне показалось, мужчина, высокого роста, склонный к полноте, бледный с несколько одутловатым лицом, с полуседыми волосами, подстриженными по-крестьянски под “кружок”. Одет был очень плохо: запомнилась синяя в белую полоску рубашка-косоворотка, по окружности опоясанная шнурком. Но, несмотря на плохую и даже грязную одежду и рваные брезентовые туфли, он имел вид благородного, интеллигентного человека. Он подошёл ко мне, протянул руку и попросил милостыню на кусок хлеба опальному поэту Ключеву. Я смутилась, денег как будто со мною не было, и я предложила ему зайти к нам...”

А просящий милостыню Ключев и здесь *подобился* своему “прадеду Аввакуму”, вещавшему: “Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу...”

В гостях у семьи Геблер он вспоминал и о Есенине, и о Горьком, и о Леонове, и о Пришвине... На вопрос, не сослан ли Ключев за антисоветскую работу против коллективизации среди крестьян, отвечал, что никакой такой работой не занимался и ни в каких организациях не состоял.

По Томску быстро разнеслась весть о том, что в городе отбывает ссылку известнейший поэт, учитель Есенина, при том, что есенинские стихи ходили по рукам в огромном количестве списков. Студенты Томского университета, преодолевая вполне естественную тревогу (За одно чтение Есенина и обсуждение его стихов можно было вылететь из вуза с волчьим билетом, не говоря уже об исключении из комсомола или из партии!), решили прийти в поэту в гости.

Их было четверо – Виктор Козуров, Николай Копыльцов, Кузьма Пасекунов, Ян Глазычев.

“Человек, вышедший из дома, очень похож на Льва Толстого, – вспоминал Козуров. – Обращало внимание чисто внешнее сходство: тот же примерно рост и комплекция, овал лица, жилистые крестьянские руки и та же лопатобразная борода, только тёмная и заметно короче. Но главное, что бросалось в глаза, – это одежда: простые шаровары из какой-то грубоватой, чуть ли не домотканой материи, под цвет им – просторная рубаха-косоворотка, подпоясанная узким неброским ремешком, на ногах – домашние туфли, надетые на босу ногу.

Невольно подумалось, что все эти атрибуты не случайны. Вероятно, человек сознательно и обдуманно доводил их до полной похожести. Об этом свидетельствовала и поза, которую он принял, появившись на крыльце: ладонь, заложенная за пояс, и внимательный, изучающий взгляд чуточку прищуренных глаз, устремлённый в нашу сторону, и лёгкая полуулыбка на лице, и продолжительная пауза, которую он выдержал, прежде чем заговорить с нами...”

Это было написано уже в 1981 году, и на всём этом уже лежит отчётливый отпечаток ключевской “репутации”, устоявшейся за минувшие годы. Козуров не мог не отдавать себе отчёта в том, что видел перед собой нищего и загнанного человека, носившего то, что у него есть. Но уж больно велик оказался соблазн представить Ключева талантливым актёром, “обдумавшим” своё появление перед студентами... Сам же Ключев давно уже отринул все “личины житейские” и покаялся в них, о чём мемуарист, естественно, не имел никакого понятия.

Студенты начали расспрашивать его о Есенине, и Ключев, задумчиво поглаживая бороду, говорил:

Да, Серёжу-то я знал хорошо. Хорошо знал Серёженьку... Жаль мальчика. Рано ушёл. Совсем рано. Лучше бы он меня вспоминал. Так было бы справедливее. Ну, а что я вам о нём скажу? Что нужно, об этом в своё время сказано и написано. А чего не нужно, лучше и не вспоминать. Так-то оно правильнее будет. Одно скажу: большого человека потеряли, очень большого. Вряд ли ещё когда такой народится...

На просьбу прочесть любимые им стихи Есенина Ключев ответил, что любит все его стихи, как свои. Может, его-то стихи больше любит, чем собственные.

И начал читать “без перерыва и без видимой связи между собой”, — как вспоминал Козуров: “Песнь о собаке”, “Персидские мотивы”, “Сорокоуст”, “Письмо к матери”... “С особым волнением и дрожью в голосе и, кажется, с искренними слезами на глазах прочёл он, по нашей просьбе, “Клён ты мой опавший...” И долго потом не мог успокоиться, вздыхая и проводя ладонями по глазным впадинам. Но “Русь уходящую” читать отказался, никак не мотивируя своего нежелания”.

Он словно заново вернулся памятью к последней встрече с Есениным в “Англетере”, к той невольной обиде, которую нанёс своему собрату, слушая его последние стихи. И читая, каялся перед ним. И за те свои слова, и за несправедливые строчки “Кремля”, которыми отбрасывал Есенина в прошлое... Он уже знал всё, что вещали делегаты писательского съезда о его любимом друге: Бухарина, услышавшего в есенинском поэтическом голосе “культ ограниченности и кнутобойства”, у которого Есенин предстал как “идеолог кулачества”; Тихонова, усмотревшего “однообразные и скучные банальные строки последнего его (Есенина. — С. К.) периода”, что якобы “написаны на костях его биографии”; Александровича, у которого Есенин “кулацкими элементами фольклора питал своё творчество”... Нет, не желал он петь с ними в унисон, не для них были его песни — ещё и потому просил позже Яра выслать ему “Кремль” для переделки.

И потом, разговоривая с пришедшим к нему рабфаковцем Алексеем Шеметовым, спросил:

— Кто же из поэтов нашего века вам ближе? Тот, кого ныне славят? Маяковский?

— Нет. Есенин. И вы.

— Вот как! Значит, молодёжь нас знает? Не думал. Выходит, мы не совсем забыты. Отрадно. Есенин — глубинно русский песнопевец. Придёт время, Россия будет отмываться его чистоструйной поэзией от пожарищной копоти...

Как сказал тогда в “Англетере” — будут нежные юноши и девушки книжечки составлять из его стихов.

И сейчас — как в воду глядел.

* * *

Из письма Надежде Христофоровой-Садовой от 1 января 1935 года:

“Поздравляю Вас со Святками, со звёздной ёлкой счастья и благословения (с этого года вновь было разрешено праздновать Новый год с рождественскими ёлками. — С. К.). Я получил Ваше письмо, наполненное грустью о моих грехах. Я поплакал над ним тихими очистительными слезами. Оно — живое доказательство, что я один из тех тёмных грешников, ради которых и пришёл во плоти Свет на земле, ибо Он пришёл не к праведникам, а к ужасному сборщику римских податей Закхею, к финикиянке-блуднице, львице восточных бань и публичных сатурналий, к бесноватому, живущему во гробах, к гнойным прокажённым. О, какое счастье встать в ряды тех, про которых сказано в Евангелии от Луки в главе VI-ой, стих 22-й: “Блаженны вы, когда возненавидят вас люди, и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше как бесчестное”. И ещё стих 26-ой того же евангелиста: “Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо”.

Дорогое чадо Божие — тёплая и родная Надежда Федор(овна). Да не смущается сердце Ваше и да не устрашается! Не принимайте мои спокойные встречи с искушениями за самый грех (вот о чём надо бы помнить всем, пишущим и говорящим о Клюеве! — С. К.). Будьте в покое, и раскалённые стрелы сатаны возвратятся туда, откуда они прилетели! Ибо ведь “Христос есть мир (в английском переводе — покой) наш (Ефес. 11, 14). Никогда не выходите из этого покоя, если Вы хотите возрасть в очищении. Тогда исчезнет и смущение Ваше. “Что скажет Он, то и сделайте” (Иоанн. 11, 5). Ожидайте всякий день избавления от греха: “Сие пишу вам, чтобы вы не согрешили” (Иоанн. 11, 1). Я же скажу вместе с Апостолом Павлом: “Хотя я ничего и не знаю за собою, но тем не оправдываюсь: судия же мне Господь”. Возьмите чело века, который по причине многогранности своей души не может жить среди официальных праведников, выкиньте его из общественных предприятий,

изгоните из общества, — и Христос скажет: “Вот человек, которого Я ищу! Я пришёл взыскать и спасти погибшее!” Ещё раз прошу Вас пребывать в покое, дабы не затемнить уверенности, что “Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, расцветёт, как кипарис” (Ис. XLII, 1)”.

Нежные и сердечные послания с описаниями терний жизненных и с просьбой о поддержке и помощи получали от него и Варвара Горбачёва, и Лидия Кравченко, и Анатолий... Но писем, подобных Надежде Христофоровой, он не писал больше никому.

“Когда деревья стоят в густом зелёном уборе, то нелегко находить на них плоды, — и многие из них остаются незамеченными. Когда же наступает осень и оголяет деревья, то плоды все обнаруживаются. В сутолоке жизни человек едва узнаваем. Его сокровенная жизнь сокрыта в этой чаще. Когда же вторгаются страдания, мы узнаём избранных и святых по их терпению, которым они возвышаются над скорбями. Одр болезни, горящий дом, неудача — всё это должно содействовать тому, чтобы вынести наружу тайное. У некоторых души уподобляются духовному инструменту, слышимому лишь тогда, когда в него трубит беда и ангел испытания. Не из таких ли и моя душа?” (из письма от 22 февраля 1935 года).

“Я уже не считаю дней и месяцев. Жизнь проходит, уплывают, как волны, душа и тело. Только ты одна живёшь вечно, бессмертная музыка! Ты — внутреннее море. Ты — глубокая душа. Угрюмое лицо жизни не отражается в твоих ясных зрачках. Далеко от тебя бегут вереницей дни знойные и ледяные, как стадо облаков по небу, быстро сменяя друг друга. Только ты одна живёшь вечно. Ты — вне мира. Ты сама — целый мир! У тебя своё солнце, свои законы, свои приливы и отливы! Музыка — девственная мать, несущая в бессмертном лоне своём все страсти человеческие, скрывающая добро и зло в лоне своих очей цвета тростника и бледно-зелёной воды тающих горных ледников. Тот, кого ты приютила, живёт вне веков; цепь его дней будет только одним днём, и смерть пожирает всех и всё, ломает себе зубы!”

Всё, кажется, позади у старого поэта. И в эти последние два года жизни поражает взлёт его духа, высота его мысли, душевная сосредоточенность и очищение сердца. Именно так он назвал своё философское стихотворение в прозе, которое начал писать в Томске в конце 1934-го и, закончив, отослал Христофоровой-Садомовой 30 апреля 1935 года.

С многочисленными ссылками на книги Ветхого и Нового завета Ключев, отвечая на письмо Надежды, излагает самые сокровенные мысли, пишет, по существу, о своём духовном перерождении, совершающемся в состоянии спокойной и углублённой радости от предвкушения грядущего очищения и сороднения с Господом Нашим.

Он пишет о людях с природным сердцем, которые “совершают свой грех добровольно... страшатся суда и смерти, но не боятся греха”... Об обновлённом сердце человека обращённого, который находится в состоянии борьбы, старается не грешить, но ему это не удаётся... Это стадии возрастания духа, которые проходил он сам. И, наконец, об очищенном сердце. То, о чём он пишет, как нельзя более кстати для восприятия многих и многих наших современников либо не пытающихся ещё найти свой путь к Богу, либо ищущих его и спотыкающихся на каждом шагу.

“Вот тогда-то я уже не уклоняюсь от прямого пути, жизнь моя течёт, как река. Новые песни вложены в уста мои...”

Многие поверяют Писание своим опытом, вместо того, чтобы проверить свой опыт Писанием. Многие объясняют Слово Божие согласно с своими мыслями, чтобы успокоить совесть. Не верьте ни своему, ни чужому опыту: верьте тому, что говорит Бог о благословении, Им даруемом... В своём последнем письме ко мне Вы несколько раз советуете мне обратиться и очиститься. Но при обращении душа не получает очищения — она только с момента обращения становится собственностью Христовой, но ещё не получает очищения, о котором говорит Иоанн, XV, 2: “Всякую ветвь, приносящую плод, Он очищает”. Итак — очищению подвергается ветвь, уже находящаяся на лозе... Очищение необходимо для того, чтобы можно было духовно возрасти и приносить больше плода... Я нуждаюсь в очищении, потому что иначе люди увидят несоответствие между моею жизнью и моими верованиями — и соблазняются этим... Пока сердце Ваше не очищено, Вы не можете ощущать присутствие Бога в душе своей, хотя бы и веровали в Него. Потому что храм должен быть

очищен прежде, нежели он наполнится славой Бога – Самим Господом Иисусом Христом и силою Духа Святого)... Слово Божие обещает нам полное освобождение от греха. Вы, быть может, спросите: “Что же станется с плотью? Могут ли плотские страсти наши (быть) вырваны из сердца?” Да, могут. Потому что Сам Бог берётся их оттуда изъять. Плоть наша пригвождена была к кресту вместе с Христом...

Многие обладают известным запасом знания. Они с презрением относятся к слишком простому учению и считают очищение от всякого греха нелепостью. Многие не очищаются от своих грехов потому, что слушают людей, которые сами не получили очищения...

Как совершает Бог очищение? Духом Своим, словом Своим, кровью Своею. Отдайте себя в распоряжение Духа Святого: Он поставил Вас перед зеркалом Слова Божия и даст Вам увидеть и осознать свои грехи. Тогда кровь Христа очистит Вашу душу, и Вам станет ясно, что пишет Вам не “страшный человек”, а брат по упованию, вместивший в себя многое, что утаено от многих ревнителей закона, избивающих Стефанов камнями!..

До тех пор, пока сердце моё не было очищено, Христос был только Пророком и Первосвященником для меня: Царём своим я его ещё не признал. Он ещё не воцарялся в сердце, хотя мне и казалось, что Он обитает в нём. Многие христиане невольно впадают в это заблуждение. И они живут целые годы в полной уверенности, что Христос в них, тогда как на деле Он не воцарялся в сердце их. Поэтому, если мы только думаем, что Христос в сердце нашем, это не заставит Его действительно войти в него, пока мы не поверим так, как Он этого желает. Теперь Вы, быть может, уразумеваете, совершил ли я – осуществил ли – очищение всякой скверны плоти и духа?..

Кровь Иисуса Христа помимо меня самого очищает меня. Моё дело только идти вперёд по пути Света, чтобы Слово Божие не стало для меня мёртвой формулой. Постоянное движение вперёд обуславливает постоянное очищение...

Подавляющее большинство совершенно не испытывали близости Христа и сердечного очищения и не могут судить об этом. Другие же люди, получив первоначальное дуновение очищения, слишком занимаются после этого собою, слишком смотрят на ощущения, их окружающие... Защищая и охраняя свои чувства, такие люди лишь настроение считают христианством. Христианство для них лишь затычка в душевные пробоины. Они никогда не узнают в страннике Господа и в юродствующем праведника...

Дорогая Надежда Фёдоровна, драгоценное дитя Божие, Вы, осмысливая меня как личность, – чаще принимаете за меня подлинного лишь моё отражение в искушениях, которыми я, как никто, бываю окружён... Прикосновение к нам раскалённых стрел сатаны не есть ещё бездна и грех (Еф. VI, 16). Хотя они будут обжигать нашу душу и лишать нас покоя, вызывая те или (иные) мысли и сомнения, но если мы будем только спокойно наблюдать это, стрелы улетят обратно так же скоро, как прилетели. Наоборот, если мы углубимся в эти мысли, будем стараться понять, откуда они явились, – тогда горе нам... Вспомните моё спокойствие в молитве и при встрече с искушениями. Только слепой сердцем может моё спокойствие при встрече с грехом объяснить моим участием во грехе (подчёркнуто мной. И это нужно помнить при любом разговоре о Клюеве! – С. К.)... Не смотрите на свою или чужую немощь, но взирайте на могущество Божие. Не смотрите на свою наклонность ко греху, это дрожжи Адамовы, но всегда помните силу Христа, тогда Он и сохранит Вас. Так поступаю я – один из грешников, ради которых и пришёл Свет в мир”.

Клюев беседует с Христофоровой-Садовой как с равной себе собеседницей, отвечая на её, судя по клюевским письмам, довольно жёсткие послания, которые, к сожалению, не сохранились. В “Очищении сердца” он продолжает и развивает мысли о. Павла Флоренского из книги “Столп и утверждение истины” (“потрясающей книги”, по его же словам), в частности, из письма девятого “Тварь”, где Флоренский рассуждает о тварной природе человека: “Очищение сердца даёт общение с Богом, а общение с Богом выпрямляет и устрояет всю личность подвижника. Как бы растекаясь по всей личности и проникая её, свет Божественной любви освящает и границу личности, тело, и отсюда излучается во внешнюю для личности природу. Через корень, которым духовная личность уходит в небеса, благодать освящает и всё окружающее подвижника и вливается в недра всей твари”. Клюев, про-

слеживая свою собственную духовную эволюцию, отодвигает *тварную* тему в сторону и сосредотачивается именно на “общении с Богом”, путь к которому именно в “очищении сердца”. Именно оно преобразует душу и сообщает то духовное равновесие, которое необходимо в той жизни, где нищета, грубость, голод и предчувствие близкого конца.

* * *

А что же Анатолий?

С переездом в Томск Николай перестал получать его письма. Сам же Яр в письмах к родным с увлечением расписывал свою бурную искромётную жизнь.

“Я не успеваю считать закаты и восходы солнца, утро и вечер так же часты, как телеграфные столбы из окна поезда... Я сейчас весь в учении. С новыми силами налёг, что есть мочи, себя не пожалею, но вещи делаю... Откуда силы и умение взялись... Кроме Академии, я печатаюсь почти каждый день в “Вечерней Красной газете”. Это дало мне большую известность по Ленинграду. Рисунки черноморские печатаю в “Вечёрке” и “Резце” № 18. Кроме этого в “Резце” в 20-21 номерах будет помещена статья обо мне, вернее, о моём пребывании на Чёрном море... В Ленинграде вышла книга Люфанова “Исламов” с моими рисунками, вышла книга о (Борисе) Лавренёве с моим портретом наподобие Федина. Выходил Чапыгин с его монографией. Заканчиваю иллюстрации к Пушкину, к “Пиковой даме”. Мыслями и сердцем брожу возле моей затеи с картиной “Писатели”. Вероятно, скоро приступлю к выполнению. Вообще после 5 часов вечера я еду в театр или ещё куда-либо рисовать для газеты...”

Замысел картины “Писатели” зрел давно. Поначалу Яр хотел написать групповой портрет Николая Клюева, Сергея Клычкова и Петра Орешина. Эта картина так и не была написана, зато сотворилась другая: “Сталин, Молотов и Ворошилов слушают сказку Максима Горького “Девушка и смерть”.

Тоже, видно, сюжет из писательской жизни...

“Я сейчас заканчиваю портреты Куйбышева, Кирова и этим заключается книга челюскинцев. Выйдет она 13 апреля. А первая книга — Вам. В ней 26 моих портретов. На эти деньги я шью шубу из лучшего драпа с настоящим котиковым воротником. На это придётся добавить денег. У меня есть надежда на деньги...”

Успех, материальное благополучие, вход в официальный живописный синклит... Всё это не могло не сказаться на его отношении к жизни. Не тот уже мальчик был Анатолий, который наслаждался каждой минутой общения с дедушкой.

Из письма Клюева Лидии Кравченко, матери Анатолия:

“От Толи четвёртый месяц не получаю никакой весточки. Его любовница слишком опытна, чтобы выпустить добычу из своих когтей. Но я надеюсь на природный ум нашего горячего художника. В его годы человек меняет не только кожу, но и душу...”

Впрочем, Клюев не мог не понимать, что дело здесь не только и не столько в “любовнице”.

Из писем Анатолия родителям:

“Н(иколаю) А(лексеевичу) не пишу по некоторым соображениям, очень занят. Напишите ему самые дорогие и лучшие слова. Он благословил мой жизненный путь великим светом красоты и прекрасного. Имя его самое высокое для меня...”

“Я среди этих каменных гор и этого гордого молчания природы много думаю о Дедушке, который прошёл через мою жизнь, показал мне диковинную птицу и ушёл. А я стою зачарованный, стою, боюсь дышать, чтоб не отпугнуть паву. Но она неударжима, обнимает протянутые к ней руки и расправляет крылья, чтоб улететь. Я плачу”.

Анатолий сохранит все письма Клюева и все подаренные и присланные ему стихи. Он сохранит и светлую память о нём до самого конца своей жизни. Но пава улетела уже тогда, когда вкусил молодой живописец плодов официального признания. И не желал ничем омрачать свою новую жизнь. Перепиской со ссыльным поэтом — тем более.

Из письма Клюева Лидии Кравченко:

“Вы пишете, что Толя заботится обо мне. Я недоумеваю, в чём выражается его забота! Я ничего от него не прошу, кроме доброго слова. Скучаю по его искусству и желал бы послужить сам ему. Больше мне ничего не было нужно от Толечки — ни в прошлом, ни в настоящем...”

Из письма Клюева Варваре Горбачёвой от 23 февраля 1936 года:

“Зловеще, но для меня не неожиданно — рассказали вы об Анатолии, он пьян призрачным успехом, до первого пинка, до первого испытания, котор(ое) для него может оказаться громовым ударом и поразить насмерть. Ещё немного, и его путь упрётся в пулю или в цианистый калий. Не первого такого я встречаю на своём веку. Ужасаюсь и содрогаюсь и за это обольщённое дитя! Ничего я от него не прошу...”

Прошу Вас при встрече с Толей и виду не показывать, что Вы знаете моё душевное землетрясение и что его модная фигура пока мне в одиночку в подлинности понятна!..”

Зловещее пророчество, к счастью, не сбылось. Анатолий прошёл невероятным через все испытания, окончил свои дни в почёте и холе. О Клюеве вспоминал радостно и благодарно, но скуп.

И всё же Николай продолжал писать Анатолию. И в одном из писем, уже незадолго до конца, выслал своё последнее из известных нам стихотворений.

* * *

“В чаше страдания не может быть ни одной лишней или бесполезной капли”.

Эти слова Александра Блока из письма Клюеву, запомненные и пронесённые через годы, Николай поставил в качестве эпитафии вместе с цитатами из “Послания к Евреям”, “Книги пророка Исаяи” и “Экклезиаста” в письме к Лидии Кравченко.

... Давно это было. Письма Блока изъяты ещё при аресте 1923 года в Вытегре и пропали без следа... А осталось в памяти то, что и сейчас помогает жить и духа не угашать, вопреки всему.

Николай регулярно посещал Троицкую единоверческую церковь, где настоятелем был бывший князь Ширинский-Шихматов, с которым у поэта сложились близкие и доверительные отношения. Службы в ней совершались до 1939 года, когда она была закрыта, а открылась вновь только в 1944 году.

В иконостасе и сейчас можно увидеть домовые иконы XVIII века: Обрадованное Небо, Трерядницу, Николая Чудотворца, Архангела Михаила... В церкви было три придела — для староверов, единоверцев и католиков (которые негде было больше совершать свои службы)... Приковывает внимание старая фреска — Страшный Суд. Грешники, объятые пламенем, идут в муку вечную, праведники — в жизнь вечную.

Мимо застроенного теперь оврага уходил поэт в Михайловскую рощу и дальше — к Белоозеру, вокруг которого ныне разбит парк. Посещал он и старообрядческий храм, что на улице имени Яковлева... Навещал Ширинского-Шихматова у него дома на Войлочной заимке, где в ту пору был совершенно бандитский район.

Из письма Варваре Горбачёвой от 25 октября 1935 года:

“Какое здесь прекрасное кладбище — на высоком берегу реки Томи, берёзовая и пихтовая роща, есть много замечательных могил... Но жаворонков и сельских ласточек по весне здесь не слышно. Ласточки только береговые и множество сизых ястребов. Ещё до Покрова выпал глубокий снег, ветер низкий, всешарящий, ищущий и человечески бездомный. Мой знакомый геолог говорит, что и ветер здесь ссыльный из Памира или из-за Гималаев, но не костромской, в котором сорочий шёпот и овинный дымок. Как Москва? Как писатели и поэты — как они, горемыки миленькие, проживают. Жалко сердечно Павла Васильева, хоть и виноват он передо мною чёрной виной. Переживу зиму — на весну оправлюсь. Теперь же я болен. Лежал три недели в смертном томлении, снах и видениях — под гам, мерзкую ругань днём и смрад и храпы ночью. Изба полна двуногим скотом — всего четырнадцать голов. Не ему мои песни. Лютый скот не бывал в Гостях у Журавлей. Может ли он быть любим? Но блажен тот, кто и скота милует!..”

На территории тогдашнего Томска находилось четыре кладбища – православное, католическое, еврейское и старообрядческое. Скорее всего, Клюев писал о православном кладбище, на территории которого позже были воздвигнуты корпуса завода “Сибкабель”.

“Мой знакомый геолог” – это одно из последних в жизни радостных обретений Клюева. Речь идёт о ссыльном геологе Ростиславе Сергеевиче Ильине, в доме которого Клюев часто бывал. Читал хозяевам отрывки из “Песни о Великой Матери”, стихи из цикла “Разруха”, рассказывал сочинённую им сказку о коте Евстафии и другие сказки... Вера Ильина, жена Ростислава, вспоминала через много лет:

“...Его манера сказителя Севера, мимика, удивительное звукоподражание создавали впечатление такого художественного целого, что забывалось всё окружающее... Он изображал жужжание мухи под пальцами ребёнка, разных животных, мог говорить разными голосами, так что трудно было себе представить, что говорит один человек... Прекрасны были его отрывки из неоконченной поэмы о матери, особенно в его передаче. Многое он забыл и дополнял просто рассказом. Мы очень просили его записать то, что он помнит, но он этого не сделал и продолжить уже не мог...”

Помню, как-то нам было с ним по пути. Он часто останавливался, то перед какой-нибудь ёлочкой, то перед берёзкой, и говорил о том, как у них расположены ветки, на что они похожи: получалась чуть ли не поэма. Остановился перед домиком, мимо которого я проходила, не замечая его, а тут я сама начинала видеть, что “время разукрасило стены, как не мог бы сделать ни один художник, – и нарочно так не придумаешь”, как гармонирует изба налличником с целым этого столетничка; а что этому крепкому домику не меньше 100 лет, видно из того, как срублены лапы. Как-то он сказал, глядя на валенки Ростислава Сергеевича с розовыми разводами, стоявшие на печке: “Для Вас это валенки сушатся на печке, а для меня – целая поэма”...”

Из письма Надежде Христофоровой-Садомовой с очередной просьбой хлопотать перед Калининским с помощью Надежды Обуховой, Петра Кончаловского и Викентия Вересаева:

“Положение моё очень серьёзно и равносильно отсечению головы, ибо я, к сожалению, не маклер, а поэт. А залить расплавленным оловом горло поэту тоже не шутка – это похуже судьбы Шевченка или Полежаева, не говоря уже о Пушкине, которого Николай 1-й сослал... и куда же? – в родное Михайловское, под сень тригорских холм(ов). Я бы с радостью туда поехал. Поплакал бы, пожаловался бы кое на что на могилке Александра Сергеевича! Не жалко мне себя как общественной фигуры, но жаль своих песен – пчёл сладких, солнечных и золотых. Шибко жалят они моё сердце. Верю, что когда-нибудь уразумеется, что без русской песенной соли пресна поэзия под нашим вьюжным небом, под шум плакучих новгородских берёз. С болью сердца иногда читаю стихи знаменитостей в газетах. Какая серость! Какая неточность! Ни слова, ни образа. Всё с чужих вкусов. Краски? Гольи анилины, белила да сажа, бедный Врубель, бедный Пикассо, Матисс, Серов, Гоген, Верлен, Ахматова, Верхарн. Ваши зори, молнии и перлы нам не впрок. В избе есть у меня и друг – жёлтый кот – спит со мной, жалеет меня, кормлю его жамкой. Здоровье моё плохое. Простите. Прощайте!”

Вера Ильина вспоминала, что в разговорах о поэзии Клюев утверждал: поэт должен говорить только видимыми образами, и посему отказывался считать поэзией стихи Владимира Соловьёва... Что уж тут говорить о стихах “знаменитостей” 1930-х годов... Сам же он продолжал творить, частично записывая сочинённое на бумаге, а частично оставляя в памяти.

Он общался в это время не только с живыми, но и с давно ушедшими.

Из письма Варваре Горбачёвой от 23 февраля 1936 года, после получения от семьи Клычковых денежного перевода:

“...Купил молока, муки белой, напёк оладий, заварил настоящего трёхрублёвого чая, а когда собрал стол, то и пить не мог, всё бормотал, шептал и звал любимых – со мной чайку испить! И они пришли. Первой явилась маменька – как бы в венчальной фате, и видима почти по колени, потом дядюшка Кондратий в свете самосожженческого сруба, Серёженка – сильно неподвижный, но освободившийся, Александр, Николай, Владимир, Ильюша – все отошедшие, но в неистребимой силе живущие, даже до цвета и звука!.. Я часто хожу на край оврага, где кончается Томск, – вливаюсь в заревые про-

духи, и тогда понятней становится моя судьба, судьба русской музыки, а, может быть, и сама Жизнь-матерь. Но Сибирь мною чувствуется, как что-то уже нерусское: тугой, для конских ноздрей воздух, в людской толпе много монгольских ублюдков и полукровок. Пахнущие кизяком пельмени и огромные китайские самовары – без решёток и душника в крышке. По домам почему-то железные жаровни для углей, часто попадаетеся синяя тян-дзинская посуда, а в подмытых половодьями береговых слоях реки Томи то и дело натыкаешься на кусочки и черепки не то Сиамы, не то Индии. Всё это уже не костромским суслон, а каким-то кумысом мутит моё сердце: так и блёкнут и гаснут дни, чую, что считанные, но роковое никакой метлой не отметишь в сторону. . .”

Это письмо было написано перед очередным поворотом в его судьбе. 23 марта Клюев был арестован по обвинению в участии в “церковной контр-революционной группировке” и заключён в местную тюрьму, где его разбил паралич. Отнялись левая рука и нога, закрылся левый глаз, да ещё настиг порок сердца. Лишь чудом каким-то выжил. Изъяты были стихотворения и поэмы, записанные уже в Томске.

В тюремной больнице он, возможно, вспоминал свои старые стихи буйных революционных лет.

*В китовьем жиру увязают и пули,
Но страшен поэту петли поцелуй,
Меня расстреляют в зелёном июле
Под плеск осетровый и жалобы струй...*

*Никто не узнает вождя каравана
В узорном бурнусе на жгучем коне...
Не ветлы России, а розы Харрана
Под смертным самумом вздохнут обо мне!*

Но и в этот раз ему удалось избежать пули. . .

“Дело” № 12264 не сохранилось. Известен лишь документ об освобождении 4 июля “ввиду приостановления следствия. . . ввиду его болезни – паралича левой половины тела и старческого слабоумия”. Слова о “приостановлении следствия” в донесении Управления НКВД по Запсибкраю были зачёркнуты составившим донесение капитаном НКВД Подольским. Явно раскручивалось очередное групповое дело, в этот раз *не докрученное* до конца.

Возможно, сыграло свою роль в освобождении поэта обращение Ростислава Ильина к Екатерине Павловне Пешковой, которая снова помогла опальному поэту. Весной Ильин получил научную командировку в Москву и Ленинград, в Москве был у Надежды Христофоровой-Садомовой, которой рассказал о бедственном положении Николая, и написал письмо в Политический Красный Крест:

“Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Поэт Николай Алексеевич Клюев в марте арестован в Томске (где он отбывал ссылку), у него был удар, отнята левая сторона, и он сразу был переведен в тюремную больницу. В чём он обвиняется, – неизвестно. Во всяком случае, ему не может быть предъявлено обвинение в порочном поведении. Одновременно с ним арестованы епископ и др(угие) церковники.

Клюеву в его исключительно тяжёлом положении могло бы помочь личное заступничество А. М. Горького. . .”

Трудно сказать – обращалась ли Екатерина Павловна к Горькому, который мог поговорить напрямую с Ягодой, что был завсегдаем в его доме, – или действовала сама. Так или иначе Клюев в июле месяце вернулся под свой негостеприимный кров в совершенно разбитом состоянии.

Из письма Надежде Христофоровой-Садомовой после освобождения:

“... С марта месяца я прикован к постели. Привезли меня обратно к воротам домишка, в котором я жил до сего, только 5 июля. Привезли и вынесли на руках из телеги в мою конуру. Я лежу. . . лежу, мысленно умираю, снова открываю глаза – всегда полные слёз. Из угла смотрит мне в сердце “Страстная” Владычица, Архангел Михаил на пламенном коне низвергает в пучину Вавилоны, Никола Милостивый в белом омофоре с большими чёрными крестами, с необыкновенно яркими глазами, лилово-агатовыми, всегда спасающими. В своём великом несчастье я светел и улыбчив сердцем. . . Теперь я калека.

Ни позы, ни ложных слов нет во мне. Наконец, настало время, когда можно не прибегать к ним перед людьми, и это большое облегчение. За косым окном моей комнатухи — серый сибирский ливень со свистящим ветром. Здесь уже очень холодно, грязь по хомут. За дощатой заборкой режут ребята, рыжая баба клянёт их, от страшной общей лохани над рукомойником несёт тошным смрадом, остро, но вместе нежно хотелось бы увидеть сверкающую чистотой комнату, напоённую музыкой “Китежа”, с “Укрощением бури” на стене, но я знаю, что сейчас на берегу Томи, там, где кончается город, под водами осенних листьев и хвороста найдётся и для меня место...

Из письма Варваре Горбачёвой от 10 августа 1936 года.

“У меня были с трудом приобретённые кой-какие редкие книги и старинные иконы — мимо которых я как художник не могу пройти равнодушно, но и они с злополучного марта месяца в чужих руках. Сибирь объясняет знание древнего искусства вульгарным церковничеством. Иное понимание этих вещей не входит никому в сознание. Вот тебе и университетский город! Мне ставится в вину, конечно, борода и непосещение п(и)вного зала с уединёнными прогулками в сумерки за городом (я живу на окраине). Посещение прекрасной нагорной церкви 18-го века с редкими образами для ссыльного — чудовищное преступление! Не знаю, в теле или без тела, наяву или во сне — на фоне северной резьбы и живописи — несколько раз являлась моя покойная мать, — вся как лебединое пёрышко в синеватых радугах, утешала меня и утирала мои слёзы неизреченно ароматным и нежно-родимым платочком...”

Это было знамение — предупреждение о скорой встрече в мире ином.

Ещё один, последний и редкостный дар, последнее сокровище в жизни было даровано ему на этой земле, удивительная находка, которой он сподобился посреди тяжелейшего быта, в невыносимой атмосфере пьяных скандалов и нескончаемых поправок в своём временном пристанище.

Из письма Надежде Христофоровой-Садовой от начала октября 1936 года:

“Горе мне, волу ненасытному! Всю жизнь я питался отборными травами культуры — философии, поэзии, живописи, музыки... Всю жизнь пил отблеск, исходящий от чела избранных из избранных, и когда мои внутренние сокровища встали передо мной как некая алмазная гора, и тогда-то я не гордился. Но всему своё время, хотя это весьма обидно.

Я сейчас читаю удивительную книгу. Она написана на распаренной берёсте китайскими чернилами. Называется книга “Перстень Иафета”. Это не что другое, как Русь 12 века, до монголов. Великая идея святой Руси — как отображение церкви небесной на земле. Ведь это то самое, что в чистейших своих снах провидел Гоголь, и в особенности он, единственный из мирских людей. Любопытно, что в 12-м веке сорок учили говорить и держали в клетках в теремах, как нынешних попугаев, что теперешние черемисы вывезены из Гипербореев, т. е. Исландии Олафом Норвежским, зятем Владимира Мономаха. Им было жарко в Киевской земле, и они отпущены были в Кольвань — теперешние вятские края, а сначала держались при киевском дворе, как экзотика. И ещё много прекрасного и неожиданного содержится в этом “Перстне”. А сколько таких чудесных свитков погибло по скитам и потайным часовням в безбрежной сибирской тайге?! Пишу Вам в редкие минуты моей крепости телесной...”

Это удивительное сведение привлекло пристальное внимание томского краеведа Николая Новгородова — единственного на сегодняшний день, кто всерьёз заинтересовался “Перстнем Иафета”. В своём документальном сочинении, посвящённом этому произведению, он упомянул о том, что эта третья берестяная книга наших предков, известная в истории. “Первая была найдена в Сибири в 1715 году и использована для записи собранного ясака. Вторую в середине XIX века видел у староверов на Мезени русский этнограф С. В. Максимов”. Исследователь ссылался, приводя эти сведения, на академика Янина, знаменитого исследователя берестяных новгородских грамот. Но коли были грамоты — были и книги. Книги, которые, увы, летели в костры, как “письмена языческие”.

Новгородов предположил (и это предположение небезосновательно), что “берестяную книгу Клюев мог получить только из рук священников и, скорее всего, старообрядческого толка”. А о самом “Перстне Иафета” (точнее, об одном её сюжете в клюевском пересказе) выдвинул, очевидно, верное предположение:

“... Вряд ли в “Перстне Иафета” была прямо поименована Гиперборея. В Русской традиции этот термин не употреблялся. Скорее всего, та земля, откуда были привезены так называемые черемисы, называлась Леденцом, Ледяным или Ледовым островом, почему поэт и решил, что это Исландия и поименовал её Гипербореей. Исландия же не могла фигурировать в этом тексте, потому что ещё в 874 году была заселена норвежцами, в 1262-1264 г<оды> была присоединена к Норвегии и никакие черемисы там не водились. Я полагаю, эта неувязка произошла вследствие чересчур вольного перевода с церковнославянского или иного языка, на котором была написана книга “Перстень Иафета”.

Но Клюев, читая берестяную книгу, видимо, прямо связывал описанные в ней события с исторической Гипербореей, охватывавшей Русский Север, Скандинавию и Исландию, — праматерью мировой культуры. Иафет — имя третьего сына Ноя, разделившего землю после Всемирного потопа со своими братьями Симом и Хамом. А гиперборейцы — его прямые потомки.

Поистине, сколько погибло таких чудесных свитков! Погибла, очевидно, безвозвратно и найденная Клюевым книга, и мы уже не в состоянии подтвердить или опровергнуть свои соображения, касающиеся ныне, увы, лишь пересказа одного сюжета в нескольких строках клюевского письма.

“По улице не хожу, больше лежу”, — пишет он Варваре Горбачёвой. Единственное, что ещё спасает, — книги. Беда, что изъято многое и не возвращено, но и память кое-что сохранила. Он цитирует в своих последних письмах Феогида, Романа Сладкопевца, Метерлинка, Иоанна Кронштадтского... Получает, наконец, письмо от Анатолия, пьяного своими успехами, и пишет пронзительный ответ:

“Ты знаешь мои чувства на все случаи твоих триумфов и утрат, поэтому воздерживаюсь их повторять. Слишком я болен и слаб, чтобы в тысячный раз уверять тебя в моей любви и преданности к тебе. Не требуй у жертвы, когда над ней уже поднят топор, сладких клятв и уверений. Твою укоризну, что я тебя забыл, сердце моё принимает только лишь как кокетство. Это вполне понятно в твои годы и в твоём нынешнем положении... Как я чувствую, что салоны Парижа и Нью-Йорка увидят твои картины! При условии, что на первых порах ты не накопишь около себя толпу врагов и перестанешь разжигать в полулюдях зелёную зависть! Радостной теплотой полнится моё сердце от твоих слов: “Мир и красоту своего жилища я ценю выше всего”. Я позволяю себе вместе с великим Вальтер Скоттом сказать: жилища, в котором живёт и благоухает Книга Книг — Библия! Хотя найдётся много пингвинов, тюкающих, что полёт орла к солнцу есть “упадочничество” и что внешний линолеумный комфорт — есть могучая жизнь, дитя моё незабвенное — поторопись милостыней!..”

И просит он у Яра — акварельных красок и три кисточки: две колонковых и “одну обыкновенную, побольше, — для наведения тонов”... Жаждет он писать не только словом, но и кистью...

В письме Варваре Горбачёвой сообщает, что написал “четыре поэмы”. “Кремль” мы, слава Богу, знаем, от остальных трёх — не осталось и следа... Впрочем, стоп: намёк на след всё же остался. Сергей Васильевич Балакин, сын хозяйки последней клюевской квартиры по адресу: Старо-Ачинская улица, 13, — вспоминал отдельные читанные поэтом строки:

*От Москвы до Аляски — кулацкий обзор.
Сломанные косточки, крови горсточки...*

Очевидно, это строки из поэмы “Нарым”, начатой ещё в Колпашеве. Но более об этой поэме мы ничего не знаем.

Зато сохранилось посланное в письме к Яру стихотворение, которое принято считать последним:

*Есть две страны: одна — Больница,
Другая — Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!*

*Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку*

*И заунывною кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:*

*“Ку-ку! Откройте двери, люди!”
“Будь проклят полуночный пёс!
Куда ты в глиняном сосуде
Несёшь зарю апрельских роз?!”*

*Весна погибла, в космы сосен
Вплетаёт вьюга седину”...
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Тянусь к зловещему окну*

*И вижу: тётушка Могила
Ткёт жёлтый саван, и челнок,
Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность строк.*

*В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчиценой трубы
Читаю нити: “Н.А.Клюев —
Певец олонецкой избы!”*

Странник, переходящий грань земного и смертного миров, оставляющий в прежнем — земном — мире “свою клюку” (посох, помогающий в пути), слышит неприветные слова, лишь переступив роковой порог... “Апрельские розы” — не для вестников смерти, “ткацкие кросны”, напоминающие о маминой прялке, оказываются нитями судьбы в руках “тётушки Могилы”, напоминающей древнюю Парку... И нити сплетаются в письма, свидетельствующие о том, кем Клюев останется навечно в земной памяти. “Певцом олонецкой избы” останется он, якобы разлюбивший “избу под елью”.

*Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: “В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плач!”*

*Вот почему в кувшине розы,
И сам ты — мальчик в синем льне!..
Скрипят житейские обозы
В далёкой брэнной стороне.*

*К ним нет возвратного просёлка,
Там мрак, изгнание, Нарым.
Не бойся савана и волка —
За ними с лютней серафим!”*

Этот спасительный ангельский глас, вещающий, что “смерти нет” — предвестие райских куш, в которые измученный земными невзгодами странник войдёт с принесёнными им в глиняном сосуде розами уже в образе “мальчика в синем льне” — безгрешного младенца, омытого живительной влагой предсмертной исповеди и покаяния... Розы в руках поэта, говорящие о “розовом апреле”, который он не думал пережить, напоминают о музыке сфер его любимого Афанасия Фета:

*И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится.
В его дыму, как в творческих грёзах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится...*

(“Измучен жизнью, коварством надежды...”)

“Житейские обозы” и убийственный Нарым оставлены за порогом той жизни — впереди слышна лютня, которая звучала у него внутри все последние месяцы: “Я так нищ, что оглядывая(сь) на себя, удивляешься чуду жиз-

ни — тому, что ещё жив. На меня, как из мешка, сыплются камни ежечасных скорбей от дальних лжебратий и ближних — с кем я живу под одной крышей. Но как ветром с какой-то ароматной Вифаиды пахнёт иногда в душу цитра златая, нищетой богатая! Я всё более и более различаю эту цитру в голосах жизни. Всё чаще и чаще захватывает дух мой неизглаголанная музыка. Ах, не возвращаться бы назад в глухоту и немоту мира! Как блаженно и сладостно слушать невидимую цитру!” И в унисон этой невидимой цитре льётся его последняя песня, что становится первой, спетой за райским пределом, где светлым восторгом сменяется первоначальный страх.

“Небесной родины лишён и человеком ставший ныне”, он, проживший земную жизнь, возвращается в свою “небесную родину”.

Всё сбылось, житейские невзгоды позади, впереди же — чаемый берег, где смерти нет и страха не бывает. И на этом берегу снова воскресает его чаемая, желанная невидимая “Расея”, древняя и вечная, сберегаемая Христом.

*“Приди, дитя моё, приди!” —
Запела лютня неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.*

*И первой песенкой моей,
Где брачной чашею лилея,
Была: “Люблю тебя, Расея,
Страна грачиных озимей!”*

*И Ангел вторил: “Буди, буди!
Благословен родной овсень!
Его, как розы в сосуде,
Блюдёт Христос на Оный День!”*

3 мая Клюев пишет последнее из известных нам писем Варваре Горбачёвой со своего нового адреса:

“Дорогая Варвара Николаевна, приветствую Вас и Егорушку и милого Журавиноного Гостя (Клычкова. — **С.К.**). Теперь вы все, верно, на даче — на своём старом балкончике, — где стихи с ароматом первой клубники, яблони цветут. Моя весна — до Николы с ледяным ветром, с пересвистами еловых вершин. Перевод (30) получил — благодарю, да будет светлой Ваша весна! Прошу Вас поговорить по телефону или написать подробней Надежде Андреевне о покупке ковра, что он подлинно персидский, старый, крашен не анилином, ремонту лишь руб. на 25-ть. Я писал своему племяннику (Яру-Кравченко. — **С.К.**), умолял его о ковре за 400 руб., но ответа не получил. Если его увидите, то скажите эти условия. Я очень нуждаюсь. Здоровье тяжкое. Адрес новый: Старо-Ачинская ул., № 13”.

Срок ссылки подходил к концу, и Клюев, несмотря ни на что, надеялся на скорое освобождение. Из Томска он писал письма и Иванову-Разумнику, ни одно из которых не сохранилось. Архив критика почти целиком погиб в Царском Селе зимой 1941-1942 года в его деревянном домике. “Когда я посетил его в последний раз, — вспоминал критик, — библиотека и архив представляли собою сплошную кашу бумаги, истоптанной солдатскими сапогами на полу всех трёх комнат домика; теперь от него осталось только одно воспоминание...” Но из воспоминаний Разумника видно, что Клюев писал ему о грядущей возможности выехать из Томска “с чемоданом рукописей”... Трудно представить себе, что это был за чемодан, и письмо это, конечно, было отправлено не в августе 1937-го, как писал критик, а ранее... Так или иначе, можно предположить, что Клюев ждал окончания своего срока... И дождался бы, если бы не роковые события мая-июня 1937 года.

* * *

В последние годы объективными историками установлено со всей бесспорностью, что к середине 1930-х годов в высших эшелонах власти до последнего предела обострилось противостояние Сталина и его группы верных

соратников, с одной стороны, и секретарей крайкомов и обкомов, “красных баронов”, умытых кровью гражданской войны и не желающих расставаться с “р-р-революционными” методами управления, — с другой.

В 1934 году было принято постановление ЦИК “О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков”, которое было в целом реализовано к 1936 году. В 1935-м за колхозниками было юридически закреплено право на личное подсобное хозяйство, и состоялась реабилитация казачества. 26 ноября 1936 года в “Правде” Сталин объявил, что “не все бывшие кулаки, бело-гвардейцы и попы враждебны Советской власти”.

А самое главное — 5 декабря 1936 года была принята новая Конституция СССР, были реабилитированы *лишенцы* — колхозники, репрессированные по так называемому закону “о трёх колосках”... Были реабилитированы и “социально-чуждые элементы”, в своё время высланные Кировым, “чистившим” город, из Ленинграда...

И, наконец, был подготовлен проект прямых, тайных демократических выборов: были отпечатаны образцы избирательных бюллетеней с тремя кандидатами — от партийных ячеек, общественных организаций и собраний беспартийных.

Февраль 1937 года. Пленум ЦК ВКП(б). Выступает А. А. Жданов:

“Новая избирательная система... даст мощный толчок к улучшению работы советских органов, ликвидации бюрократических органов, ликвидации бюрократических недостатков и извращений в работе наших советских организаций. А эти недостатки, как вы знаете, очень существенны. Наши партийные органы должны быть готовы к избирательной борьбе...”

Всё это, вместе взятое, было “красным баронам” не просто поперёк горла. Сталин и его команда подвели черту под гражданской войной, реально закончившейся только что, после коллективизации, а отнюдь не в 1922 году. Они преодолевали раскол общества и, соответственно, раскол страны в преддверии самых тяжких военных испытаний.

Прямые демократические выборы — это был конец “ленинской гвардии”, конец её реальной власти. Отличились “герои гражданской” за эти пятнадцать лет так, что при свободном волеизъявлении народа им как своих ушей не видать было не только кресла секретаря крайкома, обкома или райкома, но даже захудалого стульчика в райкомовской бухгалтерии. Более того, ни о какой их личной неприкосновенности уже не могло быть и речи.

И они перешли в контратаку.

И разговор пошёл в любимой терминологии: кто — кого? Он — нас, или мы — его?

После “кремлёвского дела”, раскрутившего *клубок* во главе с Авелем Енукидзе (1935), после процесса Зиновьева-Каменева (август 1936-го) и “параллельного антисоветского троцкистского центра” (январь 1937-го) “бароны” требуют ещё и ещё крови. Народной крови. И крови друг друга.

Народу после всего пережитого, в самом деле, “жить стало лучше и веселее”... А атмосфера подозрительности и страха нагнеталась день ото дня.

Впрочем, и сам Сталин дал понять народу, что не всегда государство может и должно быть милосердным.

Из беседы И. В. Сталина с Лионом Фейхтвангером 8 января 1937 года.

“СТАЛИН. Надо различать критику деловую и критику, имеющую целью вести пропаганду против советского строя.

Есть у нас, например, группа писателей, которые не согласны с нашей национальной политикой, с национальным равноправием. Они хотели бы покритиковать нашу национальную политику. Можно раз покритиковать. Но их цель не критика, а пропаганда против нашей политики равноправия наций. Мы не можем допустить пропаганду натравливания одной части населения на другую, одной нации на другую. Мы не можем допустить, чтобы постоянно напоминали, что русские были когда-то господствующей нацией.

Есть группа литераторов, которая не хочет, чтобы мы вели борьбу против фашистских элементов, а такие элементы у нас имеются. Дать право пропаганды фашизма, против социализма — нецелесообразно...

Критика, которая хочет опрокинуть советский строй, не встречается у нас сочувствия. Есть такой грех”.

Информация о “натравливании”, о писателях, “не желающих, чтобы мы вели борьбу против фашистских элементов”, бралась с газетных страниц, за-

полненных умелой травлей *неудобных*. Уже начали раскручиваться в НКВД “дела” против крестьянских писателей: 8 февраля 1937 года по обвинению в “терроризме” был арестован Павел Васильев.

* * *

Всё это имело самое непосредственное отношение к судьбе Николая Клюева. 25 марта 1937 года, сразу по окончании февральско-мартовского пленума, на котором региональные “бароны” устроили настоящую *истеричку*, требуя продолжения *охоты на ведьм*, по личному указанию секретаря Западно-Сибирского крайкома Роберта Эйхе начальник управления НКВД по Западно-Сибирскому краю Сергей Миронов (он же Мирон Король) составил письменное предписание, где обосновывалась необходимость “тащить” Клюева “не на правых троцкистов”, а “по линии монархически-фашистского типа”. Эйхе готовился к проведению грандиозной “операции”, с которой, собственно говоря, и началась кровавая чистка 1937 года.

После раскрытия “генеральского заговора” и ареста Тухачевского и других командиров Красной Армии в мае 1937-го можно было реально убедить Сталина в существовании *пятой колонны* по испанскому образцу. И с ней необходимо было разобратся немедленно, иначе нечего было и думать об альтернативных кандидатурах на грядущих выборах. Но, прежде всего, нужно было найти эту самую *пятую колонну*, тогда можно было бы доложить и о начале расправы с ней. О начале, *только о начале*, чтобы раскручивать кровавый маховик дальше.

Эйхе стал готовиться в марте, сочиняя “линию монархически-фашистского типа”... Можно было, в духе времени, использовать и “троцкистов”, но в “Клюева-троцкиста” никто бы не поверил даже из местного начальства. И успеть в изготовлении сей страшной “организации” (у которой ещё и названия-то не было!) нужно было до июньского пленума 1937 года, на котором предстояло выложить козырные карты на стол.

Название организации появилось в апреле: 29 апреля датирован протокол допроса арестованного в Томске Голова Александра Фёдоровича.

“*Вопрос.* На допросе 19 апреля 1937 г<ода> Вы признали, что являетесь членом контрреволюционной организации “Союз Спасения России”, назвали участников этой организации. Дайте характеристику известным Вам членам контрреволюционной организации, указанным Вами в предыдущем показании.

“*Ответ.* В состав контрреволюционной организации “Союз Спасения России” входят лица с явно враждебными взглядами против Советской власти, приверженцы монархического строя...”

И далее – имена: Георгий Лампе, бывший морской офицер Павел Иванов, преподаватель русского и латинского языков Томского университета Александр Успенский, бывший кулак Гавриил Диков, студенты университета братья Рязанцевы, некто Беляев... И, наконец:

“О принадлежности к этой организации Лампе, Беляева, бывш. княгини Волконской, адмссильного писателя Клюева – мне известно со слов Ивановского, который всех знает лично, посещал их квартиры и обсуждал с ними вопросы борьбы с Соввластью. Особо он придавал значение участию в этой организации писателя Клюева и Волконской, говоря, что “это – люди непримиримой борьбы”...”

Показания эти выжимал из подследственного Оперуполномоченный 7 отдела УГБ младший лейтенант госбезопасности Горбенко.

Пётр Ивановский, такой же административносильный, был, очевидно, знаком с Клюевым, как и некоторые другие персонажи этого дела, из которых и склачивалась пресловутая “организация”.

15 мая был допрошен Александр Успенский, по его словам – “по своим убеждениям – социалист”.

“*Вопрос.* Кто является руководителем организации?”

“*Ответ.* Со слов Ивановского мне известно, что идейным вдохновителем и руководителем организации является писатель Клюев, отбывающий в данное время ссылку в г. Томске.

Ивановский говорил мне о том, что Клюев является известной фигурой среди монархических элементов как в России, так и за границей прошлой

своей деятельностью, что он и теперь остался авторитетной личностью среди людей, ненавидящих советскую власть.

При этом Ивановский говорил мне, что Клюев отбывает ссылку в г. Томске за продажу своих сочинений, направленных против советской власти, одному из капиталистических государств, какому именно — он не упоминал, только указал, что сочинения Клюева были напечатаны за границей, и ему прислали за них 10 тысяч рублей.

Вопрос. Лично вы были знакомы с Клюевым?

Ответ. Нет, личной связи с Клюевым я не имел. Ивановский, как я понял из его слов, с Клюевым знаком давно и находится с ним в близких отношениях, посещали друг друга на квартирах и т. д. . . .”

Слышал несчастный звон, да не знал, где он. “Испорченный телефон” работал на полную катушку. “Монархизм” Клюева взялся, очевидно, из читанных поэтом отрывков “Песни о Великой Матери”. . . Рассказ о знакомстве с Этторе Ло Гатто превратился в “продажу сочинений капиталистическому государству”, и сумма гонорара была явно выдумана, поскольку даже от берлинских “Скифов” Клюев в своё время не получил ни рубля! . . .

Но главное было сделано: от свидетеля получен необходимый “материал”.

28 мая был выдан одер № 656 с поручением произвести обыск и арест “гр. Клюева Николая Алексеевича”, проживающего по адресу: г. Томск, Стара-Ачинская ул. 13, кв.1.

В тот же день было выписано “Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения”. Клюев, оказывается, “является руководителем и идейным вдохновителем контрреволюционной монархической организации “Союз Спасения России”, существующей в г. Томске, принимал в ней деятельное участие, группируя вокруг себя контрреволюционный элемент, репрессированный соввластью. Имеет связи с зарубежными монархическими элементами, по заданию которых проводит к-р работу по объединению враждебных элементов Соввласти. . .” и потому привлекается в качестве обвиняемого по статье 58 чч. 2, 10, 11. То есть речь шла о подготовке вооружённого восстания с целью захвата власти, пропаганде и агитации, содержащей призыв к свержению или подрыву советской власти и распространению и изготовлению литературы соответствующего содержания, и всё это осложнялось действиями организации. И тут же составляется начальником 3-го отделения Том. ГО НКВД лейтенантом госбезопасности Великановым “Справка”, в которой все вышеприведённые обвинения дополняются ещё тремя пунктами:

“Присутствуя на контрреволюционных сборищах, Клюев выдвигал вопросы борьбы с советской властью путём вооружённого восстания. . .

Будучи враждебно настроен к существующему строю, находясь в ссылке в г. Томске, Клюев продолжает писать стихи контрреволюционного характера, распространяя их среди некоторых участников контрреволюционной организации. . . .”

Но и этого мало. Нужно дополнить ещё вот чем:

“Установлено, что некоторую часть своих контрреволюционных произведений Клюев переправил за границу и из г. Томска (! — **С.К.**) через соответствующих лиц, имеющих связи с представителями иностранных государств”.

Кем установлено? Когда? Неужели в эту “передачу” превратились обращения Клюева в Красный Крест?

Впрочем, истина никого не интересовала. Было предписано мерой пресечения избрать “содержание под стражей в местах заключения, подведомственных органам НКВД”.

А на следующий день был допрошен Пётр Ивановский, назвавший Клюева в числе других 33-х членов “организации”. Ещё через день — допрос Георгия Лампе, который поначалу вообще отрицал существование какого-либо “союза”, но, когда ему пригрозили очными ставками, — сломался. Тут уже одним Томском дело не ограничилось. Щупальца “Союза” оказались куда длиннее!

Вопрос. Какие директивы Вами получались от Московского кадетско-монархического центра?

Ответ. Директива Московского монархического центра нашей организации предъявляла требование развернуть работу по созданию монархических формирований в Нарыме. При этом особенное наше внимание обращалось на сконцентрированный в Нарымской ссылке монархический элемент и на

спецпереселенцев. Последние рассматривались как живая сила будущих повстанческих отрядов.

Волконский как-то говорил мне: “Вы понимаете, что спецпереселенцы – это организованная масса, которая при наличии соответствующих военных кадров может представить собой довольно внушительную армию”.

И по тому, как говорил Волконский, вполне естественно, что Московский центр фиксирует наше внимание на спецпереселенцах. Значительно позже эту же задачу в разговорах со мной подчёркивал и Клюев...

Второй задачей ставилось: максимальное привлечение в организацию реакционной части научных работников Томских ВУЗов...

Третье: предъявлялось также требование обеспечить своё влияние на монархические элементы Алтая...”

И, наконец, 5 июня пришли за Клюевым. При обыске изъяли рукописную тетрадь, 6 рукописей на отдельных листах, удостоверение личности, выданное НКВД, и 9 штук разных книг.

Это был его шестой арест из тех, о которых достоверно известно на сегодняшний день.

* * *

В анкете, которую заполнял Горбенко 6 июня со слов Клюева, есть вещи достаточно странные. В частности, год рождения указан 1870-й. Скорее всего, это фантазия самого следователя, глядящего на измождённого больного старика. Местом рождения своего Клюев назвал место приписки своих родителей – деревню Макеево Кирилловского уезда Новгородской губернии.

Социальное положение – из крестьян середняков.

Имущественного положения – нет. Политического прошлого – нет. Беспартийный. Ранее в партиях не состоял (ни о приёме в РКП(б), ни о последующем исключении не обмолвился). Образование – среднее, но при этом официального образования не имеет. Под судом и следствием, если верить анкете, был лишь раз в 1934 году, когда приговорили к 5 годам ссылки.

Состояние здоровья: паралич и порок сердца. Подпись внизу выведена еле-еле, с наклоном вниз.

В тот день был задан лишь один-единственный вопрос:

– Скажите, за что Вы были арестованы в Москве и осуждены на ссылку в Западную Сибирь?

– Проживая в Полтаве, я написал поэму “Погорельщина”, которая впоследствии была признана кулацкой, я её распространял в литературных кругах в Ленинграде и Москве. По существу эта поэма была с реакционным антисоветским направлением, отражала кулацкую идеологию.

На этом допрос прервался. Ни единого вопроса о “Союзе Спасения России” Клюеву задано не было. Возможно, следователь не видел в том нужды.

Клюев сидел в тюрьме, когда в конце июня в Москве проходил пленум ЦК – самый таинственный пленум в истории компартии, ибо заседания, проходившие 22–26 июня, не стенографировались. Результатом стало исключение из рядов ВКП(б) 9 членов ЦК и 10 кандидатов в члены ЦК. Междоусобная борьба разгорелась не на шутку. Кроме того, на пленуме был принят один чрезвычайно важный документ.

“Постановление Политбюро от 28 июня 1937 г<ода>

О вскрытой в Зап. Сибири к.-р. повстанческой организации среди высланных кулаков.

1. Считать необходимым в отношении всех активистов повстанческой организации среди высланных кулаков применить высшую меру наказания.

2. Для ускоренного рассмотрения дел создать тройку в составе нач. УНКВД по Зап. Сибири т. Миронова (председатель), прокурора по Зап. Сибири т. Баркова и секретаря Запсибкрайкома т. Эйхе”.

Принятие этого документа Эйхе продавил днём раньше. Следствие по инициированному им делу “Союза Спасения России” шло полным ходом. Но сконцентрировать внимание только на очередной организации контрреволюционеров ему было недостаточно. На пленуме ситуация была представлена

уже как подготовка восстания бывших кулаков – тех, кому недавно были возвращены все гражданские права!

Эйхе выступал не один. 1 и 2 июля со Сталиным и Молотовым встретились и имели беседы последовательно один за другим 9 секретарей крайкомов и обкомов. “Красные бароны”, апологеты гражданской войны, перешли в наступление, требуя полномочий для борьбы с “врагами народа”... Сталин и его приверженцы оказались в численном меньшинстве, и противостоять в открытую у них возможности не было. “Кровью умытые” регионалы имели все шансы сбросить Сталина, выразив ему недоверие в случае его сопротивления, и всё равно развязали бы террор. По существу, страна стояла на пороге новой гражданской войны. Оставался лишь один выход: перехватить инициативу, чтобы “бароны” утонули в тех реках крови, которые должны были пролиться, и исчезнуть, наконец, без следа.

9 июля было принято постановление Политбюро ЦК КПСС “Об антисоветских элементах”. Рекордсменом на лимиты по репрессиям в этом постановлении числился Эйхе – “тройке” по Западно-Сибирскому краю предписывалось утвердить намеченных к расстрелу 6600 кулаков и 4200 уголовников. Но после оперативного приказа № 00447 наркома внутренних дел Николая Ежова от 30 июля 1937 года, где говорилось о необходимости провести репрессии среди “бывших кулаков... социально-опасных элементов... уголовников... сектантских активистов... церковников...”, он “выбил” лимит в 10 800 жителей Западно-Сибирского края, подлежащих расстрелу, без указания числа обречённых на высылку. Его перещеголял лишь Н.С. Хрущёв, обозначивший по Московской области число подлежащих репрессиям в 41 305 человек.

И началась настоящая бойня, более всего напоминающая “красный террор” 1918 года, правда, без огласки. Гибли простые люди вперемежку с деятелями партийного руководства, только-только потиравшими руки от предвкушения своей расправы над населением.

* * *

Из протокола допроса Никиты Ширинского-Шихматова от 19 июля 1937 года:
“Вопрос: Вам известен Клюев Николай Алексеевич?

Ответ: Да, Клюева Николая Алексеевича я знаю, он отбывает ссылку в гор. Томске за контрреволюционные преступления.

Вопрос: Вы признали, что являетесь сторонником монархического строя в России. Скажите, с кем Вы из своих знакомых говорили по вопросу борьбы с советской властью и восстановления монархии в СССР?

Ответ: Об этом я говорил с Николаем Алексеевичем Клюевым. Мы считали, что советская власть рано или поздно должна быть свергнута силами извне, т. е. путём военного выступления капиталистических государств против СССР...

Вопрос: Кем и когда Вы были привлечены в... контрреволюционную организацию?

Ответ: В состав кадетско-монархической организации я вошёл через Клюева Николая Алексеевича в конце сентября 1936 г<ода> или начале 1937 года.

Вопрос: При каких обстоятельствах Вы были вовлечены в состав контрреволюционной организации?

Ответ: После ряда бесед на контрреволюционные темы с Клюевым Николаем Алексеевичем, он сообщил мне, что в г. Томске существует контрреволюционная монархическая организация, ставящая своей задачей вооружённое свержение советской власти...”

Через 2 дня было вынесено постановление о продлении сроков следствия. Число участников “организации” всё увеличивалось, всё новые и новые подследственные давали показания о том, что Клюев якобы говорил, что, дескать, “недолго осталось коммунистам существовать, скоро мы станем хозяевами России и восторжествуем”, и ещё, что “конец 1937 года должен быть началом беспощадной борьбы и уничтожения коммунистов” и что “Япония и Германия придут к нам в качестве наших освободителей”... Чем страшнее – тем лучше!

Наконец, 9 октября сотрудником Томского ГО НКВД Чагиным был допрошен сам Клюев. Он заявил, что виновным себя не признаёт, ни в какой контрреволюционной организации не состоял и к свержению советской власти не

готовился. Заявил, что убеждённый монархист, не желая вступать по этому вопросу ни в какую полемику со следователем. Признал (точнее, согласился с допрашивающим, очевидно, желая кончить всё это поскорее), что “действительно продал свои труды представителям иностранной буржуазии”, что “знал, что на советскую власть должны рано или поздно выступить фашистские страны” и “был настроен пораженчески”, но “в контрреволюционной организации не состоял”, с членами “организации” беседовал о церковных делах, в разговорах “выражал недовольство соввластью”... Следователь как будто не слышал – перед ним лежали подробные показания остальных арестованных, складывающиеся в цельную картину.

“Вопрос: Следствием вы достаточно обличены. Что вы можете заявить правдиво об организации?

Ответ: Больше показаний давать не желаю”.

Такого ответа не дал на допросах ни один из так называемого “Союза Спасения России”.

Подпись под протоколом уже почти невозможно разобрать – рука не слушалась.

В обвинительном заключении по делу № 12301 за подписью капитана госбезопасности Овчинникова указано, что “Клюев виновным признал себя частично”. А 13 октября датирована выписка из протокола № 45/10 заседания тройки управления НКВД Новосибирской области, постановившей:

“Клюева Николая Алексеевича РАССТРЕЛЯТЬ. Лично принадлежащее ему имущество конфисковать”.

И, судя по документам, тюремной жизни поэту было отпущено ещё 10 дней.

... Здание пересыльной тюрьмы в Томске, где сидели в своё время и Сталин, и Свердлов, и Киров, доживает свои последние дни перед скорым сносом. В старом корпусе № 1 есть карцер № 3, ныне не используемый по назначению. На двери карцера прикреплена табличка:

“В этой камере с июня по октябрь 1937 года содержался поэт Клюев Н. А. (1884–1937).

Камера размером 3 квадратных метра с окошком для выдачи пищи. В углу у параша – кандалное кольцо, оставшееся ещё от царских времён. Запах тюрьмы не убивается даже свежей краской. Сгущенность воздуха такова, что кажется, вокруг тебя – души всех прошедших через эту камеру...

Едва ли он дождался расстрела, как другие заключённые. Очевидно, он уже умирал.

“Выписка из акта” свидетельствует, что **“постановление Тройки УНКВД от 13 октября месяца 1937 года о расстреле Клюева Николая Алексеевича”** приведено в исполнение **“23-25/X 1937 г<ода>”**. Час приведения приговора в исполнение не указан, и вместо подписи сотрудника оперштаба – нечто неразборчивое.

Действительно ли его расстреляли на Каштаке, где сейчас стоит православный крест в память всех убиенных? Или он окончил свои дни в камере и его просто зарыли на кладбище, на месте которого сейчас стоят корпуса **“Сибкабеля”**? Странная бумага, не дающая нам окончательного ответа ни на один вопрос.

Проходит почти два года – и из Новосибирска в Томск направляется следующий запрос:

“Начальнику Томского ГО НКВД.

В вашем районе отбывает ссылку ссыльный Клюев Николай Алексеевич. Срок ссылки ссыльному Клюеву закончился 2/11.39 года, об освобождении его из ссылки никаких сообщений нет. В трёхдневный срок сообщите в 1-й спецотдел НКВД, когда освобождён и куда выбыл. Если же ссыльный Клюев не освобождён, то немедленно освободить и выдать справку.

Зам. нач. 1-го спецотдела УНКВД НСО

ст. лейтенант госбезопасности Дасов.

Пом. оперуполномоченного Лушпий”.

Эта бумага неопровержимо свидетельствует о том, что о конкретном масштабе террора, особенно в провинции, представления не имели не только в Москве, но и в областных центрах. На местах ежовские подручные убивали

людей, даже не огласив им приговора. Запрос пришёл в Новосибирск, очевидно, из Москвы в ту пору, когда Лаврентий Берия, сменивший Ежова на посту наркома НКВД, стал разбираться с теми делами, что успели натворить чекисты до него, между делом выпуская из тюрем тех, кто не дал на себя показаний. В областных управлениях НКВД дрожали мелкой дрожью, ожидая своей участи, и этот запрос лишь подлил масла в огонь страха и ненависти.

Ответа из Томска не было, во всяком случае, он не известен. О судьбе Клюева долгое время ходили легенды, самая живучая из которых гласила: он отбыл свой срок, освободился, выехал в Москву, но по дороге скончался от сердечного приступа на одной из станций. Владимир Чивилихин даже называл конкретную станцию – Тайга, очевидно, по ассоциации со знаменитым кинофильмом 1930-х годов “Партийный билет”, где эта станция упоминалась как место ссылки бывших кулаков.

И сегодня мы знаем только то, что Николай Алексеевич Клюев окончил свои дни в Томске.

В конце 1950-х годов, в период всеобщей реабилитации, Иван Михайлович Гронский, отсидевший свои 18 лет, составлял реабилитационные справки для Военной прокуратуры. Но когда дело дошло до Клюева – категорически отказался за него хлопотать. Клюев остался для Гронского и личным его врагом, и врагом Советской власти.

По делу 1937 года Клюев был реабилитирован военным трибуналом Сибирского военного округа в 1960 году, и для широкой публики это оставалось неизвестным вплоть до конца 1980-х годов, когда по запросу Комиссии по его творческому наследию он был, наконец, реабилитирован и по делу 1934 года.

*Редакция поздравляет нашего автора
Сергея Ивановича СУББОТИНА,
глубокого исследователя творчества
Сергея ЕСЕНИНА и Николая КЛЮЕВА,
с 70-летием!*

ЧЕСЛАВ КИРВЕЛЬ

доктор философии

ПРОРЫВ К ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

И только Россия ещё способна сегодня потрясти богатством своего природного наследия. Сбереечь эту удивительную природу — вот шанс выжить будущим поколениям...

Принц Филипп,
почётный президент Всемирного
фонда дикой природы

Будущее таит в себе много неведомого. Оно всегда есть результат синергетического эффекта разнонаправленных сил и факторов: непредсказуемого социального выбора и поступка, проб и ошибок, случайного стечения обстоятельств, пересматриваемых и постоянно изменяемых решений и т. д. В настоящее время можно определённо утверждать: развитие социума нелинейно и гиперциклично, оно не подчинено действию каких-либо жёстких и однозначных — непреложных — закономерностей. Обнаруживающие себя сегодня в тех или иных социальных сферах, системах или подсистемах детерминистские цепочки (связи детерминации) могут оказаться неожиданно разорванными завтра. Это происходит потому, что в динамике социума время от времени возникают кульминационные моменты, “взрывы”. И тогда законы и механизмы причинности отключаются, — будущее становится открытым для новой линии развития, нового социального выбора и решения. Первоначально незаметные события и факторы могут привести к качественной перестройке системы, к коренному изменению траектории её движения. **И тем не менее, мы допустим непростительную ошибку, если откажемся размышлять о будущем вообще, перестанем следить за сложным переплетением ветвящихся дорог общественной эволюции. Ибо не думать о будущем состоянии нашего бытия означает стать жертвой разворачивающихся событий.**

Задача исследователей состоит в том, чтобы выявить в гуще ветвящихся дорог и потенциалов исторической эволюции те направления развития, которые в наибольшей степени соответствуют принципам гуманизма и справедливости, а также в том, чтобы противостоять тем силам и группам лиц в мире, которые в наше сложное переходное время под видом утверждения общечело-

веческих ценностей и реализации идеи “нового глобального порядка” стремятся осуществить свой корпоративный, эгоистический интерес, пытаются навязать тем или иным странам и народам ложные перспективы и тупиковые пути исторического движения, направить их развитие в русло “уготованного им будущего”. Причём здесь важно иметь в виду одно обстоятельство: будущее в значительной степени станет таким, каким его увидим сегодня. В силу действия механизма “самоорганизующихся” и “самоосуществляющихся” пророчеств оно в немалой степени будет соответствовать тому, к чему мы будем стремиться и за что мы будем бороться. Это происходит потому, что то, что люди узнают об ожидающем их будущем, воздействует на их дела здесь и теперь – в сегодняшней жизни. Именно явные осознанные и скрытые бессознательные установки относительно будущего и определяют поведение человека сегодня. Стало быть, представление о будущем – это уже один из способов воздействия на него, путь формирования этого будущего. При этом согласимся, что будущее как иное, помимо всего прочего, выступает и как продукт политической деятельности. Невозможно отрицать тот факт, что отдельные лица или группа лиц, захватившие монопольную власть, способны повернуть жизнь общества как в конструктивном, так и деструктивном направлении.

Сегодня важнейшим вызовом, на который человечество должно ответить, является экологический кризис. В своей глубине и сущности экологический кризис представляет собой результат поражения и отступления естественного под напором искусственно сконструированной реальности, замещения органических, живых форм бытия, в том числе и человека как телесного существа, мёртвыми техническими (в широком смысле) системами.

Кто и как в современном мире может дать ответ на этот жёсткий вызов, осуществить прорыв к тому типу социальной реальности, который чаще всего определяют как экологобезопасное общество или духовно-экологическую цивилизацию?

Прорыв к духовно-экологической цивилизации может стать только результатом мощного творческого инновационного скачка, кардинальной ценностно-мировоззренческой революции, духовной реформации.

Способны ли на такой духовный прорыв все народы одновременно и сразу? Думается, что нет. Движение к духовно-экологической цивилизации не будет, как это принято думать, осуществляться всеми народами одновременно и в одинаковой степени. Это движение, несмотря на всю свою видимую транснациональность, будет носить неоднородный характер, иметь свои прорывные, инновационные точки (точки “возбуждения”), свой центр и свою периферию. Оно, по крайней мере, на начальных его стадиях, будет, вероятно всего, осуществляться теми народами, которые окажутся способны в силу своих внутренних потенций и особенностей социокультурного развития дать адекватный ответ на вызов среды.

Есть все основания полагать, что в формировании духовно-экологической цивилизации XXI века, новой картины мира и нового практического отношения к действительности важную роль наряду с некоторыми другими народами мира, в частности, с индийским народом, культура которого содержит мощные постпотребительские и постэкономические импульсы, могут сыграть и восточнославянские народы. Восточнославянским народам, как отмечают многие исследователи, присущ целый ряд специфических черт, вытекающих из их геополитического положения, уникальности исторического пути развития, своеобразия духовно-ментальных структур и архетипов сознания, которые в условиях нарастающего экологического кризиса могут послужить исходным пунктом в формировании новой модели социокультурного развития человечества.

Какими же стратегическими ресурсами обладают восточнославянские народы для реализации прорыва в эколого-безопасное общество, к духовно-экологической цивилизации?

Биосферный и ментальный потенциал восточнославянских народов

В научной литературе уже подмечено, что роль лидеров в духовно-экологическом прорыве будут играть те страны и регионы, которые обладают мощным биосферным потенциалом, этнокультурным разнообразием и духовными

ценностями, соответствующими задачам грядущей эпохи. “И здесь, – как подчеркивают российские исследователи А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин, – выясняется, что у России по совокупности этих параметров просто-напросто нет достойных конкурентов, а сама она – объективно не конкурент никому, поскольку необходимость её собственного возрождения не противоречит подлинным интересам ни одного народа Земли, а наоборот, полностью совпадает с общемировой задачей предотвращения духовной и экологической катастрофы” [1, с. 15, 16].

И в самом деле, если говорить непосредственно о России, то она, помимо всего прочего, имеет один из самых больших в мире экологических резервов (индекс антропогенной нагрузки для неё – 0,78) и самый крупный в мире массив девственной природы, стабилизирующий климат нашей планеты [2, с. 112]. До сегодняшнего дня она сохраняет уникальный биосферный потенциал. “Ненарушенные хозяйственной деятельностью площади составляют 700–800 млн га, 60% болот Северного полушария расположены на её территории, которые связывают основную массу углерода, поддерживая важнейший углеродный баланс в биосфере. Сибирские леса дают 40% мирового кислорода. У нас самые большие в мире запасы чистой пресной воды и качественной древесины. Фактически Россия – глобальный биосферный донор, огромная естественная фабрика по воспроизводству жизни на Земле” [1, с. 16, 17].

На территории России находятся до половины мировых (разведанных) запасов природного газа и пятая часть нефти. Для наглядной иллюстрации запасов природных богатств России можно предложить такую цифровую модель: если совокупность всех природных ресурсов, приходящихся в среднем на одного жителя планеты, принять за единицу, то на долю американца придётся 2 единицы, на долю европейца – 0,067, зато на долю одного россиянина придётся 11,7 единиц. Иными словами, каждый из нас по ресурсам примерно в 6 раз богаче американца и в 17 раз богаче европейца [3, с. 145].

Кроме того, у восточнославянских народов имелась уникальная возможность воочию убедиться в тупиковости техногенно-потребительских стратегий развития и по капиталистической, и по социалистической модели развития. Кстати, советский социализм потерпел поражение и потому, что избрал совершенно проигрышную стратегию соревнования с Западом в виде лозунгов “догнать и перегнать США” по уровню производительности труда и материального потребления. “Нельзя победить, играя по чужим правилам, а *перегнать можно и не догоняя*. Сегодня уже всем должно быть ясно, что, принимая навязанные нам Западом правила рыночной игры, мы обрекаем себя на экономическую смерть и духовное разложение” [1, с. 16].

Нельзя также забывать, что у России всё ещё есть мощный промышленный, технический, научно-интеллектуальный и духовный потенциал. Поэтому нет ничего странного в том, что Россия, обладающая уникальным синтезом крайних форм социально-культурных традиций Запада и Востока и богатым опытом ведущего участия в крупных событиях мировой истории, может и должна вместе с близкородственными ей народами возложить на себя новую историческую миссию: проложить человечеству путь в эколого-безопасное общество.

Но самый главный стратегический ресурс, каким обладают восточнославянские народы для утверждения духовно-экологической стратегии развития – это их уникальная духовность, специфика их сознания и менталитета.

Восточным славянам по-прежнему удаётся сохранять элементы органических представлений, которыми духовно жили люди многие тысячелетия. Таких, до конца не подавленных техноцентрической цивилизацией и всякого рода искусственными системами островков органической жизни в мире все меньше. Эти островки и дают нам возможность поиска альтернативы современной инструментально-потребительской цивилизации и надежду на спасение от *технологической смерти*.

Интересно, что самые известные российские историки и философы – Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. А. Бердяев – писали о “культе природы” у восточных славян, о соответствии у них географии физической и географии душевной, о сильном влиянии природно-климатических факторов на формирование их национальных характеров. Весьма красноречивую иллюстрацию к этому мы обнаруживаем в “Законе градском” – документе древнерусского строительного законодательства. Этот документ требовал

“привязки” строительства не только отдельных домов, но и целых городов к окружающему их природному ландшафту – виду на луга, перелески, на море (озеро), реку [4, с. 14]. Следует иметь в виду, что, в отличие от Запада, где историческое развитие проходило под лозунгом покорения человеком природы, восточнославянские народы (если не считать советского периода их истории) всегда относились к природе как матушке-кормилице. Любовь к своей природе, с бескрайностью её полей и лесов, широтой рек и глубиной озёр, разнообразием климатических зон заложена генетически в восточнославянском менталитете.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что многие особенности восточнославянского цивилизационного “Я”, которые холодно-прагматическим европейцам представляются как проявления недоразвитости и отсталости, оказались поразительно созвучны духовно-экологическим ориентирам третьего тысячелетия. Они позволили славяно-русской культурной традиции, как это ни странно может показаться на первый взгляд, опередить своё время, выдвинуть целый ряд идей, адресованных постэкономической цивилизации XXI века. Это, прежде всего, идеи космизма, всечеловеческого единения, соборности, ненасилия.

“Говоря языком современной науки, – справедливо пишет И. Василенко, – православно-христианская идентичность формирует особый тип личности с постматериалистической структурой потребностей, феномен “очарованного странника” (Н. Лесков), взыскующего не материальных ценностей, не жизненного успеха, а правды, справедливости и смысла жизни” [5, с. 62].

“Очарованный странник” с его способностью жить социально значимой идеей противостоит “экономическому человеку”, идеал которого – “потребительское общество”, разрушающее все “высокие” культурные мотивации. Поэтому именно люди, взыскующие смысла, воодушевлённые идеей духовного преобразования мира окажутся способными решать глобальные проблемы современности.

Трудно найти в Европе народ, религия, смысложизненные ценности которого настолько сильно отличались бы от протестантско-западноевропейских, как русский народ. Даже в среде богатых русских промышленников и купцов легко можно было обнаружить настроения, свидетельствующие о том, что они как бы стыдились своего богатства и испытывали в связи с этим чувство неловкости. Неудивительно, что среди них было много меценатов, жертвующих большие суммы денег на различные благотворительные цели. Достаточно вспомнить Морозова, Третьяковых, Серебрякова, Щукина, Мамонтова, Рябушинских... Эти люди на практике доказали, что они неподвластны культуре денег, что деньги лишь средство, а не цель жизни. Русским, как и вообще восточным славянам, свойственно чувство, что владение имуществом порождает зависимость, привязанность внешнему, предметному миру, что в богатстве гибнет свобода. И если среди европейцев бедный всегда смотрит на богатого с завистью, то среди русских богатый часто смотрит на бедного со стыдом, а бедный на богатого – с жалостью [6].

Здесь уместно будет подчеркнуть, что одним из важнейших факторов, оказывающим мощное влияние и на формирование ментальности, и на социально-политическое и экономическое развитие народов, является тип религии, который они выбирают.

Думается, вряд ли кто-либо сейчас будет всерьёз оспаривать точку зрения М. Вебера о фундаментальной роли религиозной Реформации в становлении капитализма, его мысль о том, что протестантское учение об избранности явилось психологической основой “духа капитализма”, стало духовным фундаментом формирования и развития капиталистического способа производства.

Влияние протестантизма на жизнедеятельность стран Западной Европы, прежде всего Германии, Англии, Франции, Швейцарии, Нидерландов, огромно. Дело в том, что протестантская религия оказалась наиболее адекватной и приспособленной к частнокапиталистическому способу производства, к предпринимательской экономике, ориентированной на получении максимальной прибыли. В отличие от католицизма, для которого было характерно отношение к ростовщичеству и предпринимательству как чему-то греховному (этим отчасти объясняется тот факт, что в католических странах предприниматели и финансисты по преимуществу выдвигались из нехристианской среды, были инородцами, поскольку они могли не считаться с нормами морали

этих стран), протестантизм, напротив, всячески поощрял накопительство, культ денег, ростовщичество и частное предпринимательство. Поэтому неудивительно то, что своего наивысшего расцвета капитализм достиг именно в протестантских странах (Англия, Германия), тогда как Испания и Италия, где сохранялся католицизм, отходят в XVII–XVIII веках на задний план экономического развития, отстают от них.

На место морали правоверного католика, в соответствии с которой «никому не дозволено выдумывать, изобретать или применять что-то новое, но каждый должен следовать велениям гражданской и братской любви к своему ближнему» (так, с целью умерить конкуренцию и вражду между людьми, говорилось, например, в цеховой грамоте г. Торна от 1523 года), протестантизм выдвигает идею избранности: только тот человек вправе рассчитывать на милость Бога, который смог достичь жизненного успеха (как правило, в виде накопления большого количества богатства и денег). Накопленный капитал — это знак божественной избранности человека, сумевшего его накопить. Коротко говоря, протестантизм всячески поощрял культ денег, а достоинство человека измерял суммой накопленного капитала. «Протестантская Реформация и Научная революция произвели, благодаря их кооперативному эффекту, десакрализацию и дегуманизацию мира в мышлении человека Запада. Образ Космоса, в котором человек был связан невидимыми струнами с каждой частицей, разрушился. В мире, лишенном святости, стало возможным заменить многообразие, неповторимость качеств их количественной мерой, сделать несоизмеримые вещи соизмеримыми, заменить ценности их количественным суррогатом — ценой. Известны афоризмы: Запад — это цивилизация, «которая знает цену всего и не знает ценности ничего», «не может иметь святости то, что может иметь цену». Прежде человек благословлял «в поле каждую былинку и в небе каждую звезду», теперь он их оценивал. Это два различных мировоззрения» [7, с. 48].

Что касается Православия, то оно ещё в меньшей мере, чем католицизм, приспособлено к развитию типично капиталистического предпринимательства. Православная религиозность с её идеей равенства людей перед Богом и культом *нищелюбия* в принципе не совместима с основным постулатом протестантизма об индивидуальном спасении, с его установкой оценивать заслуги человека мерой накопленного богатства.

Сравним два мировоззрения, две картины мира: восточнохристианскую и западноевропейскую. Если говорить о восточнохристианской традиции в этом аспекте, то хорошо известен её «космоцентризм», отличный от социоцентризма европейской, в особенности протестантской, традиции, противопоставляющей человека природному миру. Западноевропейское же христианство, напротив, исходит из презумпции греховности материи, её предельно низкого статуса в системе бытия. Такое принижение означает омертвление природы, возникновение пафоса её преобразования и переустройства. Непонимание реальной сложности и одухотворенности материального мира ведёт к технократическому нигилизму и экологическому кризису. Восточнохристианское мировоззрение придаёт материи совершенно иной статус: она представляет собой светлое жизненное начало, в котором сокрыта необыкновенная глубина и гармония. Задача человека, как его видит православное христианство, заключается не в борьбе с материей, не в третировании её как греховного и низкого начала, влекущего человека ко злу, но просветление и творческое преобразование природы, выведение её на качественно иной уровень. Задача личности заключается в том, чтобы в каждой вещи увидеть замысел Творца, «развеществовать» его и реализовать на практике. Тем самым вектор деятельности направлен не вниз — к редукции и тиражированию, но вверх — от земного, падшего бытия в горние высоты.

Православное христианство утверждает идею «нераздельности», но и «неслиянности» земного и божественного миров, их актуального присутствия в человеческой жизни. Идея синергии, т. е. органичного согласования разнородных начал, выработанная православной патристикой, на несколько веков опередила коэволюционные стратегии и прямо соответствует требованиям современной экологической науки.

В этом смысле весьма показательным является отношение к земле, сформированное в восточнославянской культурной традиции. Земля — это не только и не столько природный ресурс, используемый в хозяйственной и индиви-

дуальной жизни. С ней связываются самые сокровенные из национальных надежд и воспоминаний, она наделяется высочайшим ценностным значением, не сводимым к экономической прибыли и пользе.

В массе своей у восточного славянина отсутствуют те качества, которые позволили бы ему стать преуспевающим капиталистом. У него нет ни слишком большой любви к деньгам и материальному преуспеванию, ни развитой сноровки к обогащению. Он не собственник по натуре. Поэтому путь капитализма для него является самым тупиковым и бесперспективным. Общественная собственность, пожалуй, ближе ему. Бесплезно спорить, хорошо это или плохо, но так оно исторически сложилось.

Даже на Украине практические попытки осуществить капитализацию экономики обернулись чуть ли не полным разрушением накопленного промышленного потенциала. Это в значительной степени произошло потому, что украинскому народу, как и другим восточнославянским народам, присущ в целом тот же тип ментальности, сформировавшийся в силу их единой исторической судьбы и длительного совместного развития.

Говоря о прорыве к духовно-экологической цивилизации, необходимо также иметь в виду глубочайшие философские и научные прозрения восточнославянской культуры конца XIX – первой половины XX века, оказавшиеся, к сожалению, невостребованными практикой социалистического строительства в Советском Союзе.

Здесь, прежде всего, следует отметить, что важным принципом жизнестроения восточнославянской культуры является натурфилософский органицизм, удивительно созвучный экологическому императиву современности. Так, русская натурфилософская школа (В. В. Докучаев, А. Л. Чижевский, В. Н. Сукачев) выдвинула идею о всеобщей одушевленности мира, возродив гераклитов образ “живого огня”. Современная наука подтверждает эту гипотезу, указывая на способность Вселенной к самоорганизации и даже к целополаганию, что, несомненно, является свойством живого. Свой вклад в осмысление этой проблемы внесла и русская философия “серебряного века”. Вл. Соловьев, выделив три возможных типа отношения к природе – “страдательное подчинение ей”, отрицательно-деятельное отношение, выражающееся в активной борьбе с ней, и положительно-деятельное, для которого характерно утверждение её идеального состояния, – в последнем случае предвосхитил современный “постнеклассический” этап развития науки, важнейшей чертой которого является ценностное отношение к познаваемой действительности. Это значит, что наука сама должна подчиняться ценностному императиву: реализуемые ею практики должны быть соразмерными, сопричастными природе как ценности, сберегаемой человеком. Поэтому подлинным объектом науки являются не отдельные предметы и процессы, на которые можно нажимать как на рычаги, получая нужный результат, но “общая природа всех вещей, и если предмет истинного познания есть внешний, реальный мир, то не как простая совокупность вещей, а как природа вещей” [8, с. 613].

Размышляя далее о философских и научных достижениях восточнославянских народов, необходимо хотя бы кратко остановиться на философии русского космизма.

Русские философы, прежде всего философы-космисты, предвосхитили современную козволюционную парадигму науки – идею соразвития человека, социума, природы – и выдвинули свою социокультурную альтернативу западноевропейскому антропосоциоцентризму, отрывающему человека от природы, социум от космоса, западным принципам жизнеустройства, породившим эгоистически потребительское отношение к миру. Отстаивая идею мира как живого целого, они тем самым подготовили почву для утверждения в современной науке чрезвычайно перспективной гипотезы о самоорганизующемся космосе, выступающем не как мертвый механизм, а живой организм. В этом их непреходящая заслуга.

Похоже, что человечеству сегодня как раз необходим такой поворот в мировосприятии, идейной предтечей которого явился русский космизм. Пришло время рассматривать нашу планету не как “мастерскую”, а как единый одушевленный организм. Да и обществу нужно рассматривать не технократически – как “мегамашину”, управляемую из одного центра, а органическую целостность, произвольно-внешностные манипуляции с которой вредны и губитель-

ны. Представляется, что только при таком подходе к миру можно нащупать новые горизонты бытия и утвердить новые принципы жизнестроения, обеспечивающие необходимые условия для выживания человечества.

Философия русского космизма обосновала чрезвычайно плодотворный принцип онтологического равенства космоса и человека. И в этом смысле она не разделяла в чистом виде ни традиций восточной культуры, в рамках которой ценность природы доминирует над ценностью человека, а человеческая активность сориентирована почти исключительно вовнутрь, на самовоспитание и самоограничение с целью адаптации к внешней действительности, ни традиций западной культуры, где ценность человеческой личности доминирует над ценностью природы, а человеческая активность направлена вовне, на преобразование окружающего мира. Философия русского космизма отвергла как мировоззренческие установки Востока на всеохватывающий коллективизм, так и установки западного сознания на эгоцентрический индивидуализм. «В ней, — как подчеркивает В. С. Степин, — была предпринята попытка проанализировать достаточно противоположные подходы и предложить идею корреляции двух различных векторов человеческой активности» [9, с. 12].

Русские философы отнюдь не отбрасывали западную культурную традицию, напротив, они всячески использовали её возможности, пытались органически включить европейские философские идеи в свое миропонимание, но при этом категорически настаивали на том, что инструментально-потребительское отношение к природе опасно, имеет свои пределы. Стремясь преодолеть крайности восточной и западной культуры (в частности, крайности коллективизма и индивидуализма), русские философы не отрицали значение различных форм человеческой активности, но при этом пророчески предостерегали от широко-масштабной эксплуатации природы, предсказывали катастрофические последствия такой практики. И это происходило в начале прошлого века, когда безраздельно господствовала вера в безграничные возможности научно-технического прогресса («религия прогресса») и когда опасность экологического и других глобальных кризисов почти не просматривалась. Трагедия истории заключается в том, что победившие большевики-марксисты грубо и бесцеремонно пресекли линию духовного развития человечества, представленную самобытной славяно-русской религиозно-философской мыслью, и вместе с тем установили жёсткие запреты на любые, даже самые незначительные попытки воссоздания духовной альтернативы техногенной цивилизации, её инструментально-потребительскому отношению к миру. Более того, сциентическо-технократический подход к окружающему миру большевики довели до логического конца, до абсурда (поворачивание рек, гигантомания, чисто технический подход к решению социальных проблем и т. д.). Сегодня «дело» подавления русского духа продолжают на новом витке истории биологические и идейные наследники большевиков — «демократы»-западники, бесконечно подражающие европейским и заокеанским образцам.

И, тем не менее, даже сейчас, в период небывалой униженности и подавленности, Россия по качеству фундаментальных разработок, по напряженности творческого поиска, по количеству людей, склонных к углубленной умственной работе, является несомненным мировым лидером духовно-синтетических исканий. «В отличие от Запада она не потеряла способность к порождению стратегических идей и воли к будущему. Важно лишь поверить в собственные силы, избавиться от комплекса национальной неполноценности и сделать решительную ставку на теоретические модели и технологии будущего» [1, с. 18].

России и родственным ей народам сегодня жизненно необходимо провозглашение русского цивилизационного проекта, практическая реализация которого позволит дать метафизический, экономический, политический и культурный ответ на целый ряд серьезнейших вызовов современности, создать новую реальность, новое могущество и, тем самым, осуществить новый поворот в своём историческом пути.

Определённую уверенность в таком развитии событий придает то, что ориентация на служение идеалу коренится в глубинных пластах русского национального характера. Известный философ XX века Л. Н. Карсавин, говоря о русском характере, писал: «Уже неоднократно отмечалось тяготение русского человека к абсолютному... Ради идеала он готов отказаться от всего, пожертвовать всем: усомнившись в идеале или в его близкой осуществимости, являет образец неслыханного скотоподобия или мифического равнодушия ко

всему” [10, с. 322]. Вот этот “образец неслыханного скотоподобия” или “мифического равнодушия ко всему” мы сейчас наблюдаем среди значительной части населения России, которое, отказавшись от социалистического идеала, разуверилось во всём. Русский человек без служения великому идеалу теряет себя, испытывает сильный дискомфорт. Поэтому потребность в общезначимых идеях и интегрирующих идеалах быстро нарастает в российском обществе.

Кроме того, не следует забывать, что русский народ не только имеет склонность к выдвижению новых мессианских идей, но и обладает способностью к колоссальным выбросам энергии, способностью в критические моменты истории, когда встаёт вопрос о судьбах страны, к максимальной мобилизации всех национальных и духовных ресурсов во имя достижения общенациональных целей. Последний выброс такой энергии продолжался с 1917 года до середины 50-х годов [11, с. 43]. Наверное, не случайно мировая история постоянно отрабатывает свои загадочные маршруты на “теле и плоти” России, время от времени превращая её в гигантскую экспериментальную лабораторию человечества. Поэтому не исключено, что скоро Россия вновь сможет осуществить свой очередной выброс энергии и продемонстрировать миру беспрецедентный эксперимент: прорыв к духовно-экологической цивилизации. Россия, даже будучи униженной, остается могучей, будучи разграбленной, остается богатой. При этом, похоже, глубинные нравственные устои и архетипы народного сознания сохраняют в России свою силу, хотя намеренно и извращаются определёнными политическими силами и средствами массовой информации.

Вообще выживаемость русского народа, заселившего и ассимилировавшего огромные (по преимуществу северные) территории и создавшего самую крупную державу мира, не только поражает, но и вселяет в душу большие надежды на то, что её уникальное “духовно-цивилизационное Я” сможет адекватно выразить себя на пути движения к духовно-экологической цивилизации третьего тысячелетия.

Развитие по закону “отрицания отрицания”: восстановление традиции

Н. Е. Покровский, справедливо отмечает: “Русская культура, в том числе и культура межличностных отношений, сильнее западной сориентирована на “интимность”, задушевность, жертвенность и т. д. Это обстоятельство можно расценивать как свидетельство традиционности, даже определённой архаичности современной русской культуры, пребывающей в контексте первоначально индустриального общества. Правомерной, однако, могла бы быть и противоположная точка зрения, трактующая подобное качество российского общества как его ценное историческое достояние, сознательный отказ от которого был бы равносильным национально-культурному самоуничтожению” [12, с. 16].

И действительно, в контексте осмысления всех этих фундаментальной важности проблем совершенно в новом ракурсе встаёт вопрос о достижениях, опыте и специфике развития традиционных обществ, так бесцеремонно (беспардонно) отвергнутых техноцентрической цивилизацией, в частности крестьянской космоцентрической культуры, господствовавшей повсеместно в течение длительного ряда тысячелетий, но при этом существенно не нарушающей природное равновесие.

Мы убеждены, что утверждение духовно-экологической цивилизации, ориентированной на коэволюцию природы и человека, духовно-нравственные основания общественного развития, невозможно без некоторого рода “архаической экспансии” (термин А. Казинцева [13, с. 249]), выхода на историческую арену древнейших основ человеческого бытия, в том числе возрождения (само собой понятно, наполненных новым содержанием) многих существенных элементов крестьянской космобиосфероцентрической культуры.

Дело в том, что будущее не является простой экстраполяцией сегодняшних норм и традиций. Может случиться так, что культурные достижения и опыт предшествующих поколений, сегодня признанные “несовременными”, как раз и окажутся в числе наиболее перспективных на новом витке исторического развития. Неспособность испытывать уважение к достижениям традиционных цивилизаций — опасная болезнь современности, особенно если учесть то, что сама эта “современность” оказалась в бесчеловечном тупике.

Прав российский исследователь А. С. Панарин, когда утверждает, что постиндустриальное общество не может возникнуть как результат простого углубления индустриальной эпохи, а будет представлять собой развитие по закону “отрицания отрицания”, ознаменуется парадоксом “возвращения” к некоторым “исконным”, традиционным принципам человеческого существования, явится результатом тотального преобразования ценностного типа, включая новые принципы жизнестроения, открывающие долговременную перспективу для всех, а не одних только потребительских обществ Запада, что механизм постиндустриального сдвига лежит не в сфере технологий, а в сфере человеческого духа, в системе ценностей [14, с. 224].

Архаизацию нельзя отметить как нечто отсталое, стародавнее, деревенское, глухое, пахнущее нафталином, как нечто изначально имманентное консервативной традиции, как отступление от прогресса, от новейших достижений современной цивилизации. Архаизация выполняет в развитии общества важнейшие функции и, прежде всего, играет особую роль в стабилизации человеческой жизни. Она выступает как необходимая и полезная реакция на дисгармонические изменения, на сбой в цивилизации модерна, на навязываемые извне внешние и чуждые глубинным традициям народа проекты переустройства общества, на механический перенос на национальную почву символов чужой культуры, способных подорвать и разрушить национальную идентичность. Её причинами могут стать кардинальные реформы, инициируемые элитой, “дезертировавшей” от своего народа, или даже просто “пятой колонной” с целью модернизации общества, никоим образом не согласующейся с особенностями традиций реформируемого социума. В этом, прежде всего, её позитивное значение.

Элементы “архаического” имеют место на всех этапах социального развития, выступают универсальными константами “собственно человеческого”, они никогда не становятся совсем “прошлым”. Зачастую архаизация выступает как спонтанная приспособительная реакция на невыносимые условия жизни, сложившиеся или навязываемые силой обществу. Разрушение традиций, органично сложившихся на протяжении столетий, апробированных жизнью целого народа, приводит общество к системному кризису, социальной анархии и соответственно – к дезориентации, дезорганизации широких слоев населения страны.

При этом надо иметь в виду, что традиция вовсе не лишена творческой (инновационной) стороны. Традиция – это единственный способ совместить индивидуальную судьбу активной и самостоятельной личности с коллективной самоорганизацией воле в рамках общего проекта. Через традицию, т. е. через сохранение обществом своей качественной определённости обеспечивается его “врастание в будущее”. В традиции содержатся в двуединстве креативная и консервативная составляющие. Первая связана с потенцией традиции к экспансии, к развитию. Вторая обеспечивает сохранение цивилизационной идентичности, устойчивости и безопасности общества и государства, являясь важнейшим регулятором жизни во всех областях. Стало быть, традиция обеспечивает устойчивость социума, а инновация – его развитие. “Традиция – хорошее мерило для того, чтобы проверить, насколько инновация разумна и полноценна” [15, с. 51]. Поэтому традиция одинаково полезна и необходима во всех устойчивых обществах – и традиционных, и современных, различными бывают лишь механизмы её действия.

Однако не всякая инновация может “врасти” в традицию. Инновация, которая навязывается извне, неизбежно вызовет сопротивление и фрустрацию, нанесёт народу тяжелую культурную травму. Неудивительно поэтому, что в истории России инновации, оторванные от традиции, зачастую принимали уродливый вид, вели к разбалансировке процессов жизнедеятельности народа. Только те модели и проекты, которые опираются на архетипические символы и активизируют генотип народа, могут способствовать выживанию народа и укреплению его государственности [15, с. 51]. Возвращение в повседневную действительность вечных истин бытия и, вместе с тем, динамическое, творческое развитие традиций могут обеспечить необходимую в жизни общества стабильность и устойчивость. Например, без возвращения истинного смысла труда, без возвращения традиционной духовности нельзя в России оживить слаженную хозяйственную жизнь, гуманизировать экономику и уж, конечно, невозможно свершить прорыв в экологически безопасное общество.

Сегодня мы стали свидетелями весьма парадоксального явления: народы, которые особенно настойчиво и последовательно оберегают свои традиции, свои, казалось бы, архаические начала, являются самыми успешными в модернизационных процессах. Прежде всего, это народы Юго-Восточной Азии, где успешная модернизация происходит на фоне сохранения культурных традиций и поэтому не влияет разрушительно на культурное пространство. Можно взять и другой пример – старообрядческие общины в Бразилии. Проживая достаточно замкнуто в самом сердце Бразилии, эти русские люди сохранили свой многовековой патриархальный уклад жизни. Строго следуя религиозным, культурным и семейным традициям, своей трудовой этике, на труднодоступных и почти непригодных для возделывания землях они смогли создать настоящий сельскохозяйственный оазис. Это экономическое процветание связано с тем, что на фоне здоровых социальных и семейных отношений, укорененных в религиозной традиции, в своей трудовой деятельности общинники используют самые современные технологии. В результате среднемесячный доход в общине на одного человека в пять раз выше, чем в среднем по стране.

Заново заставляет поставить вопрос о прогрессе и архаике такой пример, как возрождение в современном мире крестьянских рынков, биоферм и т. д., продиктованное экологическими соображениями. Феномен производства “био” (без удобрения и химических добавок), а также явления типа уже достаточно массового городского исхода (перемещение из городов в деревни) явно свидетельствуют в пользу архаики.

Усиление внимания в конце XX – начале XXI века к такому таинственному феномену* традиционного общества, как крестьянство, на первый взгляд, может показаться несовременным и неактуальным. Но это неоспоримый факт. Он вызван к жизни насущными общественными потребностями, связанными с решением животрепещущих проблем глобального характера. Сегодняшние проблемы человеческого бытия заставили нас по-новому взглянуть на те принципы сосуществования и взаимодействия человека и природы, которые в течение тысячелетий вырабатывались земледельцами, крестьянами. Их творческое освоение и активное использование в современном природопользовании и социальной практике становится насущной задачей нашего времени. [13, с. 253]

Растущий интерес к проблеме крестьянства выразился даже в формировании такого крупного научного, междисциплинарно ориентированного направления, как “крестьянствование” (Р. Родфилд, Т. Шанин, Дж. Скотт и др.). Произошло заметное расширение проблематики, обнаружилось принципиально новые подходы к крестьянству. Наглядным свидетельством тому явились наметившаяся тенденция выхода за рамки узкоэкономического и социально-политического подходов к анализу сельской жизни, обращение к духовной жизни крестьянства, рассматриваемого как целостное общественное явление.

Таким образом, рассмотрение вопроса об историческом опыте и достижениях космоцентрической деревенской культуры, её роли в становлении духовно-экологической цивилизации будущего становится сегодня чрезвычайно актуальным.

Могут возразить: а есть ли вообще смысл в наш век интенсивного разрастания техносферы, ее почти ничем не сдерживаемой экспансии во все уголки земного мира говорить о возрождении и развитии космоцентрической культуры?

Думается, что есть и смысл, и основание говорить об этом. Дело в том, что современный человек, отбрасывая под напором городской техноцентрической цивилизации с её безграничной специализацией земледельческий универсализм, незаметно для самого себя теряет нечто очень значительное, возможно, самое важное в своей человеческой сущности. Ту разносторонность не только физического, но и умственного (не интеллектуального, а именно умственного) развития, которую получал здоровый крестьянин, не

* По мнению многих исследователей, крестьянство продолжает оставаться одним из наименее понятых в современном мире феноменов: “Крестьяне живут в своем особом мире, к сожалению, нами до сих пор не познанным и не понятом”. Не случайно сегодня таинственность феномена крестьянства фиксируется даже в названиях различного рода книг и публикаций: “Великий незнакомец...”, “Мир таинственный...” и т. п. [16, с. 6; 17].

даёт, как ни странно это может показаться на первый взгляд, ни один вид современного труда. Но ведь односторонность, “частичность”, как это показано во множестве современных исследований, ведут к деградации человека, к бесконечному его измельчанию и упрощению. Труд же крестьянина изначально полифункционален, чрезвычайно богат по своему внутреннему содержанию, сложен и пронизан эстетическим началом. Настоящий крестьянин – это и метеоролог, и строитель, и зоолог, и ботаник, и медик, и художник. Традиционный (не теперешний специализированный колхозник или фермер) крестьянин – всесторонне развитый человек. Если сознание наёмного фабричного рабочего было техносоциоцентричным (он, находясь в постоянном контакте с бездушной машиной, зависит от неё, поневоле осознаёт себя винтиком сложного общества), то сознание крестьянина было в полном смысле космоцентрично: он видел себя частью органического и вечного природно-социального космоса, частью целого и, исходя из этого, оценивал своё место в мире, свою ответственность и свое отношение к “большому обществу”, которое он воспринимал через оптику земледельческого труда как внешнюю оболочку. При этом крестьянству как особому классу была чужда всякая искусственная “переделка” окружающей природы и общественной среды, форсированное преобразовательство, резко порывающее с вековыми традициями. Да и сам характер земледельческого труда в высшей степени предполагает необходимость стабильности и основательности.

Сегодня, при ближайшем рассмотрении, обнаруживается, что прежние человеческие способности, приобретённые крестьянином в истории, настоятельно необходимы для органичности развития и современного человека. Отнюдь не исключено, что прежний универсализм человека, фонд человеческих способностей во всей его полноте ещё пригодится нам как нечто ценное и подлинно человеческое достояние, когда мы меньше всего будем об этом догадываться. Не будем забывать и того, что самые могучие и устойчивые социальные общности и локальные цивилизации создали народы-земледельцы, самые оригинальные духовные ценности порождены именно такими народами, а не народами-торговцами и ростовщиками. Может, рано ещё сдавать в музей все достижения традиционной земледельческой жизни и культуры? Может, они нам в будущем пригодятся?

В экологическом плане перспективно то, что сельскохозяйственная деятельность людей, осуществляющаяся в “согласии с природой”, в противовес технократизму механической экономики может способствовать возрождению местной, жизненной экономики, стать одним из плацдармов для начинающегося контрнаступления космоцентрической модели развития на техногенную цивилизацию, что на деле будет означать смену парадигмы развития, смену ценностей. Такого рода представления – это отнюдь не очередная утопия, а императив выживания. Все ещё сохраняющееся крестьянство является в этом смысле ценностью высшего порядка. Крестьянство как наиболее близкая к космосу часть человечества пока ещё сохраняет органичность, ещё не до конца растеряла способность вести органическое хозяйство. Самое важное здесь то, что утверждение, упрочнение и развитие крестьянской культуры представляет собой наиболее адекватный ответ на жёсткие экологические вызовы современности. Поэтому нам предстоит восстановить те формы отношения человека с Природой, Космосом, которые на протяжении тысячелетий культивировала крестьянская цивилизация. Коренные качества крестьянской цивилизации дают шанс выживания человечества в экологически осложнённых условиях жизни на Земле.

Представляется вероятным, что именно достижения традиционной земледельческой культуры, соединяясь с современной хозяйственной деятельностью, могут внести свой вклад в грандиозное дело налаживания отношений современной техники с природой, космосом, человеком. В действительности, о чём свидетельствует пример Китая и Индии, традиционное сельское хозяйство не является препятствием на пути модернизации и развития высоких технологий, но, напротив, заключает в себе существеннейшие предпосылки для развития их органичных вариантов.

Все сказанное означает, что сегодня для того, чтобы найти выход из заколдованного круга экологических проблем, человечеству необходимо реабилитировать стратегии, связанные с преодолением техноцентрической модели развития и возрождением этикоцентрических традиций мировой культуры.

Сейчас в научной литературе предлагается немало моделей и проектов преодоления экологического кризиса. Одни из них представляют большой интерес, глубоко аргументированы и обоснованы, другие являют собой по сути дела человеконенавистнические проекты всеобщего технического перевос-создания окружающей природы и самого человека, превращение его в некое подобие робокомпьютерного устройства.

Так, например, российский исследователь Н. Косолапов пишет: “По-видимому, разрешение экологических проблем мира XXI века надо искать не на путях возврата – к чему? К социально-природным отношениям XIX, XV или какого-то иного столетия? По каким критериям? – к некоей модели “идеальных” отношений между человеком и природой, реально никогда не существовавшей. Перемены в этих отношениях уже необратимы. И выход надо искать в дальнейшем осознанном, целенаправленном и управляемом движении от сохраняющихся остатков “естественности” к созданию целиком и полностью искусственной среды обитания человека. Только в ней станет возможно достижение устойчивого развития как постоянства развития духа – психики, опыта, знаний, культуры – в высокостабилизированной, защищённой от кризисов материальной среды” [18, с. 68]. Некоторые современные люди верят в прогресс столь фанатично, как их далёкие предки верили в Бога. Интересно, а почему бы не подумать автору о том, что воспеваемый им кардинальный скачок в развитии техносферы лежит за пределами не только собственно социальной истории, но и истории человека как биологического вида. Верно ставит вопрос российский исследователь И. В. Ефимчук: “Как бы критичны (и вполне заслуженно) ни относились к социальной организации аграрных цивилизаций современные либералы, безусловно одно – такая организация позволяла людям жить (но при гораздо меньшей плотности населения). Даст ли такую возможность человеку та новая техническая организация разумного бытия, поиск которой активно ведётся по всем направлениям (техническим, социальным, естественно-научным)?” [19, с. 152].

И тем не менее, в этом непрекращающемся столкновении идей передовые исследователи всё же нащупывают ростки новой науки о хозяйственной жизни общества, обосновывают свои представления об экономике биофизической, экономике ноосферной, биоэкономике, метаэкономике, иначе говоря, о биосферной экономике в самом широком смысле этого слова. Хотя термины есть разные, но основание у них общее: коэволюция биосферы, социосферы и техносферы. основополагающие принципы этой коэволюции заложены в культурных матрицах традиционных обществ. Человечество, если оно хочет выжить, должно создать образ жизни в единстве с космосом, а не в противостоянии ему. Поэтому, судя по всему, будущее человечества в значительной, если не решающей степени зависит от способности людей восстановить тот строй жизни, в котором крестьянство играло существенно значимую роль, где город не будет подавлять деревню, а будет сотовариществовать с ней. Справедливо в этой связи пишет И. Р. Шафаревич: “И та катастрофа, в которую технологическая цивилизация ввергла человечество, а сейчас в особенности нашу несчастную Россию, вероятно, тоже послана нам как урок. Каждый новый виток кризиса делает яснее его причины, любой человек уже на своей судьбе ощущает грозящий финал. Перед лицом разверстой у наших ног пропасти нам не остается иного выхода, как обратиться к древним надежным ориентирам, пользуясь которыми человечество прожило сотни тысяч лет, сохранив физическое и духовное здоровье” [20, с. 412]. Поэтому выход на новом витке исторической спирали на космоцентрический путь развития неизбежен. Этого требуют и надвигающиеся экологическая катастрофа, и нарастающие социальные противоречия.

Прав был Н. А. Бердяев, когда ещё в 1922 году сказал: “Чтобы дальше жить, обанкротившимся народам придётся, может быть, вступить на иной путь, путь ограничения похоти жизни, ограничения бесконечного роста потребностей и роста народонаселения, путь нового аскетизма, то есть отрицания основ индустриально-капиталистической системы. Это, конечно, не означает отрицания человеческой изобретательности и техники, но означает изменение её роли, подчинение её человеческому духу. Придётся по-новому обратиться к природе, к сельскому хозяйству, к ремёслам. **Город должен приблизиться к деревне** (курсив наш. – Ч. К.). Придётся организовываться в хозяйственные союзы и корпорации... придётся перейти к более упрощенной и эле-

ментарной материальной культуре и более сложной духовной культуре... Грандиозное предприятие Новой истории нужно ликвидировать, оно не удалось" [21, с. 19–20].

Следует заметить, что сегодня массовое производство продуктов питания для обеспечения населения крупных городов оказывается, как, впрочем, и вся продукция массовой культуры, лишь эрзацем, утоляющим физический голод, но не дающим действительного здоровья. Поэтому представители богатых слоёв городского населения стремятся заполучить для себя продукты питания, произведённые не массово-индустриальным способом, а как в самые "архаические" времена – индивидуально-крестьянским сельскохозяйственным трудом. Если немного ранее мировое производство всякого рода эрзацев, то добавляемых в натуральные продукты, а то и вовсе их подменяющих, обосновывалось превосходством искусственного над естественным, то теперь оно всё более приобретает вид подпольной технической активности, вполне осознающей свою неполноценность, но пытающейся скрыть её от массового потребителя. Одним из проявлений таких метаморфоз является сегодня активное поощрение в развитых странах элитарного органического и биодинамического земледелия как нового направления в сельскохозяйственном производстве. Возникновение органического и биодинамического земледелия стало проявлением реакции техногенной, рыночной цивилизации на ею же порождённый кризис в развитии общества. Продукция такого рода выращивается и перерабатывается без использования генной инженерии, синтетических или искусственных удобрений, пестицидов, гербицидов, противогрибковых препаратов, окуривания, регуляторов роста, антибиотиков, консервантов, красителей, каких-либо добавок, химического покрытия и т. п. [22, с. 24].

Биодинамическое и органическое земледелие – это не откат назад, в прошлое, а своего рода синтез старого и нового, содержащий в себе немалый элемент ультравысокой, пожалуй, даже виртуозной технологии сельскохозяйственного производства. Не исключено, что при условии кардинального изменения социального контекста такого рода земледелие могло бы явиться переходом к новому качеству, к новым технологиям будущего сельскохозяйственного производства, вбирающего в себя все достижения традиционной крестьянской культуры. Но пока, к сожалению, органическое земледелие во всех его разновидностях, включая биодинамическую, не является подлинной альтернативой предельно химизированному, пагубно сказывающемуся на экосистемах и наносящему непоправимый ущерб природе и здоровью человека, массово-индустриальному сельскохозяйственному производству, а становится лишь элитарным источником высококачественного продовольствия для богатых.

Однако остается нерешенным главный вопрос: какой же тип хозяйствования в полной мере соответствующий природно-климатическим (географическим) условиям, историческим традициям, менталитету и архетипическим структурам сознания восточнославянских народов мог бы стать экономической основой их движения к духовно-экологической цивилизации, её становления и развития? Как в наш пока ещё техноцентрический век должна быть организована хозяйственная жизнь восточнославянских стран, как должны быть очерчены её основные (разумеется, лишь в предположительной форме) контуры?

Экологизация хозяйственной жизни

В самом общем виде можно утверждать следующее. Если человечество действительно стремится избежать экокатастрофы, то оно должно выработать новую парадигму прогресса, основанную на самоограничении, изменении производства в сторону уменьшения его роста, постепенном переходе от технически деструктивных технологий, предполагающих разрушение или истребление природных образований в процессе создания материальных благ, к биологически конструктивным технологиям, направленным на приручение и совершенствование природных образований с целью получения необходимых человеку продуктов. Иначе говоря, в производственно-технической сфере необходимо перейти к биоцентричному производству, безотходным и природовосстановительным технологиям. При этом надо учесть, что сегодня становятся необходимыми и неизбежными определённые ограничения некоторых

видов человеческой деятельности, потенциально содержащих в себе опасность катастрофических последствий.

Сельское хозяйство. К настоящему времени техника – деструктивный способ взаимодействия человека и природы – абсолютно доминирует в производстве сельскохозяйственных продуктов. Если окинуть взглядом последние 300 лет истории техноцентрической цивилизации, то мы увидим все ускоряющийся процесс уничтожения природной среды и замены её искусственной средой, техникой в широком смысле этого слова. Пожалуй, самым ярким показателем, измеряющим этот процесс, является скорость уничтожения деревни городом в странах, вступивших на путь развития техногенной цивилизации, а также масштабная экспансия технически-деструктивного отношения к природе на остальную часть планеты, где веками господствовал традиционный образ жизни. Результат этого хорошо известен: разрушение фундаментальных основ человеческого бытия, опасность разного рода глобальных катастроф (экологической, антропологической, демографической). Всё это, в свою очередь, обуславливает настоятельную необходимость восстановления, обогащения и наполнения новым содержанием биологически-конструктивной технологии, всемерного её развития.

Если учесть, что сельскохозяйственное производство с самого начала своего возникновения и по сегодняшний день является производством безотходным (исключая гербицидное и подобное ему загрязнение природы), а также катастрофический рост отходов промышленного производства, загрязняющих среду обитания и угрожающих всему живому на земле, и неизбежную исчерпаемость природных энергетических и сырьевых ресурсов, то станет понятной перспективность и экологическая надежность способа взаимодействия человека с окружающей природой, который продемонстрировало миру сельское хозяйство как специфическая форма или модель биотехнологического воспроизводства к жизни.

В сельскохозяйственном производстве человек сотовариществует, сотрудничает с природой, творит вместе с ней. Благодаря своей синтетичности и органичности это производство практически полностью вписывается в природные процессы и циклы: никаких отходов – всё идёт в дело. Тем самым обеспечивается экологическая устойчивость и полнота круговорота веществ. В экологическом отношении этот вид древнейшей человеческой деятельности безупречен. Такая форма человеческой активности не размыкает и не ломает естественные циклы природы.

Одно из основных направлений инновационного скачка в постиндустриальное общество в его незападном постпотребительском, постэкономическом варианте – критика “цивилизации заменителей”, культ натуральных продуктов и естественных образцов. Учитывая богатства своих природных ресурсов и используя огромные пространства евразийского континента (где для земледелия, где для скотоводства, в зависимости от географических условий) сельское хозяйство восточнославянских стран могло бы предложить миру то, в чём он больше всего нуждается, – абсолютно экологически чистый продукт. В этом реванше естественного над искусственным восточнославянские народы могли бы обрести свои выходы на рынки богатых стран – потребителей натуральных продуктов и в целом на создание альтернативного проекта постиндустриального будущего.

Крестьянский дух, крестьянская психология восточного славянина отторгают культ имущественного неравенства [23, с. 30]. Это важнейшая сторона восточнославянского менталитета, которую нельзя не учитывать разного рода программам реформирования сельского хозяйства.

Сказанное имеет прямое отношение к концепции сельскохозяйственной кооперации, предложенной в свое время А. В. Чаяновым. Думается, что эта концепция, отброшенная в 20-х годах большевистским правительством, может стать сегодня теоретической основой органичного способа организации (самоорганизации) аграрного сектора.

Теория сельскохозяйственной кооперации А. В. Чаянова возникла не на голой почве. Тут, в первую очередь, сказались и традиции общинного хозяйствования, артельное-кооперативного труда, широко распространенные у восточных славян. Большевистская историография (как и нынешняя “демократическая”) замалчивает факт колоссального успеха кооперативного движения в России в начале XX века, *перед* революцией, во времена гражданской вой-

ны и нэпа. Кто теперь помнит о том, что в Сибири в начале XX века “кооперативные хозяйства почти полностью вытеснили капиталистические фермы из сферы производства и переработки сельскохозяйственных продуктов – основного вида промышленности Сибири тех лет. Тамошние кооперативные объединения сумели обзавестись даже собственными пароходами, чтобы без посредников доставлять свою продукцию в Западную Европу. И добились <этого> кооперативы... с помощью созданной ими широкой сети кредитных товариществ, по числу которых Россия к 1913 году вышла на первое место в мире. С помощью этих товариществ учреждавшие их кооперативы избавились от грабежа со стороны коммерческих банков” [24, с. 10].

В начале XX века именно Россия стала одним из пионеров сельскохозяйственной кооперации – и наиболее продвинутой в этом отношении страной. Быстро распространяющаяся кооперация как форма добровольного сотрудничества на разных стадиях сельскохозяйственного производства стала защитной реакцией общинной организованной деревни на развитие капитализма и усиление рыночных отношений. Таким путём община противостояла экспансии рыночных форм хозяйствования. Обнаружив удивительную способность сочетаться с кооперацией, традиционная российская община стала своеобразно эволюционировать в сторону крупных хозяйств. За неполные 20 лет – с начала столетия до Октябрьской революции – число кооперативов увеличилось в 30 раз и достигло 47 тысяч. Они объединяли 14 миллионов семей – 84 миллиона человек, более половины населения страны [13, с. 253].

Смысл кооперации заключается в том, чтобы, не ломая мелкого хозяйства, наделить его преимуществами крупного, снять их извечное противоречие. Она соединяла десятки тысяч производителей, позволяя им выступать в конкуренции и с латифундиями, и с разного рода посредниками. Причём для этого не требовалось ни создания дорогостоящих производственных мощностей, ни разрушения семейного эколого-безопасного хозяйства, традиционного строя жизни (да и смысла жизни) миллионов людей [13, с. 254].

Во время Первой мировой, а затем и гражданской войны кооперированные мелкие хозяйства продемонстрировали необычайную жизнеспособность и устойчивость. Неслучайно А. В. Чаянов по значению сравнил кооперацию с промышленным переворотом, на столетия определившим судьбы Европы и всего мира [25].

“Когда знакомишься с системой, разработанной Чаяновым, – пишет А. Казинцев, – первое, что поражает, – её человечность. Это не мертвая экономика: сцепление предельно обезличенных процессов и схем. Она пронизана живыми человеческими связями, ожиданиями, трудовыми усилиями, волей миллионов людей, объединённых общей деловой заинтересованностью и чем-то большим – духом человеческого сотрудничества. Эта система – явление уже не одного экономического – цивилизационного порядка. *Русская экономика* – не только потому, что учитывала, прежде всего, особенности отечественного сельского хозяйства, но и потому, что выразила и гениально воплотила в *экономической* конкретике *духовную* тягу русского человека к сотрудничеству, *соборности*, которая объединяет людей, не лишая их индивидуального начала, дела, интереса (в этом прямое значение слова “соборность”: каждый лично предстоит перед Богом, но и соединён со всеми в молитве, обращённой к Нему)” [13, с. 254, 255].

В самой краткой формуле сельскохозяйственную программу Чаянова и близких ему по духу мыслителей можно определить как программу органичного сочетания личностного и общинного – сочетание, которое определяло все ценное и позитивное в аграрной истории России.

После победы большевистской революции А. В. Чаянов предложил свой план кооперативной – в отличие от административной – коллективизации сельского хозяйства. Кооперативный план коллективизации А. В. Чаянова опирался на традиционные начала народной жизни, на самый дух народа, его представления о справедливом обществе, где “никто не зазрит и не обидит”.

Кооперативный проект Чаянова был отвергнут большевистскими вождями. Это и неудивительно. Технократически ориентированная командно-бюрократическая система, утвердившаяся тогда в Советском Союзе, не могла действовать иначе. В сущности, в попытках командно-бюрократической системы навязать естественно-историческому развитию общества искусственно-рациональный проект, “строить” светлое будущее на основе изначально детали-

зированного плана, подобно тому как это происходит при строительстве домов, заводов и фабрик, проявился характерный для многих утопий своеобразный инженерный, технократический подход к общественной жизни, ставивший, по сути дела, знак равенства между социальными и производственными процессами. Согласно такому подходу общество – это некий “механизм” (машина), а отдельный человек – “винтик”, который сам по себе не имеет никакой ценности и поэтому в любой момент может быть заменен другим таким же “винтиком”.

Сторонники технократической идеологии вдохновлялись идеей “организации” природы и общества по принципу гигантской, идеально отлаженной машины (Мегамашины), управляемой с помощью системы из одного центра. Они противопоставляли всему органическому, традиционному искусственно созданное, техническое (не случайно крестьянская культура и быт вызывали у них всеобщую неприязнь и озлобление). Их основной движущей силой была утопическая вера в возможность построения на расчищенном от всяких наслоений “проклятого прошлого” месте “правильного” “симметричного”, подобно часовому механизму отрегулированного общества. Идеей тотальной технической реконструкции не только вдохновлялся преобразовательный энтузиазм, направленный на пересоздание окружающей среды – от архитектурных сооружений до строительства грандиозных каналов, – но и, в немалой степени, обосновывалась коренная, связанная с насилием громадного масштаба “ломка” социальной структуры (“переворачивание мира”). При этом следует подчеркнуть, что технократической ориентации были привержены не только многие представители новоявленного аппарата управления, претендовавшие на роль “подлинных носителей” социалистических ценностей и идеалов, но и многочисленные деятели литературы и искусства, авангардисты, воспевавшие образ “общества-машины” (А. М. Горький, например, испытывавшая презрение ко всему крестьянскому, мечтал о том, чтобы научиться выращивать хлеб в лабораториях).

Таким образом, произошло столкновение, *сшибка* двух несовместимых мировоззрений и жизненных установок: космоцентрической деревенской культуры и техноцентрической идеологии, крайне радикальными носителями которой были в России большевики-западники (марксисты). В результате этой *сшибки* космоцентрическая деревенская культура была уничтожена.

Однако отвергнутые на Родине идеи Чаянова успешно стали применяться в других странах, в частности, в Индии и Китае, где они, будучи соединенными с учениями местных экономистов и соответственно трансформировавшись, способствовали подъему сельского хозяйства. Речь, прежде всего, здесь идет об идеях, ставших базовыми для народного хозяйства Индии и Китая. Это, в первую очередь, идеи многоуровневой экономики, гибких хозяйственных связей индивидуальных крестьянских хозяйств, объединяющих их в кооперативы разного уровня и профиля.

Похоже, что процессы, происходящие сейчас в Индии и Китае – великих крестьянских державах, овладевших индустриальной мощью (но сохранивших национальные основы жизни), – говорят о том, что наступающее столетие станет возрождением крестьянских цивилизаций. В этом нас убеждают не только количественные показатели экономик двух восточных гигантов (а именно на количественных показателях основываются прогнозы). Куда важнее их качественные характеристики. Они-то и убеждают в том, что достижения крестьянских цивилизаций Китая и Индии будут прочными, мало зависящими от колебаний мировой конъюнктуры. Возможно, сбудется главное пророчество Чаянова о том, что крестьянские цивилизации определяют характер будущего общества [13, с. 257].

Сегодня, таким образом, мы должны совершенно по-иному взглянуть на крестьянскую цивилизацию и её связь с экологическим постэкономическим укладом жизни. Крестьянская цивилизация – это, прежде всего, народное производство, представленное крестьянским трудовым коллективом. Для восточнославянских стран крестьянская цивилизация – это “не подражательный” путь развития, о котором писали многие российские экономисты, начиная с 80-х годов XIX столетия. Здесь нельзя не вспомнить размышления великого русского ученого-естественника Д. И. Менделеева о судьбе России, об обустройстве её жизни: “Артель – кооперативный способ борьбы со злом капитализма, – со своей стороны, считаю наиболее обещающим в будущем

и весьма возможным для приложения во многих случаях в России именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык и к артелям, и к общинному хозяйству” [26, с. 74–75].

Интересно в этом плане то, что русские крестьяне, вытесненные в город в ходе коллективизации, восстановили общину на стройке и на заводе в виде “трудового коллектива”. Именно этот уникальный уклад со многими крестьянскими атрибутами (включая штурмовщину) во многом определил “русское чудо” – необъяснимо эффективную форсированную индустриализацию Советского Союза.

Можно также заметить, что на основе общинных отношений во многом строилась ускоренная индустриализация Японии, Китая и стран Юго-Восточной Азии. Принципы общины лежат в построении кооперативов, объединяющих малые предприятия юга Италии, которые конкурируют с крупными корпорациями даже в области микроэлектроники. Общинный, артельный коллективизм соответствует российской цивилизации. Уже в силу этого нам надо не ломать сложившиеся традиции, не насиловать менталитет народа, внедряя во всем и во что бы то ни стало принципы индивидуализма согласно западным образцам, а поступить, подобно странам АТР, в соответствии со своими традициями, соединяя по мере необходимости коллективизм с высокими экологическими технологиями.

Интересную мысль в этом плане высказала Н. Н. Зарубина. Она пишет: “...Это вовсе не означает отрицания “современности”: космоцентрическая парадигма культуры присуща и явившей миру “экономическое чудо” Японии, и интенсивно развивающемуся Китаю. Предпосылкой этих “чудес” является как раз принятие той безусловной истины, что ориентация на труд как неотъемлемую часть бытия продуктивнее, чем простое материальное стимулирование. Восток сегодня дает миру образ “другой современности”, насыщая отрицание западного “модерна” не иррациональностью, демобилизацией и нравственным релятивизмом, а иными смыслами. Альтернативная парадигма постмодерна делает акцент на решении глобальных проблем и проблем каждого отдельного региона, каждой страны, каждого человека через принятие целостности социального и природного космоса, в котором каждый занимает своё место и выполняет своё жизненное предназначение. Именно в такой духовной среде архетипический “пахарь” обретает современные роли и новую жизнь” [27, с. 162].

Наиболее органически близкая к Космосу часть человечества – это крестьянство. Поэтому нам предстоит восстановить те формы отношения человека с Природой, Космосом, которые на протяжении тысячелетий культивировала крестьянская цивилизация. Восточные славяне имеют колоссальный и уникальный опыт именно в этом направлении. Коренные качества крестьянской цивилизации станут залогом выживания человечества в экологически осложнённых условиях жизни на Земле.

Сегодня важно понять, предстать себе всю грандиозность, всечеловеческое значение возрождения восточнославянской сельской культуры и быта. Идеи такого рода могли бы стать духовной основой борьбы за спасение человечества от скорой гибели в острозубых челюстях техногенной цивилизации.

Промышленность. В сфере промышленности, как и в сельском хозяйстве, мы должны стремиться следовать величественной природной лаборатории жизни с её взаимосвязанностью и саморегуляцией. В сущности, в природе, как отмечают многие исследователи, есть всё: от локомотора и реактивного двигателя до атомного котла, но принцип их работы иной и энергетика иная. В идеале промышленность должна быть встроена в природный комплекс Земли, органически включена в космобиосферные процессы, быть абсолютно безотходной – как не бывает отходов в природе – и не требовать или почти не требовать для своего функционирования невозобновляемых природных ресурсов. Иначе говоря, промышленность необходимо организовать таким образом, чтобы потребляемое сырьё проходило все стадии безотходной обработки. Это означает, что отходы одного технологического процесса служили бы сырьём для другого, другого для третьего и т. д. В этом направлении и должна определить свой поиск современная научная мысль.

Экологизация промышленности предполагает необходимость теоретической и практической реализации принципиально иной – не техноцентрической и не инструментально-потребительской стратегии хозяйственного развития.

Такая ориентация, как минимум, согласно целому ряду исследователей, предполагает следующие ориентиры движения социума.

Сохранение, использование и развитие только тех технологий, которые в минимальной степени используют природное вещество и наносят минимальный ущерб окружающей среде и здоровью человека. С некоторыми оговорками, речь, прежде всего, здесь может идти о биотехнологии, информационных технологиях, микроэлектронике и микропроцессорной технике. Их применение, по крайней мере, не сопровождается значительным ростом вовлечённости в производство природных ресурсов и увеличением вредных выбросов в атмосферу.

Последовательный отказ от всякого рода искусственных, надуманных потребностей – “псевдопотребностей”, начиная с предметов роскоши и заканчивая бесконечным количеством всевозможных безделушек, которые навязываются рыночной экономикой.

Повсеместный переход к умеренному рациональному питанию с отказом от всякого рода излишеств. Свёртывание химизации сельского хозяйства и пищевой промышленности, развитие биологических методов борьбы с вредителями (вместо гербицидов и пестицидов). Ибо безнравственно до предела “накачивать” почву дорогостоящими стимуляторами в виде химических реактивов с целью получения максимально большого количества продуктов, невзирая на то, будут ли они полезны для здоровья людей или нет, и, соответственно, во всё более крупных масштабах развивать химическую промышленность, интенсивно отравляющую окружающую среду.

Широчайшее распространение садово-огородных участков, с помощью которых население, всё ещё противоестественно сосредоточенное на ограниченных пространствах современных больших городов (“каменных джунглей”), могло бы разнообразить свой рацион натуральными продуктами и вместе с тем приобщиться к предметно-чувственной деятельности (“своими руками”), приносящей большинству людей истинное удовольствие, и тем самым сделать свой досуг и воспитание подрастающего поколения более содержательным.

Постепенный переход к скромной и гигиеничной одежде (не обязательно однообразной) с отказом от модных излишеств. В самом деле, аморально и даже преступно в эпоху надвигающейся тотальной экологической катастрофы каждый день менять дорогостоящие наряды. Важно отказаться от одежды и предметов разового пользования как чрезмерно нагруженных в экологическом отношении и перейти на технологию стирки и уборки, исключая химические вещества.

Необходимо взять курс на дезурбанизацию, на строительство небольших самодостаточных, обеспечивающих себя почти всем необходимым посёлков (“ноосферных поселений”), состоящих из небольших домов с оптимальным микроклиматом и хорошей теплоизоляцией (для экономии энергии на обогрев или, соответственно, на охлаждение помещений). Причём там, где это необходимо и возможно, осуществлять монтаж на крышах домов гелиоустановок, мини-ветряков, а на малых водных потоках – мини-ГЭС с целью минимизировать затраты топлива на обогрев и освещение домов, на приготовление пищи и другие бытовые нужды. Необходимо всячески стремиться к освоению новых естественных производительных сил, к развитию энергоёмких производств, к использованию нетрадиционных источников энергии, к увеличению удельного веса “чистой энергетики”, не загрязняющей природную среду. Сегодня к такой энергетике можно отнести солнечные, ветряные, гидравлические на малых и горных реках, приливные, волновые, гео- и гидротермальные электростанции, использующие внутреннее тепло Земли, морей и океанов.

Дезурбанизация, строительство небольших самодостаточных посёлков позволяют в значительной мере осуществить свёртывание современных транспортных средств и сократить расходы на их производство. Непосредственное выражение это должно найти и в расширении пешеходной доступности мест работы, покупок, развлечений, замене автомобиля велосипедом, а на более далёких дистанциях – новыми экономными средствами передвижения.

В результате подобного рода трансформаций кардинально изменится образ и стиль жизни людей. Постепенно отпадёт необходимость в крупных индустриальных гигантах – их вытеснят мелкие предприятия, а работа в основном будет осуществляться на дому, в “электронных коттеджах” (по терминологии

американского исследователя О. Тоффлера). То есть промышленное производство рассредоточится, большие города и гигантские предприятия отойдут в прошлое, и не исключено, что производство в значительной степени вновь приобретет семейный, разукрупнённый характер, а семья, разумеется, в обновлённых и разнообразных формах, опять станет главной структурной единицей общества («экономической ячейкой»). Таким образом, современное индустриальное общество, где господствует урбанизация, концентрация, стандартизация, специализация, сменится «деурбанизацией», «деконцентрацией», «дестандартизацией»... Вполне может случиться, что произойдет в какой-то мере возвращение к натуральному хозяйству только не в его прежней, индивидуально-аграрной форме, а в виде будущих самодостаточных ноосферных поселений, базирующихся на новейших интеллектуальных достижениях.

Мы ограничились здесь самыми общими предположениями относительно будущей экологизированной промышленности. Ибо сейчас трудно предсказать, какие конкретно формы она обретёт в ходе своего дальнейшего развития. Важно, однако, в качестве целевой установки исходить из того, что научно-технический прогресс, прогресс материального производства оправдан лишь в той мере, в какой он обеспечивает воспроизводство здорового, полноценного человека и способствует росту его духовных потребностей и сил («Все прогрессы реакционны, если рушится человек»). Прогресс сегодня заключается вовсе не в продолжении развития инструментально-технической, технико-потребительской цивилизации (к чему пока ещё усиленно стремятся не только многие отдельные индивиды, но и целые народы и государства), а в сохранении биосферных условий выживания человека, человеческого рода, в переориентации научно-технического прогресса с задач повышения экономической эффективности на задачи спасения биосферы. Поэтому научно-технический прогресс и финансово-экономические интересы сами по себе должны быть не целью, а всего лишь инструментом гармонизации отношений между обществом и природой, средством утверждения высших идеалов человеческого бытия. В условиях надвигающейся тотальной экологической катастрофы научно-технический прогресс должен трансформироваться из средства усоренного извлечения прибыли (заложника финансового капитала) в средство восстановления и сохранения биосферы. Иначе говоря, должна утвердиться коэволюционная парадигма развития, при которой научно-производственная система не стоит над природой, а вписана в неё, осуществляется сообразно природе объектов, внутренней логике их бытия. Но такого масштаба переориентация потребует радикальной трансформации научно-технического прогресса как такового, в частности, полного запрета целого ряда направлений исследовательской и технической деятельности.

В принципе, пришло то время, когда любые производственно-экономические и политические решения, осуществление культурно-информационной политики, функционирование государственных институтов и т. д. должны базироваться на краеугольных духовных и экологических императивах.

Какая же тогда экономическая система призвана утвердиться в будущем?

В настоящее время немало авторов как на Западе, так и на Востоке уже не рассматривают рыночную экономику в качестве вечной внеисторической формы хозяйствования. Напротив, они всё настойчивее выдвигают и обосновывают тезис о том, что грядущее постиндустриальное общество будет принципиально нерыночным или бызрыночным, что у рыночной экономики даже в тех странах, где она исторически возникла и получила благоприятные условия для своего развития, есть свой срок жизни, который, по мере движения этих стран к новому состоянию общества, подобно шагреновой коже, будет непрерывно уменьшаться.

Необходимо отметить, что разговор о закате капиталистической рыночной экономики далеко не новый. Ещё несколько десятилетий тому назад известный американский футуролог А. Тоффлер в знаменитой книге «Столкновение с будущим» высказал мысль о неизбежном закате индустриализма как наиболее адекватного фундамента рыночной экономики. Другой крупный американский исследователь – Э. Фромм – поставил под вопрос главное достижение развитого индустриализма – общество массового потребления. В работе с весьма выразительным названием «Иметь или быть?» он показал, что, во-первых, бесконечная смена потребительских товаров не обеспечивает человеку не только счастья, но и даже душевного равновесия, чувства удовле-

творённости; во-вторых, индустриализм привел к беспрецедентной бюрократизации общественной жизни, превратив человека в ничтожный винтик огромной бюрократической машины (Мегамашины); в-третьих, *общество массового потребления* обернулось для населения неслыханной манипуляцией мыслями, чувствами и вкусами людей, тотальным контролем средств массовой информации над частной и общественной жизнью; в-четвертых, потребительское изобилие коснулось лишь ограниченного числа стран, про́пасть между богатыми и бедными странами увеличивается всё нарастающими темпами; в-пятых, технический прогресс создал угрозу ядерной войны и опасность для окружающей среды... [28, с. 8]. Фромм рассуждает так: в индустриально-потребительском обществе человек чувствует себя усовершенствованной “вещью”, зависимой от внешней силы, которая определяет смысл его жизни, то есть находится в состоянии отчуждения, становление и рост которого не только связаны с экспансией индустриальной системы, но и непосредственно порождены ею.

В этом плане весьма характерной является книжка Ильи Ставинского “Капитализм сегодня и капитализм завтра”, которая была опубликована в 1995 году в США. В ней автор называет капитализм “самой передовой экономикой”, но при этом считает, что в недрах этой экономики зреет её самоотрицание. Он считает, что уже сегодня из-за роботизации и автоматизации “самая передовая экономическая система” всё больше запутывается в неразрешимых противоречиях, единственный выход из которых он видит в замене частного капитала общественным капиталом и государственным управлением. Всё дело, оказывается, в том, что “невидимая рука” рынка, то есть законы капиталистической рыночной экономики перестают в настоящее время справляться со своими регулирующими задачами и уж наверняка окажутся беспомощными завтра. При этом Ставинский свою мысль о закате рыночной экономики основательно аргументирует и обосновывает. В частности, он показывает, что дальнейшее внедрение в производство науки как непосредственной производительной силы приведёт к быстрому возрастанию производительности труда, что обернётся новыми миллионами выброшенных на улицу трудящихся. А это, в свою очередь, резко сократит ёмкость внутреннего рынка и неизбежно потребует от общества уже не “невидимой руки” рыночного регулирования, но общественно-сознательного управления экономическими процессами [29, с. 85].

Здесь уместно вспомнить и Карла Поланьи, который в 1944 году подвергал весьма аргументированному сомнению универсальность рынка, акцентируя внимание на том, что рынку есть и будет альтернатива [30, р. 49]. Он закладывал основы экономики в широком смысле, или метаэкономики, которая придёт на смену торговому строю и всей старой рыночной парадигме. Метаэкономика должна быть ориентирована не на прибыль, а на коэволюцию биосферы, техносферы и социосферы. Неизвестно, был ли знаком К. Поланьи с трудами русских космистов. Философию Н. Ф. Федорова, видимо, он не знал, но с трудами В. И. Вернадского, видимо, был знаком. И творчески шёл той же дорогой [30, с. 209].

Итак, в начале третьего тысячелетия разговор о капиталистической рыночной экономике как обязательном образце для подражания вне контекста исторического развития, реального состояния и объективных условий тех или иных стран и перспектив мирового развития в целом не является теоретически оправданным. Что же касается стран СНГ и, прежде всего, Белоруссии, России и Украины, то их политика модернизации должна соответственно ориентироваться на новую базовую стратегию. Они должны отказаться от эпигонской концепции “догоняющего развития” и исходить из стратегии “опережающего развития”, “опережающего порядка”.

По нашему мнению, путь к постиндустриальному (постэкономическому) обществу как относительно отдалённой цели, очевидно, будет пролегать через смешанную, социально ориентированную экономику, через комбинацию рыночных и нерыночных факторов, конкуренции и сотрудничества, эффективности и справедливости, частных и общих интересов, индивидуальности и коллективности, самоорганизации и организации – этих хотя и противоречащих друг другу, но не взаимоисключающих сущностей. Их надо не абсолютизировать и противопоставлять, а, следуя принципу дополнительности, рассматривать вместе. Причём в каждом конкретном случае мера сочетания рыночных

и нерыночных факторов должна соотноситься с объективными природными условиями, с традициями, ментальностью и историческим опытом того или иного народа. Политиков же, которые при решении этой сложнейшей задачи будут впадать в крайности, то есть делать ставку или исключительно на механизмы рыночной саморегуляции, или, напротив, полностью их игнорировать и уповать только на собственную политическую волю и государственное администрирование, неизбежно ждёт крах.

Уже давно многие авторитетные исследователи и политики указывали на перспективность процесса активного формирования *синтезного* общества как некоего противоречивого единства капиталистических и социалистических принципов. “Симбиоз капитализма и социал-демократии” (О. Лафонтен), “Столетие социал-демократии” (Р. Дорендорф), “Социалистическое одомашнивание капитализма” (Ю. Хабермас) – вот лишь некоторые определения этого общества. Сегодня всё указывает на то, что социалистический и капиталистический принцип могут весьма эффективно взаимодополнять друг друга. Нацеленность на социалистические ценности и идеалы сдерживает эгоцентрические проявления буржуазного индивидуализма, вынуждает господствующие слои общества проводить социально ориентированную политику. С другой стороны, буржуазно-либеральная устремленность к автономии личности, к её индивидуальной свободе и независимости служит своего рода противовесом от превращения коллективистских установок в средство подавления индивидуально-личностного начала в человеке, от полного господства общественного над личным, что, как правило, было присуще практике построения социализма.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что даже на этом переходном этапе к обществу будущего доля государственной собственности в восточнославянских странах в силу их географических и исторических особенностей и традиций должна быть доминирующей. Нам с самого начала нужно отказаться от всяких попыток перевода на рыночную систему хозяйствования тех сфер производства и жизни общества, которые обеспечивают доступ к информации и знаниям, к воспроизводству духовно-нравственного и образовательного потенциала народа. Необходимы также механизмы противодействия всевластию рынка в сельском хозяйстве, оборонной промышленности, в строительстве и распределении жилья, в сфере медицины. В собственности государства должны находиться, прежде всего, добывающая промышленность, электроэнергетика, транспорт, предприятия ВПК; государство должно взять на себя создание экономической инфраструктуры.

В ходе реформирования своих социально-политических и экономических структур восточнославянские страны не должны уклоняться в сторону или идти назад, а должны исходить из ведущих тенденций современного мирового развития. Одна из таких тенденций – регулирование и планирование. Регулирование и планирование становятся важнейшим измерением современной цивилизации. Они, хотя и по-разному, проявляются сегодня в любой социальной системе. Это общая тенденция. Во всем мире по мере усиления интеграционных процессов роль планирования, программирования и регулирования возрастает. Это обстоятельство, заметим, ставит восточнославянские страны в стратегически выгодное положение. Ибо они, в отличие от стран Запада, накопили не только огромный и уникальный опыт планового регулирования и управления экономикой, но и небывалый, не имеющий аналогов в мире опыт интеграции. Почему же мы в начале третьего тысячелетия должны от этого опыта отказываться? Наоборот, этот опыт, в известной мере, может явиться гарантией успешного преодоления нами временно возникших трудностей и способности дать адекватный ответ на объективные вызовы современности.

Становление и развитие нового экономического уклада не может быть достигнуто без эффективного народного контроля над всемогущей ныне номенклатурой, захватившей все важнейшие рычаги управления в экономике. Контроль народа над экономикой при нормальном развитии общества может приобретать самые разнообразные формы. Реальным способом отстранения правящей номенклатуры от политической и экономической власти является постепенное вращение экономической и политической демократии в сложившуюся систему общественных отношений. При этом, нам представляется, одной из оптимальных форм общественного контроля над экономикой могут стать производственные, потребительские промысловые и кредитные коопе-

ративы, кооперативное движение. Это движение показало, на какую высоту сознательной деятельности может подняться народный дух, дать образцы практической сметки, необычайной предприимчивости, удивительной способности народа к самоорганизации. Поскольку в восточнославянских странах исторически сложилось тяготение к артельно-коллективным и кооперативным формам труда, они, судя по всему, могут сыграть решающую роль не только в экономическом возрождении, но и в становлении реальной экономической демократии, выступить своего рода “русским проектом” смешанной демократической экономики. Российский исследователь Н. В. Роботяжев, например, говоря о необходимости утверждения экономической демократии, пишет: “Модель смешанной экономики, которую можно назвать народным капитализмом или русским демократическим социализмом (дело не в словах), даст возможность каждому человеку стать творцом, раскрыть свои таланты, проявить инициативу и предприимчивость. Она может быть поддержана как либералами-западниками (поскольку открывает широкий простор для проявления личной инициативы), так и почвенниками-славянофилами (поскольку идея экономической демократии соответствует русским артельным традициям, а контролируемая народом экономика, возможно, и станет тем *русским путём* хозяйственного развития, в котором проявится национальная самобытность). Вполне можно рассчитывать на поддержку этой экономической платформы и социал-демократами, и христианскими социалистами, и даже недоматематическими коммунистами. Представляется, что именно идея экономической демократии и смогла бы творчески слить патриотическую Русскую идею (не в осуществлении ли социальной Правды и заключается историческое призвание России?), либеральную идею Свободы и социалистическую идею Справедливости” [31, с. 78].

Конечно, путь к духовно-экологической цивилизации будет трудным и длительным. К тому же мы прекрасно отдаём себе отчёт в том, что история и общество будут развиваться не только благими пожеланиями. Не случайно, когда речь заходит об ограничении уровня потребления современных людей во имя будущих поколений, то у многих (и не только простых обывателей, но и у некоторых исследователей) возникает вопрос: “А стоит ли заботиться о будущем и о потомках, если они для нас, ныне живущих, ничего не в состоянии сделать хорошего?”

Ряд авторов считает, что на этот вопрос вообще невозможно дать сколь-нибудь вразумительный и утвердительный ответ. Например, Р. Хейлбронер отмечает, что вопрос о том, выживет ли человечество, в сущности, мало кого заботит. По его глубокому убеждению, большинству людей до этого вообще нет дела, и они вряд ли согласятся пожертвовать крупицей своего комфорта, скажем, воздержаться от употребления аэрозолей, чтобы продлить историю человечества хотя бы на сто лет. И, конечно же, не откажутся от расточительной мясной диеты. “Тысяча лет – это невообразимо отдалённое будущее, – размышляет Хейлбронер. – Даже столетие намного превосходит силу нашего отчётливого воображения. К 2075 году я, вероятно, буду мёртв уже четверть столетия. Мои дети тоже, по-видимому, умрут, а мои внуки, если они у меня будут, впадут в старческое слабоумие. И что мне за дело, в таком случае, какой будет жизнь в 2075 году, не говоря уже о 3075-м? К чему мне шевелить даже пальцем, чтобы повлиять на события, которые будут иметь для меня не больше смысла 75 лет спустя после моей смерти, чем те, которые случились за 75 лет до моего рождения?” [32, р. 14]. Он приходит к выводу, что вообще не существует никаких рациональных доводов в пользу заботы о потомстве, напротив, все рациональные соображения якобы заставляют нас отрицательно относиться к этому.

Не вдаваясь в критический анализ подобного рода рассуждений, заметим, что если бы наши предки поступали столь эгоистично, как предлагают некоторые авторы нам, были бы мы тогда на свете? Безусловно, нет. Значит, и нам нужно продолжить их линию, не допускать перерыва в живой цепи поколений.

Мы не можем в точности предвидеть, какая экологическая картина вырисовывается в XXI веке. Многие из того, о чём было сказано в этой статье, носит гипотетический характер.

Как бы, однако, ни сложилась дальнейшая судьба восточнославянских народов, поиск ими иных – лежащих за пределами чисто экономического общества – форм жизни людей, несомненно, будет востребован последующи-

ми поколениями. Думается, что именно на внеэкономическом поприще, в ходе формирования постэкономической цивилизации эти народы смогут достигнуть наивысшей степени своей исторической самореализации. Прорыв к духовно-экологической цивилизации – их высшее предназначение, идеал и цель.

Трудно не согласиться со словами патриарха Кирилла, сказанными на X Всемирном русском народном соборе: “Мир скоро востребует свойственных русской цивилизации идеалы самоограничения, приоритета духовного – над материальным, жертвенности и долга – над потребительством и эгоизмом, любви и справедливости – над “правом сильного”. Востребует мир и российский опыт общежития разных культур и убеждений, разных религий. Русскому народу никогда не было свойственно стремление силой, храбростью или коварством переделывать другие нации. Будут востребованы энергия нашего народа, его верность в служении человечеству, корни которой – в нашей истории, в духовности и культуре, в нашем служении Богу и истине Его”.

г. Гродно

Список литературы:

1. Иванов А. В. Время великого размежевания: от техногенно-потребительской – к духовно-экологической цивилизации / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин // Вести Московского университета. – Сер. 7. – Философия. – 1999. – № 6.
2. Федотов А. П. Каноны современного мира / А. П. Федотов // Вестник Московского университета. – Сер. 7. – Философия. – 1997. – № 4.
3. Новожёнов Ю. И. Утопична ли “русская идея”? / Ю. И. Новожёнов, В. П. Лукьянин // Москва – 1999. – № 7.
4. Экология культуры. – М., 2000.
5. Василенко Л. И. “Очарованный странник” против “экономического человека” / Л. И. Василенко // Москва – 1998. – № 4.
6. Лосский Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский // Философия и жизнь. – 1991. – № 2.
7. Кара-Мурза С. Хозяйство и этничность / С. Кара-Мурза // Социально-гуманитарное знание. – 2007. – № 5.
8. Соловьёв Вл. Соч.: в 2-х т. / Вл. Соловьёв. – М., 1988. – Т. 1.
9. Степин В. С. Российская философия сегодня: проблемы настоящего и оценки прошлого / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1997. – № 5.
10. Русская идея. – М., 1992.
11. Российская ментальность (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. – 1994. – № 1.
12. Покровский Н. Е. Одиночество и anomia (Философские теоретико-социологические аспекты): автореф. дис. Д. с. н. / Н. Е. Покровский – М., 1996.
13. Казинцев А. И. Дао Тун / А. И. Казинцев // Наш современник. – 2000. – № 10.
14. Панарин А. С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке / А. С. Панарин. – М., 1998.
15. Соколова Р. И. Традиция как духовный фундамент политической стратегии / Р. И. Соколова // Философские науки. – 2011. – № 9.
16. Симуш П. И. Мир таинственный: Размышления о крестьянстве / П. И. Симуш. – М., 1995.
17. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. – Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
18. Косолапов Н. А. По поводу прослушанного доклада “История и психология антропогенных кризисов: гипотеза техно-гуманитарного баланса” / Н. А. Косолапов // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба учёных “Глобальный мир”. Вып. 6 (29). – М., 2003.
19. Ефимчик И. В. Социальная организация – прошлое без будущего? (наивные вопросы дилетанта) / И. В. Ефимчик // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3.
20. Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций / И. Р. Шафаревич. – М., 2004.

21. Бердяев Н. А. Человек и машина / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 19–20.
22. Ковалев Е. В. Органическое земледелие – ответ на вызов времени / Е. В. Ковалев // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 9.
23. Гольц Г. А. Культура и экономика: попытки взаимосвязей / Г. А. Гольц // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1.
24. Белоцерковский В. В. Россия и капитализм // Свободная мысль. – 1999. – № 1.
25. Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации / А. В. Чаянов. – М., 1991.
26. Менделеев Д. И. Границ познанию предвидеть невозможно / Д. И. Менделеев. – М., 1991.
27. Зарубина Н. Н. Кто будет работать в России / Н. Н. Зарубина. – Москва. – 2003. – № 4.
28. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм – М., 1990.
29. Бутенко А. П. Философия истории и XX столетие / А. П. Бутенко // Философия и общество. – 1997. – № 5.
30. Polanyi Karl / The Great Transformation – 1944.
31. Работяжев Н. В. Экономическая демократия – благосостояние для всех. – Свободная мысль. – 2000. – № 3.
32. Heilbroner R. L. What has posterity ever done for me? – “The New York Times Magazine”, January 15. – 1975.

ОЛЕГ ПРОЛЕСКОВСКИЙ, ЛЕВ КРИШТАПОВИЧ

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО — ГАРАНТ НЕЗАВИСИМОСТИ

Историческая судьба белорусского народа — непростая судьба. Её не назовешь “классической” в том смысле, в каком называют историю многих европейских государств, скажем, Англии, Франции.

Нельзя сказать, что традиции государственности, государственного строительства здесь были малозаметны. Уже в XII–XIII веках на территории Беларуси насчитывалось 36 городов. В X–XI веках складываются Полоцкое и Туровское княжества. В XII веке выделяются княжества Слонимское, Волковысское, Свислочское, Новогрудское и Городненское.

Находясь в составе Великого княжества Литовского, крупного государственного образования, многие белорусские территории сохранили автономию, народ не был подвержен ассимиляции. Она была невозможна при серьёзных достижениях в развитии белорусского этноса и его сильном влиянии на государственные процессы ВКЛ.

В 1569 году после принятия Люблинской унии ВКЛ и Польское королевство объединились в федеративное государство — Речь Посполитую, а в XVIII веке после трех разделов этого государственного образования белорусские земли отошли к России.

Если ретроспективно рассмотреть государствообразующие процессы на территории современной Беларуси до XIX века включительно, можно сформулировать следующие основные положения.

Первое. Становление белорусской государственности неразрывно связано с историей развития белорусского национального характера. Он складывался в борьбе с польской экспансией, попытками упразднить в Речи Посполитой православную веру. В своей речи в Сенате князь Константин Острожский прямо обвинил короля Сигизмунда III в насильственном насаждении унии: “На веру православную наступаешь, на права наши, ломаешь вольности наши” [1, с. 219].

На рубеже XVI–XVII веков история Беларуси получает “по преимуществу народное направление” [2, с. 207]. Почему народное? Потому что защита образа жизни, своей веры и культуры, своего языка исходила именно из народной среды — от крестьянства, мещанства, казачества. Дело в том, что к этому времени западнорусская (белорусская) шляхта уже ополчилась и окатоличи-

*ПРОЛЕСКОВСКИЙ Олег Витольдович — министр информации Республики Беларусь.
КРИШТАПОВИЧ Лев Евстафьевич — доктор философских наук, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.*

лась. Мелетий Смотрицкий в своем известном “Фриносе или Плаче восточной церкви” (1610) констатировал смерть знаменитых русских (белорусских) родов, погибших в полонизме и латинстве. “Где теперь, – вопрошает Мелетий Смотрицкий, – дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей древней православной веры? Где и другие славные роды русских князей – князья Слуцкие, Заславские, Вишневецкие, Чарторийские, Соломерецкие, Соколинские, Лукомские и другие без числа?” Высшее западно-русское сословие пало, денационализировалось. Последние столпы русской веры, например, князь Константин Константинович Острожский, сходили с исторической сцены. На смену им шло молодое панство, для которого проблемы православной веры и русской старины отступили на задний план перед меркантильными и карьерными устремлениями. Хроника жизни Льва Сапеги, перебежавшего из православия в протестантизм, из протестантизма в католичество, наглядно демонстрирует процесс денационализации западнорусского (белорусского) высшего класса.

Именно в этот период и выкристаллизовались те социально-философские принципы нашего народа, которые сегодня составляют фундамент белорусской государственности. Это принципы народности, трудового образа жизни, социальной справедливости, братства, союза с русским народом, миролюбия, отсутствия гонора. И это понятно, так как только они отвечали сущности такого общества, которое состояло из трудовых слоёв – крестьянства и мещанства – и в котором не было своего высшего сословия, жившего за счёт труда крестьян. Такое общество по своему определению уже было обществом трудовым, народным и миролюбивым. Закономерно, что история Беларуси с этого времени приобретает характер народного направления и в своём со-
держании, и в своём развитии.

Второе. Воссоединение белорусов с русским народом, родственным по языку, конфессиональному признаку, образу жизни, в рамках Российской империи позволило нашему народу избежать денационализации и сохранило предпосылки для национального возрождения и государственного строительства.

“Включение восточнославянских земель в состав Российской империи, – отмечал Президент Беларуси А. Г. Лукашенко, – имело для белорусского этноса тогда спасительный характер” [3, с. 41].

Важно осознать, что государственность вовсе не является сугубо абстрактной категорией, лишённой каких бы то ни было “живых” характеристик. Государственность есть в определённом смысле воплощение национального характера и национальных традиций. Так, например, сложно представить себе в Беларуси ту или иную модификацию западной политической системы, ибо она не соответствует представлениям белоруса, не вписывается в парадигму белорусской ментальности. Западный человек, создававший своё благополучие за счёт колониальной эксплуатации народов, объективно рассматривал *незападного* человека как средство удовлетворения своих жизненных потребностей. Отсюда и западная ментальность с её принципами индивидуализма и расового превосходства над другими народами.

Для белоруса такие представления абсолютно невозможны в силу принципиально другого образа жизни. Мир в представлении белоруса был его реальный “мир” (община), где все должны трудиться и жить по справедливости. Такой мир априорно не знает и не принимает разделения людей на высших и низших, ибо все люди – Божьи создания. Подобного рода представления и были закреплены в ментальности нашего народа. Существует закономерность: невозможно вложить в язык народа то, чего сам народ не находит в своём языке. Если проанализировать с этой точки зрения белорусскую историю, то необходимо признать, что культурно, религиозно, да и географически Беларусь и белорусы были частью единой цивилизации – восточнославянской, общерусской. Отсюда и наша широта души, открытость характера, *невоинственность*, поскольку принадлежность к большому пространству объективно не предполагала агрессивности, ироничное отношение к своим достоинствам и недостаткам, к примеру, популярные анекдоты о белорусской толерантности.

Третье. Не вызывает сомнений тот факт, что белорусская ментальность определяет и генезис государственности. На наш взгляд, на первоначальных, “родовых” этапах становления белорусской государственности – XI–XII век – ментальность белорусов не была столь ярко выражена, как, скажем, в наше

время. Однако с течением времени усиливались одни черты характера белорусов и ослаблялись иные. Важно подчеркнуть, что генезис ментальности у белорусов, связанный с доминированием толерантно-неагрессивных черт характера, возник фактически одновременно с процессом формирования государственных начал, который имел свою белорусскую специфику. Нетрудно заметить, что эволюция государственных форм на территории Беларуси шла от общей древнерусской государственности и элементов государственности местных территориальных княжеств через включение её территории в Речь Посполитую к реальной государственности, которая сложилась в XX веке (БССР) и на современном этапе. Далее можно уверенно констатировать, что нарастание и углубление процесса национального самосознания неизбежно приводит к формированию национальной государственности.

Четвёртое. Представляется необходимым адекватно оценить роль религиозного фактора как в процессе формирования ментальности белорусов, так и в ходе государственного строительства. Данный тезис может быть сформулирован следующим образом: выбор православия зависел, среди прочих факторов, от ментальности нации, однако православие, в свою очередь, закрепило и сохранило тот исторический тип ментальности белорусов, который сегодня можно охарактеризовать как современный. Без всякой мистики и предопределённости: православие пришло именно на ту землю, где существовали предпосылки для его сохранения. Рассматривая этот вопрос, нельзя не коснуться и униатства, которое некоторые белорусские писатели и политики по недоразумению зачисляют в разряд национальной религии белорусов. Здесь важно отметить, что в то время, когда в Беларуси вводилось униатство (XVI–XVII века), меняли вероисповедание не простые верующие (крестьяне), а их патроны (паны, шляхта, церковные иерархи). В то время среди них считалось: чья власть, того и вера. Поскольку привилегированное сословие (шляхта) окатоличилось или приняло униатство, то оно заставляло и своих подданных (крестьян) принимать новую веру, механически переводило православные приходы в приходы униатские, навязывая им униатский священнослужителей. “Загоняемый подобными насилиями в унию русский (белорусский. — Авт.) народ не мог, конечно, искренно держаться унии. В глубине своей души он продолжал хранить старые свои верования, старые православные убеждения и искал только случая избавиться от насильно навязанной ему унии. Сами защитники латинства сознавались, что все униаты или открытые схизматики (православные), или подозреваются в схизме” [4, с. 161]. Поэтому когда говорят, что в XVIII веке 80% белорусов были униатами, то это относится не столько к самим белорусским крестьянам, сколько к количеству униатских приходов на Белорусской земле. Крестьяне, как и раньше, в XVIII веке оставались верными вере своих предков, то есть православию. Неслучайно возвращение из унии в православие прошло без затруднений.

Пятое. Необходимо подчеркнуть, что ментальность находится в сложных отношениях с историей. Она, если можно так выразиться, “мудра” и “избирательна”. Она вбирает в себя лишь то, что позволяет нации сохраниться в истории. Если агрессивные, кровопролитные эпохи на территории Беларуси не закрепились в ментальности её народа, это означает, что эти исторические события не связаны с процессом национального самосохранения и развития.

Но есть события и традиции, которые глубоко закрепились в ментальности нашего народа. Это касается общности исторических судеб белорусов и русских. Да, белорусы и русские — два народа. Но это народы-братья. Они представляют собой единую этнокультурную и цивилизационную общность. Этого никогда не следует забывать. В известном смысле можно даже утверждать, что белорус является более русским человеком, чем великоросс. Как образно сказал Президент А. Г. Лукашенко, “белорус — это русский со знаком качества” [5, с. 7]. Обусловлено это спецификой исторического развития Беларуси, когда от белорусов требовалось большее напряжение сил и ума в защите общерусских начал от посягательств чужеземцев (крестоносцев, иезуитов, польских магнатов). Неслучайно и то, что белорусы отнеслись более негативно к разрушению СССР, чем великороссы.

Обратите внимание: сложно вытравить из нашей памяти процессы, связанные с Великой Отечественной войной. Память о ней закреплена на генетическом уровне. В жизни каждого народа имеются смысловые точки развития, своеобразные *гены истории*, в которых закодированы характер национально-

го самосознания, историческая связь поколений, приоритеты общества и государства. Такой смысловой точкой белорусской истории является Великая Отечественная война. “У каждого народа есть свои особенности, свои яркие черты, по которым его узнают в мире. Есть определённые ценности, достоинства и свершения, которые его делают тем, кто он есть. Скажите, какое самое великое достояние нашего народа, за которое просто в ноги ему надо поклониться? Это – победа над фашизмом. Мы вместе с русским народом и другими народами пострадали больше, чем кто-либо иной. Мы выстояли. Мы не только отстояли свою независимость, но мы спасли человечество от нацизма и коричневой чумы” [3, с. 35].

Исторический путь развития Беларуси проходил в русле национального, культурного, цивилизационного единства с Россией. Для белорусского и русского народов характерны языковое родство, единство образа жизни и территории, одна и та же система социальных ценностей, одни и те же мировоззренческие и политические убеждения, общность судьбы.

Объективно белорусская государственность сформировалась в условиях восточнославянского цивилизационного пространства, союза с русским народом. Такова специфика исторического формирования белорусской государственности.

Некоторые недобросовестные историки пытаются связать момент возникновения независимого белорусского государства с попытками создания Белорусской Народной Республики (БНР).

Между тем, идеологи БНР всячески стремились противопоставить белорусов и русских, развести Беларусь и Россию по разные стороны исторического и цивилизационного развития. Такая идеология была не только антироссийской, но и антибелорусской, поскольку она была чужда белорусскому национальному характеру, а поэтому абсолютно не воспринималась нашим народом. Не случайно БНР была провозглашена в период немецкой оккупации Беларуси в 1918 году, так как она не имела поддержки среди белорусского народа, основываясь на “хаўрусе с Германской империей”, то есть с оккупантами. Вот почему БНР никакого отношения к белорусскому национальному самосознанию и к белорусской государственности не имеет.

“БНР, о которой неоправданно много говорят, не была поддержана массами и, по существу, не была признана в мире, **не имея необходимых атрибутов государства, не стала реальным государством**” [3, с. 43].

Первые атрибуты реальной государственности на территории современной Беларуси появились лишь 1 января 1919 года, когда была провозглашена Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ). Начиная именно с этой даты, мы можем говорить о появлении суверенного белорусского государства. Конечно, государственность в период революции и гражданской войны не могла сформироваться одномоментно. Об окончательном установлении белорусской государственности было заявлено в “Декларации о провозглашении независимости ССРБ”, которая была принята 31 июля 1920 года в Минске на совместном заседании представителей государственных и партийных органов, общественно-политических организаций и профсоюзов.

Поиск новых форм державного устройства, движение от унитарных форм государства к союзным привели в конце 1922 года к созданию Союза Советских Социалистических Республик. Именно в рамках союзного государства развивалась и укреплялась белорусская государственность. Аппарат государственной власти, система образования, здравоохранения, культурного развития – все это та реальность, которая возникла после 1919 года. Возникшая в результате национальных и международных процессов ССРБ–БССР сыграла важнейшую роль как в становлении и развитии идеи суверенитета республики, так и национального самосознания белорусов.

Историческое значение образования БССР заключается в том, что оно явилось закономерным итогом исторического развития белорусского народа, когда он обрёл государственное мышление и приступил к государственному строительству. “БССР выполнила государственную, политическую, культурную роль объединителя белорусской нации. Именно в этот период времени мы вместе с русским народом победили фашизм” [3, с. 43].

События начала 1990-х годов вызвали к жизни труды, главной целью которых стало обоснование отрыва Беларуси от России. Нам стали втолковывать, что мы – наследники великих европейских государств. Из проржавев-

ших ножен вновь появились мечи “великих предков”. Оказалось, что мы не подозревали о собственном национальном величии, о его поистине вселенских масштабах.

Смысл истории во многом стал определяться подходами, замешанными на идее национальной исключительности, точнее, на тех смысловых посылах, которые не имели ничего общего, прежде всего, с общерусской исторической и идеологической практикой.

Раз русские исповедуют православие, то наша история должна подавать-ся сквозь призму пристального внимания к униатству, которому предназначалась роль “национальной религии”.

Раз мы “чрезмерно” связаны с русскими, надо акцентировать внимание на битве “пад Воршай” и иных сражениях, где “наши европейские” ганнибалы не оставляли камня на камне от “восточных азиатов” в лаптях и онучах.

Раз сами классики белорусской литературы говорили о красоте русского языка, следует перенести на первый план разговор о чистоте и незамутненности “родной мовы”, которая есть и самая “подлинная” и самая “милогучная”. Этим “исследователям” и невдомёк было, что русский язык – это родной язык и белорусов тоже, это чистая правда, поскольку он выстрадан и выношен многими поколениями наших предков. Кому-то это может не нравиться, но ведь ни место рождения, ни родителей, ни историю рода мы не вольны себе выбрать.

Формирование национальной государственности вообще немыслимо вне исторических традиций. Но говоря о них, надо иметь в виду именно исторические традиции белорусского народа. Почему это важно? Потому что зачастую под видом национальных ценностей нам стремятся предлагать ценности какой угодно истории, но только не нашей, белорусской. Вот почему совершенной софистикой являются попытки определенных деятелей зачислять в разряд белорусских князей Миндовга и Витовта, тащить в современную белорусскую культуру Радзивиллов, Сапег и Гольшанских как видных представителей белорусских знатных фамилий.

На это обстоятельство обратил внимание Президент А. Г. Лукашенко, выступая в Белорусском государственном университете. Он отметил, что некоторыми “исследователями” за истинное проявление белорусского самосознания выдаются феодальные усобицы, а сотрудничество коллаборационистов с фашистскими оккупантами в годы Отечественной войны – за патриотизм и национальное возрождение. В ход порой идут откровенная русофобия, глумление над стремлением народа к социальной справедливости и народо-властью. Подобные “произведения” их авторы оправдывают “благородной целью”: любой ценой укрепить “независимое белорусское сознание”.

“Но истинное национальное самосознание не может строиться на лжи и фальсификациях” [3, с. 23].

Мы должны с уважением относиться к той модели государственного устройства, которую реально имеем, потому что это исторический выбор белорусского народа, это результат многовекового формирования общественного сознания, в рамках которого вырелась и приобрела силу белорусская государственность.

Сегодняшняя Республика Беларусь зиждется на союзном государственном фундаменте. И вне российско-белорусского Союзного государства нет независимости Беларуси. Союзное государство и есть гарант независимости Беларуси и России в современных условиях.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акты Западной России. – СПб., 1851. – Т. 4.
2. Коялович М. Чтения по истории Западной России / М. Коялович. – СПб., 1884.
3. Лукашенко А. Г. Исторический выбор Беларуси. Лекция Президента Республики Беларусь в Белорусском государственном университете. Минск, 14 марта 2003 г. / А. Г. Лукашенко. – Минск, БГУ, 2003.
4. Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве / Г. Я. Киприанович. – Минск, Издательство Белорусского Экзархата, 2006.
5. Лукашенко А. Г. Большое видится на расстоянии / А. Г. Лукашенко. – Советская Белоруссия. 05.01.2010.
6. Залесский А. И., Кобринец П. Н. О национальных отношениях в Советской Белоруссии / А. И. Залесский, П. Н. Кобринец. – Гродно, 1992.

Александрия — место в Беларуси особое. Таким оно и должно быть — удивительным, пронизанным светлой энергетикой. Это село в Шкловском районе Могилёвской области, где прошли детские годы первого президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко. Личность первого президента неординарна и сильна — это сейчас признано всеми: и друзьями, и соратниками, и оппонентами. И тот примечательный факт, что в Беларуси, лишь в одном из государств, образовавшихся на месте бывшего СССР, президента в народе уважительно величают “батшкой” — говорит о многом. А невдалеке от тех мест находится знаменитое Буйничское поле — земля, где в июле 1941 года целый месяц шли ожесточённые бои между равшимися на Восток бронированными ордами Гудериана и стрелковыми полками Красной Армии. События эти на века запечатлены на страницах великого романа К. Симонова “Живые и мёртвые”. Тогда на месяцу удалось остановить продвижение фашистов к Москве, но удалось это ценой тысяч и тысяч жизней красноармейцев — русских, белорусов, украинцев... — всех советских людей, граждан единой Державы. Память их бессмертна.

ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

НА ЗЕМЛЕ ЛУКАШЕНКО

Александрия — Буйничское поле

Александрия встретила погожим, сухим вечером, а морозный ноябрьский воздух был так чист и свеж, что, казалось, его можно пить! Пить сладко, как хрустальную родниковую воду. Здесь, как и в посещённых нами других агропромышленных комплексах страны, живут трудолюбивые, радушные и очень жизнерадостные люди. . . Мы встречали их повсюду: в библиотеках, спортивных и тренировочных залах, в Домах культуры и в уютных современных бассейнах. . .

Всё это существует и в других сёлах и деревнях, районных городах и посёлках Беларуси, но почему-то именно здесь, в Александрии, мне показалось всё каким-то особенно светлым, излучающим тепло и радушие.

Я впервые была здесь, и мне просто по-человечески интересно было всё в этом неповторимом своей исконной красотой уголке белорусской природы: его леса и поля, улицы и дома, школа, где учился руководитель государства, его класс, его парта. . .

Мне довелось дважды встречаться с Президентом, говорить с ним. Это удивительно простой в общении, преданный всей своей жизнью служению белорусскому народу, мудрый человек с пронизательным, глубоким, всё понимающим взглядом, умеющий слушать и слышать, искренне и душевно реагирующий на каждое сказанное собеседником слово. Моё сердце сохранит тепло от встречи с ним на всю жизнь.

Я всегда внимательно слушаю все выступления, обращения к народу и беседы главы государства с представителями СМИ, его обоснованные и острые ответы.

Особенно запомнила такие слова: “Что бы мне хотелось больше всего сделать? – сказал он нынешней осенью во время четырёхчасового разговора с журналистами более чем 70 изданий различных российских регионов. – Если бы у меня были ресурсы, я, прежде всего, направил бы их на повышение благосостояния людей. Хотелось бы больше дать людям”.

А на аналогичной встрече с представителями СМИ, проходившей в Минске, в самый канун 2012 года, на вопрос одной из журналисток: “Какой самый желанный подарок хотел бы получить от Деда Мороза в Новогодний вечер Президент?” – Александр Григорьевич так искренне ответил: “Больше всего на свете я хочу, чтоб у всех у вас и в Новогоднюю ночь, и потом, после праздничных дней, было хорошее, весёлое настроение, чтобы вы были счастливы и довольны! Если будете веселы и счастливы все вы, то и я буду знать, что то, что я делаю, верно!”

В Александрии, за несколько часов до посещения Буйничского поля, со мною произошло настоящее чудо. На рассвете приснился мне дед по отцу – Рудаков Антон Никанорович, умерший более полувека назад. Человек я глубоко верующий, православный, потому в приметы и сны не верю. Но именно дедушка Антон был первым человеком в этом мире, который научил меня жить, мыслить, писать и читать... по Библии. По самой настоящей Библии, изданной в 1801 году, чудом уцелевшей!

Родилась я в послевоенные годы, 1 апреля, в землянке, по стенам которой текла вешняя вода – куда было деться-то весной от половодья... Не было ещё отстроено ни одного дома в сожженной фашистами деревне Щепятино, что на Брянщине. При свете керосиновой лампы в долгие зимние вечера дед Антон обучал меня грамоте, приобщал к изучению жизни по Великой Книге Книг. Других учебников тогда в сожженной деревне просто и не было...

...А за окном завывали метели, глубокие сугробы окружали зимой деревню, и сказочно прекрасными были те дни, до сих пор ярко освещающие всю мою жизнь своей первозданной чистотой, светом, добром, радостью от встречи с новым, неизвестным, огромным и таинственным миром.

Бабушка Алёна топила печь и пекла такие пироги с яблоками, грибами, капустой, рыбой, черёмухой, каких я больше никогда и нигде не видывала и не вкушала. А ещё блины...

Вся бабушкина жизнь была – ожидание. Вслушивание, вглядывание в окно на дорогу, на улицу... Тревожное вскидывание на любой неожиданный стук, скрип калитки. Она ждала с фронта своего сына Андриана, на которого, единственного из пяти погибших в семье братьев и сынов, не была получена похоронка... Не было получено от него и ни одного письма с фронта. Как ушёл в июне сорок первого, попрощавшись с женой и детьми, так и пропал. А на все вопросы, куда только ни писали, получали один ответ: “Пропал без вести”.

Но и для деда Антона, и для моей бабули Алёны, а для неё-то особенно, Андриан был жив до самой её смерти.

– Девки, девки! – кликала нас бабуля, всматриваясь слепыми, выплуканными глазами в даль уходящего по полю большака, – Гляньте-ка, гляньте! Идёт кто-то! Во-о-он, возле Разделка. Сбегайте, поглядите! Может, то Андриаша наш...

И мы бежали на большак, мелькая босыми пятками, взбивая чёрную, мягкую, как пух, пыль... Обгоняя друг друга, мчались навстречу незнакомцу туда, к лесу по имени Разделок. Конечно, мы не знали никакого дяди Андриана, и узнать его вряд ли смогли бы даже и по виденной у бабушки пожелтевшей старенькой фотографии, висевший в нашей хате у божницы, рядом с иконой Николая Чудотворца. Но нам так хотелось встретить его и бегом принести бабушке Алёне самую благую и долгожданную для неё весть...

И таких встреч всех идущих в нашу деревню по самым разным делам путников было немало. А бабушка потом долго плакала... Она ждала сына всю жизнь и говорила: “Ведь не было ж похоронки. Значит, жив Андриаша, жив, чуёт моё сердце... Придёт”.

Только теперь, когда я потеряла своего первенца, умницу, молодого и красивого, кровинушку свою, сына Колюшку, погибшего в автомобильной аварии белой июньской ночью 1999 года, только теперь узнала я, как оно разрывалось всю жизнь – бабушкино сердечко, как оно трепетало в надежде всякий раз, когда на горизонте появлялась незнакомая фигура пешего странника...

Мой отец Иван, вернувшийся с фронта с тяжёлой контузией, сразу же по возвращении с фронта возглавил колхоз, восстанавливал его из руин. Контуженная правая рука никак не поддавалась, и он научился писать и делать всю крестьянскую работу левой. По просьбе бабушки отец писал письма и в Центральный музей Великой Отечественной войны, и в военкоматы, но ответы снова и снова были всё те же: “Пропал без вести”, или: “Сведений о гибели Рудакова Андриана Антоновича нет”.

Много лет прошло с тех пор, как нет уже ни моего отца, ни деда Антона с бабушкой. И только один раз за всю жизнь приснился мне дед. Это было за семь дней до трагической гибели сына. В том горьком сне, потрясшем меня, дедушка был ранен, кровь буквально лилась из раны. И он чётко повторял горькие, пронизывающие моё сердце даже во сне жестокой болью, слова: “Больно мне, больно! Больно мне...”

Но я не верила в сны, наученная им же, моим любимым дедушкой, верующим в Бога, как и положено православному человеку: “К гадалкам и чародеям не ходи... Толкованиям не верь... Только Господу Богу одному поклоняйся, Ему верь, за Него держись...”

Потому нынешний случай “явления” деда Антона просто подкинул меня в кровати, там, в уютном и тихом гостиничном номере, в Александрии:

– Нина! – разбудила я Чайку Нину Тимофеевну, свою коллегу и соседку по номеру:

– Нина! Какой страшный приснился мне сон! Очень тревожный! Я не верю, конечно, никаким снам. Но у меня уже был такой, похожий: видела я деда Антона во сне один раз... Правда, не так. Сегодня он был спокоен. Тих. И была забинтована его грудь, и рука – правая... Весь седой и белый, как снег, мой дед ничего не говорил, не жаловался. Он молчал. Но каким был его взгляд! Будто что-то очень важное, важное и главное хотел он сказать...

– К перемене погоды, – отозвалась Чайка, – успокойся...

И мы стали собираться в дорогу. Начинался новый, плотно насыщенный мероприятиями день нашей поездки. Первым таким мероприятием было посещение Буйничского поля.

В автобусе руководство Могилёвского облисполкома предусмотрительно организовало для нас просмотр документального фильма по материалам книг и исследований могилёвской группы “Поиск” под руководством писателя Николая Борисенко. Хочу привести некоторые цитаты из этого фильма.

“За первые 4 дня войны призывные пункты Могилёва, – говорил голос за кадрами исторической военной хроники, – направили в Красную Армию около 25 тысяч человек. За семь дней вокруг города были созданы две линии обороны. В народное ополчение вливались жители всей области. Они трудились без устали на строительстве оборонительных сооружений, в городе улицы превращались в баррикады, дома – в крепости.

3 июля в междуречье Березины и Днепра уже шли жестокие бои с передовыми подразделениями немецкого 46-го танкового корпуса Второй танковой группы генерала Гудериана.

На Западном берегу Днепра, перекрыв шоссе Могилёв–Бобруйск и Могилёв–Минск, оборону держали 388-й и 514-й полки регулярной армии, на восточном – 747-й стрелковый полк. Но уже 6 июля под натиском превосходящих сил противника отряды отошли вглубь обороны дивизии. С каждым днём противник всё усиливал натиск. Город подвергался многочисленным бомбардировкам. Наши воины стояли не просто храбро. Это было героическое, до смерти, стояние Советского народа против мощной силы зла фашизма.

Наиболее тяжёлые и жестокие бои развернулись в районе Буйничского поля. У деревни Буйничи проходил передний край обороны, где противотанковый ров, смыкаясь с оврагами, упирался в Днепр. С 10 июля противник подвергал практически несмолкающему артобстрелу и массированной бомбардировке позиции 388-го полка. Тем не менее, 12 июля, упредив атаку, советская артиллерия, открыв огонь по скоплению немецких танков, нанесла врагу значительные потери.

Перейдя в наступление, противник направил на советские позиции через Буйничское поле семьдесят танков. Бой продолжался четырнадцать часов. Наши храбрые воины подбили и сожгли, используя бутылки с горючей смесью, тридцать девять вражеских танков и отбили несколько атак противника!

13 июля воины полка контратаковали противника и отстояли рубеж обороны. Несмотря на то, что бои носили неимоверно ожесточённый характер и во все последующие дни, свои позиции советские воины удерживали до 22 июля, героическим стоянием, практически полностью окружённые врагом, обеспечивали укрепление обороны нашей армии на Смоленском и Московском направлениях”.

13 и 14 июля на Буйничском поле находились корреспонденты газеты “Известия” писатель Константин Симонов и фотокорреспондент той же газеты П. Трошкин, который сфотографировал скопище подбитых немецких танков на Буйничском поле. Снимок этот в “Известиях” увидела вся страна.

События той героической обороны нашли отражение в романе К. Симонова “Живые и мёртвые”, а прототипом героя романа генерала Фёдора Серпилина стал реальный человек полковник Семён Федорович Кутепов.

О глубине тех переживаний Константин Симонов потом в своей жизни не раз писал и в своих публицистических материалах, и в дневнике “Разные дни войны”, и во многих статьях и книгах. Вспоминал он Могилёв наряду с Москвой, Ленинградом, Одессой, Севастополем, Сталинградом: “Я не был солдатом, был всего только корреспондентом, однако у меня есть кусочек земли, который мне вовек не забыть, — поле под Могилёвом.

*Тот самый длинный день в году,
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.*

*Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что через двадцать, тридцать лет
Живым не верится, что живы...”*

Константин Симонов вспоминал и такой эпизод:

“...Середина поля. Могилёв. С восточного берега на западный перекинут единственный деревянный мост. На нём ни одной пушки, ни одного зенитного пулемёта. Мы переехали на западный берег Днепра, в полк, оборонявший Могилёв.

В этот день был тяжёлый, кровопролитный бой. Полк разбил сорок немецких танков, но и сам истёк кровью. Вечером мы говорили с командиром полка полковником Кутеповым... На его обросшем, небритом и усталом, смертельно усталом лице в самые тяжёлые мгновения вдруг проявлялась неожиданно мягкая, детская улыбка.

Мы сказали ему про мост. Там нет ни одного зенитного пулемёта, если немцы разбомбят мост, то он с полком будет отрезан здесь, за Днепром.

— Ну и что ж, — Кутепов вдруг улыбнулся своей детской улыбкой. — Ну и что ж, — повторил он мягко и тихо, как будто говоря о чём-то самом обычном. — Пусть бомбят. Если другие отступят, мы решили тут остаться и умереть, всем полком решили. Мы уж говорили об этом...”

Читаю, как Евангелие, как Святцы. Особенно, по буквам, слово кровопролитный... Кровь лилась, не водица. Человеческая кровь лилась рекой здесь, за нашу землю. И мы, живые, которым завещано самое дорогое... Не всё мы сберегли.

*Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль снегу...
Я вам жить завещаю,
Что я больше могу.*

*И у мёртвых безгласных
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она — спасена...*

(А. Твардовский “Я убит подо Ржевом...”)

Нет той великой и мощной державы под названием Союз Советских Социалистических Республик, в котором мы родились и беззаботно росли. Враг вновь готов обнажить клыки над многострадальной Россией и бывшими Союзными Республиками, ныне независимыми государствами, так кровно связанными между собой, что и до сих пор эта боль не прошла, пульсируя в разорванных по живому жилах.

В послевоенные годы разрухи невыносимую боль солдат Победы, пришедший с войны калекой, запивал горькой стопкой. Пытался залить солдат огонь своей неизбывной боли, но он не становился меньше...

Снова пьяный дядя Ваня...

— Ну, зачем ты столько пьёшь?..

— Выпью, меньше ноют раны.

Впрочем, вряд ли ты поймёшь.

Что тебе до нашей части?

Снова в город убежишь.

Вся держава в одночасье

Пала, видишь, и лежит...

Так писала я в своём стихотворении “День Победы”. Потому строки Александра Твардовского из его стихотворения “Я погиб подо Ржевом...” снова вспоминаю, как укор, как назидание:

*Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мёртвых проклятье —
Эта кара страшна...*

*...Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг,*

*О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне...*

Слава Богу, здравый смысл сегодня вновь собирает под свои знамёна молодые независимые государства, для того чтобы сохранить, укрепить, выжить в этом бою за лучшую жизнь, и снова миссия Александра Григорьевича Лукашенко проявилась в том, что он в изнурительных, часто невыносимых условиях сберёг Беларусь и Союзное государство. И теперь — ведёт нас в новый Евразийский Союз, где не будет ни доминирования более сильного, старшего над младшим, ни превосходства одних над другими, ни по языковым принципам, ни по национальным.

Союз, где будет у каждого народа своя, неповторимая, ему одному исторически предназначенная миссия.

Ведь наша земля принадлежит именно нашему народу, а не отщепенцам, призывающим ввести на свою землю войска НАТО для “наведения порядка”, продавшим давно уже и честь свою, и совесть за денежные гранты, готовым на любую ложь, любую грязь ради одной только цели — завоевания власти. И это стремление отнюдь не обусловлено заботой о народе. Кроме себя, они заботиться ни о ком не привыкли. Сегодня на любом их сайте в интернете — обвал ненависти, злобы, угроз, лжи...

Любым путём — власть!

А Евразийский Союз, только что рождающийся, уже заявляет о себе, даёт надежду как единственная возможность слить воедино не только богатство пространств, а и могущество верований, культур, неповторимости индивидуальных особенностей каждого народа.

И вот уже появляются новые возможности. Рынок становится единым

в странах Евразийского Союза, и это привлекает инвестиции государств, раньше не рисковавших работать в Беларуси. А нынче, при изменившейся ситуации, они уже готовы вкладывать свои средства в автомобилестроение, например, весьма актуальное для Беларуси. А это – новые рабочие места, это – новые возможности автомобильного рынка в стране. Это, наконец, дополнительные налоги в бюджет государства! Это и расширение культурного взаимодействия разных народов.

... К Буйничскому полю мы подъехали незаметно и как-то очень уж скоро. Я, впервые ступив на святую, политую кровью землю, осенив себя крестом, готова была заплакать. Внимание привлёк огромный камень, на нём мраморная доска со словами: "...Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах".

И подпись: "К. Симонов".

Судьба писателя теперь навек связана с Буйничским полем, которое он не смог забыть и перед смертью.

Мемориальный комплекс на Буйничском поле был открыт 9 мая 1995 года. В центре него – 27-метровая каплица – символ величия воинского духа славян, здесь же военная техника времён Великой Отечественной войны... Стены часовни расписаны фресками, в нишах размещены мраморные доски с именами погибших, а в самом центре установлен маятник Фуко – символ вечной жизни, вечного движения в память обо всех, кто погиб на этом поле в 1941-м. Над каплицей – крест.

Экскурсовод рассказывает о том, что поисковики до сих пор ведут раскопки в местах бывших боёв, находят полуистлевшие документы, залитые кровью, и как часто сложно бывает восстановить имя погибшего...

...О том, что расшифрованные имена найденных здесь погибших солдат до сих пор вносятся в мемориальные списки, чтобы сохранить их в памяти народной...

...О том, что именно здесь погибли многие, призванные в первые дни войны. Особенно запомнились слова: "Все погибшие здесь, на Буйничском поле, для России до сих пор – без вести пропавшие..."

Разве думали, могли думать солдаты, отдавшие в боях Священной Великой Войны самое дорогое, что есть у человека, – жизнь свою за Отечество своё, о "парадоксах национального самосознания"...

И о том, какие "битвы" развернутся в освобождённых ими от фашизма странах между родными братьями – славянами...

*...Не думал дядя Ваня... Разве мог
Он думать среди боя под Варшавой?
Горела, уходила из-под ног
Земля... Он шёл на пулю — не за славу.*

*Не за богатство шёл, а за страну,
Не думая, что за страну — чужую...
Он был солдатом. В огненном бою
Он шёл вперёд — за Родину родную.*

Из стихотворения "День Победы" Т. Красновой-Гусаченко

Разве мы, русские, белорусы, украинцы – славяне – не единый народ?.. Не объединены ли мы все идеей России – единой великой славянской Державы, что и не прощают нам чуждые силы...

*Хотя враждебно чужбиной
И были мы разлучены,
Но всё же — мы народ единый,
Единой матери сыны;
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России не прощают в вас!*

Фёдор Тютчев. "Славянам"

Я читала имена погибших на мраморных досках. Сколько их... Чьих-то отцов, братьев, сынов...

И вдруг, как молнией обожгло: в самое сердце вонзилась боль. На противоположной стене, в середине огромного скорбного списка фамилий — огнём полыхнуло родное имя — Рудаков! А дальше — инициалы — А. С. Да это мой дядя! Андриан! Ах, дед, как же ты мне неспроста приснился! Вот же какое чудо. Дед мой Антон через пятьдесят лет из своего забвения послал весть. Здесь особая аура... Эти поля, река, лес, и такое чистое не по-осеннему небо — поистине, необыкновенны.

Высшей волей и высшим могуществом всё predeterminedено в этом мире? Здесь место с мощным космическим биополем, в котором воплощаются энергетические послы вечности... и сюда прилетают, и могут прилетать — Ангелы, как сказала бы моя бабушка Алёна.

Это здесь — сила Священной Земли, политой кровью погибших её сынов, отдавших жизни свои за Великую Родину, страну, созданную для равноправной и спокойной жизни всего многонационального народа.

А сегодня таким государством на всём пространстве бывшего СССР осталась только Беларусь! Но ведь она могла тоже пойти по другому пути. И в том, что этого не произошло, — заслуга нашего Президента.

Я вдруг так ясно поняла, ощутила: как она переполнена, чаша моей боли! Она тяжела от того, что они есть, и они — рядом, живут в одном со мною времени — те, кто упорно не только стремится, но и способен погубить то, что завоёвано такой ценой. А самое обидное, что они не хотят видеть, понимать, ценить и беречь то, за что наши деды и отцы отдали свои жизни.

И уже слёзы, которые подкатывали с самого нашего приезда на Буйничское поле, неудержимо хлынули из глаз. Я не могла и не хотела их сдерживать, потому что это были слёзы моего стояния в этой жизни. И это были слёзы человека, нашедшего того, кого так ждали в родном доме, где до самой смерти, до последнего вздоха верили, в то, что он вернётся. Именно мне выпала честь найти через столько лет “пропавшего без вести” брата моего отца, сына моего деда Антона и бабушки Алёны. Защитника Отечества!

А ведь искали столько лет все родные... Но даже в списках самых авторитетных мемориалов не было его имени среди погибших. Да и не могло быть! Ведь здесь же написано: А. С.! А у дяди инициалы другие: он — Андриан Антонович...

Но экскурсовод и подошедший член отряда поисковиков искренне убеждают меня, что таких ошибок — множество, что из Франции даже приезжала семья, и у них тоже инициалы не совпадали... По останкам погибших, медальонам, найденным поисковиками, часто с очень большим трудом удавалось разобрать даже фамилию... А потом долгие упорные поиски подтвердили, что это был всё-таки их отец...

По возвращении из поездки я связалась со своими сёстрами и дочерью погибшего. Рассказала обо всём. Пообещала дойти до конца в поисках истины. Вот уже месяц — звоню, пишу в Могилёв, возобновила поиски и в интернете... А сегодня, в канун праздника Николая Чудотворца, Николая зимнего, особого Предстателя за всех без вести пропавших, ясно так вдруг мне стало: это он! Наш Андриан!

И самое верное тому указание — дозволенное свыше явление моего деда Антона во сне, в ту ночь, в Александрии... Он, такой родной и незабвенный, напомнил: только сердцем можно **всё** увидеть.

Здесь он, Андриан Антонович Рудаков! Не без вести пропавший, а погибший Солдат Победы, найденный чудом: ведь могло и не быть меня в этом путешествии... А теперь я знаю: наш Андриан в Могилёве, на Буйничском поле, в самом начале войны, защищая Родину, сложил свою голову. Потому и не было ни одного письма с момента его призыва в июне 1941 года.

Даст Бог, на Троицу поедем поклониться...

*...Ещё — незабвенная, светлая сила
Моя, где кресты и родные могилы.
Ещё — моя сила, в тиши помолясь,
Воды родниковой из чистой криницы
Испить... низко в пояс тебе поклониться,
Моя золотая, родная земля.
Вот в чём она, вечная сила моя...*

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

ОШИБКА ИМПЕРАТОРА

Теперь уже мало кто помнит, а историки почти не напоминают о том, что российский император Александр I был самодержавным владельцем не только Российской Империи, но и, как минимум, ещё двух государств, притом государств, что очень даже немаловажно, появившихся на политической карте Европы по его собственному благоволению. Именно его решением в самом начале XIX века в 1809 году было создано Великое Княжество Финляндское, а в 1815-м – Царство Польское, и не будь этой самодержавной воли, судьба поляков и финнов могла бы сложиться иначе. Ведь царственная бабка Александра – Екатерина Великая, – приняв после длительных раздумий участие в разделе Речи Посполитой трёх народов, которая теперь у большинства поляков ассоциируется только с Польшей, хотя это была федерация Королевства Польского с Великим княжеством Литовским, Русским и Жмудским, полагала, конечно же, что в истории польской государственности поставлена точка. Его отцу Павлу I, который хотя и милостиво обошёлся с теми, кто противился разделу Речи Посполитой и даже восставал против России с оружием в руках, в частности, с Тадеушем Костюшко, тоже вряд ли приходила в голову мысль о восстановлении Польши. А вот внука Екатерины и сына Павла Александра осенила такая идея. Теперь можно с полной уверенностью говорить, что это решение Александра I было поистине судьбоносным для поляков. Вряд ли существовала бы нынче Польша, а возможно, и белорусское, украинское и литовское государства, если бы царь продолжил политику, начатую его бабкой – Екатериной Великой.

Александр провозгласил Царство Польское тогда, когда закончились наполеоновские войны. Для этого он приезжал в Варшаву. После его смерти польской короной в Варшаве венчался Николай I, младший брат Александра I. Тогда даже отчеканили медаль, на которой был выбит профиль нового русского царя и надпись, гласившая, что Николай является не только Императором Всероссийским, но и королем Польским. Однако это была последняя коронация в Варшаве. Следующие российские императоры провозглашались польскими королями во время главных коронационных торжеств в Москве. Так решил Николай I, против которого поляки взбунтовались в 1830 году, чем подтолкнули его к существенному урезанию прав и вольностей шляхты, полученных от Александра I.

Правда, появление Польши и Финляндии на европейской политической карте в начале XIX века имело существенные различия. Польская государственность к тому времени насчитывала уже восемь веков и на исходе XVIII века – ровно за двадцать лет до её возрождения под скипетром Александра I в виде Царства Польского – была приостановлена тремя разделами Речи Пос-

политой. Речь Посполитая довольно долго являлась крупнейшим государством в Европе, а границы её одно время простирались от моря Балтийского на севере до моря Чёрного на юге и почти до Можайска на востоке. Более того, Речь Посполитая какое-то время претендовала даже на подчинение Москвы и окрестных русских княжеств. Во время Великой Смуты войска Речи Посполитой оказались в Кремле, а российским царем московская Семибоярщина в 1610 году назначила польского королевича Владислава. Владислав, хотя его и не успели венчать на царство, поскольку поляки и их союзники были вскоре изгнаны из пределов Московского государства, от царского титула не хотел отрекаться ещё почти четверть века. И даже после вынужденного отказа – в 1637 году – в Речи Посполитой была выбита медаль в честь “побед” Владислава IV над Россией, Турцией и Швецией, на которой польский король держит на цепи трёх собачек и замахивается на них, как Геракл, своей палицей.

Об этом в Польше помнят до сих пор. В сентябре 2011 года польский журнал *Nasz Dziennik* опубликовал статью Юзефа Шанявского “Русская присяга польскому королю”. Она полна бахвальства, но достаточно красноречива, из неё можно привести некоторые выдержки (с сокращениями): “29 октября 1611 года великий военачальник и государственный деятель, покоритель Москвы (боярское правительство, так называемая Семибоярщина, сдало полякам Москву без боя. – **Ред.**) гетман Станислав Жолкевский привёз в Варшаву плённых врагов Польши. Это были русский царь Василий Шуйский и бездарно командовавший русскими войсками его брат Дмитрий Шуйский. Под триумфальной аркой вначале проехал полководец-победитель гетман Станислав Жолкевский, за ним воеводы польских войск, вояки шляхтичи, а в конце царь и русские пленные. Под конвоем, с эскортом польских драгун, их доставили по Краковскому предместью в Королевский дворец, где на совместное торжественное заседание собрались Сейм и Сенат Речи Посполитой. Там присутствовали все депутаты и сенаторы, большинство епископов и воевод, важнейшие политики и военачальники. На троне восседал король, при котором находились примас Польши и великий коронный канцлер.

Русский царь поклонился до самой земли, так что его правая рука коснулась пола, а потом поцеловал эту руку. После Василий Шуйский принёс присягу, признал себя побеждённым и обещал, что Россия уже никогда больше не посягнёт на Польшу. Только после этой церемонии польский король Сигизмунд III Ваза протянул стоящему перед ним на коленях русскому царю руку для поцелуя. В свою очередь князь Дмитрий, командовавший русскими войсками, разбитыми польской армией при Клушине, пал ниц и бил челом перед польским королём, а после принёс такую же присягу, как и царь. Во время всей церемонии на полу перед гетманом-победителем, королём и присутствующими сановниками лежали добытые в Кремле русские знамёна и самое главное из них – царский штандарт с чёрным двуглавым орлом”.

Весьма существенно и то, что автор добавил в конце публикации: “Пишу, чтобы этот исключительный триумф не был забыт: президентом Польши, главой польского правительства и министрами, военными, депутатами и сенаторами, духовенством и журналистами... 400 лет тому назад, 29 октября 1611 года в Королевском замке в Варшаве Польша праздновала самую крупную победу в своей истории...”. Больше таких побед у Польши не было.

Василий Шуйский, который, кстати, к моменту пленения уже был свергнут с русского престола и пострижен в монахи, родины больше никогда не увидел. В 1612 году он умер в плену в Гостынинском замке в 130 километрах от Варшавы. В том же году ушёл в мир иной и его брат Димитрий. В польском заточении в Кремле был уморен голодом и русский патриарх Гермоген. Разве можно было Владиславу, тем более Сигизмунду III Вазе, которому лобызали руку преклонённые Шуйские, в тот момент представить, что наступят времена, более похожие на кошмарный сон: упадок Речи Посполитой, вызванный внутренними раздорами, разделы и исчезновение с политической карты мира того самого государства, которое не только простиралось от моря до моря, но и претендовало на большее. В самом деле, *если хочешь рассместить Бога, расскажи ему о своих планах.*

После раздела Речи Посполитой было многое: участие поляков во всех войнах Наполеона на его стороне, поражение Наполеона в войне с Россией, а вместе с ним и шедших с ним “дванадцати языков”, включая поляков. И, на-

конец, новое появление польского государства на европейской карте в виде Царства Польского, но уже милостью императора той самой России, погибели которой поляки желали, притом не один раз. Не будет преувеличением сказать, что всё, сделанное поляками в наполеоновских войнах, не давало никаких оснований для хорошего к ним отношения со стороны русских властей, а тем паче для восстановления польской государственности. Тем не менее, Александр I сделал это.

Великое Княжество Финляндское возникло на европейской карте на шесть лет раньше – в 1809 году, но тоже после войны, на этот раз – русско-шведской. По Фридрихгамскому договору проигравшая Швеция уступила России в вечное владение земли, на которых проживали финны. Вот тогда-то Финляндия и предстала миру как государственное образование, поскольку княжество Финляндское в составе Швеции хотя и было, однако автономии не имело, а если и перечило Стокгольму, то лишь в результате распри в правящей верхушке королевства Шведского. Добавим, что, учредив Великое княжество Финляндское, царь Александр, дабы добиться большего расположения финнов, в 1811 году прибавил к нему земли, вместе с городом Выборгом, давно уже входившие в состав Российской империи, выкупленные у Швеции ещё по Ништадскому миру 1721 года, которым закончились войны со Швецией при Петре I. За эти земли было заплачено два миллиона золотых талеров – в России их называли ефимками. Петр I, согласившийся на столь громадную по тем временам сумму, издавал даже специальный указ, обязывавший российскую казну все выплаты проводить исправно, дабы “шведское величество” никаких обид и претензий не имело. Ох, дорого обошлась нашему народу эта уступка Александром I финнам Выборга и всего Карельского перешейка: сколько кровей советских солдат пролилось там во время боёв за “несокрушимую линию Маннергейма”, воздвигнутую финнами здесь уже в XX веке...

В 1809 году финская государственность, которая благополучно живёт и здравствует поныне, отсчёт своей истории начинала довольно основательно. Хотя денежной единицей княжества был русский рубль, тратиться он мог лишь на нужды Финляндии. На государственную службу русские принимались после получения финского гражданства. У княжества была своя армия, которая могла быть использована только для защиты финских рубежей и, например, в Крымской войне она не участвовала. Своя была у княжества и полиция, которая тоже руководствовалась особыми законами, поэтому В. И. Ленин мог там и съезды проводить, и жандармов российских совсем не опасаться, так как у тех жандармов были, как говорится, руки коротки в силу особенности финских законов, хотя от финской границы до Питера, благодаря “щедрости” Александра I, было всего сорок вёрст. К 1917 году финская государственность была уже основательно отлажена, потому независимость Финляндии от России оставалось только провозгласить, что и было без промедления сделано, как только в России началась революционная смута. От объявления Великого княжества Финляндского под скипетром Александра I по полному финского суверенитета прошло чуть больше ста лет. Кстати, сам вольтерьянец Александр любил повторять, что “Финляндия – это не губерния, Финляндия – это государство”. И всячески поддерживал местных выдвиженцев.

В начале XX века важную роль в окончательном утверждении финской независимости сыграл генерал-лейтенант русской армии Карл Густав Маннергейм, который командовал дивизией на фронтах Первой мировой войны и был близок к Николаю II еще со времен коронации последнего российского императора. В конце 1917 года он стал главнокомандующим и фактическим создателем финской армии, которая успешно, правда, не без помощи со стороны Германии, выполнила задачи, связанные с защитой финской государственности. Кто знает, будь к тому времени жив Карл Маркс или его товарищ Фридрих Энгельс, не дополнили ли бы они своё учение о мировой революции указанием на то, что не только буржуазия взращивает себе могильщика – пролетариат, но делают это и империи, пестуя национальную знать. А уж доживи они до времени, помеченного знаком *Вискулей*, где принималось решение “о прекращении существования СССР как геополитической реальности и субъекта международных отношений”, такой вывод был бы сформулирован обязательно, разве что национальную знать назвали бы по-современному – национальными элитами. Впрочем, необходимо помнить, что русский генерал, а затем финский маршал Маннергейм, утвердивший финскую независимость, в ходе

вспыхнувшей революции от императора всё же не отрекался и до конца жизни на своём письменном столе держал фотографию Николая II с личной надписью царя.

Восстановленное Александром I в 1815 году королевство Польское тоже имело свои законы, правительство, бюджет, армию, созданную, кстати, из частей, воевавших на стороне Наполеона, свою полицию и свою Конституцию. Но была между Польшей и Финляндией и существенная разница. Если в Великое княжество Финляндское вошли все финские земли и даже соседствующие с ними карельские и русские, то в Царство Польское, воссозданное под эгидой Романовых, Австрия и Пруссия не пожелали возвращать польские территории, оказавшиеся под их властью в результате трёх уже упоминавшихся прежде разделов Речи Посполитой. Они лишь согласились – по настоянию русского царя – предоставить им автономию, в результате в составе Пруссии появилось Великое княжество Познаньское, а в составе Австрии – свободный город Краков или Краковская республика. Однако главная разница между Царством Польским и Великим княжеством Финляндским, как показало время, состояла всё-таки в другом: финнов устраивало такое положение вещей, а поляков – нет.

Восстань сейчас из небытия Александр I, он бы многому удивился. Во-первых, что столица Финляндии перенесена в Хельсинки, поскольку Турку, который сначала был столицей, потом признали *чересчур шведским* городом. Двести лет назад в Хельсинки тоже преобладал шведский язык, но сам город считался всё же *более финским*. Русский царь обязательно увидел бы, что на главной площади Хельсинки перед зданием Парламента стоит ему памятник, и узнал бы, что финны вспоминают о нём с благодарностью. Во-вторых, он обязательно удивился бы тому, что в Варшаве не то что памятника императору нет – никто доброго слова о нём не скажет, а ведь ради благополучия Польши он приложил усилий куда больше, чем для благополучия Финляндии. И куда больше его трудов было направлено на то, чтобы поляки помнили его благодеяния. К королевству Польскому он хотел присоединить почти все земли бывшей Речи Посполитой – территории нынешней Украины, Белоруссии, Литвы, а частично даже Латвии с Даугавпилсом – тогда Динабургом, к чему его упорно толкали князь Адам Чарторыйский и другие польские сановники, оказавшиеся в близком окружении императора. Говорят, что эти царские намерения не осуществились только из-за резких возражений русской знати, в частности, известного историка Н. М. Карамзина, к которому император относился с большим почтением.

И, конечно же, царь удивился бы тому, что давно начатая война польско-русских и русско-польских интересов продолжается и в наше время, в чём нетрудно убедиться, полистав нынешнюю польскую прессу или посмотрев польское телевидение. И о чём бы ни шла речь, события всегда рассматриваются с точки зрения того, будут ли они на пользу или во вред России, усилят ли влияние России или ослабят и, конечно же, возрастет или уменьшится опасность ущемления интересов Польши со стороны России. И не только Польши, но и всей Европы, и всего “цивилизованного мира”, к которому в Польше Россию не относят. Даже такой, на первый взгляд, далёкий от истории польско-русских отношений факт, как открытие в Польше больших запасов сланцевого газа, тоже оценён с точки зрения ослабления российского влияния в мировой экономике. Вот, мол, начнут США с Польшей добывать большие объёмы сланцевого газа – и упадёт цена на газ природный, которым так богата Россия.

По-своему красноречивой была реакция поляков на то, как приняли русские – не власти, а обычные русские люди – известие о катастрофе под Смоленском, в которой погиб польский президент Лех Качиньский и представители высшего руководства Польши, летевшие на траурные мероприятия в Катюнь. Когда русские начали нести цветы к польскому посольству в Москве, к месту самой трагедии около Смоленска, то поляков это... удивило. Притом удивило не только рядовых обывателей, но тех, кого по заслугам называют “цветом польской культуры” – элиту. Они – представители этой “элиты” – даже выступили со специальным посланием, в котором и подчеркнули своё удивление этими фактами. Среди них – Даниэль Ольбрыхский, Анджей Вайда и многие другие деятели польской культуры. А ведь, если смотреть в корень, как и советовал когда-то нам Кузьма Прутков, то этим своим удивлением лучшие представители польской общественности ещё раз показали русским своё

высокомерие, дали понять, что не считают их цивилизованным народом. Иными словами, они не ожидали от наших людей душевной боли о безвременно ушедших, поскольку полагали, что русские в силу своей “дикости” не способны на сочувствие и сопереживание. А уж что говорили в Польше о России после той катастрофы!.. Один из польских психиатров назвал это *разновидностью общественной паранойи*.

Поскольку таким настроениям подвержены даже “элиты”, то это можно считать поводом для серьёзных размышлений. В самом деле, в глазах поляков русские редко выглядят достойными людьми. Польский премьер-министр Дональд Туск в сентябре 2011 года в присутствии тогдашнего российского премьер-министра Владимира Путина во время торжеств в Гданьске на Вестерплатте, посвященных 70-летию нападения гитлеровской Германии на Польшу, сославшись на какого-то венгерского автора, заявил, что советские солдаты отнюдь не принесли полякам свободы в 1944–1945 годах, поскольку, дескать, сами не были свободными! Дональд Туск не уточнил, воевал или нет на восточном фронте тот мадьяр, на которого он ссылаясь, но из польской прессы известно, что дед самого “пана премьера” состоял в гитлеровском вермахте. А другой его родственник был в обслуге “Волчьего логова” – главной военной резиденции фюрера во время Второй мировой войны. Именно там 20 августа 1944 года полковник Штауфенберг совершил покушение на предводителя германских нацистов, во время которого тот родственник нынешнего польского премьера был ранен. В госпитальной палате его проводывал сам фюрер, правда, теперь польские газеты пишут, что, увидев Гитлера, раненый притворился, что находится без сознания. Этим он, видимо, “героически” проявил свою оппозиционность... Кто знает, по какой причине, возможно, и по этой, пану Туску было трудно уяснить, что фундаментальная разница между солдатом Красной Армии, изгонявшей фашистов из Польши и других стран, и дедом самого премьера в форме вермахта заключается как раз в том, что красноармеец никогда не смотрел на поляков как на представителей низшей расы, не заявлял, что поляки должны стать рабами у наци, и уж никак не помышлял о том, чтобы вывесить в их городах таблички, запрещающие вход “собакам и полякам”. А именно такие таблички появились в Польше после прихода в Польшу солдат вермахта в 1939 году.

Впрочем, не обязательно обращаться к моментам, связанным с трудными военными испытаниями. Выдающаяся польская актриса Барбара Брыльска после съёмок в советском фильме Эльдара Рязанова “Ирония судьбы, или С лёгким паром” подверглась в своей стране фактической обструкции и *ло иронии судьбы* до сих пор более любима и почитаема в бывших советских республиках, чем на родине. Перечисление такого рода можно продолжать, ведь даже польская смеховая культура – анекдоты, юморески – в значительной мере построена на том, как поляк изгоняет, разоблачает, даже убивает русского... В таком случае, каковы же, резонно спросить, глубинные истоки подобных настроений? Неужели только Катень, где было расстреляно примерно 4,5 тысячи польских пленных? Да, она разожгла огонь едва тлевшей неприязни, который, впрочем, никогда не угасал совсем. Однако после советско-польской войны 1919–1921 годов в польских лагерях от голода, холода и болезней погибло примерно 70 тысяч попавших в плен к полякам красноармейцев. Некоторые источники называют даже бóльшие цифры, хотя польские историки “соглашаются” только на 20 тысяч, несмотря на то, что лишь в одном лагере для советских военнопленных – в Тухола – умерло более 20 тысяч человек. Приходилось читать, что Катень стала своего рода мстостью за тех красноармейцев. Но суждения самих поляков по поводу судьбы пленных красноармейцев зачастую поразительны. Одно из них – пожалуй, самое типичное, – принадлежит экс-президенту Александру Квасьневскому: их же, мол, не расстреливали, они сами умирали, поскольку болели и мёрзли. Выходит, мёрзли, голодали и болели русские в польских лагерях по собственному желанию, а не потому, что такова была политика тогдашнего польского руководства по отношению к советским пленным. На совещании Верховного командования Войска Польского, которое состоялось 20 декабря 1919 года, майор Янушкевич докладывал, что транспортом из Тернополя было отправлено 700 пленных красноармейцев, однако к месту назначения прибыло только 400 человек. Смертность пленных в данном случае составила 43 процента. Никакой особенной реакции по этому поводу на том совещании не последо-

вало, пишет политолог Вячеслав Швед, поскольку “такая ситуация была воспринята польскими властями как штатная”. Получается, если следовать логике господина Квасьневского, от голода, холода и болезней умирать легче и естественней, что ли, чем от пули.

Впрочем, немало пленных нашли смерть и от польских пуль. В публикациях, посвящённых тем временам, нередко встречаются указания на то, что многие сотни, даже тысячи красноармейцев расстреливались сразу же после пленения. В книге “Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 годах”, изданной в Санкт-Петербурге в 2004 году, приводится выдержка из рапорта командования 14-й Великопольской пехотной дивизии командованию 4-й армии от 12 октября 1920 года. В ней сообщается, что за время боев от Брест-Литовска до Барановичей “взято в общей сложности 5000 пленных и оставлено на поле боя около 40 процентов от названного числа...”.

Значит, были “Катыни” и до Катыни. В таком случае, как долго разверзлась пропасть между поляками и русскими? Если такой вопрос неизбежен, то придётся вновь вспомнить о разделах Речи Посполитой, тем более что в тех разделах главную роль обиденное польское сознание приписывает России, хотя любой мало-мальски серьёзный историк, в том числе польский, знает: в ситуации с разделами есть, как минимум, два момента, которые невозможно оставить вне внимания. Момент первый. Не раз отмечалось, что Россия, хотя и боролась за доминирующее влияние в Речи Посполитой, но всё-таки нуждалась в ней как в буфере между своей территорией и Пруссией, потому не была заинтересована в окончательной ликвидации этого государства. Однако императрица Екатерина II вынуждена была присоединиться к процессу раздела, убедившись, что он может случиться и без её согласия и участия, а в таком случае немцы с австрийцами заберут все территории Речи Посполитой, даже те, которые принадлежали Руси еще в X–XIII веках. Кстати, и сама идея раздела Речи Посполитой возникла сначала у австрийского императора и была поддержана французским и прусским дворами. В этом можно убедиться, читая Павла Ясеницу – одного из самых популярных польских историков XX столетия: “О разделах начали говорить с самого начала 1769 года, а пальма первенства принадлежит Парижу, Берлину, Вене... Все те государства желали успокоения за счёт Речи Посполитой”. Австрия начала отхватывать куски польской короны ещё до заключения всяких трактатов о разделе. Сначала она заняла Спиш, а затем в 1770 году, пишет Павел Ясеница, части таких польских староств (уездов), как Чорштынское, Новотарское, Сондецкое. Узнав об этом, Екатерина II сказала при свидетелях: “Почему бы и всем не взять?”.

С такой точкой зрения соглашался и Валериан Калинин – священник и один из авторитетнейших польских историков XIX века, подчеркнувший, что Россия-то и не стремилась к разделам, что русская царица даже сопротивлялась им, поскольку была занята войной с Турцией и не видела в тех разделах никакой пользы: “. . . Ни она, ни её министры. . . не допускали тогда, что Польшу можно было бы завоевать или разделить и вымарать из числа существующих государств”. Уже в XX столетии польский историк и философ Александр Бохеньский отмечал, что Екатерине II просто необходим был “польский заслон на западе, хранящий её от нападений, но в то же время преданный, зависимый и имеющий силы быть ценным союзником”. Она даже предложила Речи Посполитой увеличить армию до пятидесяти тысяч человек, согласилась выделить на эти цели триста тысяч золотых дукатов, а затем предпринять совместные военные действия против Турции, притом главнокомандующим союзными воинскими силами должен был стать польский король. Однако проект Станислав Понятовский умудрился целый год не реагировать на такой проект, и императрица “вдруг почувствовала себя обманутой”. Потратив два миллиона рублей золотом на польские дела, она могла утешать себя только тем, “что навязала полякам своего короля”, но уже первые годы правления Станислава Понятовского показали, что Россия “не может рассчитывать на Польшу как на союзницу”. И тогда Екатерина на фоне австро-прусского сближения и “под влиянием прусского шантажа оказалась перед альтернативой: потерять гегемонию во всей Польше или согласиться на её раздел с возможностью сохранения гегемонии на оставшихся территориях Речи Посполитой”. Такой, оказывается, была политическая реальность, тем не менее, как выразился

Александр Бохеньский, в современной Польше по-прежнему доминирует “освященная А. Мицкевичем” по своей сути “сказочная схема”, согласно которой роль России в тех разделах была главной.

Вынужденные защищаться, российские историки напоминают, что Россия тогда не взяла ни кусочка собственно польских земель, которые были разделены между Пруссией и Австрией. Екатерина II, выбив медаль “Утраченное возвратить”, как раз это и подчеркнула. Один из самых читаемых в России историков и политологов XX века Вадим Кожин в своем труде “Война и геополитика” подчеркнул, что тогда Россия просто “вышла на свои естественные геополитические границы”. И напомнил, что до XVII века Россия никогда не пересекала и никогда не вступала “на собственную территорию Польши”, в то время как, начиная с XI и по XVII столетие, “Польша многократно вторгалась в пределы Руси”.

Момент второй. Королевство Польское, а затем Речь Посполитую, пытались разделить и раньше, но Россия к тем разделам не имела совершенно никакого отношения. В середине XVII века реальная попытка ликвидировать это государство была предпринята 6 декабря 1656 года. В тот день шведский король Карл Густав X, курфюрст Бранденбурга Фридрих Вильгельм, литовский князь Богуслав Радзивилл, украинский предводитель Богдан Хмельницкий и семиградский князь Дьердь II Ракоши подписали трактат, согласно которому северная часть Речи Посполитой вместе с Гданьском, теперешней Литвой и северной частью нынешней Беларуси отходили к Швеции, герцогство Бранденбургское (Берлин) получало центральную Польшу вместе с Варшавой, князь семиградский – южную Польшу вместе с Краковом, Богдан Хмельницкий – украинские земли. Все остальное доставалось князю Богуславу Радзивиллу, ещё в октябре 1655 года подписавшему соглашение со шведским королем о подчинении Великого княжества Литовского Швеции. Все остальное – это Новогрудское княжество, выделенное Радзивиллу, кроме того, ему предоставлялась гарантия, что не будут затронуты владения Радзивиллов и в других частях Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского, хотя самому этому княжеству фактически подписывался смертный приговор.

Однако этот трактат не понравился Австрии, так как он вёл к усилению правящего в Берлине курфюрста Фридриха Вильгельма, а также Дании, поскольку Балтийское море превращалось в шведское озеро. Не согласились с ним и ведущие европейские торговые державы: Нидерланды и Англия, – потому что к шведам переходил портовый Гданьск, а через Гданьск тогда шёл весь экспорт зерна из земель Речи Посполитой. Австрия и Дания объявили войну Швеции. Свои меры предприняла и Англия. Общими усилиями заключение этого договора было сорвано. Теперь этот факт забыт всеми, кроме отдельных историков, и спроси поляка, за что он не любит шведа или венгра, тот удивится самому вопросу, поскольку никакой неприязни ни к тому, ни к другому он не испытывает.

Но и эта попытка раздела Речи Посполитой не была первой. Как пишет Павел Ясеница, ещё во второй половине XIV века с этой идеей носился император Священной Римской империи германского народа – предшественницы Австрийской, а затем Австро-Венгерской империи, – Сигизмунд Люксембургский. И тогда до исчезновения королевства Польского, которое уже растеряло многие свои земли на севере и на западе, территория которого сократилась до 100 тысяч квадратных километров, оставалось совсем немного. Спасла польское государство Кревская уния – женитьба Великого князя литовского Ягайло на польской королеве Ядвига и оформленный таким образом союз королевства Польского с Великим княжеством Литовским, Русским и Жмудским, которое к тому времени уже было в сложном положении: его силы были подорваны военной экспансией, направленной “во все стороны света”. Спустя ещё почти двести лет – в 1569 году – Люблинской унией было оформлено унитарное государство Речь Посполитая, которая ещё сильнее привязала княжество к королевству. Забегая вперёд, скажем, что та свадьба и тот союз, начатый в нынешнем белорусском Крево, в Гродненской области, через четыре столетия привели Великое княжество Литовское к летальному исходу.

Став польским королем, великий князь Литовский, а до того времени язычник Ягайло, принял католичество и сразу предоставил католикам преимущества права, всеми силами стараясь угодить своим новым подданным в ущерб прежним. Уже в 1387 году Ягайло подписал грамоту, в которой гово-

рилось: “Мы заверяем, принеся священные клятвы, что все народы, которые населяют Литовское княжество, обоих полов, любого сословия или достоинства, будут приведены к католической вере и послушанию святой Римской Церкви. Они будут притянуты туда, призваны и согнаны, в какой бы вере они ни находились”. Согласно этой грамоте каждый литовский боярин, принявший западный вариант христианства, получал значительные привилегии. В частности, боярину-католику гарантировалось полное право распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению, чем ему обеспечивалось равенство с польской шляхтой, у которой такое право уже было, а также право самостоятельно выдавать своих дочерей-наследниц, но только за католиков. Та же грамота и предупреждала, что в случае отказа от католичества и возвращения в Православие исчезала и названная привилегия.

Помимо этого, Ягайло запретил родовитым литвинам принимать Православие. А в 1413 году актом Городельской унии 47 родов ВКЛ были “присоединены” к польским гербам. Хорошо известно, что среди них не было Рюриковичей, не было удельных князей тех земель, которые теперь называются Беларусью. Станислав Мацкевич-Цат пишет, что причиной тому стала их принадлежность к Православию. А это означало, что “правлящей элитой должны были стать не русины и даже не литвины, которые через Православие попали под влияние русской культуры, а лишь те литвины, которые из язычества перешли в католицизм”. В акте Городельской унии говорилось недвусмысленно: “Паны, а также шляхта, бояре нашего княжества Литовского, но только те, которые являются приверженцами римского католического костела и которым приданы достоинства шляхетства, имеют право полученными привилегиями и вольностями пользоваться наравне с панами и шляхтой королевства Польского...”. Польские историки делают однозначный вывод: институт польских гербов сыграл очень важную роль “в ассимиляции Литвы и Руси Польшей”.

Княжество подверглось весьма настойчивой религиозной, политической, языковой и прочим видам экспансии. Уния следовала за унией: Виленско-Радомская, Городельская, Берестейская (не путать с Брестской церковной), Пётрковская, Мельнишская и, наконец, Люблинская, ставящая королевство Польское в безусловно преимущественное положение в отношении с ВКЛ. В 1569 году по итогам Люблинской унии у княжества отняли половину территорий и часть полномочий. А 3 мая 1791 года, фактически тайком от депутатов-литвинов – даже “маршалок конфедерации Великого княжества Казимир Нестор Сапега узнал о готовом уже проекте Закона только за полчаса до открытия сессии” – и абсолютным меньшинством голосов – 120 из почти 500, – сейм Речи Посполитой принял Конституцию, в которой ВКЛ уже даже не упоминалось: Речь Посполитая превращалась из федеративного государства в унитарное. Великое княжество Литовское, Русское и Жмудское тихой сапой ликвидировалось. Правда, нельзя сказать, что литвинов не было в редакционной комиссии, готовившей текст конституции. Были. Например, Юлиан Урсын Немцевич, политик, историк, писатель, но он не счёл нужным информировать Сапегу.

Павел Ясеница принятие той Конституции называет *государственным переворотом*. В исторической литературе есть указания на то, что сейм специально собирался в послепасхальные дни, чтобы не все его делегаты, ослабленные праздником, успели прибыть в Варшаву. Другой польский историк – Ежи Лоек – в своей публикации “Конституция и федерация” говорит, что главной заслугой Конституции 3 мая является “ликвидация в 1791 году федеративного устройства Речи Посполитой и замена его механизмом государства монолитного, государства явственно и исключительно польского... Речь Посполитая перестала быть польско-литовским государством. Стала она... государством исключительно польским... Таким образом, была завершена история федерации, начало которой было положено в 1386 году...”. В современной Польше каждая годовщина Конституции 3 мая отмечается как большой государственный праздник.

О похороненном той Конституцией Великом княжестве Литовском, Русском и Жмудском стоит сказать особо, поскольку оно, сколоченное силами деятельных и амбициозных литовских князей-язычников (кунигасов), но на русской почве, сыграло весьма значительную роль в судьбе как русских, так и поляков, а ещё больше – в судьбе нынешних белорусов, украинцев и литовцев. В середине XIII и в XIV столетии, воспользовавшись ослаблением Руси,

вызванным походами Батыя, кунигасы подчинили своей власти миллион квадратных километров территории, создав самую крупную страну в Европе, которая жаждала стать ещё крупнее. С этой целью долгое время Великое Княжество Литовское одновременно вело войну против крестоносцев на севере, поляков на западе и русских на востоке. Великий князь литовский Миндовг отобрал Киев у татар. Он даже успел короноваться королевской короной в нынешнем белорусском городе Новогрудке. Весьма красноречивую картину тех походов изобразил Адам Мицкевич в своей балладе “Будрыс и его сыновья”, которую на русский язык перевел А. С. Пушкин:

*Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришёл толковать с молодцами.
Дети! Сёдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.*

*Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замыслены в Вильне похода.
Паз идёт на поляков, а Ольгерд — на прусаков,
А на русских — Кейстут-воевода.*

А теперь снова обратимся к собственно историческим текстам, в частности, к трудам Павла Ясеницы. Действия литовцев, уточняет он, находят объяснение в самой природе их края. Балтийские племена жили на землях не просто бедных, а даже убогих, которые далеко не всегда могли прокормить своих насельников. Именно по этой причине в литовских племенах развилась склонность “к грабительской экспансии, которая была чем-то вроде хозяйственной деятельности”. Речь шла о средствах к существованию. Раз их не хватало на собственных территориях, значит, надо было добыть их у соседей. Именно так Ясеница объясняет события тех лет в своём объёмном исследовании “Польша Ягеллонов”. И не будет большого греха сказать, что в XII–XIV веках Литва – пусть не обижаются нынешние её граждане! – для соседей была своего рода *ордой*.

*С медвежьей шапкой на плечах,
В косматой рысьей шапке, с пухом
Калёных стрел и верным луком...*

Так Адам Мицкевич в своём стихотворении живописал литовцев, которых на Руси было принято сравнивать с половцами. Вспомним, что, к примеру, святому Сергию Радонежскому в его уединении на холме Маковец бесы являлись в образе литовцев. Впрочем, Сергей их не испугался и прогнал силой своей молитвы. Они, как и степняки-половцы, всем соседям несли многие опасности. Грабительские нападения литовцев, подчеркивает Ясеница, постоянно беспокоили жителей и более отдалённых краёв. Дружины кунигасов были настолько сильны, что соседи, узнав об их очередном походе, предпочитали беспрепятственно пропустить через свои территории в Польшу или на берега южных морей, чтобы не нарываться на неприятности, как это делали, например, пинские князья.

Польша, пишет Павел Ясеница, тоже достаточно рано узнала болезненные набеги *литовских орд*. Претерпевали от них территории, расположенные даже к западу от Вислы. Кунигасы со своими дружинами настолько замучили поляков, что однажды те коварным образом умертвили одного из самых (если не самого!) успешных полководцев Великого Княжества Литовского Давыда Городенского – зятя Великого князя литовского Гедимина. Тот Давид, в один голос утверждают исторические хроники, бил всех подряд и был воином настолько самоуверенным, что, отправляясь в поход, посылал гонца с предупреждением: “Нас мало, пощады не будет!”. В 1326 году по просьбе поляков и с участием поляков он совершил кинжальный, как напоминает белорусская историческая энциклопедия, рейд на Бранденбург и Франкфурт-на-Одере. И, как всегда, весьма успешный, хотя в распоряжении Давыда было всего 1200 конников. Домой участники рейда возвращались с богатыми трофеями и вели 6000 пленных. Неплохая добыча – по пять на каждого воина!

Но на обратном пути Давид Городенский был зарезан польским рыцарем Анджеем Гостом. Или Гостем. Или Гостинским. Никто точно не знает, как его звали. Возможно, польский рыцарь или его влиятельные патроны так и не смогли простить Давыду его налёта на Мазовию, который случился двумя годами раньше и во время которого воины Давыда, разумеется, не с цветами к панам приходили. Заметно обезлюдела Мазовия после того похода. И не только потому, что Давыдово воинство многих “на копье взяло”. Весьма многих оно увело в полон.

Как указывает Павел Ясеница, кунигасы в своих походах действовали весьма дифференцированно. Из Польши брали в неволю целыми семьями и поселениями, а затем сажали на землю над Нёманом, Вилией или иными реками, чтобы пленники трудом своим уменьшали нехватку продовольствия в княжестве. Хронисты, отмечает Ясеница, называли столь большие цифры уведённых литвинами в плен поляков, что им – хронистам и их цифрам – историку не очень-то хотелось верить. Тем не менее, он пишет, что когда дочь Гедимины – княжна Альдона – выходила замуж за польского короля Казимира Великого, то в вено – приданое – ей было дано двадцать четыре тысячи освобождённых по этому случаю из литовской неволи земляков. Пункт о возвращении пленников был одним из важнейших и во время переговоров Великого князя Литовского Ягайло о женитьбе на польской королевне Ядвига. По оценкам Ясеницы, ко времени заключения Кривской унии, в результате которой и состоялась та женитьба, в ВКЛ могло находиться до сорока тысяч поляков. А это весьма значительная цифра, подчёркивает историк, если учесть, что самих литовцев – прашуров нынешних – в княжестве насчитывалось “каких-то двести тысяч человек”. Остальные восемьсот тысяч подданных даже в пору расцвета ВКЛ были русичами – предками теперешних русских, белорусов и украинцев, однако вряд ли стоит думать, что те русичи в походах на Польшу и “на все стороны света” не участвовали.

Можно предположить, что уже тогда Западный Буг постепенно становился не только территориальной границей для поляков и их восточных соседей, но ментальной. Ведь впоследствии предки литовцев, белорусов и украинцев, проживая в одном государстве с поляками – Речи Посполитой, – так и не преодолели взаимного недоверия, о чём говорят многие исторические документы, например, письма Николая Радзивилла Сиротки. Этот влиятельный государственный и военный деятель Великого княжества Литовского, владелец белорусского города Несвижа и сотен других белорусских, литовских, польских, украинских поселений, исходил из того, что “нельзя верить ни одному поляку”. Он упорно не желал подписывать Люблинскую унию, отказывался присягать польскому королю Сигизмунду Августу II.

Но, возвращаясь в ВКЛ XIII-XIV веков, стоит подчеркнуть, что ещё больше, чем Польша, привлекали литовских князей русские земли. Привлекали богатствами, накопленными боярами и купцами, да и простые горожане в том же Новгороде не бедствовали. Вспомним строки из баллады Мицкевича в переводе Пушкина: “...жёны их, как в окладах, в драгоценных нарядах; дома полны; богат их обычай...”. В эту сторону ходили кунигасы тоже далеко. В 1225 году они достигли Торжка. В Лаврентьевской летописи сказано, что “тою же зимы воеваша Литва Новгородскую волость, и поимаша множество много христиан и много зла сотвориша, воюя около Новгорода и около Торопца и Смоленка, и до Полотьска, бе бо рать велика, ака же не было от начала миру”. Литовские набеги настолько досаждали новгородцам и псковичам, что Великий Новгород вынужден был посадить в Великих Луках специального князя с дружиной, дабы тот следил за маневрами беспокойных соседей. Временами доходило до невероятного, удивляется Павел Ясеница: в 1236 году псковичи выслали подмогу своим заклятым врагам меченосцам, которые тоже потерпели поражение от литовцев в окрестностях нынешнего Шауляя. Вот как допекали кунигасы. Не случайно автор “Слова о погибели Русской земли” с грустью вспоминал о тех годах, когда “литва из болота нос не высовывала”.

Польский историк приводит конкретные данные, касающиеся числа походов литовских князей. С 1200-го по 1236 год их было сорок четыре: двадцать три – против крестоносцев, упорно вырубавших язычников, пятнадцать – против Руси, остальные – против Польши. После того как Миндовг примирился с рыцарями и даже принял от них католическую веру, хотя ранее в Новгороде, нынешнем белорусском Новогрудке, был крещён по православному

обряду, направления походов существенно изменились. С 1237-го по 1263 год – год убийства Миндовга – литовцы тридцать три раза отправлялись за добычей за границу. Но по Ордену было нанесено уже только пять ударов, по Руси – ровно двадцать, по Польше – восемь. Основным направлением экспансии в течение длительного времени был именно северо-восток – Русь Новгородская, Псковская, а также Полоцкая – не обходить же её. Великий князь литовский Ольгерд в своей переписке с константинопольским патриархом прямо говорил, что его цель – подчинить себе всю Русь. Этот нюанс надо тоже подчеркнуть особо, так как есть основания полагать, что Ольгерд уже тогда уловил главное: если Русь не подчинить всю, то она обязательно воспрянет, что впоследствии не раз и случалось.

В XVII веке, во время русской Смуты, как уже упоминалось, поляки со своими союзниками и вассалами, кстати, предками нынешних литовцев, белорусов, украинцев, захватили даже Кремль, но вскоре им пришлось настолько туго, что случалось даже им *поедать своих соотечественников*. В последнее время высказываются предположения, что тогда же была съедена и знаменитая библиотека Ивана Грозного, которую никак не могут найти. Ведь в те времена книги писали на специально выделанной коже животных, вот и варили в котлах поляки с “литвинами” фолианты да свитки. Весьма интересные воспоминания оставил киевский купец Балыка, переживший осаду Кремля, поскольку пошёл вслед за казаками, бывшими на службе у короля и гетманов Речи Посполитой. Он подробно пишет, как осаждённые поляки “отправляли в котел” пленных, как съели выкопанного из могилы солдата Воронца, как и часа не провисел в петле казнённый за мародерство казак Щербина, потому что его “на шуки разрубили и изъели”. А сам Балыка с приятелем Супруном выжили только потому, что нашли “килька книг пергаменных; тым есмо и травою живилися”.

Однако все эти ужасы совсем не умаляют того факта, что жизнь Московского государства в ту пору висела на волоске. И даже когда опасность миновала, и на кремлёвский престол в качестве нового царя и основателя новой русской династии в 1613 году восходил Михаил Романов, отец царя – Фёдор Романов, впоследствии патриарх Филарет, – всё ещё находился в польском плену. Этот эпизод позволяет нам лишний раз подчеркнуть, насколько Ольгерд почти за триста лет до Смуты справедливо полагал, что **если русским оставить хотя бы какой-нибудь плацдарм для собирания сил, они эти силы обязательно соберут и своё вернут, что они и сделали после завершения Смуты**. Однако справедливости ради стоит заметить, что Смута случилась не столько по “польско-литовской” вине, сколько потому, что заварилась она поначалу в московских головах, но это иная тема.

У Ольгерда тогда тоже не хватило воинских ресурсов, чтобы покорить всю Русь. А ведь если бы это случилось, то, как полагал российский академик Никита Моисеев, вполне возможно, что до берегов Тихого океана простиралась бы не Российская, а Литовская империя. Впрочем, положи руку на сердце, этот вывод сомнителен, ведь, как уже писалось выше, самих литовцев в Литве было не так уж много... Весьма интересны суждения по поводу польско-литовского союза высказал Николай Костомаров в книге “Смутное время Московского государства”. Возвращаясь к свадьбе Ягайло и Ядвиги, он подчеркнул, что “это случилось в то критическое и знаменательное для русского мира время, когда древняя удельно-вечевая союзность отживала свой век, и возникало единовластие в двух пунктах – в Литве и Москве”. Далее историк подчеркивает, что “два русские государства не могли одновременно существовать и развиваться на русской земле”. И поясняет – почему: “Ее (русской земли. – Авт.) география не предоставляла для этого надёжных условий; не было никаких преград, которыми бы естественно обозначались государственные рубежи; ещё более мешал этому давний друг единства – привычка считать русскую землю единой при всяких внутренних разделах... Ни Москва, ни Литва не нашли бы линии, где, по каким бы то ни было правам, начинались владения той или другой. Литва двигалась на восток. Москва – на запад; каждый шаг той или другой располагал их двигаться далее. Литва могла считать себя вправе овладеть всем, чем владела Москва, и наоборот – то же побуждение должно было двигать Москву. Не было другого исхода в их борьбе, как только покорение и поглощение одной другой”.

Однако во второй половине XIV столетия Великое княжество Литовское стало выдыхаться и терять ранее приобретённые территории. Уже Ягайло – сыну Ольгерда – пришлось уступить крестоносцам почти всю Жмудь, северную часть нынешней Литвы, а ведь это – главная родина кунигасов. Поняв, что, имея врагов по всему периметру своих границ, княжеству никак не выжить, Ягайло взялся пробивать брешь в том окружении, при этом он не гнушался никакими средствами для достижения цели. Среди них – союз с Мамаем против Дмитрия Донского, а затем сватовство к дочери того же Дмитрия Донского. Однако самым выгодным показалось ему предложение жениться на польской королевне Ядвиге. Та свадьба спасла от уничтожения сразу два государства: Великое княжество Литовское и королевство Польское. Польшу она избавила от могущественного врага на востоке в лице того самого Великого княжества Литовского, а правители ВКЛ, приняв католицизм, получили направление своих дальнейших действий, ибо они боялись не только усиления Москвы, но и собственных православных подданных, в море которых кунигасы и их соотечественники-язычники могли попросту *раствориться*. А процесс ассимиляции уже набирал силу: всё больше и больше литовских князей, в том числе гедиминовичей и ольгердовичей, принимало Православие, и литовцев вполне могла постигнуть та же судьба, что и монголов, завоевавших в начале XIII века Китай и свехив на китайский императорский престол: уже через несколько поколений монголы стали китайцами. Да и Москва усиливалась, и это ничего хорошего не сулило князьям в Вильно.

Но Кревская уния, а затем и Люблинская остановила упряднение этих государств лишь на время, хотя и довольно продолжительное – целых четыреста лет. Ведь Польша, заключив союз с Литвой, а затем стараясь поглотить её, вынуждена была не просто включиться в борьбу тех двух центров, борющихся за подчинение всех русских земель, а взять на себя роль одного из них и стать главным соперником Москвы. И тогда должна была уже пасть или Москва, или Варшава, куда из Кракова в XVI веке перенёс свою резиденцию польский король. Так впоследствии и произошло. Верх взяла Москва, хотя не исключался и иной исход, притом не только в начале XVII века, когда поляки сидели в Кремле, но и во второй половине XV, когда шла борьба за Новгород и Псков, будь тогда порасторопнее да порешительнее польский король Казимир, к которому и обратились новгородцы. . .

Но и эти перипетии не могут быть признаны точкой, с которой началась польско-русское перетягивание каната. Историк Александр Широкоград в книге “Русь и Литва. Юриковичи против Гедиминовичей” пишет, что ещё в 1018 году польский король Болеслав Храбрый, за которого князь киевский Ярослав Мудрый отказался выдать свою сестру Предславу, захватывал столицу Руси Киев. При этом Широкоград сообщает сведения, огласки которых из соображений социалистической политкорректности избегала советская историография. Оказывается, тогда в руки Болеслава попали все женщины семьи Ярослава, в том числе жена и сёстры. Германские хронисты сообщают, что на одной из них – Предславе – “беззаконно, забыв о своей супруге, женился старый распутник Болеслав”. А в Софийской первой летописи говорится об этом даже более определённо: “Болеслав положил себе на ложе Предславу, дочь Владимирову, сестру Ярославлю”.

Тот же Широкоград приводит и более красочное свидетельство польского хрониста, правда, не называя его имени, который утверждает, что князь Болеслав, вступив в Киев, ударил мечом по Золотым воротам города и сказал с “язвительным смехом”: “Как в этот час меч мой поражает золотые ворота города, так следующей ночью будет обесчещена сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать её за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесённая нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем”.

Все женщины Ярославова дома, а также бояре Ярослава были вывезены в Польшу. Дальнейшая судьба Предславы и остальных до сих пор остается неизвестной. Даже такой основательный российский историк XIX века, каким был Сергей Соловьёв, её выяснить не сумел. По этому поводу он говорит только, что “польский князь повёл также с собою бояр Ярославовых, двух сестёр его и множество пленников”. И добавляет, что по дороге “Болеслав захватил и Червеньские города, приобретение Владимира Святого; впрочем,

вероятно, что эти города были уступлены ему Святополком в награду за помощь”. Речь идёт о княжившем в нынешнем белорусском Турове, затем в Киеве князе Святополке, который был братом киевского Ярослава и зятем польского Болеслава, а теперь в истории известен как Святополк Окаянный – убийца родных своих братьев князей Бориса и Глеба.

Но есть основания полагать, что в ещё более ранние времена началось многовековое русско-польское и польско-русское противостояние. Уже в X веке – при родителях Ярослава Мудрого и Болеслава Храброго, киевском великом князе Владимире Святославиче и польском Мешко I – началась борьба за червенские города. Сергей Соловьёв, называя Мешко I Мечиславом, так и пишет: “При Мечиславе начинаются первые враждебные столкновения Руси с Польшей: под 981 годом летописец наш говорит, что Владимир ходил к ляхам и занял их города Перемышль, Червен и другие”. Однако добавляет: “Чешские историки утверждают, что эти города не могли быть отняты у поляков, но у чехов, они основываются на грамоте, данной пражскому епископству при его заложении, где границами его к востоку были поставлены Буг и Стырь”. В то же время Соловьёв приводит мнение немецкого историка Рёпеля, который считал, что Владимир не отнял червенские городки у чехов или поляков, а покорил “малочисленные до тех пор свободные славянские племена”. Соловьёв же, не соглашаясь ни с одним из них, полагает, что Владимир восстанавливал свою власть над теми территориями, которые контролировались киевскими князьями ещё при Олеге, но затем “вследствие недейтельности Игоря” и “далёких походов Святослава на восток и юг” те территории “имели возможность свергнуть с себя подчиненность”. На них-то “Польша при первых Пястах распространила свои владения”. Потому-то в начале пребывания на великокняжеском столе в Киеве “главная деятельность Владимира” состояла “в подчинении тех племён, которые прежде находились в зависимости от Руси”. В те века долгое время роль геополитического раздела между русскими и поляками выполняла река Сань. К востоку от неё даже родилась поговорка: “Помни, ляше, по Сань – наше!”.

Однако и такая долгая история противоборства не даёт полного объяснения природе вражды между поляками и русскими, ибо не меньше столкновений было и в других частях Европы. Например, между французами и англичанами одна из войн называется Столетней. Да и войны между Бранденбургом и Саксонией, которые теперь являются регионами единой Германии, и между Пруссией и Австрией продолжались не меньше. Тогда почему возник столь глубокий разрыв между поляками и русскими? Ответ на этот вопрос, как ни странно, осложняется ещё и тем, что отнюдь не всегда во взаимоотношениях русских и поляков были только грозы, а “средством общения” их – только громы и молнии. В этом смысле весьма любопытно время после наполеоновских войн, в которых поляки принимали самое непосредственное участие на стороне Наполеона. Тогда под водительством французского императора на Москву с оружием в руках шли примерно сто тысяч поляков. Только в составе корпуса, которым командовал генерал-лейтенант и племянник польского короля князь Юзеф Понятовский, ставший впоследствии маршалом Франции, при выходе из Вильно, где начинался тот поход на восток, их было более тридцати тысяч. Правда, назад в Вильно из этого корпуса вернулись всего несколько сот человек... А перед русским походом поляки дрались за дело Наполеона в Испании и на Гаити, где подавляли антифранцузские восстания. Польские кавалеристы, например, так понравились их французскому командиру графу Лассалю, что тот написал для них боевую песню, в которой говорилось о “государстве французов и поляков” в Европе. Вот строки из этой песни:

*Какой народ имеет силу удержатъ их напор?
Поляки, французы, если возьмутся, то умертвят всех.*

О том, что делали поляки в Испании, подробно пишет польский военный историк Збигнев Залусский. Говоря об уланах генерала Конопки, которые четыре года усмиряли эту страну, он подчеркивает, что поляки “дрались, как дьяволы и как демоны зла, жгли, грабили, вешали и, наконец, заслужили у испанцев прозвище “пикадоры, рождённые в аду”. Напоминает Залусский и о том, что резню на улицах Сарагосы, отображенную в картинах великого Франсиско Гойи, тоже устроили солдаты полковника Хлопицкого, который в ноябре 1830 года возглавил польское восстание против Российской империи.

Парадоксально: душитель испанской свободы стал руководителем борьбы за свободу польскую.

Для Наполеона поляки сделали очень много: Наполеона они боготворили. Рассчитывая, что император Франции вернёт им Польшу, они готовы были на любой отчаянный поступок, лишь бы тот заметил их прилежание. В 1808 году, когда испанцы подняли свою герилью – восстание против французских оккупантов – и попёрли с испанского трона даже поставленного Наполеоном короля, который был братом французского императора, Наполеон решил лично возглавить поход на Мадрид. Окольная дорога к испанской столице была далёкой, а прямую, через узкое горное ущелье Сомосьера, закрывала четырёхъярусная артиллерийская батарея. Как только французские войска приблизились на расстояние пушечного выстрела, они понесли серьёзные потери от ударов ядер и картечи. Тогда Наполеон, пишет другой польский исследователь, Мариан Брандыс, приказал эскадрону своей молодой гвардии, состоявшему из поляков, атаковать батарею в конном строю. Один из близких к императору генералов, услышав распоряжение, заметил, что надо быть пьяным, чтобы отдать подобный приказ, а ещё больше надо быть пьяным тому, кто возьмётся его выполнить.

Но польский эскадрон, насчитывавший 120 человек, которым командовал поручик Козетульский, пошёл в атаку. Потеряв более половины убитыми и ранеными (впрочем, Збигнев Залуский приводит иные – меньшие – данные), эскадрон, поддержанный в конце боя другими подразделениями, ту батарею взял. Тринадцатитысячная испанская армия, защищавшая ущелье, разбежалась, бросив оружие, обозы, полковые кассы, успев, однако, повесить своего командующего дона Бенито Сан Хуана, поскольку сочла его предателем. Наполеон после этого снял шляпу перед “храбрейшими из храбрых” и сказал: “Я хотел бы, чтобы все мои солдаты были так же пьяны, как эти поляки”. Впоследствии по Франции ещё долго гуляла поговорка “пьян, как поляк”, которая не имела никакого отношения к употреблению алкоголя. Впрочем, дыма без огня не бывает, возможно, что храбрые польские уланы и выпили перед атакой знаменитой польской водки. . .

А ведь война России с наполеоновской Францией могла стать поворотным моментом для взаимоотношений русских с поляками. Подумать об этом стоит ещё и потому, что то царское отношение к полякам не может не вызвать удивления: оно совсем не напоминает взаимоотношений победителя и побеждённого. Сошлёмся на польские источники – на Мариана Брандыса, написавшего объёмистый том о полковнике Яне Леоне Ипполите Козетульском – том самом Козетульском, который возглавил атаку польского эскадрона на четырёхъярусную артиллерийскую батарею у Сомосьеры в Испании. Книга “Козетульский и другие” насчитывает почти шестьсот страниц и является, по сути, историей польского участия в наполеоновских войнах.

Впрочем, насчёт необычного русского отношения к полякам есть кое-что и у Павла Ясеницы, притом из более ранних времён. В частности, о Суворове, который так напугал поляков в своё время, что им и до сих пор пугают детей в Польше. Вот сценка, рассказывающая о том, что происходило в Варшаве 5 ноября 1794 года сразу после штурма русскими войсками предместья восставшей польской столицы – Варшавы. “В восемь вечера пристал к правому берегу (Вислы. – Авт.) паром, доставивший трёх представителей столичного магистрата. Доминик Бораковский, Франтишек Ксаверий Макарович и Станислав Стжалковский имели при себе письмо Станислава Августа (короля Речи Посполитой. – Авт.), а также письмо муниципалитета, уполномочивающие на начало переговоров о капитуляции Варшавы. Посланцы магистрата предстали перед Суворовым ранним утром 5 ноября. (Ночевали у дежурного генерала и были приняты с подчёркнутой вежливостью.) Командующий сидел перед своей палаткой, одетый в егерский мундир без всяких знаков различия. При виде делегатов поднялся, отстегнул и отбросил в сторону саблю, пошел к каждому со словами:

– Виват, поляки, виват, король, виват, народ!

Расцеловал каждого по очереди: “Ангелы мира, приветствую вас!”

Потом расспросил о здоровье Станислава Августа, несколько раз повторил просьбу передать ему выражения своего почтения, выпил с делегатами водки, разломил хлеб и очень ласково попрощался”.

Интересно, пил бы водку коронный или польный (полевой, походный) гетман Речи Посполитой, то есть командующий её войсками, с украинским повстанцем Богданом Хмельницким? Не стоит задаваться таким вопросом, зная, что атаман Наливайко, попав в польский плен, был попросту зажат. Лучше вновь обратимся к Мариану Брандысу и перенесёмся в 1814 год, во Францию. Наполеон разбит, решается судьба польских формирований, воевавших на его стороне. Направляя бывшего посла Франции в России графа Коленкура на переговоры, Бонапарт поручил ему вести дело к тому, чтобы он “для остатков польской армии добился хороших условий...”. При этом Брандыс отмечает, что “представители Австрии и Пруссии скривились, узнав о пожелании Наполеона, но пересилил Александр... В непосредственных беседах с представителями польского войска царь согласился на то, чтобы все подразделения были объединены в один корпус с сохранением знаков различия: кокард, орлов, украшений... В качестве сборных пунктов определялись местности под Парижем: Сен-Дени и Аржантей”.

А далее — ещё более интересные сведения: “Смотр польских войск Александр провёл 24 апреля в Сен-Дени под Парижем. Молодой, приятный в общении, царь вызвал у офицеров и солдат впечатление целиком положительное. Согласным хором об этом твердят все мемуаристы. Александр открыто старался добиться расположения поляков. Он относился к ним с высочайшим уважением, при всяком удобном случае выражал удивление их мужеством и несгибаемой верностью, оказанной Наполеону. Не жалел обещаний на будущее. Александр привлек все сердца, писал сразу же после смотра один из его участников, сказав, чтобы офицеры и генералы собрались вокруг него, и меж других красивых слов произнёс:

— Беру на себя святое и торжественное обязательство трудиться во благо вашего счастья.

Другой хроникёр хвалит царя за то, что тактично отлучил от торжеств австрийцев и пруссаков, с которыми поляки чаще всего сталкивались во время последней кампании, подчеркивая, что из деликатности не взял император на тот смотр ни одного иностранца, был окружен только русскими и поляками за исключением нескольких англичан...”.

Кавалерист Микуловский вспоминает: “Начал смотр с нас, раненых, которые в пешем строю стояли на правом крыле. Сошёл с коня и каждого из нас спрашивал: чего желаем, а князь Волконский записывал наши просьбы. Я попросил паспорт для выезда на воды и получил его на следующий день. Потом царь сел на коня и произнёс перед нашим полком похвальные слова... Проехав затем перед всем строем объединенного польского корпуса, отбыл в квартиру генерала Красиньского, где пообедал”.

Такие поступки царя приятно грели польскую душу, пишет Мариан Брандыс и подчеркивает, что, видя скорое поражение Наполеона, служившие ему польские аристократы “всё очевиднее склонялись к давним концепциям восстановления Польши с опорой на царизм”. Они повторяли, что “Польша следует брать от всякого, кто искренне даёт”. И далее: в тонкости рассуждений насчет искренности Александра никто не вдавался, и легко было понять, что те, кто произносит возвышенные фразы, заботились, прежде всего, о том, как избежать конфискации собственных имений...

К сказанному можно добавить вот что. Оказывается, в последние годы первой Речи Посполитой князь Любомирский, имевший, как и другие магнаты, собственную армию, когда русские войска приблизились к городу Дубно, в котором были складированы большие армейские запасы, написал командующему русскими частями генералу Каховскому специальное письмо. В письме содержалась просьба: Дубно принадлежит ему, Любомирскому, потому князь просил генерала, чтобы тот не очень усердствовал во время штурма и не подвергал опасности это владение. И — о времени, о нравы! — получил такое обещание от Каховского. Правда, надо добавить, что не усердствовал в оборонных действиях и сам Любомирский. Он просто оставил город вместе с запасами. Притом отступал так быстро, что оказался в авангарде бегущих.

Однако снова вернёмся к Мариану Брандысу, в 1814 год, на этот раз в дом магната Станислава Замойского, где собирался весь польский политический свет: генералы, министры, высшая аристократия. “В перерывах между танцами у карточных столиков говорилось преимущественно о политике... Вспоминали все грехи Наполеона перед Польшей, в то же время хвалили “наилучшие

намерения Александра”, который приказал генералу Сакену при заключении договоренностей соглашаться на все польские условия. Некоторые гости, ничем не смущаясь, громко заявляли, что объединение с Александром — единственный способ “сохранить армию и национальное представительство во всех обстоятельствах, которые только могут произойти”. А царь свои обещания выполнял: “Через десять дней после смотра в Сен-Дени были приняты решения, касающиеся дальнейшей судьбы польских солдат. 3 мая Александр учредил организационный военный комитет “для нового устройства армии”. В состав комитета вошли генерал Ян Домбровский, а также... Заёнчек, Князевич, Вельгорский, князь Антоний Павел Сулковский... Кроме того, император взял на себя обязательство освободить всех польских пленных и склонить к этому же остальные государства коалиции. Не забыл он и о невыплаченном за полгода (Наполеоном. — **Авт.**) жаловании полякам и об иной польской ответственности...”.

К приведенной цитате стоит добавить, что генералы Домбровский, Князевич, Заёнчек участвовали в антироссийском, а значит и антицарском, восстании под руководством Тадеуша Костюшко. Заёнчек занимал высокий командный пост во время обороны Варшавы — при атаке Суворова на её предместье Прагу. Правда, недолго. После того как осколком ему поцарапало руку, он ушёл на левый берег Вислы, а затем и вовсе покинул столицу. Генерал Домбровский был первым из высших польских офицеров, предложивших услуги императору Наполеону, отвергнув приглашение самого Суворова поступить на русскую службу. В Милане он сформулировал Бонапарту идею создания польских легионов во французской армии. Это в честь него была написана “Мазурка Домбровского”, которая и теперь является гимном Польши. В 1812 году во главе крупного отряда Домбровский оборонял от наступающих русских войск Борисов и переправу через Березину. Несмотря на такие “заслуги” перед Российской империей, после разгрома Наполеона он неплохо устроится в этой самой империи, получив повышение в звании до генерала кавалерии, по-нынешнему — генерал-полковника, став ещё и сенатором империи. Генерал Кароль Князевич в битве на Березине командовал корпусом, а перед этим дрался с русскими под Смоленском и при Бородино. После поражения Наполеона это и ему не помешало заседать в Военном комитете под председательством Великого князя Константина — наследника российского трона и брата императора. Никакие репрессии Князевича не постигли. А он, питаясь уже с царского стола, оставался тем же, кем и был. В 1830 году новые польские повстанцы не кого-нибудь, а его послали во Францию за поддержкой. Ничего не добившись, Князевич остался в Париже.

Мариан Брандыс рассказывает и ещё более любопытные вещи, касающиеся уже самого генерала Костюшко, который двадцать лет до этого возглавлял антироссийскую оппозицию. При Екатерине он был посажен в Петропавловскую крепость, правда, сидел не в камере, а в квартире самого коменданта крепости. Потом он был отпущен Павлом I на свободу, получив генеральскую пенсию за пять лет — 60 тысяч рублей, — дорогой сервиз, карету, шубу и 12 тысяч рублей на дорогу. Для того чтобы понять, насколько значимой была эта сумма, сообщим, что в 1817 году выпускник Царскосельского лицея Александр Пушкин был принят на работу переводчиком в архив российского Министерства иностранных дел с **годовым** окладом в 700 рублей.

А вот как Брандыс описывает встречу руководителя восстания с сыном Павла Александром I: “С письмом к царю обратился Костюшко, умоляя его о том, чтобы “объявил общую амнистию для поляков, а крестьяне, разбросанные по другим странам, были признаны свободными и могли вернуться под свои крыши”. Когда через некоторое время старый начальник появился в Париже для поддержки своих просьб в личном порядке, его принимали с наивысшим почётом. Александр выслал за ним карету, расцеловал его, заверил в своих лучших желаниях в отношении Польши. 3 мая на приёме у княгини Станиславы Яблоновской, в доме, в котором только два года назад с таким запалом всех подогревали к войне с русским царём, Козетульский и другие давние знакомые хозяйки были свидетелями непривычного зрелища. Александр с Константином вели под руки Костюшко, а император, торя ему дорогу среди столпившихся гостей, призывал: “Расступитесь, расступитесь, это великий человек!”. В ответе на письмо Костюшко, вручённое ему в тот же день, Александр писал: “Самые дорогие Твои пожелания будут исполнены.

С помощью Всемогущего надеюсь осуществить возрождение мужественного и уважаемого народа, к которому принадлежишь... Ещё немного времени и рассудительных поступков и поляки обретут своё Отечество, своё имя, а я буду иметь удовольствие убедить их, что тот, которого они считали своим неприятелем, забыв о прошлом, исполнит их устремления”.

В конце мая император Александр выразил согласие на перенесение праха Юзефа Понятовского – польского генерала и маршала Франции – из Лейпцига в Польшу. В этой связи Великий князь Константин писал генералу Сокольницкому: “Его Величество Император Всероссийский в ответ на мою просьбу поручил приказать, чтобы прах светлой памяти маршала князя Юзефа Понятовского был передан польской армии для перенесения его в Варшаву... В Варшаве будут отданы особые приказы, чтобы останки этого известного покойника были похоронены с почетом, подобающим его происхождению, достоинству и воинским доблестям...”. Забегая вперед, скажем, что 8 сентября польский корпус вместе с гробом Понятовского подошел к Варшаве. Его встретил русский фельдмаршал Барклай-де-Толли, против которого воевал и князь, уже почивающий в гробу, и все вернувшиеся на родину поляки. Русский фельдмаршал приветствовал их возгласом: “Да здравствуют мужественное польское войско!”. Те отвечали: “Да здравствует Александр, возвративший нам Отечество!”. В самой Польше в это время уже были снижены налоги, уменьшены реквизиции в пользу армии. Как пишет Мариан Брандыс, неутомимый восхвалитель властителей поэт Мартин Мольский гремел в Варшаве в честь Александра: “Кто же, если не Великолепный Наместник Богов на Земле, своей доблестью и милостью сделает нас счастливыми!”.

Вскоре было провозглашено Царство Польское со своим правительством, армией, состоящей из вернувшихся из Франции частей, другими государственными атрибутами. Титул польского короля принял на себя Александр и в том же 1815 году даровал Польше Конституцию. Главой правительства был назначен генерал Заёнчек, которого царь возвёл в княжеское достоинство. А герой Сомосьеры полковник Козетульский стал командиром полка. К сказанному надо обязательно добавить то, что вообще редко упоминается даже в исторической литературе: Царство (Королевство) Польское тогда не стало частью Российской Империи, оно вошло в её состав лишь в 1832 году – после восстания под руководством генерала Хлопицкого, а до этого было связано с метрополией только личной унией. Но когда повстанцы объявили о лишении Николая I польской короны, Николай принял своё решение. Сама же Россия ждала Конституции ещё более столетия, даже не очень чётко представляя, что это такое. Во время восстания декабристов, которое произошло в Санкт-Петербурге через десять лет после завершения наполеоновских войн, солдаты, вышедшие на Сенатскую площадь вместе со своими офицерами, полагали, что Конституция – это жена цесаревича Константина. А поляки, тем не менее, пренебрежительно называли свою автономию “Конгрессувкой”, то есть продуктом Венского конгресса. Не одобрил такого государственного образования и Костюшко. В письме к Чарторыйским он выразил неудовлетворение тем, что королевство невелико, что “такая малая горсть народа не сможет защититься от интриг и противостать силе”.

После этого состоялось еще два польских восстания. Их результатом стало урезание прав Царства Польского. Сначала в 1832 году его Конституцию заменил принятый Николаем I Органический устав, в соответствии с которым ликвидировалась личная уния России и Польши, а Польша включалась в границы Российской империи. Упразднен был польский сейм, польская армия была включена в состав российской, отменялась независимость польских судов. А затем подошло время, когда земли Царства Польского стали по преимуществу именоваться Привисленским краем, хотя формально самого Царства никто не отменял. Кстати, в результате польских восстаний была сначала ограничена, а затем ликвидирована в 1848 году и автономия Великого княжества Познаньского в составе Пруссии, а его территория стала называться Познаньской провинцией. Единственное официальное упоминание о ВКП в прусских документах сохранилось при титулатуре прусского короля, а затем и германского кайзера, возможно, для звучности самого титула. Та же судьба в 1846 году постигла и Краковскую республику, которая была присоединена к Австрии.

Несмотря на то, что Александру не удалось склонить поляков на свою сторону, он всё-таки сделал для них очень хорошее дело, что выяснилось намного позже. После Первой мировой войны по поручению Парижской конференции, которая подводила итоги той войны, приезжала на польские земли специальная делегация, чтобы выяснить, где именно живут поляки, а затем определить границы возрождаемого польского государства, в которое решено было включить только этнические польские земли. Побывав в разных местах, представители той конференции были неподдельно удивлены тем, что поляки обитают преимущественно на территориях, которые входили в состав России. На остальных, отошедших сто с лишним лет назад к Пруссии и Австрии, всё население уже говорило по-немецки. Так что, прими Венский конгресс иное решение, оставь все исконно польские земли в пределах Австрии и Пруссии, как это было сразу же после разделов Речи Посполитой, вполне возможно, что в 1918 году уже некому было бы восстанавливать Польшу.

Такое суждение приходилось слышать не раз. Не в Польше, конечно же. Писал об этом и выдающийся русский философ XIX века Владимир Соловьёв, полагавший, что “в 1814 году Россия **сохранила** Польшу от неизбежного немечивания”. Более того, он отмечал, что “**русское управление доставило Польше, по свидетельству даже иностранных писателей, такое социальное-экономическое благосостояние, какого она не могла достигнуть ни под прусским, ни под австрийским владычеством**”. В своей работе “Великий спор и христианская политика” В. Соловьёв утверждал, что “если бы на Венском конгрессе полномостный тогда император Александр I думал более о русских, нежели о польских интересах, и присоединил бы к России русскую Галицию, а не коренную Польшу, а коренную Польшу возвратил бы Пруссии, то теперь, вероятно, нам не было бы надобности много рассуждать о Польше...”. А Вадим Кожин обращал внимание ещё и на такое обстоятельство: если ко времени восстановления польской государственности на польских землях, входивших в состав Австрии и Германии, поляков “уже почти не было”, то “на землях, принадлежавших России”, их “имелось гораздо больше”, чем ко времени “раздела Польши”.

Царь Александр I в самом деле к полякам относился хорошо и шёл иногда на поступки поистине удивительные. Збигнев Залусский писал, что в последний день “битвы народов”, состоявшейся около немецкого Лейпцига в 1813 году, четыре сотни польских пехотинцев на французской службе, которыми командовал подполковник Мацей Рыбинский, окружённые в болотистой местности, ошалевшие от усталости, тем не менее, отказались вести переговоры о сдаче в плен, заявив, что разговаривать будут только с самим царём Александром. И царь прибыл к ним. И лично принял капитуляцию. А потом распорядился... не разоружать сдавшихся, а с оружием и со своими знаменами отправить их в Варшаву.

Надо полагать, Александр I искренне пытался *засыпать ров*, который образовался между нашими народами в результате многовекового противостояния. Похоже, он надеялся, что хорошее отношение к полякам перечеркнёт в их памяти прошлое и побудит выстраивать свои отношения с русскими по-новому. Император ошибся. Но есть и ещё один аспект тех событий. Подчинив Российской империи коренные польские земли, русские цари всё же переступили геополитическую черту, которая ещё тысячу лет назад разделяла земли русских и поляков. Александр I, а затем Николай I и его преемники ту черту проигнорировали. Если их предшественники на российский престол имели право говорить, что воссоединяют исконно русские земли: “Отторгнутое возвратихь”, — как сказала Екатерина II, то Александр I, Николай I и их последователи, согласившись с Венским конгрессом, утверждать это уже не могли. Было ясно, что они позарились на чужое. Это было уже чересчур, а “цо за дужо, то не здорово” — “что слишком, то не здорово”, — как говорят в Польше. Поляки подкрепили свои умозаключения восстаниями 1830-го и 1863-го годов, в ходе которых *ров* между ними и русскими стал ещё глубже.

Кстати, в современной Польше суждения о тех восстаниях зачастую куда более критичны, нежели в России или, скажем, в Беларуси, где многие продолжают считать Тадеуша Костюшко национальным героем на том основании, что он выходец из белорусских земель, хотя, **победи дело, за которое он так отчаянно сражался, белорусского государства нынче не было бы**. Павел Ясеница замечает, что финны никаких восстаний не устраивали, про-

сто методично укрепляли свою государственность и в удобный момент – в 1917 году – её безболезненно провозгласили и закрепили. Этому у него посвящена целая книга, которая так и называется: “Две дороги”. Сочувствовавший повстанцам Александр Герцен говорил, что поляки теми восстаниями хотели воскресить своего мертвеца. А современный польский политолог, философ и историк, сотрудник Ягеллонского университета и профессор Института философии Педагогической академии в Кракове Бронислав Лаговский считает, что “традиция восстаний – это история определённой части польскоязычной шляхты, не желавшей приспособиться к требованиям государства – ни своего, ни чужого”. Более того, он полагает, что Царство Польское в 1815 году “имело отличный старт”, поскольку “это было государство с хорошей Конституцией, с перспективами и элитой, которая прошла школу Четырёхлетнего сейма и наполеоновских войн. Поляки могли сыграть важную роль в Российской империи, большую, чем занимавшие в ту пору важные посты прибалтийские бароны. Царство давало множество возможностей, но во имя независимости потеряли то, что было в руках”.

Однако есть и еще один вывод, сделанный тоже из самого факта восстаний. И он не менее интересен. Его сформулировал польский философ, историк и публицист XX века, автор книги “История польских глупостей” Александр Бохеньский, мечтавший о демонтаже СССР и о том, что это можно будет сделать силами объединившихся славян-соседей. Вот к какому выводу он пришел: “Год 1863 является пограничным столбом в истории – так важных для нас – польско-российских отношений. Он не привёл ни к какому изменению сил одной или другой стороны; изменение касалось исключительно направления политики царей и, что важнее, психологического расположения русского народа к польскому делу. В течение ста лет от вступления на трон Станислава Августа до январского восстания (1863 год. – Авт.) российские правительства предприняли ряд усилий, правда, неуклюжих, к совместному проживанию с зависимой, затем с покорённой Польшей. От фактической вассальности при Екатерине II, через династическую унию Александра I, Органический устав Николая I и широкую автономию Александра II, все цари шли по линии династического абсорбирования, а не государственного или, тем более, национального поглощения. Та линия несколько раз прерывалась и почти всегда польской стороной. Мотивы прерывания были разные, но им всегда сопутствовала трудолюбиво культивированная и раздуваемая до наивысших границ **иррациональная ненависть** к Москве. С 1863 года ситуация изменилась. Россия и её цари перестали искать пути сожительства с польским народом. Это изменение зашло значительно дальше, нежели политика конкретного государственного мужа или императора, ибо затронула и глубину национальной российской психологии...”.

Похоже, поляки и сейчас ещё живут последствиями того прерывания, культивирования и раздувания “иррациональной” ненависти к Москве. На Минск и Киев это распространяется в той степени, в какой они занимают прорусскую или антирусскую позицию в конкретной политической ситуации. **В сознании многих поляков белорусы и украинцы существуют либо как русские, либо как несостоявшиеся польские подданные и вызывают польские симпатии лишь тогда, когда проявляют антипатии к русским.** Пусть это не всегда так, но достаточно часто.

И все-таки пока остается без ответа главный вопрос: каковы истоки столь сильной польской нелюбви к русским, переходящей в ненависть? Ужель хватило разделов, *катыней* и игнорирования геополитической границы? Ужель так памятен налёт на Киев в XI веке и утерянные плоды побед в начале XVII? Но войны со шведами у русских тоже начались ещё при Александре Невском. Владимир Соловьёв тоже считал, что есть “более глубокая, **духовная** причина вражды”. И вот как пояснял свой вывод: “Польша является в Восточной Европе представительницей того духовного начала, которое легло в основу западной истории. По духовному своему существу польская нация, и с нею все католические славяне, примыкают к западному миру. Дух сильнее крови: не смотря на кровную антипатию к немцам и кровную близость к русским, представители полонизма скорее согласятся на онемечение, чем на слияние с Россией. Западный европеец, даже протестант, ближе по духу к поляку-католику, нежели православный русский... Вражда Польши к России является,

таким образом, лишь **выражением векового спора Запада и Востока**, и польский вопрос есть лишь фазис великого восточного вопроса...". Вывод Владимира Соловьёва состоял в том, что "внешнего примирения с Польшей у нас быть не может ни на социальной, ни на государственной почве".

Со времени написания этих строк прошло почти 130 лет. Прав ли был философ? К сожалению, исторические факты не позволяют упрекнуть его в поверхностности суждений. Белорусам достаточно вспомнить 1941 год – приход гитлеровцев. Первыми свои услуги оккупантам на западных белорусских территориях тогда предложили именно поляки. Как пишет польский историк Ежи Туронк в книге "Беларусь и немецкая оккупация", они напомнили пришельцам, что поляки ближе к немцам по культуре, и вскоре вся местная власть и полиция в оккупированной гитлеровцами западной Беларуси была целиком в польских руках. Резко антибелорусски была настроена и подчинявшаяся польскому правительству в Лондоне **Армия Крайова, руководители которой открыто декларировали, что белорус – это враг, вне зависимости от того, настроен он просоветски, пронемецки или националистически**. Многие формирования польской Армии Крайовой сотрудничали к оккупантам, ведя бои с советскими партизанами и уничтожая местное население. Один только столбцовский батальон АК под командованием Адольфа Пильха, по признанию самого Пильха, уничтожил в окрестностях Минска около **шести тысяч местных жителей**. Таковы факты.

Но после той войны прошло ещё почти семьдесят лет. Что-то изменилось? Вновь приведём цитаты из одной довольно пространной современной статьи. Она посвящена взглядам нынешних поляков на Россию и на её проблемы. Цитата первая: "Отряд чеченских партизан занял школу в этом городе, захватил в качестве заложников несколько сот детей, большинство которых погибли во время штурма, предпринятого российскими силами. Так вот, тон большинства репортажей (польских. – Авт.) был и есть таков, что, во-первых, плохо информированный читатель или зритель может быть уверен, будто детей в большинстве убили штурмующие русские, а не чеченские боевики (перед этим их мучившие). Во-вторых, сообщения были (и есть) сконструированы так, что в принципе не проявляется в них тема чьей-либо ответственности, кроме ответственности российского правительства...".

Цитата вторая: "Точно так же обстоит дело с перипетиями вокруг Катюши. Скрупулезно сообщаются и обсуждаются многочисленные связанные с этим преступлением юридические противоречия. Весь обширный контекст проблемы либо замалчивается, либо подается в столь урезанном виде, что польское общество может понять это так, будто бы российские власти либо до сих пор не сказали правды об этом преступлении, либо прямо-таки гордятся им. Что не отдали нам основных (до последнего времени засекреченных) документов. Что Борис Ельцин никогда не говорил слова *простите*".

Цитата третья: "Польские представления о России пронизаны не только лицемерием и враждебностью, но и чувством превосходства. Превосходства цивилизационного... Цивилизационного, если не расового. О том, что русских следует презирать, потому что, цитирую, "там после каждого монгольского нашествия всякая кацапка с брюхом ходила", мне было сообщено впервые, когда мне было 14 лет, и с тех пор время от времени я слышу различные варианты этой мантры. Естественно, слышу, а не читаю, потому что мы же за собой следим, мир таких выражений не любит. Но мы-то знаем, как там оно на самом деле...".

Цитата четвёртая: "Сторонники польской идеологии цивилизационного превосходства, как правило, понятия не имеют о фундаментальных фактах, которые следовало бы принять во внимание, отстаивая столь радикальный тезис. Кто из польских комментаторов, например, знает, что уже в первой половине XVII века в Москве было, по крайней мере, столько же жителей, сколько в ту же эпоху в Кракове, Варшаве и Гданьске, вместе взятых? Это не покажется странным, если не забывать, что ещё раньше, когда Стефан Баторий осаждал Псков, королевский секретарь, ксендз Ян Петровский, при виде этого города (который не был столицей московского царства...) воскликнул:

– О, Боже! Да он не меньше Парижа!

"Город очень большой, – писал он. – В Польше у нас такого нет, стеной окружен, церкви многочисленны и прекрасны, всё каменное!"

Цитата пятая: “Существует сфера, в которой дух народный воплощается безнаказанно и без ограничений. Это фантастическая литература, а в ее рамках и тот жанр, который – по не совсем понятным мне правилам – называется научной фантастикой. Он многое говорит о нынешнем состоянии польского духа. Я мог бы перечислить, по крайней мере, пару десятков, если не больше, современных произведений польских, от романов до коротких рассказов, которые объединяет создание такой реальности, в которой Польша, иногда вследствие принятия правильного (по мнению автора) решения заключить в 1939 году союз с Гитлером, иногда в результате других, более ранних перемен в историческом процессе, на переломе XX и XXI веков является сверхдержавой. Бомбит Сайгон при помощи “Лосей” (самолет, стоявший на вооружении довоенной польской армии и считавшийся одним из лучших в Польше на то время. – Авт.) новейшего поколения. Колонизирует Африку. Но прежде всего – и это ключевой элемент – давно уже избавилась от Москвы или России. Избавилась методами традиционными или, иногда, более присущими XX веку... В довольно популярной новелле, ни названия которой, ни автора я не назову из жалости, главный герой – польский офицер, проявивший себя в совместной с немцами кампании против России, – в конце XX века говорит так:

– Американские индейцы, австралийские аборигены, африканские пигмеи тоже не заслужили своей судьбы. Но тут, по крайней мере, (...) мы уничтожили народ, который хотел сделать своих соседей рабами.

Повторяю: **мы уничтожили народ**. Подобных фантазий – иногда менее, иногда более жестоких – я мог бы привести гораздо больше”.

Не исключено, подчеркивает автор этих строк, что приведённые сентенции и являются обратной стороной исторических реалий, ведь у них есть очень важный нюанс: “Они хотят вернуться к такому положению вещей, которое – одни втайне, а другие подсознательно – считают естественным. К положению Речи Посполитой и слабенькой России. Поэтому они и раздувают – как реальные, так и вымышленные – конфликты с Москвой”. Поэтому “в польском мышлении о России доминируют экстерминационные акценты”. **Экстерминация – это искоренение, уничтожение, истребление**, однако автор добавляет, что без колебания употребляет это слово. Потому приведём еще одну цитату и самую страшную: “У меня такое впечатление, что единственное решение, им (российским правительством. – Авт.) принятое, которое могло бы удовлетворить поляков, было бы заявление о прекращении существования собственного государства и призыв соотечественников к массовому самоубийству. Тогда на Висле все были бы довольны”....

Можно ли представить, чтобы кто-то посмел написать подобное о поляках? Вряд ли, поскольку был бы вселенский скандал. Выходит, прав был философ Владимир Соловьёв, утверждая, что *ров* между поляками и русскими – это *ров* между Западом и Востоком и что он непреодолим? Но к западному миру относят себя и пограничные нам финны, и чехи, и словаки. К нему причисляют себя и румыны с болгарами, хотя они и православные. Более того, во Второй мировой войне православные румыны воевали против русских – на стороне Гитлера, а православные болгары были врагами России в обеих мировых войнах. Чехи, а вместе с ними и словаки, несколько веков находившиеся под владичеством австрийской, затем австро-венгерской короны, тоже не отсиживались в запасных полках в ходе военных конфликтов между Австрийской и Российской империями. Во время Первой мировой войны их столько оказалось в русском плену, что потом хватило на создание целого чехословацкого корпуса, насчитывавшего многие десятки тысяч штыков. А во Второй мировой словаки уже по собственной инициативе участвовали в агрессии против Советского Союза. В Беларуси до сих пор помнят, как они охраняли от партизан железные дороги. Однако такое неприятие русских, как у поляков, ни у кого больше не сформировалось. И в чём всё же главная причина, если даже военные конфликты – это не главное?

Поиски ответа ведутся, в том числе и в Польше. Потому продолжим цитирование той самой пространной статьи. Её автор – популярный польский публицист, отнюдь не русофил, – Пётр Сквечицкий. Он пишет: “К сожалению, я знаю причину, по которой антироссийские фобии сегодня столь распространены в Польше. Дело в том, что поляки – и это у нас из всех пор исходит – не в состоянии смириться с тем, что в XVII веке они потеряли (а Россия при-

обрела) **положение сверхдержавы**. Они считают, что такой поворот истории был не только несправедлив, но что это было следствием случая. Случая, который можно – в благоприятных условиях – исправить”.

Добавим, что попытки подобрать такой случай время от времени делались. Первый маршал Польши Юзеф Пилсудский мечтал о центрально-европейской федерации, которую называл Междуморьем. Он настолько рьяно старался осуществить свой план, что британский премьер Ллойд Джордж называл его главным империалистом в Европе. То Междуморье, к которому так стремился польский маршал, должно было стать буфером между Советской Россией и остальной Европой, непоколебимым стражем западной цивилизации и неустрашимым борцом с варварством, которым опасен Восток. За это, в первую очередь, его и должны были ценить в Европе.

Некоторые нынешние аналитики, например, Н. Малишевский, утверждают, что и в современной Польше продолжает жить идея новой Речи Посполитой, под скипетром которой, хотя бы политическим, вновь оказались бы Белоруссия, Украина, Литва. Мне самому в Варшаве довелось услышать, что Минск, в котором я живу, это “не Беларусь, а Польша”. Иначе говоря, неудовлетворенный имперский дух продолжает будоражить польские умы. И одежды стража западной цивилизации тоже привлекательны. В сентябре 2011 года в журнале “Политика” Януш Тазбир под красноречивой рубрикой “Польша – форпост Европы и христианства” опубликовал статью “Польская твердыня”, в которой говорится, что, оказывается, ещё от битвы под Легницей в 1241-м Польшу “многократно называли избавительницей Европы”. Тогда, под Легницей, польско-немецкое войско под командованием краковского князя Генриха Благочестивого сразилось с татаро-монголами. Несмотря на то, что оно потерпело сокрушительное поражение, сам князь был убит, его голову, нанизанную на копье, степняки принесли к Кракову – тогдашней польской столице, которую тоже монголы захватили, командовавший ордынцами внук Чингисхана Байдар отказался от дальнейшего движения в Западную Европу и повернул на юг, чтобы соединиться с основными силами хана Батыя. . .

Есть желающие возразить? Разве что можно уточнить некоторые нюансы. Похоже, одним из главных истоков польской ревности является шедшая между Россией и Польшей на протяжении многих веков борьба за лидерство в славянском мире. В ходе этой борьбы одна из сторон – Россия – стала государством, с которым многие народы связывали свое существование, например, славяне в Османской и Австро-Венгерской империях. Это её звали на помощь болгары. Это о ней пели младочехи своё “Гей, славяне, с нами Русь!”. А вот Польше таких слов никто не посвящал. Наоборот, она сама вынуждена была уступать, а затем вовсе перестала существовать больше чем на столетие. Такое трудно простить. В этом контексте понятными становятся слова Юзефа Шанявского о том, что четыреста лет назад, когда был пленён и целовал руку польскому королю русский царь Василий Шуйский, была достигнута главная польская победа. Но если так, то не считается ли главным поражением Польши потеря плодов той победы! . .

Где же выход из исторической ситуации, которой тысяча лет? Похоже, его может подсказать история иных государств, к примеру, древней Греции, в которой тоже было много войн и прочих вооруженных склок, но по окончании каждой войны в действие вступало обязательное для всех правило: **под страхом большой кары запрещалось кому-либо вспоминать об обидах**. Объяснялся этот запрет тем, что память об обидах может стать причиной новых обид. Так не прислушаться ли к совету древних греков, ведь не зря кто-то сказал: они потому и стали древними, что были умными. Вот только хватит ли за Бугом на это ума и сил? Ведь, читая польскую прессу, иногда ловишь себя на том, что если бы даже Путин с Медведевым приехали в Варшаву и, по примеру царя Василия, целовали руку польского президента, то прощения русские всё равно не заслужили бы. По крайней мере, у многих поляков. Накал русофобии, похоже, кое-где даже возрастает. Она уже проникает и в высокое искусство, чего раньше поляки всё-таки себе не позволяли. В многосерийном телефильме “Время чести”, посвященном Второй мировой войне, советский разведчик, оставшийся без связи, кусачками отрывает польскому подпольщику фаланги пальцев, чтобы узнать, где тот прячет рацию. Героический поляк, разумеется, не проронил ни слова! Зато сказал русскому, что он, “красный”, ничем не отличается от “коричневых”. Коричневых и красных теперь в Польше модно ставить на одну доску.

И всё-таки надежда есть. Об этом как раз и свидетельствуют статьи, подобные той, которую опубликовал Пётр Сквечицкий, задумавшийся сам и призвавший поразмыслить о том соотечественников. Автор недвусмысленно указал, что сейчас мяч находится на польской стороне, и даже сослался на социологические исследования: “В польской анкете поражает пессимистический образ польско-российских отношений... Между тем, для подавляющего большинства опрошенных россиян важнейшим событием в общей истории России и Польши является не нашествие поляков на Москву в XVII веке и не война 1920 года, но совместная борьба с фашистской Германией, — писал после таких исследований журналист польского издания *Gazeta Wyborcza*. — Их (русских. — Авт.) образ Польши, хотя и анахроничный, гораздо симпатичнее, чем наш образ России”.

Быть критичнее к себе призывает и другой польский публицист Рафал Земкевич. В книге “Поляцтво”, выдержавшей в Польше уже несколько изданий, он пишет: “На варшавском стадионе “Десятилетия”, который необдуманно переименован в “Базар Европы” (необдуманно в том смысле, что правильнее было бы назвать его “Ярмаркой Азии”), я не нашел ни одного стеллажа с польскими книгами; культурные потребности местных удовлетворяют пиратские компакт-диски и видеокассеты, преимущественно с порнографией. Зато нашёл там четыре обменных пункта российских книг. Столько их понадобилось для обслуживания торгующих на барахолке кацапов, по отношению к которым средний поляк испытывает безграничное чувство цивилизационного превосходства, отыгрываясь ими за комплексы неполноценности по отношению к Западу”.

Процесс переосмысления российско-польских (и наоборот) отношений за Бугом, слава Богу, всё-таки пошёл. Однако не стоит думать, что он будет лёгким. Наоборот, быть ему долгим и даже трудным, уже заметны попытки даже историческое примирение провести по польским лекалам. Почитайте, например, материалы главного редактора *Gazet’ы Wyborcz’ей* Адама Михника, которого в Москве называют не иначе, как “известным европейским интеллектуалом” и “одной из знаковых фигур для отношений наших стран сегодня”. Сам себя Михник называет “антисоветским русофилом” и утверждает, что в России у него больше друзей, чем в Польше, но почему-то считает, что русские испытывают комплекс неполноценности по отношению к полякам, ибо поляки — аристократы, у них есть гордость. На самом деле русский, скорее всего, смотрит на поляка с некоторым удивлением, как на родственника, который часто чудит или бузит.

Михник утверждает, что поляки у русских были “рабами”. Надо полагать, он не знает, что ещё во второй половине XIX века русский чиновник в западных губерниях империи, например, на территории нынешней Беларуси, мог получить выговор от своего вышестоящего начальника-поляка за незнание польского языка. Ведь до третьего польского восстания (1863 год) в делопроизводстве и образовании в этих краях, уже почти сто лет входивших в состав Российской империи, преобладал именно польский язык. Да и неужели кто-то поверит, что *рабом* в той империи был, к примеру, Адам Чарторыйский, возглавлявший при Александре I министерство иностранных дел России. Или, скажем, генерал от кавалерии и генерал-адъютант свиты его величества Лев Радзивилл, пользовавшийся настолько большим расположением и Николая I, и Александра II, что выполнял их самые деликатные и ответственные поручения, умел, как пишут мемуаристы, рассмешить обоих императоров. Вряд ли таковым считал себя и морской офицер Георгий Сигизмундович Пилсудский — кавалер семи русских боевых орденов, отличившийся ещё в русско-японскую войну, командуя катером и батареей морских орудий. Впоследствии в тридцать лет он стал командиром эсминца “Внимательный”, затем командовал эсминцами “Внушительный”, “Мощный”, “Видный”, “Победитель”, а во время Первой мировой войны — целым дивизионом эскадренных миноносцев на Балтийском флоте. В знаменитой битве с германской эскадрой в проливе Моонзунд в 1918 году тот дивизион сыграл весьма славную роль. Этот пример многого стоит хотя бы из-за фамилии офицера. Правда, в 30-е годы она стоила ему жизни.

Однако хуже всего в характере русских для Михника то, что, по его мнению, среди них “часто проявляется полное незнание искусства компромисса, культуры компромисса”. Но разве не русские, начиная с Павла и Александра I, искали компромисс с поляками, о чем недвусмысленно говорил Алек-

сандр Бохеньский? Разве не на основе компромисса, пан Адам, русские смогли объединить в своём государстве полторы сотни народов?..

Очень трудным будет процесс примирения, поскольку в Польше один и тот же политик в одном и том же интервью сначала может высказывать опасение, что русский империализм угрожает Украине, а затем заявить, что Украина должна находиться под польской опекой, как будто бы польская опека никаким империализмом не пахнет. В одной и той же дискуссии, пишет Пётр Сквециньский, её участники сначала заявляют, что угрозы распада для России не существует, а затем могут “хором констатировать, что раздел России... должен произойти”.

Сложно будет *засыпать ров*. В современной Польше по-прежнему сильны те, для кого главным является лозунг: “Никаких уступок русским!”, – кто всякое сотрудничество с Россией считает уступкой России и готов объединиться со всеми, выступающими против неё, скажем, с Румынией. Минувшим летом во время футбольного чемпионата русских болельщиков били только за то, что они русские. Но всё-таки важно то, что все больше интеллектуалов, отсутствием которых никогда не страдала Польша, приходит к выводу, что “историческая политика”, по правилам которой никто не должен расставаться с калькулятором тысячелетних обид, ни к чему хорошему не ведёт. Иными словами, на той стороне Западного Буга начинают понимать, что принцип “нам не повезло с соседями”, как говаривал экс-президент Лех Валенса, не может считаться приемлемым, поскольку нет однозначно положительного ответа и на вопрос, повезло ли соседям поляков на поляков. Даже Смута, считает современный польский историк Героним Граля, может стать импульсом к тому, чтобы посмотреть на неё вместе и найти точки соприкосновения, ведь даже тогда, когда польский гарнизон занимал Кремль, подчёркивает он, не только сабли звенели, не только выстрелы звучали...

Наберёмся терпения. А вдруг император Александр ошибся не на все времена...

ВЯЧЕСЛАВ ШТЫРОВ

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

*Чтобы сохранить за Россией ее тихоокеанский форпост,
нужны смелые решения и новые законы*

На земле становится всё тесней. Многие футурологи говорят, что через некоторое время из-за быстрого роста населения в дефиците окажутся даже не природные ресурсы, которых и сейчас хватает далеко не всем, а просто территории, где можно будет расселить людей для их жизнедеятельности. И взгляды некоторых загребущих политиков устремляются к чужим просторам. Россия, с их точки зрения, в этом смысле весьма привлекательна. Особенно её восточная часть. Поэтому такие политические деятели, как Тэтчер или Олбрайт, даже не пытаются скрывать свой экспансионистский интерес благопристойными объяснениями. Иметь России столько земли, когда другие страны живут тесно, заявила как-то Олбрайт, просто неприлично.

Конечно, посягать на то, что принадлежит другим, — это дурной тон. Тем более, когда Россия веками, шаг за шагом осваивала Сибирь и Дальний Восток. Отдавала этому энергию, ум, сноровку, а нередко и жизни своих людей. Достаточно вспомнить, когда появились здесь первые российские города: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Томск (1604), Якутск (1632). В 1860 году был основан Владивосток, само название которого не дает сомнений в том, кому принадлежит эта земля.

И все это время процесс продвижения на Восток, с одной стороны, был стихийным, вызывался экономическими интересами деловых людей, а с другой — поощрялся центральным правительством.

ШТЫРОВ Вячеслав Анатольевич родился 23 мая 1953 года в пос. Хандыга Якутской АССР. Отец — морской офицер, закончивший службу контр-адмиралом. Мать — геолог. Окончил Дальневосточный политехнический институт (инженер-строитель), Академию общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат экономических наук. Работал на стройках Якутии. В 1991 году был назначен министром строительства и инвестиций Республики Саха (Якутия). С 1991 года по 1996-й — вице-президент Республики Саха (Якутия). Два года совмещал обязанности вице-президента и премьер-министра. С 1996 года по 2002-й — президент компании АЛРОСА. С 2002-го по 2010-й год — Президент Республики Саха (Якутия). С 2010 года — член Совета Федерации от исполнительной власти Республики Саха (Якутия). Заместитель Председателя Совета Федерации.

С конца XIX — начала XX веков государственная политика в этом отношении стала особенно активной и осознанной. Строительство самой длинной в мире Транссибирской железной дороги, реформы и переселенческая политика Столыпина способствовали быстрому освоению наших дальневосточных территорий с резким увеличением населения и бурным ростом экономического потенциала этого обширного края.

Еще более энергично действовало Советское государство, благодаря чему в Сибири и на Дальнем Востоке выросли десятки новых городов, были построены сотни промышленных предприятий, начали осваиваться месторождения с гигантскими запасами полезных ископаемых, созданы целые отрасли обрабатывающей промышленности с современными на тот период технологиями. Все это время темпы роста экономики восточных районов страны более чем в 1,5 раза превышали общесоюзные. И никто, надо это отметить, не порывался тогда сказать, что у Советского Союза есть лишние территории, которые можно у него отобрать в интересах “тесно живущих” народов. С сильным — не спорят. У него не требуют. В крайнем случае — просят. Да и то, если знают, что сильный — не обидится.

Тогда почему сегодня некоторые готовы “положить глаз” на российский Дальний Восток? Мы стали слабее? Выпустили из рук государственные рычаги управления стратегическими процессами? Или временно оказались в плену слепых поводырей?

Да, было такое. Особенно в 90-е годы прошлого века. Кто из дальневосточников не помнит “знаменитых” слов Егора Гайдара, что можете развезаться: стране ваше золото не нужно, сколько нам надо — купим на бирже в Лондоне. В этих словах — квинтэссенция взглядов команды “младореформаторов”, что главное в этом мире не человек, родина, страна, а чистоган барыша. Отсюда и идеи о том, что философия хозяйственной жизни на востоке России заключается в выборочной распродаже для освоения вахтовым способом богатых природных месторождений в интересах частного капитала, в том числе иностранного. А все остальное — мусор, издержки царских имперских амбиций и плановой советской экономики. Как тогда горько шутили некоторые: “Хорошо, что Гайдар не знает, где находятся Курильские острова, а то бы он их мигом кому-нибудь продал”.

Брошенный на произвол судьбы Дальний Восток погружался в пучину развала экономики, деградации социальной сферы, разгула криминалитета, потери людьми моральных и нравственных ориентиров, трагической ломки многих человеческих судеб. Кое-как удерживался на плаву он только благодаря усилиям руководителей субъектов Федерации. Таких ярких и волевых личностей, как Михаил Николаев, Виктор Ишаев, Николай Волков и другие. Сыграли свою роль и традиционно сильные на Дальнем Востоке хозяйственные руководители, которые в условиях анархии и развала денежной системы сумели сохранить межрегиональные кооперационные связи, особенно в отраслях жизнеобеспечения. Но особо надо отметить трудовые коллективы, месяцами не получавшие зарплату, но продолжавшие работать на предприятиях и в организациях Дальнего Востока.

Сегодня вошло в привычный обиход у многих политиков и литераторов проблемы в жизни страны объяснять “неудачным” менталитетом нашего народа, “косой” и “кривой” нашей историей. Однако события начала 1990-х годов, напротив, показывают и невероятную стойкость нашего народа, и его энергию и изобретательность. Нам эти качества ещё пригодятся.

Пока в России в разгаре был системный кризис, в мире экономическая ситуация менялась. В том числе и рядом с нашим Дальним Востоком — в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона, которые вырвались в лидеры экономического роста. Быстрые темпы их развития, с одной стороны, увеличивали риски экономического, демографического, политического давления наших восточных соседей на стагнирующий российский Дальний Восток, а с другой — создавали новые возможности для его развития в рамках международной кооперации.

Все это заставляло не откладывать решение проблем Дальнего Востока. Тем более что по сравнению с советским периодом они стали намного серьезнее, глубже и, откровенно говоря, опаснее. Показателем этого стало уменьшение населения региона: только за 1992–1995 годы оно сократилось на полмиллиона человек.

Попыткой решения назревших проблем стало принятие в 1996 году федеральной программы развития Дальнего Востока и Забайкалья, которая несколько раз продлевалась и действует до сих пор. Однако, в отличие от прежних программ, которые, как правило, приводили к подъему экономики, росту населения, улучшению социальной сферы, эта новая программа ни одной из этих задач не решила. Принято считать, что это произошло из-за недостатка финансирования. На мой взгляд, это правильно, но только отчасти. Главное в том, что ничего *стратегического* в этой программе не было и нет. Набор важных, но частных проблем, поставленных дальневосточными субъектами Федерации, – вот и вся программа. Требовалось предпринять более решительные шаги.

К началу первого десятилетия нового века и у нас, в России, началась определенная стабилизация, а главное – появилась, прямо скажем, политическая воля, которую выражал сменивший Ельцина Владимир Путин. Именно эти обстоятельства позволили начать реальную работу по использованию новых возможностей и снижению рисков развития региона.

На Дальнем Востоке началась реализация ряда проектов, имеющих общенациональное значение: строительство автомобильной дороги Чита–Хабаровск, Амуро-Якутской железной дороги, нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан, газопроводной системы Сахалин – Хабаровск – Владивосток, подготовка города Владивостока к проведению саммита АТЭС, завершение строительства Бурейской ГЭС.

Было продлено действие федеральной целевой программы “Дальний Восток и Забайкалье”, и в ее рамках решен ряд социальных вопросов в каждом субъекте Федерации региона.

Крупные инвестиционные проекты на Дальнем Востоке начали осуществлять частные российские компании: ОАО “Сургутнефтегаз”, ОАО “СУЭК”, ОАО “Мечел” и целый ряд других. На примере Южной Якутии появился первый опыт масштабного государственно-частного партнёрства.

Сегодня можно услышать и критику, и определённый скепсис в отношении всех этих проектов. Но, на мой взгляд, они уже сыграли огромную роль в относительном улучшении ситуации на Дальнем Востоке, а самое главное – создали заделы на ближайшее и дальнейшее будущее.

Даже самый оспариваемый из них – подготовка к саммиту АТЭС во Владивостоке – позволил не только ликвидировать ряд проблем, мешавших развитию города чуть ли не с самого его основания, но и заложил фундамент будущей крупнейшей городской агломерации – делового центра Дальнего Востока мирового уровня. И если бы не было тех финансовых афер, которые сегодня расследуют правоохранительные органы, в городе удалось бы сделать ещё больше.

Или возьмем нефтепроводную систему Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО). Это огромное дело, по масштабам сравнимое с Байкало-Амурской магистралью. Она объединила несколько субъектов Федерации, дала возможность создать новые нефтяные промыслы общероссийского значения в Якутии и Иркутской области, стимулировала строительство нескольких сотен километров линий электропередач и автодорог, обеспечила загрузку простаивающих мощностей Вилюйской и Зейской ГЭС, Нерюнгриской ГРЭС.

Но главное – дала работу, причем хорошую, высококвалифицированную и высокооплачиваемую, нескольким тысячам дальневосточников. Изменился и облик многих городов и посёлков, построены жилые дома, школы. В районе старинного русского поселка Витим – шишковского села Разбой из “Угрюмки” – строится новый аэропорт, способный принимать все типы самолетов. В другом старинном городе на реке Лене – Олекминске – вместо дизелей появилось централизованное электроснабжение, и себестоимость производства электроэнергии снизилась с 30 до 5 рублей за киловатт-час. Комплекс перегрузки нефти в городе Сковородино оживил работу одного из крупнейших транспортных узлов Амурской области. На берегу Тихого океана в Приморье начато строительство мощнейшего нефтеперерабатывающего завода. Это все зримые результаты только одного проекта.

Другой вопрос, что все эти проекты представляют собой, по сути дела, лишь оазисы на огромной территории, экономика и инфраструктура которой находятся в депрессивном состоянии.

Вот почему по решению Президента России Владимира Путина разработана Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона, которая утверждена Правительством России в декабре 2009 года.

В качестве президента Республики Саха (Якутия) и председателя Ассоциации межрегионального экономического сотрудничества «Дальний Восток и Забайкалье» мне довелось участвовать в разработке этой Стратегии. Все дальневосточники надеялись на скорое начало её осуществления. Тем более что был утвержден и план мероприятий по её реализации. Главным в нём было поручение Президента министерствам и ведомствам Российской Федерации разработать Государственную программу развития Дальнего Востока и Байкальского региона.

Но вот прошло три года. И план не выполнен, и программы нет. Этот печальный результат традиционно можно списать на неисполнительность чиновников или на экономический кризис, который спутал все карты, и тому подобные причины. Но мне кажется, в немалой степени это связано с утратой правительственными экономическими штабами навыков стратегического планирования. В последние годы они специализировались в основном на выработке бесконечных макроэкономических прогнозов, основанных на трех-четырёх, почерпнутых в международных экономических институтах, показателях и фантазиях по поводу пессимистических, оптимистических и инновационных (или модернизационных, или еще каких-нибудь в соответствии с текущей модой) сценариев. А вот переложить стратегические замыслы на язык конкретных действий не способны. Во всяком случае, об этом можно судить по проектам государственной программы социально-экономического развития Дальнего Востока, которые представлялись в Правительство. Разве можно считать стратегическим решением федерального уровня включенные в некоторые варианты программы ремонт клуба в одном субъекте Федерации или строительство коровника в другом? Немудрено, что все проекты раз за разом отклоняются.

Однако вопрос всё-таки не только и не столько в мелкотемье. Главное в другом: в проектах программы зачастую ставятся в принципе неверные задачи. Так в последнем по времени её варианте указана в качестве одной из главных целей интеграция Дальнего Востока в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона. Соответственно, в качестве инструментария достижения этой цели предлагается субсидировать за счёт бюджета перевозки сырьевых экспортных товаров железнодорожным транспортом по территории Российской Федерации, реконструировать или построить новые пункты пропуска на внешних границах России во всех приграничных субъектах Федерации, построить три новых моста через реку Амур в Китайскую Народную Республику. Получается, что мы за свой счёт должны создать условия для снабжения наших соседей дефицитнейшими природными ресурсами, да ещё, чтобы их купили, приплатить им через субсидии. В сочетании с нашей же почти пятнадцатилетней практикой поставок в Китай электроэнергии по цене, в разы меньшей внутрироссийской, что делало неконкурентоспособной отечественную обрабатывающую промышленность в сравнении с китайской, это прямой путь к закреплению за Россией роли сырьевого придатка сопредельных стран. Причем в версии разработчиков проекта программы мы должны сделать это добровольно. Ради чего? Ответ может быть только один: ради прибыли наших сырьевых олигархов и пополнения их офшорных счетов.

Есть и другая сторона того же вопроса. В экономической географии существует понятие «сжатие пространства». Имеется в виду, что, по мере развития скоростного транспорта, современных средств мобильной связи, снятия в ходе глобализации административных и иных барьеров между регионами мира, люди, их идеи, капиталы и товары перемещаются в пространстве быстрее, что эквивалентно его уменьшению, сжатию. Экономическая интеграция – мощный катализатор такого «сжатия пространства» в его экономико-географическом смысле.

Если мы поставим перед собой задачу ускоренной интеграции отдельно взятого Дальнего Востока в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона, то результатом будет сжатие экономического пространства на восток. Само по себе это хорошо, но ведь в европейской части страны оно происходит в другую сторону – на запад. Это означает, что будет только стремительней углубляться уже и так наметившейся разрыв экономических связей между западом

и востоком России. А синхронно этому или, в лучшем случае, – с небольшим временным лагом, ослабляются социальные, культурные, духовные связи, да и резко сокращаются чисто человеческие контакты. А дальше что? Политический разрыв? Конечно, эта проблема ещё не стоит на повестке сегодняшнего дня, и даже завтра она вряд ли станет так уж актуальна. Но ведь и Атлантический океан образовался из микроскопической трещины в гигантском сверхматерике Пангея...

Из всего этого может быть сделан только один вывод: главной целью будущей Государственной программы социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона должно быть **усиление его интеграции в экономическое пространство Российской Федерации, а вовсе не Азиатско-Тихоокеанского зарубежья.**

Если так ставить вопрос, то субсидировать надо не железнодорожные перевозки экспортных сырьевых товаров, а перевозки продукции западных российских товаропроизводителей для нужд дальневосточных российских потребителей. И в обратном направлении – перевозки продукции наших дальневосточных предприятий на запад страны.

А в инфраструктурных проектах на первом плане должны быть не мосты через Амур в Китай и не бесчисленные пункты пропуска через границу, а те объекты, которые обеспечивают связи запада и востока России. Это и высоковольтные линии электропередачи, соединяющие Дальний Восток с заканчивающейся в Чите и Усть-Куте объединенной энергосистемой страны. Это и создание объединенной системы газопроводов России. Сегодня западная система заканчивается у границы Иркутской области. Ее надо соединить с Сахалином через трубопроводы будущей Восточной газовой системы. Это и продолжение строительства общенациональных широтных железных и автомобильных дорог, соединяющих восток и запад страны, с продолжением их на Чукотку и Камчатку.

Возможно, сегодня рано говорить о строительстве, но с учётом нового значения Арктики с точки зрения её природных ресурсов, транспортного и оборонного потенциала необходимо начать технико-экономическую проработку создания арктических транспортных коридоров по линии Салехард – Анадырь.

Сказанное вовсе не означает, что следует заморозить сотрудничество с нашими восточными соседями и партнёрами. Нет, оно должно развиваться, и достаточно динамично. Только **рассматривать интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе необходимо не как цель, а как средство развития Дальнего Востока и страны в целом.** Соответственно таким представлениям должны прорабатываться и проекты сотрудничества. Они должны быть прибыльными, а не требующими субсидий для покрытия убытков. Должны усиливать наше экономическое и геополитическое влияние, а не ставить в зависимость от кого-то. К примеру, весьма перспективным представляется проект реконструкции БАМа и Транссиба с созданием на их основе межконтинентального транспортного коридора. Или организация с участием иностранных капиталов и технологий производства в Приморском крае буровых платформ для быстро растущего дальневосточного нефтегазового комплекса. Можно назвать ещё целый ряд таких проектов. Но все они должны служить главной цели: интересам Российской Федерации в целом, а не отдельных финансово-промышленных групп.

* * *

Если мы понимаем, что для укрепления наших позиций на дальневосточных рубежах нет другого пути, кроме ускоренного развития российского Дальнего Востока и его интеграции в экономику Российской Федерации, необходимо дать ответ и на вопрос: каким мы видим регион в социально-экономической структуре России? Казалось бы, этот ответ давно дан: и в делах наших предков, и в указах Александра III, и в речах Столыпина, и в решениях съездов КПСС. Однако вновь возникает разногласие мнений, особенно в полемике экономистов и публицистов. Одни считают Дальний Восток гигантской кладовой природных ресурсов, куда можно зайти в любое время и взять что-то нужное. Другие рассматривают его как резервную территорию на всякий случай,

третьи – исключительно как выдвинутый оборонительный рубеж. А есть и те, кто думает, что при случае можно Дальний Восток целиком или по частям продать или поменять на что-нибудь.

Я – коренной дальневосточник. Родился в Якутии, детство моё прошло в приморском селе Хороль. Отец – военный моряк, поэтому в юности жил в местах его службы и на Камчатке, и в Советской Гавани, и во Владивостоке. Уже по долгу своей службы побывал во всех краях и областях Дальнего Востока. Мой прадед – сын первых переселенцев на Дальний Восток, еще в XIX веке родился в Приморье. Мне повезло – я застал в живых и прадеда, и дедов, мог видеть их дела и слышать их слова. И знаю, что вот это поле из болота и целины создал мой прадед, эту дорогу построил мой дед, а этот дом – другой дед. А мне выпало строить электростанции, горные комбинаты и целые города. Мой отец – подводник – защищал все это в годы “холодной войны”. Дальний Восток – наш дом. Это не кладовка, не резервная пустошь и даже не военная крепость. Наш дом. Именно такое отношение к региону и должно быть заложено при планировании его дальнейшего развития, его судьбы.

Конечно, конкретные планы и нормативная база обустройства Дальнего Востока должны учитывать особенности отдельных территорий. Ведь это огромный по площади регион, почти половина России, по сути дела – целый материк. И к каждому его району требуется особый подход, основанный не только на чисто экономических или технократических интересах, но и учитывающий весь комплекс этнокультурных, экологических, геополитических вопросов.

Уже довольно давно сложилась общепринятая схема экономического районирования Дальнего Востока. Но новые обстоятельства последних лет требуют её уточнения. Это необходимо для выработки выверенных и точных механизмов государственного стимулирования развития как всего Дальнего Востока в целом, так и отдельных его укрупнённых экономических зон.

Так, еще полтора десятка лет назад считалось, что нет никаких предпосылок к увеличению масштабов не то что экономической деятельности, но и самого присутствия человека в дальневосточном секторе Арктики. Фактически были свернуты даже традиционные для нашей страны полярные исследования, в полной стагнации находятся с таким трудом созданные опорные пункты на восточном участке трассы Северного морского пути: Певек, Черский, Тикси и другие. Однако наблюдаемое в новейшее время глобальное потепление и связанная с ним перспектива судоходства по свободному ото льдов Северному Ледовитому океану, доказательства наличия больших запасов нефти и газа на шельфе дальневосточных северных морей коренным образом изменили ситуацию. Интерес к Арктике *проснулся* у многих стран. Даже у тех, которые, казалось бы, вообще никакого отношения к ней не имеют. В этих обстоятельствах мы должны пересмотреть своё отношение к полярной зоне, чтобы защитить свои интересы. По-видимому, настало время принять свод специальных законов по Арктике и отдельную, взаимосвязанную с дальневосточной, но самостоятельную программу действий, которая касалась бы всего российского приполярного региона: и восточной его части, и западной. Она должна предусматривать восстановление инфраструктуры Северного морского пути от Мурманска до Анадыря, воссоздание атомного ледокольного флота, масштабные геологоразведочные работы на шельфах и прилегающих к ним побережьях северных морей, проведение комплексных научных работ по разработке способов сохранения крайне хрупкой арктической природы. Учитывая огромные масштабы работ, которые надо выполнить в Арктике, их стратегический характер, этот регион, по крайней мере, его дальневосточная часть, очевидно, должны быть местом приложения усилий и средств государства.

От границ Арктического региона до 60 градусов северной широты расположена зона, включающая в себя Чукотку, Магаданскую область и почти всю Якутию. Именно этот регион считается в наибольшей степени пострадавшим в ходе “шоковой терапии” начала 1990-х годов. Однако к настоящему времени ситуация здесь относительно стабилизировалась, и основные макроэкономические показатели выглядят лучше, чем у, казалось бы, более благополучных регионов Дальнего Востока, за исключением Сахалина. Понятно, почему: в начальный период реформ именно на Крайнем Севере погибло наибольшее количество предприятий, ликвидировано множество посёлков. Остались только высокоэффективные, расположенные отдельными очагами горнодобывающие предприятия. В связи с ярко выраженной тенденцией возрастания

дефицитности многих видов природных ресурсов и связанным с этим ростом мировых цен на них, прибыльность работы как действующих, так и вновь появившихся высокотехнологичных предприятий только возросла. Очевидно, что, за исключением самого центра Якутии, очаговый характер развития экономики дальневосточного Крайнего Севера в ближайшие десятилетия сохранится. Причем основные инвестиции должны быть привлечены от частного капитала.

В то же время и здесь есть ряд важнейших сфер применения государственных усилий. Во-первых, это масштабные геологоразведочные работы за счёт бюджетных ассигнований на стадии общегеологических и поисковых работ. Это обусловлено тем, что по большинству видов полезных ископаемых сегодня добыча в стране превышает прирост запасов. И именно северо-восток имеет наибольший потенциал новых открытий. Во-вторых, требуется серьёзная поддержка сельского хозяйства дальневосточного Крайнего Севера, которое носит здесь масштабный характер, играет не только важную роль в экономической жизни, но и служит основой для сохранения самобытности коренных этносов. В реформенные годы значительная часть населения была вынуждена покинуть Крайний Север, и, как уже отмечалось, многие населённые пункты были ликвидированы. Тем более возросла роль оставшихся городов и посёлков, которые служат своего рода опорным каркасом, организатором пространства с политической и социальной точки зрения. Поэтому третьим важнейшим направлением государственной политики на Крайнем Севере Дальнего Востока должна быть поддержка и обустройство таких опорных городов.

Пожалуй, наибольшее внимание в последнее время привлекает дальневосточный регион, который в экономической литературе получил название “зона БАМа” и классифицируется как Ближний Север. Он включает Западную и Южную Якутию, северные районы Бурятии, Забайкальского и Хабаровского краёв, Иркутской и Амурской областей. Понятен интерес к этому региону. Здесь сосредоточено такое количество месторождений самых разных полезных ископаемых, что один перечень их займет пару-тройку страниц. Кроме того, здесь есть главное, что делает этот регион доступным, – Байкало-Амурская железная дорога. В то же время одной этой магистрали явно недостаточно. Для реализации многих проектов требуется и строительство подъездных железнодорожных путей, в ряде случаев дорогостоящих, и автодорог, и энергетической инфраструктуры, а иногда – и новых городов и посёлков. Вот здесь-то и требуются отработка и массированное применение разных форм государственно-частного партнёрства, когда инфраструктура создаётся за счёт казны, а промышленные предприятия – за счёт бизнеса. Важно, чтобы и выдача лицензий недропользователям, и сама организация государственно-частного партнёрства были обусловлены обязательствами частных инвесторов создавать не только добывающие мощности, но и предприятия их первичной или вторичной переработки. Тогда зона БАМа послужит мощной тыловой базой для новой индустриализации юга Дальнего Востока.

Вдоль Транссибирской магистрали от Иркутска и до Владивостока простирается юг Дальнего Востока, который имеет наиболее благоприятные в данном регионе природно-климатические и экономико-географические условия. Но по основным макроэкономическим показателям – это самая слабая экономическая зона, именно отсюда происходит и самый большой отток населения. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что здешние предприятия когда-то хорошо развитого обрабатывающего сектора в новых условиях стали неконкурентоспособными из-за повышенных издержек по сравнению с зарубежными и даже отечественными производителями в других регионах. Поэтому в общей структуре экономики всё большую долю занимают торгово-посреднические и транспортные услуги и всё меньшую – производство товаров.

Мнения экономистов относительно перспектив развития юга Дальнего Востока разделились. Многие считают, что прежних позиций уже не восстановить и надо смириться с тем, что есть. Думаю, что это неверное суждение. Ведь в мире нет ничего постоянного – *времена меняются*. Были и такие, когда автомобиль «Москвич» по всем параметрам превосходил любой японский, когда единственным экспортным товаром Южной Кореи были швейные иглы, а в Китае мы закупили только яблоки и тряпичные кеды «Великая стена». А в структуре экспорта Дальнего Востока 30 процентов составляли машины и механизмы. Мы должны вернуться на эти позиции. И вернёмся – *времена меняются*. Нужно только найти правильные инструменты для мобилиза-

ции ещё оставшегося научного, производственного и кадрового потенциала. Для юга Дальнего Востока таким инструментом могли бы стать облегченный налоговый режим в целом, а для обрабатывающих предприятий и сектора высоких технологий – полное освобождение от налогов на 10 лет; создание множества свободных экономических зон разного типа.

Если от отдельных экономических зон перейти к экономике Дальнего Востока в целом как экономике макрорегиона, то, как это ни парадоксально звучит, её просто не существует. Не существует в том смысле, что она не представляет собой основанной на разделении труда и кооперационных связей целостности. Отдельные субъекты Дальнего Востока экономически замкнуты в себе, а если и взаимодействуют, то зачастую в большей степени с дальними регионами, чем со своими соседями. Это обусловлено крайне слабым развитием общей внутридальневосточной инфраструктуры. Отсюда и экономические, и социальные потери, происходящие от недостаточного использования эффектов системы, отсутствия сложения потенциалов. Вот почему задачей особой важности является создание новых транспортных коридоров, соединяющих субъекты Федерации (Камчатка – Магадан, Якутия – Охотское море – Хабаровск, Хабаровск – Находка, Владивосток – Советская Гавань и целый ряд других), объединённой энергосистемы, объединённой системы газопроводов Дальнего Востока.

* * *

Обсуждение механизмов реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона в последние годы ведётся практически непрерывно. Но пока идут эти разговоры, обстановка на Дальнем Востоке остаётся тревожной, а проблемы, как ни странно, не разрешаются сами собой. Продолжается отток населения. Смертность превышает рождаемость. Падает уровень жизни. По сравнению с советским периодом, когда показатели уровня жизни на Дальнем Востоке были выше, чем в среднем по стране, сегодня они на 30 процентов ниже, и это отставание усиливается. Возьмём такой важнейший индикатор, как ввод в строй нового жилья для населения. В 2011 году его на Дальнем Востоке в расчёте на тысячу человек построили ровно вдвое меньше, чем в среднем по России.

И самое тревожное, пожалуй, состоит в том, что, по социологическим опросам, до 40 процентов студентов дальневосточных вузов не видят для себя перспектив профессиональной реализации в своём регионе, и они не намерены оставаться здесь. Когда начинают спрашивать, что вас больше всего не устраивает, главной причиной называют отсутствие возможностей профессионального роста. Они не хотят торговать поддержанными японскими машинами, участвовать в бандитском бизнесе по вылову рыбы, воровать лес и продавать его в Китай, а намерены заниматься чем-то более существенным. Им нужны новые технологии, новые проекты, стройки, заводы. Словом, развитие экономики, в котором они могли бы принимать посильное участие.

В то же время в Центральной России – по социологическим опросам – примерно 30 процентов таких же молодых ребят не исключают для себя возможности поехать на Дальний Восток, если там начнётся реализация каких-то масштабных проектов, где можно будет поработать на благо России, найти свою судьбу, может быть, сделать карьеру.

Словом, как говорил один из героев Джека Лондона, – время не ждёт. Пора уже от дискуссий переходить к делу.

Какими могут быть первоочередные конкретные действия, чтобы дать встряску Дальнему Востоку, привести в движение его экономическую жизнь и на этой основе решить задачи социальные, кадровые, геополитические, выполнить целевые установки Стратегии?

Первое. **Необходимо завершить разработку Государственной программы развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года.** В свое время Правительством России был утверждён порядок разработки государственных программ. Он предусматривал включение в них федеральных целевых программ (ФЦП), касающихся региона, отраслевых и ведомственных, а также программ естественных монополий. Я бы добавил к этому перечень крупных проектов, которые государство считает целесооб-

разным реализовать на условиях государственно-частного партнёрства. Вынужден напоминать об этом по той причине, что он не соблюдался при разработке нашей дальневосточной госпрограммы. Там только упоминается, как о параллельном мире, что в регионе существуют и проекты, например, естественных монополий или частных инвесторов. А должно быть не упоминание, а жёсткая корреляция во времени, пространстве, ресурсах и результатах всех программ между собой: федеральных целевых, отраслевых, региональных, естественных монополий. Почему это важно, можно показать на примере. Вот ОАО “Газпром” реализует в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке Восточную газовую программу, в ходе которой создаются Сахалинский, Якутский и Иркутский центры добычи газа; магистральные газопроводы, по сути, повторяющие нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан; газоперерабатывающие и газо-химические предприятия. По объёму инвестиций, затратам ресурсов, масштабам строительства, социально-экономическим последствиям Восточная газовая программа превосходит суммарные показатели федеральной целевой программы “Дальний Восток и Забайкалье”, действующей уже чуть ли не два десятилетия. Это само по себе требует внимания и федеральных, и региональных, и муниципальных властей. Значит, она должна быть не за кадром, а в центре новой Государственной программы. Ну, а самое главное – чтобы успешно и с пользой для всех реализовать Восточную газовую программу, надо в отраслевых программах предусматривать строительство автомобильных и железных дорог, линий электропередач к газовым центрам. А в федеральной целевой программе предусматривать подготовку кадров для газовой промышленности, развитие социальной сферы именно в точках будущего размещения новых объектов газодобычи и газохимии.

Подсчитано, что в настоящее время Дальнего Востока касаются в той или иной степени более 100 разных программ. Все они должны быть откорректированы, увязаны в пространстве, синхронизированы во времени. Тогда мы получим действительно работающую государственную программу развития Дальнего Востока и Байкальского региона.

Но этого мало. Для того чтобы она заработала, причём неукоснительно, **программа**, по моему убеждению, **должна быть принята федеральным законом**. Это необходимо по двум причинам. Во-первых, её государственное финансирование должно быть защищённой статьёй федерального бюджета. Ведь опыт прошлого свидетельствует, что с 1996 года и по настоящее время действующая ФЦП “Дальний Восток и Забайкалье” профинансирована только на 40 процентов. Нельзя, чтобы это повторилось и с будущей государственной программой. Во-вторых, защищённая законом программа станет чётким ориентиром и сигналом для бизнеса, жителей Дальнего Востока и всей страны. Все должны знать: государство заинтересовано в развитии региона и свою позицию менять не собирается.

После законодательного утверждения её положения станут директивным планом для государственных структур и естественных монополий. Но как быть с бизнесом? Ведь от него, а не от государства ожидается большая часть деловой активности и инвестиций на востоке страны. Для того чтобы стимулировать эту активность и направить на восток поток инвестиций, необходимо сделать второй шаг: **принять федеральный закон “О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Байкальского региона”**.

Именно в нём и надо оговорить особые условия хозяйствования и организации социальной сферы в регионе.

Закон может состоять из нескольких основных разделов.

Первый должен быть посвящён **налоговым льготам для бизнеса**. Существует целый ряд предложений, которые могут быть реализованы на Дальнем Востоке. От самых простых – освобождение всех предприятий от федеральной части налога на прибыль – до достаточно сложных – дифференциации НДС по видам, качеству, географическому положению месторождений. Считаю, что совсем отказываться от этого налога, как предлагают некоторые разработчики закона, нельзя. Ведь безвозвратно изымаются принадлежащие всему народу ресурсы. Значит, надо установить разумную налоговую шкалу. Сегодня налог берётся по единой шкале на определённые виды полезных ископаемых по всей стране. Из-за этого многим не выгодно заниматься добычей ресурсов именно на Дальнем Востоке. Поэтому НДС надо дифференцировать. Вопрос этот чрезвычайно сложный, но решаемый. Подобный опыт

в стране уже есть: например, в Якутии дифференциация этого налога в отношении золотодобычи применялась в начале 1990-х годов.

В ходе разработки закона необходимо выбрать лучшие из всего арсенала предложений. Но хотел бы остановиться на одном крайне интересном, на мой взгляд, предложении. Речь идет о том, чтобы зафиксировать общий объем налоговых поступлений в федеральный бюджет от всех юридических лиц и жителей Дальнего Востока на определенную дату. Затем весь прирост к этому объему направлять на протяжении нескольких лет в специальный инвестиционный фонд Дальнего Востока и Байкальского региона. Конечно, вопрос это непростой как с точки зрения администрирования поступлений в фонд, так и с точки зрения порядка трат из него. Но возможно, следует всё же провести этот эксперимент.

Во втором разделе закона предлагается описать особый порядок организации свободных экономических зон в восточных районах страны. Субъекты федерации Дальнего Востока и Байкальского региона в последние годы участвовали в десятках проводимых федеральными властями конкурсов на создание таких зон. И везде потерпели поражения из-за неконкурентоспособности их проектов в сравнении с предложениями других регионов. Но ведь если отойти от формальной логики, то свободные экономические зоны, по сути дела, как раз и являются инструментом повышения конкурентоспособности и должны, в первую очередь, создаваться именно в отстающих регионах. Поэтому предлагается узаконить их организацию на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе в особом порядке. Без конкурсов, решением Правительства России, рассмотревшего инициативу того или иного субъекта Федерации и одобдившего её. Целесообразно будет расширить перечень видов деятельности, которые могут осуществляться в свободных зонах. При этом было бы полезно передать управление деятельностью свободных экономических зон вновь созданному Минвостока России, сохранив существующий порядок контроля со стороны федеральных структур.

Третий раздел закона должен описывать разнообразные формы государственно-частного партнёрства при реализации инвестиционных проектов в регионе: концессии, отложенные налоговые платежи, возврат частным инвесторам вложенных в инфраструктурные проекты средств за счёт роста налоговых поступлений и другие. Например, предприниматель берется построить завод. Но без автомобильной дороги к нему предприятие не сможет работать нормально. У государства – в лице субъекта Федерации – на это денег нет. И у бизнесмена, если ему придется платить все налоги, их не хватит. Тогда заключается соглашение о партнёрстве. Предприниматель строит завод и дорогу, но первое время налоги не платит вообще. Когда завод построен и пошла продукция, он начинает налоги платить. Как только набирается сумма, которая была потрачена на строительство дороги, средства возвращаются бизнесмену, а дорога переходит в собственность Федерации или субъекта Федерации.

Необходимо закрепить законодательно возможность участия в качестве сторон концессионных соглашений нескольких субъектов Федерации и муниципалитетов одновременно.

Требуют своего законодательного решения и вопросы более рациональной организации инвестиционных и производственных процессов. Прежде всего, речь идёт об упрощении всевозможных разрешительных и управленческих процедур. Здесь возможным было бы распространение соответствующих режимов и регламентов, применяемых в Сколковском проекте, на олимпийских стройках в Сочи и при подготовке к саммиту АТЭС во Владивостоке, на весь дальневосточный регион. Думаю, что надо было бы законодательно закрепить и приоритетное право дальневосточных предприятий на участие в работах по государственными заказам на Дальнем Востоке. Сразу же некоторые скажут, что это не рыночная мера. Но ведь смотрите, что получается. Многие из посещавших Владивосток во время подготовки к проведению саммита АТЭС отмечали с удивлением, что развернуты колоссальные работы по многим объектам в интересах города, а горожане недовольны. А с чего бы им быть довольными, когда львиную долю работ выполняли приезжие, в основном – московские фирмы, с тотальным использованием гастарбайтеров? Выходит, что возможности поработать, получить зарплату и прибыль на своих же объектах приморцы не имели. Но дело не только в этом. С психологической,

нравственной точки зрения для них и сам саммит, и все заботы о нём были чужими. А ведь с каким энтузиазмом жители города в своё время относились к плану 1960-х годов «Большой Владивосток». Потому что, хотя решение по нему принимала Москва, однако выполняли его приморцы. Для них он стал своим, близким каждому делом.

Для Дальнего Востока и Забайкалья одной из актуальнейших проблем является высокий, можно даже сказать запредельный уровень энергетических и транспортных тарифов. Эта проблема должна решаться комплексно. Специальный раздел, посвященный техническим и технологическим мероприятиям и энергосбережению должен быть в Госпрограмме развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Но и во втором – социально-экономическом законе – обойтись без этого нельзя. Поэтому **четвертый раздел – о тарифной политике**. Представляется необходимым законодательно закрепить некоторые новые подходы к установлению тарифов. Для генерирующих электростанций надо ввести такое понятие, как цена производства. Это политэкономический термин. Когда у вас один продавец, рынок не действует. Под разными предложениями монополист может поднимать цену до одного ему известных пределов. Значит, для него надо установить цену административным путём. Критерий величины тарифов – цена производства в политэкономическом смысле: общественно необходимые затраты плюс средняя по народному хозяйству норма прибыли. Тогда невозможно будет в стоимости киловатта энергии спрятать покупку яхт по цене боевого корабля или футбольного клуба. Кроме того будут созданы условия для нормальных межотраслевых переливов капитала. Необходимо изменить подходы к тарифам и на передачу электроэнергии. В Советском Союзе был усредненный тариф, одинаковый для всей страны. Сейчас тарифы везде разные. Если установить единый тариф, то в Центральной России он повысится на полпроцента, а на Дальнем Востоке снизится вдвое.

Требуется тщательный анализ и новые решения в ценообразовании на продукцию и услуги и других инфраструктурных отраслей.

Наконец, особый, **пятый раздел закона должен быть посвящён социальной проблематике**. Пожалуй, именно по этим вопросам есть наибольшее количество разнообразных предложений, направленных на привлечение и закрепление кадров, создание привлекательного образа жизни для людей. Здесь и совершенствование системы материнского капитала, и развитие разных схем жилищного строительства, и государственно-частное партнерство в социальной сфере, и восстановление в полном объёме существовавших ранее для северян и дальневосточников льгот и компенсаций.

Таким образом, закон «О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Байкальского региона» должен способствовать притоку капитала, стимулировать деловую активность, создать условия для повышения привлекательности жизни на Дальнем Востоке.

Есть и ещё одно предложение, пожалуй, самое неоднозначное и дискуссионное. Речь идёт **о создании специальной государственной корпорации развития Дальнего Востока**. В этом вопросе обычно на первый план выходит чисто управленческий аспект, рассматривается альтернатива: специальное министерство или специальная корпорация. Казалось бы, вопрос решён в пользу первого, и обсуждать больше нечего. Но надо учитывать, что в качестве инструмента экономического развития предполагается использовать в широких масштабах схемы государственно-частного партнёрства. Со стороны государства в этом партнёрстве должна быть юридически ответственная структура. Министерство в таком качестве выступить не имеет возможности хотя бы потому, что является органом государственного управления и не может выступать в качестве коммерческого партнёра. Поэтому, возможно, следует вернуться к вопросу создания, наряду с министерством, и подконтрольной ему госкорпорации.

Безусловно, она не может быть создана в том виде, как было изложено в известном предложении Сергея Шойгу. В его варианте госкорпорация во многих вопросах экономики, природопользования, распоряжения землёй заменяла собой федеральные и региональные органы власти и муниципалитеты, являясь, по сути дела, неким аналогом существовавшего на северо-востоке страны в 1930–1950 годы Дальстроя. Это вызвало крайне негативную, можно сказать, даже болезненную реакцию специалистов и особенно местных властей.

В новом варианте предлагается кардинально изменить функции и существенно сократить поле деятельности госкорпорации. Она должна выступать

только в качестве государственной стороны в крупных инвестиционных проектах, которые планируется осуществлять на принципах государственно-частного партнёрства. К числу таких проектов можно отнести, например, освоение зоны БАМа, комплексное развитие Южной Якутии, создание нового горно-металлургического кластера на базе месторождений Яно-Колымской рудной провинции.

Учитывая масштабы и специфику деятельности госкорпорации развития Дальнего Востока и Байкальского региона, процедуры её создания и принципы работы должны быть описаны специальным федеральным законом.

Таким образом, три предлагаемых к принятию взаимосвязанных между собой федеральных закона составят своеобразный дальневосточный кодекс, который и станет механизмом реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года.

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

ВОЗМОЖНА ЛИ “ЗЕЛЁНАЯ” РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ?

Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания.

Жан Батист Ламарк

На протяжении всей истории человечества покорение сил природы считалось самым важным делом. Но в последние десятилетия появилась и другая задача. Влияние экономической деятельности людей на окружающую среду стало пагубным и даже угрожающим существованию цивилизации.

О необходимости охраны природы немало говорили ещё в Советском Союзе. Хотя наша пропаганда несколько преувеличивала достижения в этой области, на каком-то этапе мы действительно оказались в числе мировых лидеров развития альтернативной энергетики. В системе плановых органов и министерств существовали специальные *экологические* отделы. Конечно, интересы ведомств и предприятий зачастую брали верх и наряду с природоохранными акциями появлялись и сомнительные проекты. Но это, как правило, не оставалось без реакции со стороны общественности. Немалую лепту в благородное дело спасения природы внесли такие выдающиеся и мужественные писатели, как В. Распутин, упорно боровшийся за сохранение богатств Сибири и чистоту её жемчужины – Байкала, С. Залыгин, В. Белов, выступавшие против чреватого негативными последствиями поворота рек Севера на Юг.

Упреки Запад в пренебрежении проблемами экологии, зарубежные корреспонденты советских СМИ нередко давали репортажи о “хищнической эксплуатации” недр земли, скоплении опасных отходов *капиталистического* производства, невыносимом смоге в мегаполисах. По правде говоря, бывая в те годы в Париже, Нью-Йорке, Монреале и Токио, я не находил тамшний воздух хуже московского. Но это не значит, что с экологией на чужбине все обстояло благополучно. Это далеко не так.

И мирный атом оказался не столь безопасен. В конце марта 1979 года в США в штате Пенсильвания на АЭС Три-Майл-Айленд произошла крупнейшая в истории мировой ядерной энергетики авария, в ходе которой была серьёзно повреждена активная зона реактора, а часть ядерного топлива расплавилась. Через семь лет произошла трагедия в Чернобыле, а весной про-

шлого года сильнейшее землетрясение и цунами привели к новой трагедии – уже в Японии, на АЭС в Фукусиме.

Под давлением снизу

Ухудшение среды обитания вызывало растущее недовольство самых широких слоев населения. В 70–80-х годах прошлого века в Западной Европе и США возникло общественное движение, ставившее главной своей целью сохранение природы. Оно крепло, постепенно добиваясь политических успехов. На выборах в Европарламент 1989 года партии *зеленых* получили необычайно высокие результаты. Отделения американского Гринпис опоясывали весь земной шар. Именно под давлением снизу *зеленая* тема стала столь популярной у руководства и международных организаций, и государственных деятелей.

На заре истории человечества соотношение сил между природой и человеком было явно не в его пользу. Охотиться на мамонтов нельзя было в одиночку. Чтобы совладать со стихией и добыть хлеб насущный, люди объединялись в общины. Но теперь объединяющим фактором стало возросшее и чреватое опасностями влияние на природу людей, число которых на земном шаре уже перевалило за 7 миллиардов.

Выбросы в атмосферу достигают с каждым годом все больших масштабов, вызывая парниковый эффект и нарушая экологическое равновесие. В Арктике, Антарктиде и других местах образуются огромные озоновые дыры, пропускающие солнечную радиацию к поверхности Земли и провоцирующие у людей рост числа раковых заболеваний кожи. От повышенного уровня излучения страдают не только люди, но и животные и растения.

По логике вещей, защищать население от экологического коллапса должно государство. Но в глобализованном мире одного этого явно недостаточно. Очевидно, требуется эффективный регулятор производственной деятельности в мировом масштабе.

В общественной науке столь мощные сдвиги и растущие угрозы экологической безопасности не могли остаться незамеченными. В политэкономической литературе в настоящее время распространен термин *зеленая экономика*, означающий переориентацию хозяйственной деятельности в направлении, снижающем экологические риски.

Неутешительные итоги

Непродуманные, скоропалительные реформы 1990-х, приведшие к развалу СССР и российской экономики, отбросили вопросы охраны окружающей среды далеко назад. Долгое время в этом направлении не происходило никаких сдвигов. Да и сейчас предпринимаются лишь отдельные попытки наверстать упущенные возможности.

Крупнейшие госпредприятия по добыче природных богатств за бесценок перекочевали в руки олигархов: “Норильский никель” оказался у В. Потанина, “Полюс Золото” – у М. Прохорова, “Русал” – у О. Дерипаски и В. Вексельберга, “Металлоинвест” – у А. Усманова, “Северсталь” – у А. Мордашова, “Новолипецкий металлургический комбинат” (НЛМК) – у В. Лисина, “Евраз Групп” и “Нижнетагильский металлургический комбинат” у А. Абрамова и Р. Абрамовича.

Деятельность этих компаний наносит серьёзный ущерб состоянию окружающей среды, причиняя тяжкий вред здоровью людей, проживающих в близлежащих городах и поселках. Поистине: *люди гибнут за металл*.

Первичная переработка руды во всем мире считается самым грязным производством. Западные корпорации стараются выводить её в другие страны, поскольку их хозяевам кажется, что там не так велика цена человеческой жизни, гражданско-правовая и уголовная ответственность за нарушение законодательства по защите природы. Теперь в числе таких стран оказалась и Россия. Новые хозяева горнодобывающих и металлургических компаний стали услужливыми пособниками превращения отечественной экономики в сырьевой придаток стран “золотого миллиарда”. Украденная у народа ответственность приносит нуворишам ежегодно миллиарды долларов прибыли.

Но они тратятся не на модернизацию производства или охрану окружающей среды, а на яхты, дворцы и бриллианты. Несколько лет назад учёные США провели исследование и определили рейтинг городов мира по смогу. Норильск занял “почётное” 8-е место.

Немалую тревогу с точки зрения экологии вызывает физический износ оборудования на предприятиях нашего топливно-энергетического комплекса, достигающий 60%. В нефтегазовом блоке (добыча, транспортировка и хранение нефти и нефтепродуктов) он и того больше – 70–80%. Тотальный износ производственных и коммунальных мощностей чреват техногенными катастрофами. Без вторичной переработки остается 90% отходов производства.

Практически во всех регионах страны сохраняется тенденция к ухудшению состояния земель. Интенсивно прогрессирует эрозия, происходит заболачивание, опустынивание, засаливание земель и другие разрушительные процессы, ведущие к потере плодородия сельскохозяйственных угодий и выводу их из хозяйственного оборота. Естественно, что это приводит к существенному недобору урожаев.

Пятая часть объема поданной в сеть воды теряется в системах централизованного водоснабжения из-за их неудовлетворительного технического состояния. В реки и озера предприятиями сбрасывается огромное количество неочищенных сточных вод.

Хотя российские недра содержат значительную часть мировых запасов углеводородов, велика вероятность исчерпать все разведанные их запасы в ближайшие 20–30 лет. Несколько лучше обстоит дело с природным газом, запасов которого хватит еще лет на 60–70.

В подготовленном недавно докладе ПРООН (Программа развития ООН) экономический рост России был оценен с учетом динамики благосостояния людей. Принималась во внимание сопутствующая росту нашего ВВП деградация окружающей среды. Авторы доклада использовали показатель, называемый “скорректированными чистыми накоплениями”. Он был разработан как альтернативный инструмент измерения благополучия общества: полученный доход корректируется, исходя из степени истощения природных ресурсов.

Результаты оказались весьма неутешительными. Если, скажем, в предкризисном 2007 году официальный ВВП в России вырос на 7,4%, то “скорректированные чистые накопления” упали на 13,8%. Эксперты ООН пришли к выводу, что с точки зрения реального благосостояния, учитывающего качество среды обитания, нынешняя сырьевая модель экономики России приносит её населению куда больше неприятностей, чем благ.

За последнюю четверть века 60% флоры и фауны планеты, составляющих так называемый природный капитал, были уничтожены. Это обусловлено тем, что человечество не давало возможности природным запасам восстанавливаться, позволяя экосистемам деградировать, а отдельным видам – исчезать бесследно с лица Земли. Используемые сегодня в сельском хозяйстве технологии являются причиной 3–5 миллионов случаев отравления пестицидами и более 40 тыс. смертей в год. На долю энергетического сектора приходится две трети от количества выбросов в атмосферу парниковых газов. Для изменения этой ситуации требуются масштабные инвестиции в чистые технологии, а также повышение эффективности использования энергии.

Между тем потенциал возобновляемых источников энергии (ВИЭ) поистине огромен. Солнце ежедневно посылает на землю в 20 раз больше энергии, чем человечество использует за год. Возможности рек, морей и ветра, а также земных недр не меньше.

20–22 июня 2012 года в Рио-де-Жанейро состоялась рекордная по числу участников конференция ООН “Рио+20”, где обсуждались проблемы охраны окружающей среды и изменения климата. Она была приурочена к 20-й годовщине первого исторического “Саммита Земли”, проходившего там же. На этот раз в Евразию съехались более 45 тысяч человек, из них 12 тысяч официальных делегатов, более 100 глав государств и правительств, не считая многих тысяч наблюдателей и журналистов. Столь масштабное мероприятие, к сожалению, разочаровало всеми результатами. Финальный документ – “То будущее, которого мы хотим” – грешит расплывчатыми формулировками, в нём плохо прописаны обязательства по большинству пунктов, требующих международных договорённостей, в том числе по определению дорожной карты перехода к *зелёной экономике*. Камнем преткновения стало отсутствие согла-

шений по вопросу приемлемой для всех новой экономической модели, ориентированной не на рост ВВП, а учитывающий экологические и социальные факторы в качестве равнозначных показателей развития экономики.

Прогнозы показывают, что при нынешних способах производства и потребления к 2050 году мир может лишиться ещё двух третей флоры и фауны, а сохранность природы будет необратимо нарушена на площади, сопоставимой с территорией Австралии.

Пресная вода тоже становится дефицитным ресурсом. Её нехватка будет усиливаться, и через 20 лет её запасы смогут удовлетворять лишь 60% мировых потребностей. До сих пор так и не удалось уменьшить вырубку лесов, площадь которых ежегодно уменьшается на 13 миллионов гектаров. Словом, нашей цивилизации, а России – особенно, ещё далеко до *зелёной революции*.

Призрак бродит по Европе...

И всё же её призрак уже бродит по Европе, и не только по ней.

В Старом Свете можно уже невооруженным глазом наблюдать сооружения альтернативной энергетики. Земли Германии, Испании, Франции, Италии, Голландии, Дании, Англии и других стран усеяны напоминающими средневековые мельницы ветряными генераторами, производящими электричество без ущерба для окружающей среды. Панели солнечных батарей сверкают на крышах домов и на равнинах. Доля возобновляемых источников энергии во всей произведенной энергии на континенте приближается к 20%, а кое-где и превышает этот показатель.

Германия стала одним из мировых лидеров на рынке *зелёных технологий*. Благодаря их развитию она за последние двадцать лет снизила уровень эмиссии парниковых газов на 25%. Из ВИЭ немцы получают свыше 20% необходимого электричества. В Германии установлено примерно столько же солнечных станций, сколько во всех остальных странах мира, вместе взятых. Прежде эта страна славилась ядерной энергетикой, но после аварии на Фукусиме правительство Германии приняло решение полностью отказаться от АЭС. Восемь станций уже закрыто, а остальные девять прекратят свою деятельность в течение десяти лет.

Немцы ускоренно продвигаются в области разработок и производства электромобилей. Вскоре начнётся их массовый выпуск и оснащение заправочных станций для подзарядки аккумуляторов. В соответствии с планами развития по дорогам Германии в 2030 году будет ездить 6 млн электромобилей.

По объёмам переработки отходов и использования их в качестве вторичного сырья Германия также не имеет себе равных. Первый закон о ликвидации отходов был принят в 1972 году. Почти в каждом населённом пункте тогда существовали мусорные свалки – всего около 50 тысяч. Теперь их всего 160. Отрасль вторичных ресурсов превратилась в крупнейшего поставщика сырья для национальной экономики. За счёт неё обеспечивается около 15% потребностей промышленности. Это не только повышает экологическую безопасность, но и позволяет ежегодно экономить не менее 7 млрд евро. Германия успешно торгует всем спектром современного оборудования, необходимого для организации управления отходами: она заполняет 2/3 мирового рынка автоматизированных систем сортировки мусора.

Ветроэнергетика Испании развивается стремительными темпами. И не столько благодаря высокой скорости местных ветров, сколько вследствие поддержки государства. Ей не уступает солнечная энергетика. Испания считается привлекательным местом для строительства солнечных установок из-за имеющихся там свободных площадей и 300 солнечных дней в году. Но главное – проведение правительством этой страны активной поощрительной политики в области развития гелиоэнергетики. Значительный вклад в её развитие внесла госкомпания *Plataforma Solar de Almeria (PSA)*, которая, как и все другие, за каждый произведённый на солнечных установках киловатт-час энергии получает от правительства Испании субсидию в 0,21 евро. В итоге возобновляемая энергия обеспечивает 30% общего количества потребляемого электричества в стране.

Пристальное внимание уделяется *зелёной экономике* и в Италии. В альтернативные технологии инвестируют четверть всех компаний страны – около

370 тыс. В последние годы оборот *зелёной* индустрии здесь вырос почти на 35%, что выше средних показателей по Европе. В основе развития этого направления лежит государственное субсидирование, от которого во многом зависит активность итальянских предприятий по внедрению энергосберегающих и экологических технологий.

В целях оказания помощи британским компаниям в сокращении вредных выбросов в атмосферу правительство тори учредило специальный трастовый фонд, который предоставляет им беспроцентные кредиты для внедрения низкоуглеродных технологий и повышения энергоэффективности. Практикуется и предоставление налоговых льгот предприятиям, использующим технологии, основанные на чистом топливе. С этого года в Англии начал функционировать *зелёный* инвестиционный банк, созданный по принципу частно-государственного партнёрства.

В Швеции в создание мусороперерабатывающих заводов вложены миллиарды крон. Теперь в стране уже не хватает мусора, чтобы загрузить все мощности (2 млн т в год). Поэтому бытовые отходы начинают привозить и из соседней Норвегии – та ещё и приплачивает за это. Переработкой мусора Швеция занялась 70 лет назад и сейчас до свалки там доходит только 4% бытовых отходов. За счёт этого источника страна, не имеющая ни нефти, ни газа, обеспечивает себя теплом на 20%. А в Стокгольме выработанное на сжигании мусора тепло покрывает 45% потребностей городских служб. Из ила, полученного в процессе чистки канализационных стоков, в Швеции производят биогаз – другое, не менее ценное сырьё для получения энергии. В настоящее время большая часть электроэнергии в скандинавском государстве производится из ВИЭ.

В Дании доля возобновляемой энергетики в общей структуре потребления достигает 50%. Её основные составляющие: сжигание отходов, солнечные батареи, биотопливо и ветряки.

Во многих европейских государствах правительство закупает излишки электроэнергии у сотен тысяч частных, использующих ветроэнергетические установки и другие технические новинки в этой области, а затем само поставляет её в сеть. Это способствует росту количества установленного оборудования для новой энергетики, расширяет пространство зелёной экономики.

Кроме того, в Европе действует специальный зелёный тариф для потребителя, который у себя дома во время ежемесячного платежа может определить, что, например, за 20 из 100 киловатт потреблённой энергии он хочет добровольно заплатить по более высокой ставке, достаточной для того, чтобы эти 20 киловатт производились ВИЭ. И четверть потребителей часть своего платежа формируют по такому специальному тарифу. Это, конечно, говорит о высоком уровне сознания европейцев. Но такой фактор не заработал бы без пропагандистских усилий со стороны государства. Разъяснением важности альтернативной энергетики занимаются в детских садах, школах и вузах. Эта тема не сходит с экранов телевизоров и занимает важное место в публичных политических дискуссиях и выступлениях руководителей страны.

Годовой оборот экоиндустрии стран Евросоюза составляет более 300 млрд евро (2,5% ВВП), в этой сфере непосредственно заняты около трёх с половиной миллионов человек (1,5% из всех трудоустроенных). Четверть всех инвестиций – это инвестиции в чистые технологии. Стратегия ЕС до 2020 года предусматривает интеграцию элементов зелёной экономики в программы по развитию экономики и занятости населения. В более отдалённой перспективе предстоит переход к конкурентоспособной низкоуглеродной экономике. Если инвестиции в европейскую энергетику составляют 350 млрд долл., то из них на ВИЭ приходилось 155 млрд долл. В последние годы наблюдался среднегодовой рост на 50%. Рынок так называемых экотоваров и услуг к 2020 году вырастет здесь почти в три раза.

Спрос на качественную природную инфраструктуру растёт. Зелёная волна уже захлестнула потребительскую культуру. В супермаркетах стран Евросоюза теперь сканируют углеродные штрихкоды, информирующие, к примеру, о том, что при производстве покупаемой упаковки чипсов выбрасывается 75 г углекислого газа. Новые требования к регулированию производства, торговли и потребления на государственном и надгосударственном уровнях порождают в Европе и новые ветви экономики. Их рост обгоняет рост традици-

онных секторов экономики, и его уже называют зелёным бумом, сравнимым с бумом информационных технологий.

Особая роль государства

Как мы видим, для успешного развития зелёного вектора экономики, в первую очередь, необходима инициатива государства. Это подтверждается и опытом других стран, и развитием отраслей, снижающих экологические риски. Перенесёмся в крупнейшую и быстро растущую страну Латинской Америки – Бразилию, которую теперь не без оснований называют “биотопливной Саудовской Аравией”.

В основе заменителя бензина – этанола – спирт, вырабатываемый из сахарного тростника. Парк автомобилей, рассчитанных на использование этанола, приближается к 10 млн, и в скором времени планируется его удвоить. Три четверти новых автомобилей в Бразилии ездят на таком топливе. Государство выделяет около 40% тростниковых плантаций для этих целей. Литр этанола на заправках по сравнению с бензином обходится потребителю на 40% дешевле. Кроме того, биотопливо сокращает выброс в атмосферу парниковых газов на 30–50%.

К эксперименту с этанолом подтолкнули давние события 1973 года, когда арабские страны-экспортёры нефти ввели эмбарго на поставку “чёрного золота”, в результате чего цена на него подскочила в 3 раза. К тому же мировая конъюнктура негативно отразилась на стоимости сахара – одном из основных экспортных товаров страны. Тогдашние власти Бразилии приняли *соломоново решение*, запустив национальный проект *Pro Alcohol*, убивающий сразу двух зайцев. Чтобы поощрить инициативу предпринимателей, государство предоставляло дешёвые кредиты компаниям, строящим предприятия по производству спирта, и одновременно с этим подняло налоги на бензин.

Благодаря такому комплексному вмешательству государства производство этанола за считанные годы возросло в 5 раз. Затем правительство Бразилии подписало с крупнейшими мировыми производителями автомобилем соглашение, в рамках которого те были обязаны собирать в Бразилии модели машин, использующие в качестве топлива спирт. Параллельно шла масштабная рекламная кампания: чиновники, политики, звёзды футбола, автогонки и шоу-бизнеса публично пересаживались на *спиртовые* автомобили. В дальнейшем, в зависимости от колебаний цен на мировом рынке на нефтепродукты и сахар, власти Бразилии регулировали соотношение продаваемой на АЗС смеси из бензина и этанола, появились и машины, работающие на смешанном топливе.

Бразилия вывозит спирт в США, Индию и Японию. А рынок этот в ближайшее время ждёт бум: за последние годы законы, ставящие своей целью поощрить перевод автомобилей на спирт, приняли Южная Корея, Филиппины, Швеция, Мадагаскар и ряд других стран.

В Азии в сфере альтернативной энергетики лидируют Китай и Индия. Смешанные модели экономики этих стран предполагают планирование и активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь, формирование промышленной политики. По производству оборудования для ветровой и солнечной энергетики оба государства уже выдвинулись на передовые позиции.

Больше всех в эту сферу инвестирует Китай, ставший с 2010 года рекордсменом по выпуску товаров, произведённых по чистым технологиям. Законодательство страны стимулирует такое развитие. Согласно программе долгосрочного развития энергетики Поднебесной доля ВИЭ к 2020 году установлена на уровне 15%. В результате подобных структурных сдвигов энергоёмкость ВВП Китая существенно снижается. По XII пятилетнему плану развития страны она должна уменьшиться на 30%. За текущую пятилетку правительство КНР намерено инвестировать 468 млрд долл. в *зелёные* сектора экономики против 211 млрд долл. за предыдущую пятилетку. Главные направления: переработка и повторное использование отходов, чистые технологии, возобновляемая энергетика. Ожидается, что при таком объёме государственных инвестиций индустрия защиты окружающей среды КНР будет стабильно расти в среднем на 15–20% в год. Объём её выпуска достигнет в конце текущей пятилетки 743 млрд долл. против 166 млрд долл. в 2010 году. Мультипликационный эф-

фект у этого растущего сектора, по оценкам специалистов, в 8–10 раз больше, чем у других секторов промышленности.

Пример в стимулировании экологически чистой экономики подает Южная Корея, которая стала единственным пока государством в мире, избравшим *зелёный рост* в качестве национальной стратегии развития. По данным ОЭСР, южнокорейские инвестиции в этой области составляют уже около 10 миллиардов евро. Они идут на разработку *зелёных* видов транспорта, альтернативных источников пресной воды, технологий переработки отходов. Ещё 19,3 миллиарда евро были потрачены на предоставление займов и сокращение налогов для бизнеса, занятого развитием парков, озеленением населённых пунктов, обустройством берегов рек в городах страны.

Получается, что особый успех в развитии *зелёного вектора* выпадает на долю тех стран со смешанной экономикой, где активна роль государства и сосуществуют рыночное и плановое хозяйство. Без **мощной поддержки** со стороны государства *зелёная экономика*, в отличие от народной “дубинушки”, сама никак не пойдёт. А там, где правят бал либералы и олигархи (как, например, в нашей стране), дело застопоривается, не сдвигаясь с мёртвой точки.

Два процента

Нынешние масштабы мировой *зелёной экономики* весьма скромны: стоимость производимой продукции и услуг оценивается в 2 трлн долл., или 2,7% мирового ВВП, занятость – порядка 10 млн человек. При этом её география весьма неравномерна. Что же требуется для распространения её по всей Земле?

Существует программа ООН по охране окружающей среды – ЮНЕП. Её разработчики опубликовали “Обобщающий доклад для представителей властных структур”, в котором представили, каким образом инвестирование двух процентов ВВП (сегодня, в среднем, 1,3 трлн долл. в год) в десять главных секторов экономики может инициировать переход к *зелёной экономике*.

Этот транзит включает в себя и развитие экологического туризма, и технологий, позволяющих решать, в частности, транспортные проблемы, создание новых отраслей производства, в том числе мультимедийных форм развлечений, которые приносят доходы, создают рабочие места и рынки без ущерба для окружающей среды. Например, Голливуд и прочие киноконцерны, переходя на компьютерную графику, стали меньше загрязнять окружающую среду, поскольку избавились от необходимости крушить на съёмках автомобили, взрывать тонны горючего и разрушать дома.

На пути к зелёной экономике

Процесс, как говаривал М. С. Горбачев, пошёл и в других странах.

В США снижение зависимости экономики от поставок углеводородов считается важным элементом усиления национальной безопасности и одним из приоритетов политики администрации Б. Обамы. Создание новых рабочих мест за счёт развития *чистой экономики* в условиях высокого уровня безработицы крайне важно для США. В соответствии с принятыми законами министерству энергетики выделено около 17 млрд долл. на проекты и программы в области повышения энергоэффективности производства. Количество рабочих мест, созданных *зелёной экономикой*, здесь уже превышает число занятых в области производства энергоносителей минерального происхождения.

Власти США уделяют немало внимания созданию благоприятного инвестиционного климата для *зелёной экономики*, содействуют разработке передовых технологий в этой области и поддержке инициатив на местном уровне. Конгресс США готовит законодательство об учреждении новых научно-исследовательских центров в этой области. Планируется, что производство *зелёной энергии* к 2020 году увеличится в США в 20 раз.

Инвестиции в повышающие энергоэффективность производства технологии уже приносят прибыль. По данным консалтинговой компании McKinsey, только за счёт использования этих технологий в строительстве экономика США сократит потребление энергии к 2020 году на 23% и сэкономит 1,2 трлн долл.

Затраты на производство киловатта возобновляемой энергии (без учёта субсидий и механизмов поддержки) в среднем уменьшились за последние три года на 10%, а в солнечной энергетике значительно больше. По мере восстановления мировой экономики цены на нефть и газ возвращаются к прежним уровням, а издержки в производстве чистой энергии сокращаются.

В Канаде с целью создания дополнительных рабочих мест и ликвидации угольных генераторов провинция Онтарио начала разрабатывать в октябре 2009 года специальную программу стимулирования производителей возобновляемой энергии. По этой программе провинция Онтарио может субсидировать операторов электроэнергии, которые используют ВИЭ. Цель – увеличить долю ВИЭ в Онтарио до 37% к 2050 году. Для этого необходимо, чтобы большая часть такого оборудования была произведена на месте.

“Программа Онтарио” привлекает производителей для учреждения компаний и ведения бизнеса в этой провинции. Многие производители оборудования в Европе, США и других частях Канады уже обратили внимание на благоприятные предложения и намерены открыть там свои заводы, чтобы воспользоваться ожидаемым здесь потребительским бумом.

Но, как говорится, не бывает роз без шипов: переход к зелёной экономике встречает на своем пути и немало препятствий. Озабоченность активно выражают некоторые развивающиеся страны, опасющиеся в связи с этим создания новых торговых барьеров и снижения конкурентоспособности своих товаров. Кроме того, многочисленные меры, принятые для перехода к зелёной экономике, могут не соответствовать правилам ВТО и вызывать споры не только между развитыми и развивающимися государствами, но и между развитыми странами.

К примеру, Япония уже обратилась в ВТО с жалобой на “Программу Онтарио”, якобы практикующую зелёный протекционизм и ущемляющую коммерческие интересы производителей солнечных батарей и других чистых технологий Страны восходящего солнца.

Коррекция модели

На мировом фоне зелёная революция в России, мягко говоря, происходит замедленными темпами. Альтернативная энергетика очень уж неспешно встраивается в наш бизнес. В настоящее время на зелёную энергетику приходится менее 1% всей произведенной в стране энергии. Такую же долю от общего объёма ВВП составляют и затраты на охрану окружающей среды. Кроме того, половина энергии в России вырабатывается напрасно и расходуется нерационально, *обогревая небо*. По данным аналитиков Всемирного банка, Россия входит в число десяти стран с самым энергоёмким ВВП – в 3–4 раза превышая показатели передовых государств. В её экономике отсутствуют и механизмы, побуждающие к переработке и утилизации отходов с последующим использованием получаемой от этих процессов энергии. Из миллиона всех российских предприятий за вредные выбросы и сбросы отвечает только десятая их часть.

Отечественная экономика окрашена в *коричнево-голубые* тона: она прочно привязана к нефти и газу и не желает пока разворачиваться в иную сторону. Наблюдается заметное её отставание не только от Европы и США, но и от других стран группы БРИКС по затратам на НИОКР в сфере возобновляемой энергетики и энергоэффективности производства.

Между тем Россия обладает огромными ресурсами для перехода к зелёной экономике. По оценкам Всемирного банка, доля природного капитала в структуре национального богатства России составляет около 70%, на человеческий капитал приходится 20% и на физический (произведенный, искусственно созданный) – 10% богатства. В развитых странах дело обстоит принципиально иначе. На природный капитал там приходится всего около 5%, на человеческий и физический – соответственно 85% и 10%.

Недра нашей страны содержат значительную долю мировых запасов и практически все виды полезных ископаемых. Гигантские запасы пресной воды, лесных ресурсов, нетронутые хозяйственной деятельностью экосистемы, огромное биоразнообразие составляют весомую часть природного капитала России и оказывают глобальные экосистемные услуги, поддерживая устойчивость биосферы Земли. Наши ресурсы можно считать природной кладовой для развития всей мировой экономики. Но неразумное вовлечение их в экономический оборот может негативно сказаться на глобальном экономическом балансе.

В числе препятствий для *зелёной революции* называют непостоянство в наших условиях таких источников энергии, как ветер и Солнце. Что ж, это верно. Но главная причина кроется в **рыночном фундаментализме**, определяющем курс экономической политики нашего правительства. Даже неукоснительно либеральная газета “Ведомости” в редакционной статье от 1.11.2012 года, объясняя, почему Россия остается “спящим *зелёным гигантом*” на карте мира, а компании не вкладывают средства в повышение энергоэффективности производства, пишет: “Долгое время считалось, что эту проблему решит рынок – дескать, рост цен на электричество, газ, тепло и воду сам по себе приведет к росту сознательности населения и производителей и обязательной экономии ресурсов. Но *невидимая рука рынка* в этом случае оказалась бессильна... Получается, что это та сфера, где от государства требуется больше активности”.

Изменение вектора развития экономики должно быть включено в России в стратегическое планирование. Нельзя сказать, что в этом отношении совсем ничего не делается. Но эти усилия явно недостаточны.

Зелёный рост стал модной темой для дискуссий в СМИ и профессиональных сообществах, проходят десятки, если не сотни конференций и симпозиумов. В погоне за *зелёным имиджем* отдельные корпорации рапортуют о разработке *прорывных зеленых технологий* в самых разных областях производства. Но проходит время, и обнаруживается, что это – всего лишь пиар, а *воз и ныне там*. Почему? Да потому, что у нас отсутствует должный спрос на инновации и модернизацию. Тем более его нет на *зелёные технологии*. А откуда ему взяться в условиях спекулятивного бюрократическо-олигархического капитализма?

По прогнозам Министерства энергетики, в России к 2020 году на электроэнергию из возобновляемых источников придется 4,5% от общей выработки её в стране. Однако в проекте госпрограммы “Энергоэффективность и развитие энергетики” на 2013 – 2020 года говорится, что из 690 млрд руб. инвестиций на эти цели 680 млрд руб. должны вложить частные компании. Не ясно, правда, почему они сделают это в условиях отсутствия каких либо директив или веских побудительных мотивов? Скорее всего, этим наметкам, как, впрочем, и многим другим, не подкрепленным организационными мерами программ, не суждено сбыться. А требуются поистине крутые перемены.

Время не ждёт. Прогресс ВИЭ и *зелёной экономики* в других странах означает, что наши главные статьи экспорта – нефть и газ – утрачивают свою привлекательность на мировом рынке. Позиции России как энергетической сверхдержавы размываются и расширяющимся в Европе и Америке производством сланцевого газа – серьёзного конкурента нашего голубого топлива. Становится совершенно ясно, что в будущем новые виды энергии вытеснят традиционное сырьё, что на *нефтегазовом коньке* далеко не уедешь. Необходим поиск новых экономически выгодных энергетических ресурсов.

Пусть нефть и газ в энергетическом балансе грядущего составляют около двух третей, но остальное должны заполнять различные компоненты *зелёной экономики*. Тогда хозяйство нашей страны не утратит преимущества обладателя ценных традиционных природных запасов, но одновременно войдет в число передовиков перспективной *зелёной экономики*. Для этого необходима коррекция всей нашей экономической системы, её трансформация, предполагающая расширение государственных и плановых функций управления, служащих интересам всего народа. Без этого не будет ни модернизации, ни диверсификации, ни тем более *зелёной революции* в производстве.

В начале 80-х годов прошлого века в недрах крупных ведомственных учреждений “Гидропроект” и “Гидроводхоз” был разработан чудовищный по своей разрушительной силе проект переброски части стока северных и сибирских рек в южные регионы страны. Воды северных рек — Северной Двины, Сухоны и Печоры — предполагалось перебрасывать в акватории Каспийского и Азовского морей, а воды сибирских рек — Иртыша, Оби и Енисея — на территорию среднеазиатских республик СССР. Показательно, что начало этой губительной акции было приурочено к так называемой “перестройке” — разрушению СССР, начатому недоброй памяти Михаилом Горбачёвым. О том, как патриотам удалось остановить осуществление этого смертельного для природы России проекта, рассказывает в своей статье академик РАН, доктор экономических наук Михаил Яковлевич Лемешев.

МИХАИЛ ЛЕМЕШЕВ

ВЫИГРАННАЯ ПАТРИОТАМИ БИТВА

Переброска замышлялась как поистине сатанинская задача, над реализацией которой трудились многие тысячи технократов. Назову фамилии лишь некоторых начальников, руководивших работами по реализации “проекта века”. Это — Березнер и Штепа, Полад-Заде и Бастанджогло, Коронкевич и Гангардт, Львович и Местечкин, Воропаев и Духовный, Засухин и Подкопаев, Израэль и Грищенко, Паскарь и Каплан, Авакян и Герарди — вот лишь некоторые из исполнителей губительного проекта, имя которым — легион. Ныне некоторых из них уже нет на свете, а другие — далеке. Но остались их наследники, в их числе и бывший московский мэр Ю. М. Лужков.

Главным аргументом в пользу замышляемого чёрного дела было и остаётся нелепое утверждение о том, что природа совершила роковую “ошибку”, крайне неравномерно разместив водные ресурсы по территории России. В результате, по мнению лжеучёных, на севере воды оказалось “слишком много”, а на юге — “слишком мало”, и её следовало перераспределить и тем исправить “ошибку” природы.

Необходимость переброски северных рек проектанты объясняли катастрофическим падением уровня Каспийского моря. Между тем уровень Каспия не понижался, а, наоборот, повышался. Проектировщиков это не смущало. Подъёму Каспия они давали до убожества примитивное объяснение: мол, в верховьях Волги прошли обильные дожди, и поэтому уровень водостояния моря поднялся. Но это явление, утверждали они, должно закончиться через год, после чего, дескать, уровень Каспия резко упадёт. Мнение многих учёных, в частности такого авторитетного, как Лев Николаевич Гумилёв, научно доказавший цикличность динамики уровня моря, происходящей на протяжении веков, в расчёт не принимались. Обоснованные на базе гравитационной

теории предсказания талантливый гидролог-практик Борис Михайлович Козенко (г. Краснодар) о том, что начавшийся в 1980 году подъём уровня Каспия будет продолжаться 30 лет, перебросчиками были расценены как шарлатанство. Между тем шарлатанами оказались сами перебросчики. Каспий поднимался в течение более 20 лет, его уровень повысился на 2 метра. Море затопило десятки санаториев, пансионатов, турбаз, подтопило огромные площади плодородных земель. Сооружаемые прибрежные защитные дамбы, над созданием которых перебросчики трудились, не покладая рук, не избавляли от ущерба, наносимого водной стихией.

Чтобы обеспечить передачу воды с севера на юг “самотёком”, проект предусматривал сооружение 35 огромных водохранилищ и затопление громадных территорий с древними городами и селами, с обширными лесными угодьями, с плодородными заливными лугами и ухоженными пашнями, с бесценными историческими памятниками русской православной культуры.

Есть основание думать, что это тяжкое злодеяние и было истинной целью инициаторов и исполнителей проекта. Так, директор Института водных проблем Академии наук СССР Г. В. Воропаев, “научно” обосновывая необходимость переброски рек, по поводу гигантского затопления северных территорий – этой колыбели русской национальной цивилизации – заявлял: “А что их жалеть. Это же Богом забытый край, там кроме клюквы ничего не растёт”.

Что же касается переброски сибирских рек в среднеазиатские республики, то её, по объяснению проектантов, следовало осуществлять для расширения орошаемых земель под возделывание хлопка. В действительности же страна вовсе не нуждалась в расширении производства хлопка-сырца. Все внутренние потребности в нём и экспортные обязательства перед странами социалистического лагеря полностью удовлетворялись существовавшими в то время объёмами производства этой культуры.

Проект предусматривал проведение грандиозных работ в три этапа. На начальном из них (первая очередь) – предусматривалось перебросить 24–27 кубокилометров сибирских вод, изымаемых в месте впадения Иртыша в Обь. Вторая и третья очереди переброски составляли соответственно – 60 и 120 кубокилометров воды, в том числе из Енисея. Первоочерёдно изымаемую воду предполагалось передавать на юг по гигантскому, поистине марсианскому, каналу с земляным руслом протяженностью 2,5 тысячи километров, шириной 200 метров и глубиной 16 метров! Проектанты отвергали мнение специалистов: почвоведов, агрономов и гидротехников – о том, что при таком способе транспортировки передаваемая вода превратится в раствор, который окончательно загубит и без того засоленные земли Средней Азии и обречёт проживающие здесь народы на вечный голод и болезни. Не было перебросчикам дела и до того, что “дефицит” воды для орошения был искусственным: реки Амударья и Сырдарья несли в себе из горных районов 110–115 кубокилометров чистой ледниковой воды.

Её рациональное использование было основой жизни местных народов. Здесь успешно развивались рыбное хозяйство, садоводство, виноградарство, шелководство, пчеловодство, разводились уникальные ахалтекинские лошади, тонкорунные и курдючные овцы, создавались величественные памятники исламской культуры.

Что же касается пресловутого дефицита воды, то он был обусловлен царившей здесь бесхозяйственностью, при которой 90% магистральных и распределительных оросительных каналов были не облицованы, и поэтому более половины воды терялось из-за фильтрации её в почву, что приводило к засолению земель и нарушению их плодородия. Но необходимость совершенствования технологии в орошаемом земледелии проектантов не заботила, их целью было, во-первых, хищническое “освоение” гигантских народных средств, а, во-вторых, отвлечение их от решения насущных социально-экономических проблем в жизни советского общества.

Мне как руководителю Отдела экономических проблем природопользования Центрального экономико-математического института Академии наук СССР и эксперту ООН по окружающей среде были очевидны катастрофические последствия реализации проекта века для экономики, экологии и культурно-исторического наследия страны. Чтобы не допустить этого, приходилось вести тяжёлую борьбу против сплочённой водохозяйственной мафии, поддерживаемой чиновниками высших партийных органов страны. Критические выступле-

ния против переброски не допускались. Разорвать заговор молчания удалось, лишь воспользовавшись следующим обстоятельством. Шёл 1985 год — канун разработки очередного пятилетнего плана развития страны на 1986–1990 годы. По существовавшей в то время практике, основные положения и контрольные цифры перспективного плана были опубликованы во всех центральных газетах для всенародного обсуждения. В составе важнейших задач развития народного хозяйства в предстоящем пятилетии предусматривалась и реализация проекта переброски части стока северных и сибирских рек. Мною было направлено в несколько центральных газет и журналов предложение об исключении из проекта плана намечаемой деятельности осуществление переброски как экономически разорительной и социально и экологически опасной для нашей страны. Большинство редакций от публикации этого “крамольного” предложения воздержались.

Исключение составила газета “Советская Россия”, которая опубликовала 20 декабря 1985 года мою статью “Против течения”. Публикация вызвала широкий отклик общественности. Из отзывов, поступивших в редакцию, наибольшее значение имела реакция группы русских писателей, которые в той же газете “Советская Россия” от 3 января 1986 года писали: “Глубокую тревогу вызывает проект переброски части стока рек на юг. Вполне разделяя аргументированную позицию эксперта М. Лемешева, хотим высказать и свою точку зрения. Мы внимательно изучали экономическое, социальное, техническое обоснование проекта, не раз бывали на Севере, выслушали мнение учёных, партийных руководителей заинтересованных областей, энтузиастов охраны памятников культуры и истории, встречались с авторами проекта и руководителями центральных ведомств, ответственных за мелиорацию. Всё это позволяет нам считать, что проект переброски страдает приближенностью и слабостью научной обоснованностью. Он необычайно дорог — равных ему не было ещё в практике мирового строительства. В этих условиях мы поддерживаем предложение исключить из “Основных направлений” запланированное задание о переброске северных вод на юг”. Статью подписали Виктор Астафьев, Василий Белов, Юрий Бондарев, Сергей Залыгин, Леонид Леонов, Дмитрий Лихачёв, Валентин Распутин.

Публикация этих двух статей активизировала движение общественности против переброски. В борьбу против зловещего замысла активно включились учёные, писатели, журналисты, кинодокументалисты, жители районов, обретаемых на затопление, а также широкий круг людей самых разных специальностей, проживающих во многих регионах СССР.

Одновременно мне и моим единомышленникам удалось учредить специальную Комиссию при Президиуме Академии наук СССР, которую возглавил вице-президент Академии, выдающийся геолог, академик Александр Леонидович Яншин. В Комиссии было создано 7 специализированных секций, что позволяло рассмотреть проблему переброски всесторонне и оценить неизбежные разрушительные последствия реализации проекта. В работе Комиссии активное участие принимали выдающиеся учёные — академики Лев Семёнович ПонTRYгин, Георгий Иванович Петров, Георгий Сергеевич Голицын, Борис Сергеевич Соколов, Тимур Магометович Энеев, академики ВАСХНИЛ Владимир Александрович Тихонов, Евгений Евгеньевич Сыроечковский, Александр Николаевич Каштанов, многие доктора и кандидаты наук, специалисты в области географии, геологии, археологии, гидрологии, почвоведения, климатологии, мелиорации. Активное участие в работе комиссии принимали писатели, художники, архитекторы, реставраторы, скульпторы.

Мне довелось быть заместителем академика А. Л. Яншина и руководителем социально-экономической секции Комиссии. Работа Комиссии продолжалась в течение 6 месяцев. Её материалы составили 40 томов, основное содержание которых было обобщено в заключительном докладе, с которым выступал академик Яншин на заседании Правительства СССР и Политбюро ЦК КПСС.

Существенным было и то, что я как эксперт ООН обратился к правительствам стран — членов Европейской Экономической Комиссии с просьбой высказать своё суждение о переброске вод северных и сибирских рек. В ответ на него правительства Германии, Англии, Болгарии заявили правительству СССР, что природопреобразующий проект такого масштаба недопустимо реализовывать без совместного обсуждения с компетентными органами стран Европейского континента. Комплекс этих мер позволил Политбюро ЦК КПСС и Совету

Министров СССР 13 августа 1986 года принять разумное “Постановление о прекращении работ по переброске рек”. Грядущая экологическая катастрофа была предотвращена.

“Преобразователи” природы на время затихли. На смену им выступили “реформаторы”, поставившие перед собой *грандиозную цель* – уничтожить Россию путём демонтажа могущественного Советского Союза. Инструментами такого разрушения были избраны уничтожение Советской власти, отказ от социалистического пути развития общества с его централизованной системой планирования и управления экономикой, ликвидация общественной собственности на народное богатство, его разграбление и передача в частную собственность посредством преступной приватизации, метко переименованной в народе в *прихватизацию*.

За 20 лет перестройки и реформирования великая держава была разрушена, став почти *колониальной территорией*, превращена в *сырьевой придаток* западных стран. Наука, образование, здравоохранение полностью *развалены*, уничтожены военный промышленный комплекс и продовольственный потенциал страны. Национальное достояние присвоено алчными дельцами, “заработавшими” миллиарды долларов на бедствиях и страданиях нашего народа. Нынешняя власть их именует “эффективными собственниками” и “талантливыми менеджерами”, а рост их числа рассматривает как достижение проводимых реформ. Примеру этих *злыдней* следует высшее чиновничество в структурах законодательной и исполнительной власти, среди которых народились уже сотни долларовых миллионеров – как следствие коррупции, лоббирования и взяточничества.

В этих условиях возможность нового захвата и перераспределения народного богатства становятся всё более ограниченными. Поэтому один из активнейших реформаторов, к счастью, уже бывший, – Юрий Михайлович Лужков – отыскал источник обильной прибыли в реанимации преступного проекта переброски части стока сибирских рек в Среднеазиатские республики (ныне независимые государства), отвергнутого народом четверть века назад. Разглагольствуя о высоких чувствах интернационализма и помощи дружеским народам вновьявленных Среднеазиатских государств в преодолении мифического водного дефицита, бывший московский градоначальник не скрывал, что главной его целью была продажа воды и дополнительное обогащение легиона бизнесменов.

Нетрудно заметить, что второй целью возвращения к идее переброски является отвлечение скудных ресурсов разоряемой России от решения жизненно важных социально-экономических задач. Неслучайно Ю. М. Лужков выпустил книгу “Вода и мир” в разгар системного российского кризиса – в конце 2008 года. Книга вышла большим, по нынешним временам, тиражом в 10 тысяч экземпляров в издательстве с символическим названием “Московские учебники”. Кто является подлинными авторами книги, сказать затруднительно. Со своей стороны я лишь отмечу, что она полна невежества, лжи, клеветы и оскорбления в адрес множества честных и добросовестных людей, которые, не жалея своих сил и знаний, в середине 80-х годов прошлого столетия боролись против сатанинского замысла разрушения природы и благополучия жизни миллионов граждан России. Приведу лишь некоторые выдержки из книги Ю. М. Лужкова в подтверждение своей оценки её содержания.

Для начала скажу о невежестве. Рассуждая о целесообразности передачи воды в среднеазиатский регион, автор постоянно говорит о переброске части стока **северных** рек. Даже в аннотации к книге читаем: “Пора на новой технологической, экономической и политической основе вернуться к проекту переброса части стока **северных** рек”. Хотя любому специалисту ясно, что в Среднюю Азию предусматривалась переброска воды **не северных, а сибирских рек**, что это два самостоятельных проекта, непосредственно не связанных друг с другом.

Теперь о лжи. В книге утверждается, что “удар по проекту переброса воды имел скрытой целью разрушение единства судеб, общности истории России и Средней Азии, демонтаж СССР”. Совершенно очевидно, что это – неуклюжий и лживый приём, чтобы свалить вину с *большой головы на здоровую*.

О клевете и оскорблении. Автор утверждает, что при победе здравых сил над замыслом перебросчиков “произошло поругание профессионализма, победное шествие дилетантов – лжепатриотов и лжеэкологов, выступавших не

только против проекта переброса, но и против СССР”. Приведённый выше перечень специалистов высочайшего класса, участвовавших в борьбе против переброски, наглядно опровергает это заявление.

И ещё одно принципиальное замечание. В книге читатель найдёт такие слова: “Один из известных экологов, много сил положивших, чтобы проект переброски воды не осуществился, придерживается и сейчас того мнения, что крупные, национального масштаба, проекты больше вообще не нужны России”. Мне не известно, кого имеет в виду Юрий Михайлович, но лично я — горячий сторонник крупных, **но не разрушительных**, а созидательных проектов.

Остаётся пожелать бывшему московскому градоначальнику организовать на досуге разработку и реализацию не просто крупного, а грандиозного, жизненно необходимого проекта реконструкции и модернизации транспортной системы Москвы. Нерешённость этой проблемы на наших глазах превращает столицу в мёртвый город, здоровое проживание в котором становится невозможным. Содержание такого проекта должно состоять не в приобретении дополнительных миллионов автомашин в личное пользование, не в бессмысленном и разорительном сооружении наземных и подземных гаражей. Очевидно, что они не решат проблемы парковки машин. Необходимо **интенсивное и крупномасштабное развитие общественного транспорта** — метрополитена, троллейбусных и трамвайных линий, велосипедных и пешеходных дорог, транспортных развязок и других коммуникационных сооружений. Такое использование неукротимой энергии бывшего, но всё ещё полного сил московского мэра, в отличие от реанимации преступного проекта века, было бы наверняка встречено не только москвичами, но и всеми гражданами России с искренним пониманием.

Исполнилось 85 лет давнему автору нашего журнала, выдающемуся учёному-экологу Михаилу Яковлевичу Лемешеву. На счету Михаила Яковлевича много достижений. Он был экспертом ООН, депутатом Государственной Думы. И всё-таки вершина его благородной деятельности — борьба за сохранение русской природы, которой угрожал проект поворота северных и сибирских рек. Как показывает публикуемая статья, юбиляр и сегодня полон сил и верен своей теме.

От всей души поздравляем Михаила Яковлевича и желаем ему здоровья и творческих сил!

Редакция

АЛЕСЬ КАРЛЮКЕВИЧ

ОТ БРЕСТА — ДО БАРАНОВИЧЕЙ: АДРЕСА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БЕЛАРУСИ

Есть ли у художественного слова география? И как её определить? Брать за основу содержание того или иного произведения? Учитывать адрес, где оно было написано? Или же заглядывать в биографию автора, отмечая для будущего литературно-географического исследования место его рождения?.. Вот, к примеру, перелистываю я книги русского поэта Валерия Липневича, ныне живущего в Подмоскovie: “Дерево и река” и “Неведомая планета”. Одна издана в Москве, другая – в Минске. “Дерево, река, человек – // как кора старой вербы над ней. // Дерево, река, человек – // слова будто разные, // да все об одном. // Деревья впадают в небо, // как реки в море. // Краткое и зелёное // струится медленно // к вечному и голубому. // Куда текут и впадают // наши жизни? // Медленно – словно дерево. // Стремительно – как река”... Эти строки – из стихотворения “Дед”, завершающего книгу “Дерево и река”. Знаю, что, как и все остальные, оно написано в деревне Дудичи Пуховичского района, что на Минщине, “в дедовой хате”... Но если это стихотворение рассказывает о родном, близком человеке, показывает, если хотите, социальную и политическую историю прежней Беларуси и даже преподносит урок экономической географии (“Дед глядит со стены. // Острые, как два сучка, // глаза пронизывают насквозь. // – 100 коней // одного пана везут! // Сколько ж коров за такие деньги? // За две раскулачивали...”), то в книгах есть произведения и другого характера, не имеющие столь ярко выраженного местного колорита... Пожалуй, некоторые вопросы, в том числе и те, которые, может быть, и следовало бы ещё задать, останутся в моём документальном повествовании без ответов. Давайте просто вспомним хотя бы некоторые дороги и тропинки Беларуси, по которым прошла, где оставила свой след великая русская литература. А маршруты для нашего литературного путешествия я предлагаю следующие. Покинув пуховичские Дудичи, давайте отправимся на Брестчину. Хотя расставаться с деревенькой на берегу Птичи не очень-то и хочется. В той же “дедовской хате” несколько лет подряд была дорогой гостьей замечательная поэтесса Татьяна Реброва. А стихотворение Андрея Вознесенского “За речкой Птичь” – о соседствующем с деревней музее материальной культуры “Дудутки”. В деревню Птичь – она находится совсем недалеко от музея, через речку, – в гости к журналисту Андрею За-

харенко не раз приезжал санкт-петербургский драматург, прозаик, лауреат многих премий Аркадий Пинчук. У Валерия Липневича повесть есть, которая называется “В кресле под яблоней”, где каждая страница — о Дудичах, окрестностях деревни, о реке с ласкающим сердце, каким-то воздушным названием Птичь. Концовка у повести грустная, пронизывающая сердце: “... Сижу на маленькой скамеечке — мамина — спиной к горячей печке. Осторожно черпаю плотную, почти твердую простоквашу из трехлитровой банки на коленях. Её любимая еда — с картошкой или, как я сейчас, с батоном. Праздник печёной картошки перенёс на завтра. Последние солнечные лучи золотят бока моим вербам, трогают верхушки вишен в канаве, заливают обломанную черешню под моим окном. Может, уже завтра, растроганная майским теплом, брызнет молоком своих почек в доверчивую синеву неба, подарив ему ещё одно, самое малое, облачко.

Вот и прошёл первый майский день первого года третьего тысячелетия. Первый весенний день без матери”.

...И всё-таки нам надо спешить в Брест. Может быть, только переехав мост через Птичь, вспомним ещё, что в этих местах, в пуховичско-руденских лесах партизанил русский поэт и прозаик Всеволод Саблин. Во время немецко-фашистской оккупации он издал в партизанской типографии поэтический сборник “Мстители”. В 1942 году Всеволод Саблин написал стихотворение “В ружьё, белорусский народ!”:

*Народ в ярме, земля в плену...
Позор и стыд молчать!
Твой долг — спасти детей, жену,
Отечество спасти!*

*Твой дом — с винтовкой за плечом
Скорей идти в леса,
С фашистским биться палачом
До смерти, до конца.*

*Народ, в ружьё! Нельзя терпеть,
Нельзя рабами быть!
Уж лучше стоя умереть,
Чем на коленях жить.*

...Русские писатели издавна были связаны с Брестом. В городе над Бугом в 1813–1816 годах служил Александр Грибоедов. Между прочим, в одном полку с отцом Льва Толстого. В Бресте Грибоедов написал свои первые произведения. Его знакомые того периода стали прототипами некоторых персонажей комедии “Горе от ума”. Брест начала XIX века — это и судьбы, и фрагменты творческих и жизненных испытаний Фёдора Глинки, Вильгельма Кюхельбекера, Петра Вяземского, Александра Шаховского. В 1867–1869 годах в Бресте жил русский прозаик Фёдор Решетников (1841–1871). Здесь он завершил работу над третьей частью романа “Глумовы”. Местную жизнь описал в очерках и в комедии “Прогресс в уездном городе”. Имена Грибоедова, Кюхельбекера, Решетникова и других русских поэтов и прозаиков хорошо известны белорусским исследователям, тем, кто занимается литературным краеведением. В Бресте есть даже улица, названная в память о Фёдоре Решетникове. Произведения этого самобытного литератора, как и творческие страницы биографии Александра Грибоедова, подробно прочитаны В. Я. Ляшук и Т. Н. Снитко в книге “Літаратурная Берасцейшчына”. С Брестом связаны судьбы двух русских православных писателей. К сожалению, упоминаются они нечасто. Речь идет о Константине (его отчество история нам не сохранила) и Алексее Константиновиче Зноско. Об отце и сыне. Некоторые страницы их биографии раскрываются в монографии Ю. Лабынцева и Л. Щавинской “Православная литература белорусов современной Польши” (Москва, 2000). Константин Зноско родился в 1865 году в местечке Острино Гродненской губернии. Участвовал в Первой мировой войне — полковым священником 8-го Финляндского стрелкового полка. Служил настоятелем Свято-Николаевской православной церкви в Бресте. Вместе с единомышленниками создал в горо-

де над Бугом “Русский дом”, участвовал в открытии Русской гимназии. Константин Зноско является автором житийных и гимнографических произведений, ряда антиуниатских сочинений, которые переиздаются в разных странах и в наши дни. Назовём хотя бы некоторые из произведений русского церковного писателя: “Житие и страдания святого Афанасия, игумена Брестского” (Варшава, 1931), “Римская неправда о главе Вселенской церкви: Разбор католического учения о панском примате в связи с книгой И. А. Забужного “Православие и Католичество” (Варшава, 1932), “Виленская Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Божией Матери” (Варшава, 1932), “Латинизация православного богослужения в униатской церкви” (Варшава, 1932), “Исторический очерк церковной унии: Ее происхождение и характер” (Варшава, 1933; переиздана в Москве – 1993), “Князь Константин Константинович Острожский и его деятельность в пользу Православия” (Варшава, 1933). Умер Константин Зноско в Бресте 18 июня 1943 года. Алексей Константинович Зноско (1912–1994) во многом повторил судьбу своего отца. Так же праведно и искренне служил он православным священником, сначала в Барановичах, затем в Свислочи – на Гродненщине. С 1946 года – в польском Вроцлаве. С 1949-го по 1953 год, более четырех лет, находился в заключении. Власти обвинили его во враждебном отношении к Польской Народной Республике. С 1960 года служил в Варшаве, преподавал в Христианской технологической академии. А до этого, в 1959 году, – в Прешовском университете (Словакия) защитил докторскую диссертацию. Алексей Константинович издал книги “Акафистное творчество Русской Православной Церкви, 1628–1959” (Варшава, 1989), “Опыт личного акафистного творчества” (Варшава, 1989) и ряд других произведений. Умер церковный писатель, большие дороги которого начинались в Бресте, в Ломже в 1994 году. Брест можно по праву считать особым персонажем русской поэзии и русской прозы. В ноябре 1956 года в городе был открыт Музей героической обороны Брестской крепости. Есть в этой обители исторической памяти специальный стенд, посвященный Сергею Смирнову (1915–1978), автору документальной книги “Брестская крепость”, отмеченной Ленинской премией. Одна из улиц города носит имя Сергея Смирнова, который, кстати, был почётным гражданином Бреста. В краеведческом справочнике “Литературные места Беларуси, книга первая: Брестская, Витебская, Гомельская области” (авторы – Адам Мальдис, Лидия Кулаженко, Светлана Саченко) есть такое уточнение: “Произведения Брестской крепости, городу посвятили... белорусские поэты... Стихотворения на эту тему написали поэты... русские Сергей Орлов, Сергей Островой, Лев Ошанин, Николай Доризо, Владимир Кузнецов, Роберт Рождественский... и др.” И далее: “Событиям, связанным с заключением подписанного в крепости Брестского мира 1918 года, посвящены произведения... Владимира Канивца “Брест, 1918”... Валентина Пикуля... и др.” За лаконичным и др. скрывается уникальная Брестская литературная, героико-художественная Атлантида. Во-первых, для начала следует вернуться в 1939 год. Осенью группа русских поэтов оказалась среди военных журналистов и политработников. Семён Кирсанов, Борис Горбатов, Александр Твардовский, Дмитрий Кедрин, Владимир Луговской, Евгений Долматовский, Илья Френкель, Яков Хелемский – у каждого из них нашлись слова, чтобы запечатлеть сентябрь 1939-го... Одно из стихотворений Якова Хелемского так и называется – “В тридцать девятом”:

*...О, если б мог я силу дать стихам,
Чтоб строки сохранили для потомков
Черты мальчишки с тощею котомкой,
Бегущего по праздничным шляхам,
Чтоб не забыли люди осень эту,
Погожесть распахнувшихся дорог,
Когда народ шагал из мрака к свету,
Как сирота, спешивший на восток.*

Возможно, тогда, в 1939-м, у Якова Хелемского сформировалось устойчивое представление о своём предназначении как переводчика яркой, сочной белорусской поэзии. Для многих читателей в России и на постсоветском пространстве мастерство и духовный мир Петруся Бровки, Аркадия Кулешова,

Максима Танка, Пимена Панченко, Рыгора Бородулина и многих других белорусских поэтов открывались благодаря именно переводам Якова Хелемского. Кстати, как раз за переводческую работу Яков Александрович был отмечен Государственной премией БССР имени Якуба Коласа (1980). А эти строки, адресованные Аркадию Кулешову, написаны Хелемским в 1958 году: “Белорусские реки // Звучат, как пастушки жалейки. // Зазвенит Вилия – // Отзовется журчанье Вилейки. // Колоннады стволов // Протянулись над Птичью и Случью // Милых рек имена, // Словно русла лесные, певучи. // Ивы смотрятся в Дзурь, // А берёзы бурливой весною // Входят в воду по грудь // И любятся Березиною. // Беловежская пуца, // Полесские старые чащи // В бочажках отразились, // В затонах, спокойно журчащих”. Из 1939 года и стихотворение Владимира Луговского “Беловежская пуца”. “Снег летит все студеной и гуще, // И трехтонки проходят гуськом. // Говорит Беловежская пуца // Монотонным ночным языком...” Но, конечно же, самая большая часть предполагаемой “брестской антологии” русской поэзии освещает тему Брестской крепости в Великой Отечественной войне, подвиг ее защитников в 1941 году. “Легенда о защитниках Бреста” – стихотворение Льва Ошанина. Первая его военная командировка в Беларусь тоже относится к 1939 году. В Великую Отечественную войну врачи признали поэта негодным к военной службе. Но вопреки такому решению поэт сумел побывать на многих фронтах. Чаще всего выезжал он в части и соединения 3-го Белорусского... Судьба другого поэта, который родился и вырос в Дагестане, и вовсе достойна отдельного повествования и, наверное, отдельного историко-литературного поиска. Аварский поэт Мухтар Абакаров родился в 1918 году. С ноября 1939-го служил в пограничных частях в районе Бреста. Там и принял бой с фашистами. Летом 1941 года был тяжело ранен. После госпиталя вернулся в родное село Амитли Хунзахского района. Затем снова пошёл на фронт. Воевал бойцом Дагестанского кавалерийского эскадрона в звании старшины. Погиб в 1944-м. Василь Макаревич перевел на белорусский язык два стихотворения аварского поэта – “Город Ельня” и “Баллада о капитане Гимбате Ганиеве”. Может быть, разлаженные литературные связи не станут помехой для выяснения обстоятельств “белорусской биографии” россиянина аварца Мухтара Абакарова. Среди защитников Брестской крепости – и русский поэт Михаил Иванович Петров. Он попал в фашистский плен, несколько раз был ранен. Жизнь этого человека, его непростая военная судьба вдохновили другого русского поэта – Олега Шестинского – на создание поэмы “Одиссея Михаила Петрова”. После Великой Отечественной Михаил Иванович долгие годы жил в городе Новая Ладога. Воевал в Беларуси и русский поэт Леонид Решетников. Был военным корреспондентом танковой армии. А после Победы офицером служил в Бресте. Брестской крепости Леонид Решетников посвятил стихотворение “Счастье”. А поэт Алексей Романов войну встретил в казармах Центрального острова Брестской крепости. С боем удалось ему вырваться из окруженной цитадели. Вступил в ряды народных мстителей. Под Барановичами немцы окружили отряд, в котором воевал поэт Алексей Романов. Вчерашний защитник Брестской крепости попал в плен. Много времени провёл он в Германии. В концлагере занимался подпольной работой среди военнопленных. Его стихотворение “Не забывай!” перевел на белорусский Степан Гаврусев. Петя Клыпа – один из юных защитников Брестской крепости. Поэму мужественному герою с непростой судьбой посвятил известный русский поэт Марк Лисянский:

*Нет, война — не смерч в пустыне,
 Не история, а рана,
 Не зажившая доньяне.
 Наши первые печали
 Стали славой поколений.
 Мы о Бресте ведь узнали
 Из немецких донесений.
 А о тех, кто был в сраженье,
 И о тех, кого убило,
 Не писали, к сожаленью,
 И куда писать-то было!*

*Наградных не посылали,
Орден не выдавали,
И в газетах не писали,
И в чинах не повышали!
А они — дорогу жажды,
Жизнь и смерть,
Огонь и воду —
Всё прошли — и не однажды! —
За всемирную свободу.*

Покидая Брест, не будем спешить выходить на большую дорогу. Сначала заглянем в Каменец, проедем в заповедную Беловежскую пуцу. Вспомним стихотворение Ярослава Смелякова “Белая вежа”. Вероятно, мало кто не знает в Беларуси этот памятник — Каменецкий столп, Белую вежу. Согласно Ипатьевской летописи, построена она между 1276 и 1288 годами. Руководил строительством мастер Алекса. Заказчик — волынский князь Владимир Василькович. Вежа должна была стать пограничным оборонительным форпостом. Место избрали самое что ни есть подходящее — на возвышенности, на левом берегу реки Лесная. Со стороны реки к веже подступала болотистая низменность, с трех сторон её окружал ров. Высота пятиярусной вежи — около 30 метров, толщина стен — 2,5 метра, внешний диаметр — 13,6 метра. Стены прорезаны бойницами... Сегодня Белая вежа — символ Брестчины, да и, пожалуй, всей Беларуси, символ исторической славы Отечества.

*Башня Белая вежа,
словно башни Кремля:
очертания те же,
та же наша земля.*

*Ты стоишь на границе,
высока и стара,
красных башен столицы
боевая сестра.*

*Меж тобою и ними
зыбкий висится мост,
золотистый и синий,
из тумана и звезд, —*

и для Ярослава Смелякова, который с Беларусью связан родственными узами, Белая вежа — тот духовный стержень, что соединяет времена и пространства.

Беловежская пуца, Белая вежа — притягательные символы в поэтических изысканиях Николая Добронравова, Андрея Вознесенского, других русских поэтов. Но география художественного слова зовёт нас в путь. Мы возвращаемся на дорогу, которая соединяет Брест с Москвой. Адреса, где будем останавливаться, укажут нам известные и не очень произведения русской литературы, поэтические и прозаические искания писателей народов России. Из Бреста доезжаем до Кобрин. Осенью 1813 года здесь служил Александр Грибоедов. С городом, его окрестностями связана судьба русского прозаика Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968). Он находился здесь во время Первой мировой войны в составе санитарного отряда. Паустовский и Беларусь — тема многоплановая и достаточно сложная. Фактически здесь, в Беларуси, среди раскатов артиллерийской канонады, бесконечной пулемётной и оружейной пальбы, среди крови и мытарств выросла огромный писательский талант Паустовского. И об этом хотелось бы поговорить несколько подробнее. В “Повести о жизни”, во второй её части — “Беспокойная юность” — один из разделов носит название “Местечко Кобрин”. “Из Бреста мы вышли в местечко Кобрин, — так начинается повествование. — С нами ехал на своём помятом и исцарапанном форде пан Гронский. Брест горел. Взрывали крепостные форты. Небо вздымалось позади нас розовым дымом...” И далее: “К вечеру мы вошли в местечко Кобрин. Земля, чёрная, как каменный уголь,

была размешана в жижу отступающей армией. Косые дома с нахлобученными гнилыми крышами уходили в грязь по самые пороги.

Ржали в темноте лошади, мутно светили фонари, лязгали расшатанные колёса, и дождь стекал с крыш шумными ручьями.

В Кобрине мы видели, как увозили из местечка еврейского святого, так называемого “цадика”.

Гронский рассказал нам, что в Западном крае и Польше есть несколько таких цадиков. Живут они всегда по маленьким местечкам...”

В Кобрине санитары остановились в синагоге. По улице проходили походные кухни. Голодная толпа беженцев рвалась к котлам. Обезумевшие люди со стеклянными глазами затоптали, смяли мальчика, которого опекали и хотели накормить санитары. “Мы со Сполохом кинулись к мальчику, но толпа отшвырнула нас. Я не мог кричать. Спазма сжала мне горло. Я выхватил револьвер и разрядил его в воздух. Толпа раздалась. Мальчик лежал в грязи. Слеза ещё стекала с его мёртвой бледной щеки...”

Следы пребывания писателя К. Паустовского мы находим и в других местах Беларуси. Путешествовать с автором “Золотой розы” можно по его “Повести о жизни”, используя её как литературно-туристический путеводитель. Есть у него и такие белорусские страницы: “В Барановичах я отряда не застал. Он уже ушёл дальше, на Несвиж. Мне не хотелось даже на короткое время возвращаться в госпиталь. Трудно было встречаться с людьми. Я переночевал под городом в путевой железнодорожной будке по дороге на Минск, а утром выехал в Несвиж...” А в конце главы – и адрес: “Свой отряд я догнал в селе Замирье под Несвижем”. Замирье – это Городея. Городской посёлок и одноименная железнодорожная станция находятся совсем недалеко от Несвижа. До Городеи от Несвижа – 19 км. Зная, что в городском посёлке живет Борис Константинович Скачко – учитель, интересующийся краеведением, я несколько лет назад попытался его разыскать, но, к сожалению, опоздал. Борис Скачко уже умер. Вдова исследователя местной истории Аграфена Александровна Скачко любезно согласилась показать нам архив мужа. Смотрим черновики, фрагменты краеведческого повествования о поселении, которое известно с XVI столетия. Перелистаем сотни страниц, находим историю Городеи начала XX века. Автор рассказывает о жизни и быте своих земляков. Какой была Городея во времена Паустовского? Ещё в 1914 году по местечку в праздники маршировал духовой оркестр. На всё местечко – 5 питейных домов, 17 торговых лавок.

Среди других листочков из архива краеведа вместе с Аграфеной Александровной находим страничку с заголовком “История становления медицины в Городее”: “В годы войны и революции помощь населению оказывали военные медики. В 1914–1917 годы в Городее находился большой военный госпиталь, лечивший солдат Западного фронта”. Значит, всё верно – в нём-то и служил санитаром Паустовский.

Интересны наблюдения писателя, которыми он делится с читателем в “Повести о жизни”: “Белоруссия выглядела так, как выглядел бы старинный пейзаж, повешенный в замызганном буфете прифронтовой станции. Следы прошлого были ещё видны повсюду, но это была только оболочка, из которой выветрилось содержимое.

Я видел замки польских магнатов – особенно богат был замок князя Радзивилла в Несвиже, – фольварки, еврейские местечки с их живописной теснотой и запущенностью, старые синагоги, готические костёлы, похожие здесь, среди чахлых болот, на заезжих иностранцев. Видел полосатые верстовые столбы, оставшиеся от николаевских времён.

Но уже не было ни прежних магнатов, ни пышной и бесшабашной их жизни, ни покорных им “холопов”, ни доморощенных раввинов-философов, ни грозных Судных Дней в синагогах, ни истлевших польских знамён времён первого “повстанья” в костельных алтарях. Правда, старые евреи в Несвиже могли ещё рассказать о потехах Радзивилла, о тысячах “холопов”, стоявших с факелами вдоль дороги от самой русской границы до Несвижа, когда Радзивилл встречал свою любовницу авантюристку Кингстон, о многоручных охотах, пирах, самодурстве и шляхетском чванстве, глуповатой спеси, считавшейся в те времена паспортом на вельможное “панство”. Но рассказывали они об этом уже с чужих слов...”

В одной из поездок санитар Паустовский попал под обстрел. Был ранен в ногу, выпал из седла. Лошадь, к счастью, вытащила ухватившегося за стре-

мя раненого поближе к своим. Константин успел зажечь фонарик — и потерял сознание. По свету фонарика его и нашли солдаты-телефонисты. Месяц Паустовский пролежал в госпитале в Несвиже. Там и узнал — случайно, из старой газеты, — что на фронте погибли два его брата: “Убит на Галицийском фронте поручик сапёрного батальона Борис Георгиевич Паустовский”. “Убит в бою на Рижском направлении прапорщик Навагинского пехотного полка Вадим Георгиевич Паустовский”.

Константина отпустили в Москву, к матери. Из Несвижа он уезжал через Замирье. В Белоруссию потом вернулся, только чтобы уволиться. Причиной стало его прежнее письмо из Городеи-Замирья. На Западный фронт приезжал император. Как писал Паустовский: “Он посетил и Замирье. Ко времени его приезда было приказано привести село в порядок. Это выразилось в том, что из лесу привезли много ёлок и замаскировали ими самые дрянные халупы”. Письмо, где санитар рассказывал штатскому приятелю о визите императора, попало в военную цензуру. Больше Паустовского, предупредив, что он *отделался лёгким испугом*, на фронт не пустили.

А Замирье-Городея, Несвиж, минские и гродненские просёлки остались в судьбе и памяти Константина Паустовского на всю жизнь. И “всплыли”, как адреса художественного и жизненного опыта, только через тридцать лет, когда писатель начал работу над “Повестью о жизни”.

... Уже через многие годы после смерти писателя было опубликовано его стихотворение, написанное в сентябре 1915 года в местечке Снов — это совсем рядом с Замирьем:

*Ночевали в сараях. Дожди застлали
Хмурым утром суровую польскую даль.
Ругань. Злоба. По грязным шоссе громыхали
Днем и ночью обозы. Всё крепче печаль.*

*Где-то за лесом дальним назойливым громом
Батареи ворчали, трепался наш флаг
Над покинутым барским ограбленным домом.
И все близился твёрдый, испытанный враг.*

*Дети плакали ночью. Их бросила мама.
Кто-то трупы убитых спешил хоронить,
И пугала глубокая скользкая яма.
Здесь не надо жалеть, здесь не надо любить.*

*Вспоминались мне радуги зыбкого моря,
Яркий смех, плен узорных сентябрьских садов,
Предзакатные сны, светлоokie зори,
И в заре — опьяенная мукой любовь.*

... И если уж сделали мы остановку, побродили по адресам Паустовского, то, может быть, заглянем и на Дрогичинщину? Во-первых, думаю, что интересным мог бы показаться следующий факт. Ещё в 1908 году в деревне Брашевичи на средства русского книгоиздателя Ф. Павленкова (на 200 рублей!) была открыта бесплатная народная библиотека. А в Бездеже (там ещё существует уникальный и, наверное, единственный в мире музей фартучков) родился русский прозаик Дмитрий Стонов (1893–1962). Одно из самых ярких его произведений — роман “Семья Раскиных” (1928).

Адреса русской литературы на Брестчине — это и места службы Александра Блока на Полесье в Первую мировую войну. Белорусский писатель-документалист Николай Калинин (1950–1990) подробно рассказал о сопричастности автора поэмы “Двенадцать” к Беларуси в своей замечательной книге “Полесские дни Александра Блока” (Минск, 1985). А сейчас мне хотелось бы процитировать несколько строк из письма поэта, адресованного матери. Написано оно 21 августа 1916 года в полесских Колбах: “... Утром выезжаешь вёрст за пять, по дороге происходит кавалерийское ученье — два эскадрона рубят кусты, скачут через препятствия и пр. Раз прошла артиллерия. Аэроплан кружится иногда над полем, желтеет, вокруг него — шрапнельные дым-

ки, очень красиво. За лесом пулемёты щёлкают. По всем дорогам ездят дозоры, вестовые, патрули, во всех деревнях и фольварках стоят войска. С поля виднеется Минск, вроде града Китежа — приподнятый над туманом — белый собор, красный костёл, а посередине — поменьше — семинария. Один день — жара, так что не просыхаешь ни на минуту, особенно верхом. Другой день — сильная гроза, потом холодно, потом моросит. Очень крупные звёзды. Большая Медведица довольно низко над горизонтом, направо — Юпитер...” Да, в эти белорусские месяцы Блок не написал ни одного стихотворения. Но ведь сами полесские дни были в его биографии, наверное, и след какой-то оставили...

Своя страничка жизни, связанная с Полесьем, Беларусью, есть и у московского поэта Бориса Савича Дубровина. И не только потому, что есть у него стихотворение “Камни Бреста”: “Незажившая рана // Погибших героев — // Обожжённой стены полоса // В длинных молниях шрамом // Глазами пробоин // Поколениям смотрят в глаза. // Над моим изголовьем // Темнеют в ночи // Сквозь пространства и времени дым // Обагрённые кровью // И пламенем камни, // Одарённые духом живым...” Несколько лет назад мне довелось побеседовать с поэтом. И вот что я услышал от Бориса Дубровина:

— ...Когда я воевал на 1-м Белорусском фронте, времени смотреть по сторонам фактически не было. Но ещё раньше я немало узнал о Беларуси. Во мне течёт полесская кровь. Мама — Ася Хазан, — уроженка деревни Лемешевичи, что на Пинщине. Отец — комиссар 1-й Конной... В гражданской жизни был начальником цеха в конструкторском бюро Туполева. В 1937 году папу арестовали и расстреляли. А маму взяли за недоносительство на “врага народа”. 6 лет отсидела в Нижнем Востогане Остяко-Вогульского округа. Затем находилась на поселении на станции Усть-Тальменка Новосибирской области... Смотрю на Беларусь, встречаюсь с белорусами — и в душе, и на сердце только светлые чувства. Я и песню написал о российско-белорусской дружбе...

Возвращаемся на большую дорогу. Впереди у нас — Барановичи. Свои записи о впечатлении от встречи со станцией Барановичи оставил великий русский писатель, автор трилогии “Хождение по мукам” Алексей Толстой (1882–1945). В барановичской деревне Столовичи проходил службу в 1815 году русский поэт Кондратий Рылеев. Есть версия, что именно в это местечко на встречу с поэтом-декабристом приезжал поэт Тамаш Зан. Барановичи оказались и на пути прозаика, поэтессы, детской писательницы Софьи Захаровны Федорченко (1880–1959). Она служила сестрой милосердия в Первую мировую войну. Работала в том же санитарном поезде, что и Константин Георгиевич Паустовский. Подобно санитару Паустовскому, Софья Федорченко собирала впечатления о войне, чтобы затем использовать их в своём художественном творчестве. Правда, уже тогда, в 1914–1917 годах, она выбрала свою личную творческую формулу. Вот что рассказывает об этом литературовед Владимир Глоцер: “Федорченко долго думала о форме для книги. Перепробовала “разные формы, даже роман”. Случайно, во время спектакля в театре, она написала первый фрагмент из “Народа на войне” “каким-то неожиданным способом”: “...с непривычки, — вспоминала Федорченко, — я даже слегка испугалась, влезла в шкуру рассказавшего мне этот случай солдата, абсолютно забыв себя самоё”. Это действительно была необычная форма повествования о войне, когда в лаконичном, в несколько печатных строк, солдатском монологе рассказывалось о каком-либо неожиданном эпизоде из солдатской жизни, о мироощущении солдата или воспоминании его о своём доме, жене, детях... В мозаике этих высказываний вырисовывалась картина войны, жизни на войне и жизни в тылу. В каждом высказывании был, как правило, заключён маленький рассказ, сюжет, а в своей совокупности эти отрывки из солдатских разговоров, чрезвычайно колоритные по языку, создавали правдивый образ народа на войне...”

Впервые отрывки из книги “Народ на войне” были опубликованы в журнале “Северные записки” в 1917 году. И следом — в журнале “Народоправство”. Александр Блок, не зная, кто автор повествования, прочитав первые публикации, сделал следующую запись в своём дневнике: “Интересны записки “Солдатских бесед”, подслушанных каким-то Федорченко...” И ещё: “Но записки Федорченко всего интереснее, хотя не знаешь, кто он и что окрашивает, что слышит, что выбирает. Выходит серо, грязно, гадко, полно ненависти,

темноты, но хорошо, правдиво и совестно”. При жизни издать книгу “Народ на войне” полностью (а всего записи составили три тома) Софье Федорченко не удалось. Третий том был напечатан только в 1983 году. А в 1990-м были изданы все три тома вместе.

Первая мировая в окрестностях Барановичей – это и судьба удмуртского поэта Никифора Корнилова (1894–1976). В 1914 году его призвали в царскую армию. В Петергофе окончил школу прапорщиков. Отправили его на фронт, в район Барановичей. В армии Н. Корнилов участвовал в революционном движении. Был избран в комитет солдатских депутатов. Стал кандидатом в члены РКП(б). Никифор Корнилов – автор самой известной и самой любимой удмуртским народом песни “Сказал “прощай” и уехал...”

Если посмотреть на карту Беларуси, то неподалеку от Барановичей можно увидеть озеро Свитязь. Это, правда, уже Гродненщина, Новогрудский район. Но отдохнуть сюда едут и из Барановичей.

А мне на память пришло стихотворение Андрея Вознесенского “Свитязь”. Появилось оно на свет вовсе не случайно. У Андрея Вознесенского – своя сопричастность и к Беларуси, и к Новогрудчине, и к озеру Свитязь.

В последний раз А. Вознесенский приезжал на Свитязь летом 1998 года. Читал стихи у памятника Адаму Мицкевичу. Ранним утром прошёлся у озера. А пригласили его тогда на Новогрудчину белорусские друзья: легендарный председатель колхоза “Советская Белоруссия” дважды Герой Социалистического Труда Владимир Леонтьевич Бедуля, заместитель председателя Союза писателей Беларуси Виктор Герасимович Жак. К приезду Вознесенского и фестиваль поэзии на Свитязи организовали, и книгу стихотворений – “Свитязянский венок” – выпустили. Нашлось в сборнике место и другим “белорусским” стихотворениям Андрея Вознесенского.

А мы пока прервёмся в нашем литературно-географическом путешествии. Остановимся, почтай, в самом начале пути. Хотя адресов русской литературы в Беларуси не счесть. Но об этом расскажут другие страницы.

Скончалась известная русская поэтесса, видный общественный деятель, Оргсекретарь Правления Союза российских писателей, член Президиума Международного Литфонда Абаева Людмила Николаевна.

Абаева Людмила Николаевна родилась в шахтёрском городе Кизеле Пермской области в семье служащих. После окончания средней школы жила в Ленинграде, затем в Уфе (Башкирия), работала журналистом. Окончила в 1983 году Литературный институт им. А. М. Горького (поэтический семинар Анатолия Жигулина).

Людмила Николаевна стояла у истоков создания Союза российских писателей, проводила большую организационную работу, помогая писателям, оказавшимся в трудном положении в “перестроечные годы”, уделяя особое внимание региональным отделениям.

За своё творчество и за свою общественную работу она была награждена Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации, медалью Ф. Тютчева, медалью М. А. Шолохова, медалью А. Т. Твардовского и другими. Она являлась лауреатом Международной литературной премии им. М. А. Волошина, Литературной премии Министерства культуры Российской Федерации.

Правление Союза российских писателей выражает соболезнование всем родным, близким, друзьям и коллегам Людмилы Николаевны Абаевой.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2012 ГОД

ПРОЗА

АНТИПИН Андрей. **Плакали чайки.** Повесть (№ 1)
АРИСТОВ Андрей. **Охота.** Рассказ (№ 9)
БАЗАНКОВ Михаил. **Заповедный круг.** Повесть (№ 10)
БЕЛОЗЁРОВ Андрей. **Праздник для комбатантов.** Рассказ (№ 7)
ВОЛКОВИЧ Александр. **Житная Баба.** Повесть (№ 12)
ВОРОНЦОВ Андрей. **Называйте меня пророком.** Роман (№ 4)
ВУЛЬФОВ Алексей. **Под музыку габрилинских перезвонов.** Рассказ (№ 2)
ГАЛИУЛЛИН Рустем. **Отец и сын.** Рассказ (№ 3)
ГОЛУБИЦКИЙ Юрий. **Утомление наступающего дня.** Рассказ (№ 1)
ГРИБАНОВА Татьяна. **От Рождества до Покрова.** Рассказы (№ 1)
ГУРЬЯНОВ Владимир. **Суровый удел.** Повесть (№ 9)
ЕВСЕЕНКО Иван. **Дмитриевская суббота.** Повесть (№ 5)
ЕРМАКОВ Дмитрий. **Три брата.** Повесть (№ 9)
ЕРЫШЕВА Ольга. **Чужая жизнь.** Рассказы (№ 12)
ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **Красный день календаря.** Рассказ (№ 3)
ИВЕНШЕВ Николай. **Марья Моревна.** Рассказ (№ 3)
ИГУМНОВ Дмитрий. **Палатка.** Рассказы (№ 6)
ИСАЕВ Валерий. **Березницкие брёхни** (№ 10)
ИСМАГИЛОВ Влад. **В другом окопе.** Рассказ (№ 3)
КАСМЫНИН Алексей. **720 часов.** Рассказ (№ 10)
КЕРДАН Александр. **Рассказы майора Игнатенко** (№ 1)
КОСТЮЧЕНКО Наталия. **Предательство.** Повесть (№ 3)
ЛЕБЕДЕВ Александр. **Проверка на прочность.** Рассказ (№ 2)
ЛЕВАНОВИЧ Леонид. **Век.** Рассказ (№ 12)
ЛИХАНОВ Альберт. **Эх вы!..** Повесть-эпитафия (№ 6); **Свора.** Рассказ (№ 10)
МАКАРОВ Юрий. **Ровеньские залепухи** (№ 4)
МАНУЙЛОВ Виктор. **Возвращение.** Рассказ (№ 3)

МАРЧУК Георгий. **Письма к любимой.** (№ 12)
МИХЕЕНКОВ Сергей. **Солдатский маршал.** Роман-биография (№ 5, 6)
МИЦУК Олеся. **В пути.** Рассказ (№ 3)
МУСТАФИН Ямилъ. **Балалаечник.** Рассказ (№ 7)
НИФОНТОВА Юлия. **Спаси мя.** Рассказ (№ 3)
ПАВЛОВ Сергей. **Смертельный номер.** Рассказ (№ 11)
ПАХОМОВ Юрий. **Компониист.** Рассказ (№ 8)
ПОПОВ Михаил. **Встречный марш.** Рассказ (№ 2); **Перформанс.** Повесть (№ 11)
ПРОХАНОВ Александр. **Человек звезды.** Роман (№ 7)
ПРОЦЕНКО Валерий. **Подушка безопасности.** Рассказ (№ 2)
РОДЧЕНКОВА Елена. **Катакомбы.** Рассказ (№ 9)
САЛАМАХА Владимир. **...И нет пути чужого.** Повесть (№ 8)
СБИТНЕВ Виктор. **Смерч.** Рассказы (№ 6)
СЕМЁНОВ Александр. **Зной.** Рассказы (№ 2)
СОЧАЛИН Олег. **Платок.** Рассказ (№ 10)
ТАРАСОВ Александр. **На краю села.** Рассказы (№ 4)
ТРАХИМЁНОК Сергей. **Игла в квадрате.** Рассказы (№ 12)
ФЕДАРЕНКО Андрей. **В Крыму.** Рассказ (№ 12)
ФРОЛОВ Леонид. **Веник.** Рассказ (№ 10)
ЦЫГАНОВ Александр. **Вологодский конвой.** Повесть (№ 1)
ЧИКАРНЕЕВА Виктория. **Следующий.** Рассказ (№ 9)
ЧУГУНОВ Владимир. **Ожидание.** Рассказ (№ 8)
ШАПОВАЛОВ Владислав. **Маршевая рота.** Рассказ (№ 5)

ПОЭЗИЯ

АВРУТИН Анатолий. **Ни судьбы, ни грядущего больше не жаль** (№ 12)
АНИЩЕНКО Михаил. **С недопетой песней на губах...** (№ 9)
АРТЮХОВ Евгений. **Неужто слава отсияла?** (№ 2)

- АРТЮХОВИЧ Юлия. **Такая долгая зима...** (№ 3)
- БАТУРИНА Татьяна. **Иду под небом Русским...** (№ 3)
- БОНДАРЕНКО Станислав. **Сторож брату моему** (№ 4)
- БРОНШТЕЙН Виктор. **Скопили годы радость встреч...** (№ 6)
- БУДАРИН Сергей. **Русь, я спую для тебя** (№ 3); **Сердце с природой в ладу...** (№ 10)
- ВЕРСТАКОВ Виктор. **Русский вопрос** (№ 7)
- ВОРОТНИН Юрий. **И всё ищем, всё ищем потерянный рай...** (№ 7)
- ГОРБУНОВ Анатолий. **Зелёная отчизна** (№ 8)
- ГУСЕВ Евгений. **Великий двор** (№ 6)
- ДЕНИСОВ Николай. **Граница.** Поэма (№ 1)
- ДОНБАЙ Сергей. **Кемеровская хроника** (№ 9)
- ДЬЯЧЕНКО Михаил. **Пусть дни становятся легки** (№ 4)
- ЗАЧЁСОВА Юлия. **Порванные страницы** (№ 3)
- ИВАНТЕР Алексей. **Чем мы остаемся...** (№ 8)
- ИЛЬЮШИНА Наталья. **Розы из снега** (№ 12)
- КАН Диана. **Наивная и мудрая** (№ 1)
- КАРАЧЁВ Михаил. **Холод родного жилья...** (№ 5)
- КЛЮЧНИКОВ Юрий. **Девятый вал вселенских судных вод** (№ 6)
- КОБЗАРЬ Вера. **И ничего как будто не случилось** (№ 4)
- КОЗЛОВ Пётр. **Я вырастил русскую душу...** (№ 4)
- КОНОВСКОЙ Николай. **Поёт безумная сирень** (№ 2)
- КОРОСТЕЛЁВА Валентина. **Природа музыки полна** (№ 3)
- КОРОТКОВ Сергей. **В такой стране я жил и счастлив был...** (№ 10)
- КОЧНОВА Ольга. **Мой голос вплёлся в птичьего голоса...** (№ 10)
- КОШКИН Руслан. **Всё твоё – навсегда с тобой** (№ 7)
- КРЁКОВ Виталий. **Кроткая душа** (№ 2)
- ЛОГВИНОВ (о. Андрей). **Звонарь** (№ 4)
- МАЛИНИН Олег. **Где вы, братья и сестры?..** (№ 3)
- МАРТЫНОВА Елизавета. **А жизнь моя прозрачна и светла** (№ 10)
- МЕТЛИЦКИЙ Микола. **Грустный бродяга** (№ 12)
- МИЗГУЛИН Дмитрий. **А перед Богом все равны...** (№ 9)
- МОЛЧАНОВ Владимир. **Пока жива моя душа...** (№ 4)
- МУКОМИЛОВ Артур. **Плачь, Ярославна!..** (№ 3)
- НИКОЛАЕВА Ольга. **На полках памяти...** (№ 3)
- ОБЪЕДКОВ Анатолий. **Где синева небес чуть-чуть дрожит...** (№ 3)
- ОРЛОВ Борис. **И встал на правом фланге...** (№ 8)
- ПАВЛОВ Алексей. **После разлуки** (№ 10)
- ПАШКОВ Геннадий. **Для тех, кто сердцем ощущает сердце** (№ 12)
- ПЕРЕВЕРЗИН Иван. **И кажется, что вскрыты вены...** (№ 9)
- ПЕРЕСТОРОНИН Николай. **Зимнее солнце** (№ 1)
- ПЕРЕЯСЛОВ Николай. **Испить воды из Божьего следа...** (№ 5)
- ПОДЕЛКОВ Сергей. **Этап.** Лагерная поэма (Вступление Андрея ПОЗДНЯЕВА) (№ 9)
- ПОЗДНЯКОВ Михаил. **Сын синевой Беларуси** (№ 12)
- Поэтическая мозаика** (№ 6, 11, 12)
- РАЧКОВ Николай. **Вы шли на нас такой оравой...** (№ 9)
- СЕЙДАМЕТОВА Карина. **Охранная небесная изба...** (№ 10)
- СЕКАМОВ Денис. **Россия – свет!** (№ 3)
- СЕМИЧЕВ Евгений. **Громыкает Божья битва...** (№ 1); **Байкальские байки** (№ 10)
- СИРОТИН Борис. **“Выпрямлялся стебель души...”** (№ 3)
- СКИФ Владимир. **Сибирский дивизион** (№ 5)
- Стихи поэтов Калмыкии** (№ 7)
- СТРУЖ Василий. **Геополитические стихи** (№ 8)
- СТРУКОВА Марина. **Я не прощаю и не забываю** (№ 4)
- СУХОВ Фёдор. **От российских берёз вдалеке** (№ 3)
- ТЕКУТЬЕВА Татьяна. **Над застывшим лесом** (№ 3)
- ТЮЛЕНЕВ Игорь. **Мы с державой не простились...** (№ 7)
- ФИРСОВ Владимир. **За радугу держась, как за перила** (№ 4)
- ФОКИН Валерий. **Душа моя насквозь пробита...** (№ 5)
- ХАНИН Дмитрий. **Горестная звезда** (№ 3)
- ХАРИС Ренат. **Татарские сонеты** (№ 11)

ХАТЮШИН Валерий. **Помни!** (№ 2)
ЦВЕТКОВ Денис. **Скрипит, скрипит земная ось...** (С предисловием Владимира СКИФА) (№ 1)
ЧЕРКЕСОВ Валерий. **За что достойно умирают** (№ 4)
ШАВКУТА Анатолий. **Воспоминания о любви** (№ 3)
ШАЦКОВ Андрей. **Пусть горит лампада негасимо** (№ 11)
ШИНДИНА Наталия. **Каждый Третий Рим** (№ 3)
ЩЕРБЕНИНА Татьяна. **Смотрю на огонь** (№ 3)
ЭРАСТОВ Евгений. **Это время легко для наитий** (№ 8)
ЯКОВЕНКО Марина. **С белого листочка** (№ 10)

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

АБРАМЫЧЕВ Алексей. **“А он хороший парень...”** (№ 11)
АЙВАЗОВ Александр. **Как нам преодолеть новый кризис?** (№ 6)
АЛЕКСЕЙЧИК Яков. **Ошибка императора** (№ 12)
АНДЕРСЕН Петер. **Мигранты берут Европу на бордаж** (№ 3)
АСФАТУЛЛИН Салават. **Вторжение** (№ 8)
БЕЛИКОВ Юрий. **Берега Леонарда** (№ 4)
БЕЛОУСОВ Сергей. **От столыпинских реформ к современному реформированию** (№ 6)
БОБРОВ Александр. **Это русская память и слава** (№ 8)
БОРТКО Владимир. **Нация должна выражать себя в кино** (Беседа Игоря ШУМЕЙКО с кинорежиссером) (№ 10)
ВАСИЛЬЕВ Алексей. **Ислам на историческом перекрестке** (№ 10)
ВОЛОДИХИН Дмитрий. **Кризис как надежда на очищение** (№ 2); **Две Москвы** (№ 9)
ВОРОНЦОВ Андрей. **Русский язык на Украине – родной!** (№ 7)
ГАНИЧЕВ Валерий. **Буква “ё” спасена** (№ 9)
ГОРЮНКОВ Сергей. **Россия в глобальном мире: чужой и свой тексты** (№ 11)
ГРЕШНЕВИКОВ Анатолий. **Русский лес отдан на разграбление** (№ 10)
ДЕЛЯГИН Михаил. **Как вымирает “благополучная” Россия** (№ 5); **Государство, народ и бизнес** (№ 8)

ДЕНИСОВ Владимир. **Горячая Арктика: русские идут!** (№ 7)
ДОЛГОРУКИЙ Юрий. **Карл Маркс о производствах и современность** (№ 7)
ДРОНОВ Иван. **Утопия и Устав** (№ 2–3)
ЕМЕЛЬЯНОВ Юрий. **Год истории? Этого мало** (№ 10)
ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **Колыбель России** (№ 4)
ЗАРЕЦКАЯ Юлия. **Размышления о науке в эпоху рынка** (№ 6)
ЗОТОВ Станислав. **Кутузов и Наполеон** (№ 8)
ИВАШОВ Леонид. **Безопасность России под угрозой** (Беседа с писателем И. ШУМЕЙКО) (№ 8)
КАЗИНЦЕВ Александр. **Поезд убирается в тупик** (№ 1, 2, 6, 8, 10)
КАРА-МУРЗА Сергей. **Причины краха советского строя** (№ 1); **Стратегия-2020** (№ 3)
КИРВЕЛЬ Чеслав. **Прорыв к духовно-экологической цивилизации** (№ 12)
КИРПИЧНИКОВ Анатолий. **Откуда пошла Русская земля** (№ 8)
КЛЮЧНИКОВ Борис. **Европейцы не желают сгнить в плавильном котле наций** (№ 8)
КОНДРАТЕНКО Алексей. **Губернатор сожжённой Москвы** (№ 9)
КРАСНОВ Пётр. **Антисистема. Быть или не быть?** (№ 7)
КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара. **На земле Лукашенко** (№ 12)
КРУПИН Владимир. **Душа у Вселенной православная** (№ 4)
КУНЯЕВ Станислав. **Характер гиперборейский** (№ 8); **Из дневника третьего тысячелетия** (№ 11)
КУРКИН Борис. **Тоже “победители”** (№ 5)
ЛАВРЁНОВ Павел. **“Здесь начинается Россия...”** (№ 5)
ЛЕМЕШЕВ Михаил. **Выигранная патриотами битва** (№ 12)
ЛЫНЁВ Руслан. **У кого учился Гитлер** (№ 4)
МЕДВЕДЕВА Ирина, ШИШОВА Татьяна. **Политкорректность: школа молодого бойца** (№ 6); **Презумпция любви** (№ 9)
МИРОНОВ Владимир. **России нужна революция. Революция сознания** (№ 9)
МИРОНОВА Татьяна. **Мифы о русском национальном характере** (№ 3)

МЯЛО Ксения. **Всего 20 лет – уже 20 лет** (№ 1–2); **На обочине** (№ 4); **Забытые** (№ 11)

ОГНЁВ Александр. **Огрызок некогда славной газеты** (№ 6)

ОСИПОВ Владимир. **Судьба “православной культуры”** (№ 11)

ПАРПАРА Анатолий. **Державший в руках судьбы народов** (№ 9)

ПИРОГОВ Николай. **Перевёртыш морализирует** (№ 4)

ПОПОВ Владимир. **На углу Краловских Виноградов и Банного переулка** (№ 2)

ПРИЛЕПИН Захар. **Вы приватизировали историческую правду** (№ 9)

ПРОЛЕСКОВСКИЙ Олег, КРИШТАПОВИЧ Лев. **Союзное государство – гарант независимости** (№ 12)

Противление злу насилия (Беседа Станислава КУНЯЕВА и Альберта ЛИХАНОВА) (№ 11)

РАДЗИЕВСКИЙ Виталий. **Украина перед выбором** (№ 9)

РАСПУТИН Валентин. **Поле битвы – сердца людей** (№ 3)

РЫЖКОВ Николай. **О прошлом и будущем. Размышления** (№ 11)

САВЧЕНКО Евгений. **Дело столыпинского масштаба** (№ 4)

СВЕРДЛОВА Ольга. **Трудные судьбы трудных детей** (№ 8)

СЕВАСТЬЯНОВ Александр. **Расчленители** (№ 2)

СЕВЕРИКОВА Нина. **Русский Леонардо да Винчи** (№ 3)

СТЕЙНБЕК Джон. **Русский дневник**. (С предисловием Станислава КУНЯЕВА) (№ 5)

СЫЧЁВА Лидия. **Гельман как “зеркало души” нашей контрреволюции** (№ 4)

УБОГИЙ Андрей. **В стране радости** (№ 1)

УСТИНОВ Альберт. **О простом советском человеке...** (№ 2)

ФРОЛОВ Кирилл, ЛОГИНОВ Кирилл. **“Третий Рим”. Суверенная модернизация** (№ 4)

ФУРСОВ Андрей. **“Реформа” образования сквозь социальную и геополитическую призму** (№ 1)

ЦАГОЛОВ Георгий. **Мир и мы** (№ 5); **Что ускорило шаг “слона”?** (№ 9); **Возможна ли “зелёная” революция в России?** (№ 12)

ШАМИР Израэль. **Кому нужна война в Иране** (№ 8)

ШВЕД Владислав. **Так кто же после этого “империя зла”?** (№ 9)

ШИШОВА Татьяна. **Мать пробуждает совесть** (№ 3)

ШТАНСКИ Нина. **Русский мир – это пространство русского языка** (№ 9)

ШТЫРОВ Вячеслав. **Как нам обустроить Дальний Восток** (№ 12)

ПАМЯТЬ

БОГДАНОВ Вячеслав. **И кланюсь я прошлому опять...** (№ 10)

ВОЛОДИХИН Дмитрий. **Путём покаяния** (№ 11)

ВЫСОЦКИЙ Валерий, КОЗИНЕЦ Геннадий. **Солнцеклонник** (№ 7)

КУНЯЕВ Сергей. **“Ты, жгучий отпрыск Аввакума...”** (№ 1, 2, 4, 7–9, 12)

ПАРЦЕВСКИЙ Алексей. **“Москва сдана не будет!”** (№ 1)

ПАХОМОВ Юрий. **Прощай, Рузовка!** (№ 5)

РОСТОВЦЕВА Инна. **Лирическое, слишком лирическое...** (№ 10)

РУЧЬЁВ Борис. **Полюс**. Отрывок из поэмы (С комментариями А. Штырова) (№ 4)

СЕЧИНСКИЙ Алексей. **Из воспоминаний** (№ 10)

СМЫК Владимир. **Димитрий Дудко – молитвенник за Россию** (№ 2)

СТРИЖЕВ Александр. **Пророк в своём Отечестве** (№ 11)

ФАНКИН Юрий. **Питомец русской Мельпомены** (№ 3)

ШИШАЕВ Борис. **Хроники беды** (№ 8)

КРИТИКА

АННИНСКИЙ Лев. **Краснотал... Чернотал...** (№ 11)

АРТЕМЬЕВ Алексей. **Слово о “Слове”** (№ 6)

БАЖЕНОВА Александра. **О неоценённом человеке** (№ 6)

БАЙБОРОДИН Анатолий. **Упование на чудо** (№ 11)

БЛУДИЛИНА Наталья. **Страх жизни и “ужас” литературы нашего времени** (№ 3)

БОБРОВ Александр. **Солнечный круг** (№ 6)

БОНДАРЕНКО Владимир. **“Но Соломонов сын...”** (№ 10)

ВОДОЛАГИН Александр. **Феноменология русского духа** (№ 4); **Мистерия священной войны** (№ 9)

ГАНИЧЕВ Валерий. **Наши нобелевские лауреаты** (№ 1)
“Гармония для меня – это Бог...”
(Из переписки В. В. БЕЛОВА с В. В. КОЖИНОВЫМ) (№ 10)
ЕФИМОВСКАЯ Валентина. **“Не то, что нынешнее племя”** (№ 9)
ЗЕЛЕНКОВА Ольга. **Забывшие детство** (№ 3)
КАЛЮЖНЫЙ Григорий. **Неугасимая мечта Николая Старченко** (№ 8)
КАРЛЮКЕВИЧ Алесь. **От Бреста – до Барановичей: адреса русской литературы в Беларуси** (№ 12)
КОКШЕНЁВА Капитолина. **“Всё испытывайте...”** (№ 6); **Выстоявший** (№ 10)
КОЛОМИЙЦЕВА Елена. **Настоящий учитель** (№ 7)
КУНЯЕВ Станислав. **“В борьбе неравной двух сердец”** (№ 1–6)
МОНАХОВА Ирина. **Гоголь: комическое, трагическое, героическое** (№ 3)
Наследник классики (Беседа Ксении ЗИМИНОЙ с Андреем РУМЯНЦЕВЫМ) (№ 8)
“Не зря живём...” (Переписка Василия БЕЛОВА и Станислава КУНЯЕВА) (№ 10)
НЕБОЛЬСИН Сергей. **Годы с Петром Палиевским** (№ 5)
ПАВЛОВ Юрий. **“Есенин” без Есенина, или Путь в беспутье** (№ 6); **Елена Чижова: кровь и ярость** (№ 11)
РАЗУМИХИН Александр. **“Бывают странные сближения”** (№ 5)
РАСПУТИН Валентин. **“Избегайте высоких слов для изображения нашей грешной жизни...”** (№ 3)
РОШАЛЬ Евгений, МОСКАЛЁВ Аркадий. **Типа гуру** (№ 9)
СЕМЁНОВА Валентина. **Игрище** (№ 8)
СЕРЁГИНА Светлана. **“До слёз любя страну родную...”** (№ 3)
СКАТОВ Николай. **Русская мадонна** (№ 8)
СУББОТИН Сергей. **“Моя королева – Русь!..”** (№ 4)
ТАТАРИНОВ Алексей. **Вадим Кожинов и Юрий Кузнецов: творцы эпического романа** (№ 7); **Смерть русского героя** (№ 11)
УРНОВ Дмитрий. **Как Сталин “Гамлета” запретил** (№ 2)
УХАНОВ Иван. **Душа народа зреет в непогоду** (№ 9)
ШИШКИН Евгений. **Кина не будет?** (№ 3); **Милые черты знакомого портрета** (№ 6)

ЯГОДИНЦЕВА Нина. **Опыт пассионарности** (№ 1)

СРЕДИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

БОЧКОВ Александр. **Здесь русский дух...** (№ 1)
РОГОВ Анатолий. **Волга и леший** (№ 2)
ФЕДОРЕЦ Анна. **Образ Сергия Радонежского в живописи Михаила Васильевича Нестерова** (№ 5)

СЛОВО ПИСАТЕЛЕЙ

“Русское эхо разнесёт” (№ 2)

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

“Бесстрашное провозглашение правды...” (№ 5)
“Мы делаем добрые дела” (№ 6)
О мире, о церкви, о людях... (№ 7)
“Родина требует служения...” (№ 9)

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

БИДОЛАХ Василий. **Использовать опыт истории** (№ 3)
ОСИПОВ Владимир. **Как фабрикуют “дела” по “экстремизму”** (№ 3)

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

БОРИСОВА Елена. **“Кровавое солнце позора”** (№ 10)
ВОЛОДИХИН Дмитрий. **Сибирское узорочье** (№ 8)
ДМИТРОВСКИЙ Алексей. **Мысль и воля** (№ 11)
ДОБЫШ Георгий. **С любовью к Большому** (№ 9)
ЗОТОВ Станислав. **Преображение души** (№ 10)
КОСЯКОВ Павел. **Пять поэтов** (№ 11)
КУРБАТОВ Валентин. **Свидетель обвинения** (№ 11)
ЛЕПАХИН Валерий. **Большой и нужный труд, не свободный от погрешностей** (№ 9)

НЕСТРУГИН Александр. **Настоящие люди** (№ 8)
ПРОНСКИЙ Владимир. **Построить свой корабль** (№ 4)
РОДИН Владимир. **Глупость или измена?** (№ 11)
ШУЛАКОВ Сергей. **Не уноси меня, река...** (№ 10)

РУССКИЕ СУДЬБЫ

СТРУКОВА Марина. **О предках – тамбовских и рязанских** (№ 11)
УРЮПОВА Ирина. **Россия. Судьба...** (№ 7)

МИР КОЖИНОВА

КРИЖАНОВСКИЙ Николай. **Русские уроки Вадима Кожина** (№ 7)
ЧУКОВА Юлия. **Мыслитель** (№ 7)

ПИСЬМО В НОМЕР

Переделкинская **“поджигайловщина”** (№ 11)

ПАРНАС СМЕЁТСЯ

ЛИПСКИЙ Владимир. **Автюковские потешки** (№ 12)

ЭХО ЮБИЛЕЯ

Поздравления **С. Ю. Куняева с 80-летием** (№ 12)
Над миром и временем власть...
(Стихи, посвящённые Станиславу КУНЯЕВУ) (№ 12)

Творческие итоги 2011 года (№ 1)

.....
Информируем читателей, что в номерах 1—12 за 2012 год редакцией реализуется разработанный ею социально значимый проект “Времён связующая нить” (исторические юбилеи 2012 года и задачи становления новой российской государственности в литературе)”.

Проект осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.